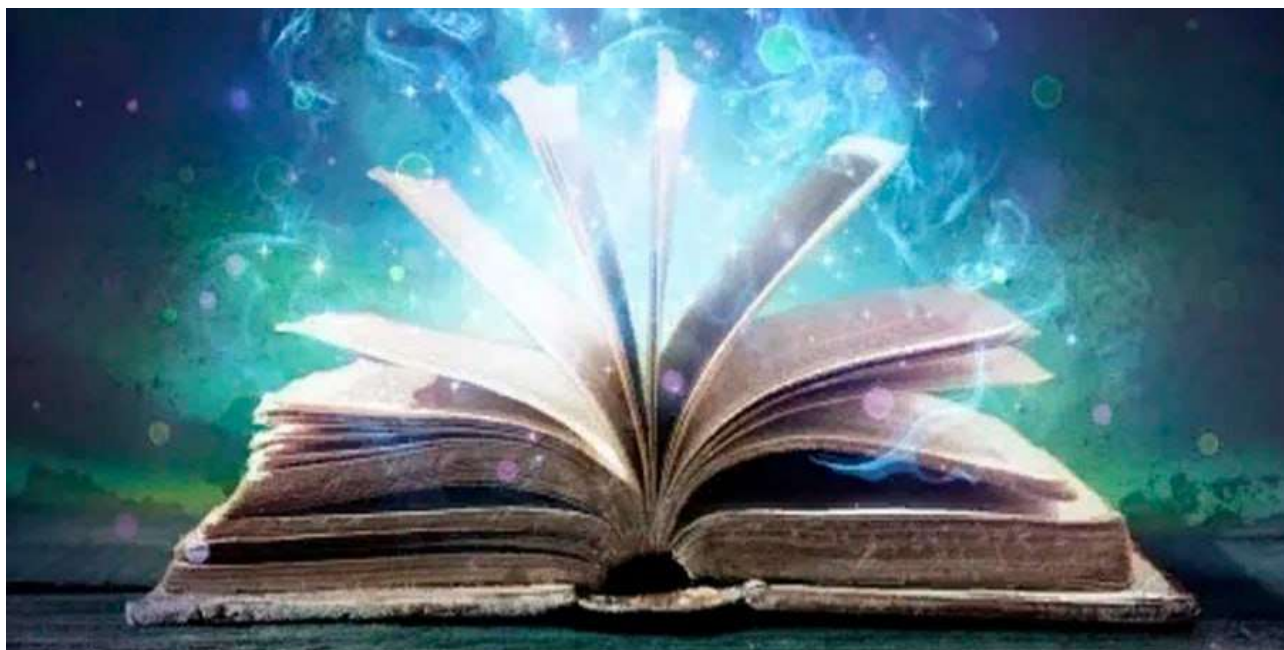

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРИСТИКИ: ФИЛОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА, МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

Материалы Международной
научно-практической конференции

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И
ИННОВАЦИИ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**АНДИЖАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ
ЯЗЫКОВ**

**АНДИЖАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ**

**ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И. Я. ЯКОВЛЕВА**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
(МАПРЯЛ)**

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ
ГУМАНИТАРИСТИКИ: ФИЛОЛОГИЯ, МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ,
ПЕДАГОГИКА**

*Сборник материалов ежегодной международной научно-практической
конференции*

Москва 2023

УДК 37.013
ББК 74.04я43
П78

Редакционная коллегия:

Рустамов Д.А. – доктор филологических наук, доцент, ректор Андиганского государственного института иностранных языков

Расулов Б.М. – доктор исторических наук, профессор, ректор Андиганского государственного Педагогического института

Кожанов И.В. – проректор по научной и инновационной работе Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева, доктор педагогических наук, доцент

Кириллов А.А. – начальник Управления научной и инновационной работы Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева

Курбанов М.А. – проректор по подготовке научно-педагогических кадров, научных исследований и инноваций Андиганского государственного института иностранных языков, доктор философии по филологическим наукам (PhD)

Шахобиддинова Ш. Х. – доктор филологических наук, профессор Андиганского государственного университета

Курунов Д. Х. – доктор филологических наук, профессор Андиганского государственного университета

Набиева Д. А. – доктор филологических наук, профессор Андиганского государственного университета

Нурманова Д.А. – доктор филологических наук, доцент Андиганского государственного университета

Каминская Е.М. – доктор филологических наук, доцент Национального университета Узбекистана

Хайдарова Н. А. – доктор философии по филологическим наукам (PhD), заведующий кафедрой теории русского языка и переводоведения Андиганского государственного института иностранных языков

Адыгезалова М.Н. – доктор философии по филологическим наукам (PhD), старший преподаватель кафедры теории русского языка и переводоведения Андиганского государственного института иностранных языков

Алтышева Ё.М. – доктор философии по филологическим наукам (PhD), старший преподаватель кафедры теории русского языка и переводоведения Андиганского государственного института иностранных языков

П78 Проблемы и перспективы современной гуманитаристики: филология, методика преподавания, педагогика: сборник материалов международной научно-практической конференции. – М.: «Издательство Перо», 2023. – с. – Мб. [Электронное издание].

ISBN 978-5-00218-325-8

В сборнике материалов ежегодной Международной научно-практической конференции опубликованы статьи, доклады ученых Узбекистана, России, Белоруссии, Турции, Туркмении, Азербайджана, Таджикистана, Ирана и других стран. Рассматриваются проблемы методики преподавания гуманитарных областей наук в Высшей школе, а также теоретические аспекты и практические вопросы современной и прикладной педагогики и психологии, актуальные проблемы литературоведения, современные вопросы переводоведения и языкознания. Издание адресовано филологам, культурологам, методистам, преподавателям ВУЗов и всем интересующимся современными проблемами гуманитаристики, педагогики, методики преподавания, языкознания и литературоведения.

За содержание и аутентичность работ ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

УДК 37.013
ББК 74.04я43

© Андиганский государственный институт иностранных языков, 2023
© Андиганского государственного Педагогического института, 2023
© Чувашский государственный педагогический университет, 2023
© Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы, 2023
© Коллектив авторов, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Абдуллаева Д.Р.	
ДВОРЯНСКАЯ УСАДЬБА В ТВОРЧЕСТВЕ И.БУНИНА.....	8
Абдунабиева Р.Х., Алтмишева Е.М.	
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИЗОБРАЖЕНИЯ ОБРАЗА БАБУРА В РОМАНЕ П.КАДЫРОВА «ЗВЕЗДНЫЕ НОЧИ».....	12
Алтмишева Е.М.	
ПРОБЛЕМА АУТЕНТИЧНОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА ПРИ ПЕРЕВОДЕ МЕМУАРНЫХ ТЕКСТОВ.....	16
Аль Мугаммай Аззам Ахмад	
ПОНЯТИЕ И ФУНКЦИИ МЕТАФОРЫ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ; ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА.....	19
Анташева В.Г., Захарова О.И.	
ПРОКСЕМИКА И ЭТИКА ОБЩЕНИЯ.....	25
Аскарова Фания Маратовна	
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА.....	30
Павельева Т.Ю., Астафьева А.Д.	
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДИМОСТИ ЛАКУНАРНЫХ ЕДИНИЦ.....	34
Ахмаджонова М.А.	
ОСОБЕННОСТИ ТИПА «ТУРГЕНЕВСКОЙ ДЕВУШКИ» II-пол. XIX ВЕКА.....	39
Ахмедшина Л.Р.	
ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ.....	44
Ашрапов Б.П.	
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ АНГЛИЙСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВИСТОВ.....	48
Аюпов С.М.	
ЗА МАСКОЙ ГЕРОЯ: О ТУРГЕНЕВСКИХ ПЕЙЗАЖАХ В ЧЕХОВСКОМ ЭТЮДЕ «В ЛАНДО».....	51
Аюпова С.Б.	
«ТУРГЕНЕВЫ РАЗНЫЕ БЫВАЮТ»: РЕЦЕПЦИЯ КЛАССИКА ЧЕХОВЫМ В ПИСЬМЕ К БРАТУ АЛЕКСАНДРУ.....	56
Бадалова Н.Б.	
ГЕНЕЗИС И ПОЭТИКА ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ МИХАИЛА БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА».....	61
Байбекова К.Р.	
ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ЛИГВОДИДАКТИЧЕСКОГО И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ ПРИ РАБОТЕ С ТЕКСТОМ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ.....	65

Чагарова Л.А.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ
КОММУНИКАТИВНЫХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ МЛАДШИХ
ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРЕДМЕТА «ОКРУЖАЮЩИЙ
МИР».....69

Биджиева Зарема Солтан – Муратовна

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЭЗИИ А. БЛОКА В ШКОЛЕ.....74

Богданович Г.А., Мамазоирова Д.У.

ПРИМЕНЕНИЕ АЛГОРИТМОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТЕМЫ
«СЛОВООБРАЗОВАНИЕ».....77

Бройтман М.С., Яцко А.

ЗВУКОВОЙ СИМВОЛИЗМ В ИСПАНСКОЙ ПОЭЗИИ.....81

Данилова Е.А., Данилова Н. В.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМЕННЫХ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ.....89

Жарикова О.В., Курылко М.Э.

ПЕРВАЯ ОЛИМПИАДА РУССКИХ ФУТУРИСТОВ.....94

Гаврилова И.В., Журина М.И.

ПОЛИКОДОВЫЕ ТЕКСТЫ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ В
УСЛОВИЯХ СМЕШАННОГО ТИПА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....99

Загороднева Е.В.

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ КАК ПРОЯВИТЕЛЬ
АНДРОЦЕНТРИЧНОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА.....105

Зайнуллин И.Р.

ТЕЛЕАУДИРОВАНИЕ КАК ВИД РЕЦЕПТИВНОЙ РЕЧЕВОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....108

Икрамов М.Ш.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ
ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ.....113

Исломова Д.

О НЕКРОНИМИЧЕСКИХ ИНДИКАТОРАХ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА.....116

Карабаева А.С.

СПЕЦИФИКА СВЕРХКРАТКИХ СЮЖЕТНЫХ РАССКАЗОВ.....120

Zulfiya Kulmanova, Ainur Esetova

LANGUAGE AND RELIGION.....125

Lesnikov S.V.

NUMERICAL METHOD FOR EVALUATING PHILOSOPHICAL DICTIONARIES OF THE
RUSSIAN LANGUAGE.....132

Маткулова Гулбахор Юсуф кизи	
КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ЛИРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Э. АСАДОВА (на примере стихотворения “Я могу тебя очень ждать...”)	143
Махмадалиева С.У.	
ТЕМА «ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.С. ТУРГЕНЕВА	146
Махаммаджонова Н.Н.	
УПОТРЕБЛЕНИЕ ЭКСПРЕССИВНЫХ И УМЕНЬШИТЕЛЬНО-ЛАСКАТЕЛЬНЫХ СУФФИКСОВ В СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ	148
Махмудова Д.Д.	
ВИДЫ ИЗЛОЖЕНИЙ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА	153
Махмудова М.В., Ядгарова С.Б.	
КОНЦЕПТ «ПРИРОДА» В ИЗОБРАЖЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ МАЛОЙ ПРОЗЫ К.Г. ПАУСТОВСКОГО	159
Новрузов Р.М., Новрузова Г.Ф.	
К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА СУФИЙСКИХ ТЕКСТОВ	163
Невельская-Гордеева Е.П.	
СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОФИЗМОВ	167
Nuriyeva Nurana Majid	
ORIENTALISM AND ALLUSION TO THE QURAN IN EDGAR ALLAN POE’S POEM “THE RAVEN”	171
Нурманов А.Т.	
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАБОТЫ С ТЕКСТАМИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	176
Osmanova Malahat Nazim	
XX CENTURY AZERBAIJANI-GERMAN NOVEL: PROBLEMS AND PERSPECTIVES	183
Павельева Т.Ю.	
РОЛЬ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	188
Павельева Т.Ю., Астафьева А.Д.	
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДИМОСТИ ЛАКУНАРНЫХ ЕДИНИЦ	193
Парпиева Н.С., Юлчиева А.Т.	
СИМВОЛИКА ЦВЕТОВ В ПОЭЗИИ АННЫ АХМАТОВОЙ	197
Парпиева Н.С.	
ЭСТЕТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ПРИРОДЫ В РАССКАЗАХ К. ПАУСТОВСКОГО	201
Пирогова Н.Г.	
THE USE OF GRADED READERS IN EARLY ENGLISH LANGUAGE INSTRUCTION	205

Рузметов С.А., Муталлапова О.Р. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАИМСТВОВАННЫХ ТЕРМИНОВ СФЕРЫ МЕДИЦИНЫ В РЕЧИ УЗБЕКОЯЗЫЧНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ.....	208
Sarivalli Leila Ramis THE EMBODIMENT OF AMERICAN REALITY IN SHERWOOD ANDERSON'S CREATIVITY.....	211
Скрыльников Ю.С. ОБ ОДНОМ ЗНАЧЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ.....	215
Солижонova Г.Т. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ УЗБЕКСКИХ СКАЗОК.....	218
Солижонova Г.Т. ТРАДИЦИОННЫЕ СКАЗОЧНЫЕ ФОРМУЛЫ В УЗБЕКСКИХ И РУССКИХ ВАРИАНТАХ СЮЖЕТА “ЧУДЕСНЫЕ ДЕТИ”.....	221
Tagizada Ilaha Qadir SOCIAL-PSYCHOLOGICAL STORIES IN THE CREATIVITIES OF ALICE MUNRO AND AFAG MASUD.....	226
Тафикмирзаева Г.У. ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОПОЭТИКИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИКИ М. ЦВЕТАЕВОЙ).....	230
Тухтасинова Н. ЛИНГВОПОЭТИКА КАК ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА.....	233
Трунова Е.Г., Ненахова П.С. ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОРЫ В РЕЧИ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ДЖ.БАЙДЕНА).....	237
Турсунова Л.Б. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО И КРАЕВЕДЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА В.Г.РАСПУТИНА «ИЗБА»).....	243
Уланович О.И., Воронович Е.С. КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ ДИСКРЕДИТАЦИИ ОППОНЕНТА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ.....	249
Франчук Ю.А. ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ МОДУС РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАРИТОРИКИ.....	254
Халилова С.И. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВИЗМА.....	259
Халиляева Э.Р. РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СЛЕНГЕ УЗБЕКСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	262
Хамидова А.С. САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ СЕМИКЛАССНИКОВ.....	265

Xodjomiyarova S.R.

ЭКЗОТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ТВОРЧЕСТВЕ С.А. ЕСЕНИНА

(НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА СТИХОВ «ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ»)... 270

Худоярова М.

ИЗУЧЕНИЕ КОНЦЕПТА В ИСТОРИЧЕСКОМ, КУЛЬТУРНОМ, ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПЛАНЕ 273

Холмирзаева Р.А.

АЛЕКСАНДР БЛОК: МУЗЫКАЛЬНОСТЬ ЛИРИЧЕСКОГО ОБРАЗА 276

Хайдарова Н.А.

МИФОПОЭТИКА ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ УЗБЕКИСТАНА.....280

Юркина Т.Н.

ИЗУЧЕНИЕ ФОРМ ИМПЕРАТИВА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ.....290

Якубова А.А.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В ТАДЖИКСКОЙ ШКОЛЕ С УЧЕТОМ СИСТЕМНЫХ СВЯЗЕЙ И ОТНОШЕНИЙ.....295

Курбанов М.А.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ РЕЧИ ПОСРЕДСТВОМ КУЛЬТУРЫ, ОБЫЧАЕВ, ФОРМ ЭТИКЕТА..... 301

Саидходжаева Г.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА ЛИРИЧЕСКИХ И ПРОЗАИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ.....306

Курбанов М.А., Вахидова Н.З.

МУЛОҚОТДА ПАРАЛИНГВИСТИК ВОСИТАЛАРНИНГ РОЛИ ВА ЎРНИ..... 312

Д. Р.Абдуллаева
Андижанский государственный институт иностранных языков
(Узбекистан, г.Андижан)
Научный руководитель – PhD
Н.А.Хайдарова
nasiba1701@mail.ru

ДВОРЯНСКАЯ УСАДЬБА В ТВОРЧЕСТВЕ И.БУНИНА

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые особенности реализации понятия «дворянская усадьба» на примере творчества известного русского писателя и поэта И.Бунина

Ключевые слова: дворянская усадьба, поэзия, проза, образ.

Дворянская усадьба в творчестве И.Бунина. В творчестве многих поэтов и писателей начала XX века присутствует тема русской деревни, дворянского усадебного быта. Размышления на эту тему отражены в работах любимого писателя нескольких поколений - Ивана Бунина.

Для большинства из нас Бунин является представителем очень лиричной и душевной литературы. Известно, что его манеру письма нередко называют "поэтической прозой". Действительно, несмотря на отсутствие стихотворного уклада, тексты Бунина всегда наполнены поэтической мелодичностью и особым чувственным очарованием. С особенным лиризмом (на грани с трагизмом) писатель рассуждает о судьбе дворянской усадьбы. Сам Бунин являлся выходцем из старинной дворянской семьи, поэтому прекрасно понимал суть изображаемого, пропуская каждое переживание через собственную душу.

Деревенский мир в произведениях Бунина, прежде всего, рассматривается в контексте прошедших революционных преобразований 1917 года, которые поставили дворянские гнезда на грань вымирания. С большой теплотой и любовью писатель вспоминает существовавшие некогда патриархальные традиции и устои, на смену которым пришли голод, нищета и полное разорение культурных очагов. Картины изображения русской деревни плавно перетекают в рассуждения о стране в целом: какое будущее ждет страну, которая встала на путь постепенного забывания своего исторического прошлого?

Обреченность дворянского мира и его нахождение на грани вымирания особенно ярко показано писателем в рассказе "Суходол". Очень символична в этом плане смерть одного из главных героев, старого дворянина Хрущева, от руки незаконнорожденного сына. Здесь читается авторская мысль о неизбежной гибели любимой дворянской усадьбы. В статье рассматривается важнейшая тема бунинского творчества – тема русской дворянской усадьбы, которая является для

писателя олицетворением Родины, красоты, многовековой культуры, духовного идеала.

Именно русская дворянская усадьба ассоциируется у писателя с понятиями Родины, красоты, многовековой богатой культуры, духовного идеала. Поэтому такой горечью полны произведения художника, рассказывающие о гибели, уходе в прошлое не только дворянских гнезд и их обитателей, но целой эпохи в русской жизни и культуре.

Часто в бунинских рассказах за конкретным изображением усадьбы проступает обращение к миру в целом. Так, в произведениях часто повторяется мотив звездного неба, связанный с сопоставлением частного мира отдельной личности и мира непреходящего, вечного. Усадьба представляет собой отдельный мир, который живет по своим законам, и в то же время этот мир - часть целого. Разрушение связей в этом пространстве, утрата целостности бытия знаменует собой изменение самого человека, его души.

Произведения писателя 90-х годов в целом создают незабываемую картину той русской жизни, в которой было нечто неповторимое, позже навсегда утраченное: чувство слитности с природным миром, со всем живым на земле, ощущение радости земного бытия. Поэтому главным в бунинских произведениях оказывается постижение философско-нравственного смысла образа усадьбы. В творчестве многих поэтов и писателей начала XX века присутствует тема русской деревни, дворянского усадебного быта. Размышления на эту тему отражены в работах любимого писателя нескольких поколений - Ивана Бунина.

Для большинства из нас Бунин является представителем очень лиричной и душевной литературы. Известно, что его манеру письма нередко называют "поэтической прозой". Действительно, несмотря на отсутствие стихотворного уклада, тексты Бунина всегда наполнены поэтической мелодичностью и особым чувственным очарованием. С особенным лиризмом (на грани с трагизмом) писатель рассуждает о судьбе дворянской усадьбы. Сам Бунин являлся выходцем из старинной дворянской семьи, поэтому прекрасно понимал суть изображаемого, пропуская каждое переживание через собственную душу. Деревенский мир в произведениях Бунина, прежде всего, рассматривается в контексте прошедших революционных преобразований 1917 года, которые поставили дворянские гнезда на грань вымирания. С большой теплотой и любовью писатель вспоминает существовавшие некогда патриархальные традиции и устои, на смену которым пришли голод, нищета и полное разорение культурных очагов. Картины изображения русской деревни плавно перетекают в рассуждения о стране в целом: какое будущее ждет страну, которая встала на путь постепенного забывания своего исторического прошлого? Обреченность

дворянского мира и его нахождение на грани вымирания особенно ярко показано писателем в рассказе "Суходол". Очень символична в этом плане смерть одного из главных героев, старого дворянина Хрущева, от руки незаконнорожденного сына. Здесь читается авторская мысль о неизбежной гибели любимой дворянской усадьбы.

Тема разоряющихся дворянских гнезд на рубеже XIX-XX веков была одной из самых популярных. (Вспомните, например, пьесу А. П. Чехова "Вишневый сад".) Для Бунина она очень близка, ведь его семья была среди тех, чьи "гнезда" были разорены. Еще в 1891 году он задумал рассказ "Антоновские яблоки", но написал и издал его только в 1900-м. Рассказ имел подзаголовок "Картины из книги "Эпитафии". Об осени, об антоновских яблоках – это хроника жизни природы, отмеченная по месяцам (с августа по ноябрь). Она состоит из четырех небольших главок, и каждая посвящена определенному месяцу и работам, которые в этом месяце проводят в деревне.

Повествование ведется от первого лица: "Вспоминается мне ранняя погожая осень", "Вспоминается мне урожайный год", "Вот я вижу себя снова в деревне...". Часто фраза начинается словом "помню". "Помню раннее, свежее, тихое утро... Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и – запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести". Тема памяти в рассказе – одна из главных. Память так остра, что повествование часто ведется в настоящем времени: "Воздух так чист, точно его совсем нет, по всему саду раздаются голоса и скрип телег", "всюду сильно пахнет яблоками". Но острая тоска по прошедшему изменяет время, и о недавнем прошлом герои-рассказчик повествует как о далеком: "Эти дни были так недавно, а меж тем мне кажется, что с тех пор прошло чуть не целое столетие".

Бунин останавливается на привлекательных сторонах помещичьего быта: близости дворян и крестьян, сращенности жизни человека с природой, ее естественности. Любовно описываются прочные избы, сады, домашний уют, сцены охоты, разгульные пирушки, крестьянский труд, трепетное общение с книгами, старинная мебель, гостеприимство с хлебосольными обедами. Патриархальная жизнь предстает в идиллическом свете, в очевидной ее эстетизации и поэтизации. Автор сожалеет об ушедшей из жизни гармонии и красоте, о мирном течении дней, о прозаическом настоящем, где выветривается запах антоновских яблок, где нет гончих, нет дворни и самого хозяина – помещика-охотника. В конце, в описании поздней осени звучит откровенная грусть.

По словам современного литературоведа В. А. Келдыша, "подлинный герой рассказа – великолепная русская осень со всеми ее красками, звучаниями

и запахами. Соприкосновение с природой, дарующее чувство радости и полноты существования, – таков основной ракурс, художнический угол зрения”.

И все же... Читающая публика все еще воспринимала Бунина как поэта. В 1909 году он был избран почетным членом Российской академии наук: “Конечно, как поэта венчает И. А. Бунина академия, – отмечал критик А. Измайлов. – Как рассказчик, он сохраняет в своем письме ту же значительную нежность восприятия, ту же грусть души, переживающей раннюю осень”.

В оценке первой русской революции 1905-1907 годов Бунин был сдержан. Подчеркивая свою аполитичность, в 1907 году он уехал путешествовать вместе с женой, Верой Николаевной Муромцевой, женщиной умной и образованной, которая стала его преданным и самоотверженным другом на всю жизнь. Они прожили вместе много лет, а после смерти Бунина она готовила к изданию его рукописи и писала биографию “Жизнь Бунина”.

В творчестве писателя особое место занимают очерки – “путевые поэмы”, родившиеся в результате странствий по Германии, Франции, Швейцарии, Италии, Цейлону, Индии, Турции, Греции, Северной Африке, Египту, Сирии, Палестине. “Тень птицы” (1907-1911) – так называется цикл произведений, в котором дневниковые записи, впечатления от увиденных мест, памятников культуры переплетаются с легендами древних народов. В литературной критике этот цикл называют по-разному – лирическими поэмами, рассказами, путевыми поэмами, путевыми заметками, путевыми очерками. (Читая эти произведения, поразмышляйте, какое жанровое определение наиболее полно характеризует произведения Бунина. Почему?)

В этом цикле писатель впервые взглянул на происходящее вокруг с точки зрения “гражданина мира”, написал, что “обречен познать тоску всех стран и всех времен”. Такая позиция позволила ему иначе оценить события начала века в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Шмелев, И.С. Слово на чествовании И. Бунина / И.С. Шмелев // Уроки литературы. - 2001. - № 3. - С. 2.

Бунин, И.С. Собр. соч.: в 4-х т. / И.С. Бунин. - М., 1988. – Т. 1. - С. 247. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.

Ершова, Л.В. Усадебная проза И.А. Бунина / Л.В. Ершова // Филологические науки. - М., 2001. - № 4. – С. 23.

D. R. Abdullaeva

Andijan State Institute of Foreign Languages
(Uzbekistan, Andijan)

Scientific adviser - PhD N.A. Khaidarova
nasiba1701@mail.ru

NOBLE ESTATE IN THE WORK OF I. BUNIN

Annotation. This article discusses some features of the implementation of the concept of "noble estate" on the example of the work of the famous Russian writer and poet I. Bunin

Key words: noble estate, poetry, prose, image.

Р.Х. Абдунабиева

Андижанский государственный институт иностранных языков

rayhonabdunabiyevaa@gmail.com

Ё.М.Алтмишева

(Узбекистан, г.Андижан),

majidovna@mail.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИЗОБРАЖЕНИЯ ОБРАЗА БАБУРА В РОМАНЕ П.КАДЫРОВА «ЗВЕЗДНЫЕ НОЧИ»

Аннотация. В статье описываются особенности изображения автором образа главного героя – Бабура.

Ключевые слова: исторический роман, героизм, образ Бабура, исторический образ.

Произведение искусства выделяется не тем, о ком или о чем оно, а тем, как оно написано. Наши писатели понимают, что история и великие общественные процессы в ней совершаются людьми, что духовный образ исторических деятелей определяет общественный вес исторических событий. Роман «Звездные ночи» писателя Пиримкула Кадырова – историко-биографический роман. Поскольку основанный на ней сюжет освещен условиями определенного периода, в центре произведения находится жизнь народа, жизнь страны, исторические личности, жизненный путь Захириддина Мухаммада Бабура.

Художественная литература, как и другие виды искусства, отражает жизнь, душевное состояние и мысли людей в ней. Жизнь всегда состоит из средств к существованию людей, труда, борьбы, чувств, переживаний. Образный предмет литературы – это, прежде всего, человек. Соответственно, центральным понятием в науке о литературоведении является понятие герой- человеческий образ. Существуют широкое и узкое значения понятия образ-символ. Если понятие символа в широком смысле означает сцену жизни, пронизанную мыслями и чувствами творца, то в узком смысле он представляет собой человеческую фигуру, отраженную в произведении искусства. Художественный образ – эстетическая категория, характеризующая действительность, приспособлявая и изменяя ее уникальным для искусства способом. Также

Образом называется любое событие, творчески воссозданное в художественном произведении.

В образе смешиваются объективное восприятие и субъективное творческое мышление. Специфические особенности художественного образа ярко проявляются в отношении к реальной действительности и мыслительному процессу. Являясь художественным отражением действительности, образ имеет эмоционально ясные, материально законченные, зрелые характеристики реального предмета. Художественный образ не следует путать с реальным предметом; оно отличается от реальной действительности своей условностью и символизмом и образует внутренний «иллюзорный» мир произведения. Образ не есть простое восприятие действительности, а обобщает ее, выявляет наиболее существенные, неизменные, устойчивые, литературные стороны отдельного, преходящего, случайного события.

Автор «Звездных ночей» работал над этим романом десять лет. В основу легли мемуары Бабура «Бабурнаме», воспоминания Гульбаданбегим – «Хумаюннаме», «История Рашиди» - Мухаммада Хайдара Дуглата. Роман посвящен жизни всемирно известного узбекского правителя, известного поэта, обладателя энциклопедических знаний своего времени Захириддина Мухаммада Бабура и считается прекрасным образцом современного узбекского романиста. Он сказал, что это результат его преданности личностям Амира Темура и Бабура Мирзо в студенческие годы.

Время в романе служит инструментом для освещения жизненного пути главного героя - Бабура. Тем не менее, время в произведении можно разделить на время Тахира, время Рабии, время дяди Фазлиддина, время Умаршайха Мирзо и других персонажей. Эти образы и изображение отведенного им времени направлены на одну цель, полнее воплотить время и среду, в которой жил Бабур. Время и среда служат тому, чтобы с помощью художественных красок ярче нарисовать в глазах читателя разные стороны образа Бабура.

После смерти Умаршайха заботы о престоле заставляли Бабура постоянно думать и искать. Даже в такой сложной ситуации он пошел против воли одного из буйных беков, Ахмада Танбала, и спас свою сестру Ханзада-бегим от агрессии бека.

« – Я ищу справедливости от твоего чистого сердца! Что велит твое сердце, ты велит мне! Я согласен!

Бабур вскочил, взял сестру за руки и поднял ее.

-Не плачь, остановись! – сказал он, но сам Бабур еле сдерживал слезы.

-Ты ближе ко мне, чем все мои друзья. Ты мой единственный хозяин. Я посмотрю, будет ли больно из-за тебя. Успокойся! Пока я не уйду, я не передам тому, кто тебе не нравится» [2, с. 153].

На страницах романа мы встречаем Бабура как активного участника всех событий, описанных в произведении. Иногда в разгар сражений, иногда в долгих походах, иногда в творческих занятиях, литературных беседах, иногда на вечеринках или сидящего с друзьями с хорошим чувством юмора во время охоты, иногда в ходе бесед со строителями, каменщиками и во многих других ситуациях.

Он проявляется во всем этом – в победах и поражениях, успехах и неудачах, мудрости и ошибках, борьбе и досуге, радостях и горестях, смелости и благословениях, счастье и отчаянии. В качествах, определяющих Бабура, выделяются стремление к развитию султаната Темуридов, его усилия по созданию политически и экономически жизнеспособного государства. В этой борьбе он показан смелым, дальновидным человеком и умелым полководцем. Бабур, с юных лет вынужденный взяться за меч, изучает боевое искусство и совершенствует его. Своим мужеством и упорством в боях он подает личный пример окружающим, вдохновляя воинов на победу.

Бабур «... имел полные и основательные знания по правам ислама, знал наизусть Куръан с детства, считался приверженцем Ходжа Ахрара Вали, был учеником Ходжа Кази - мурида Ходжа Ахрара, хорошо разбирался в шариате» [1, с. 61]. Он уважал религиозные убеждения своих воинов, святых и религиозных людей, однако не позволял им вмешиваться в его политические проблемы и не принимал советов о сектантстве, а также не позволял распространять во дворце другие спорные вопросы. Благочестивый мусульманин, он не был склонен к сектантским «фантазиям», всегда держал себя с ними наравне и относился к ним по-дружески... Бабур не только изменил политическую ситуацию в стране, но и объединил королевство с западными провинциями. Во время правления султанов границы были заброшены. Бабур основал свое государство между Афганистаном и Индией, а затем укрепил северные и южные границы посередине. Когда-то это было поле битвы, здесь была оживленная торговля - стал коммерческим и культурно-образовательным центром».

Время играет важную роль в становлении Бабура как человека, личности и руководителя, особенно в формировании его характера и в изучении государственного управления и его процедур, в появлении качеств, характерных для царя и поэт, которые противоречат друг другу.

Хронотоп дороги в художественной литературе бесконечен, как время. В «Звездных ночах» образу дороги отводится много места. Невозможно не иметь образа дороги в романе, место которого столь же обширно, как Туркестан, Афганистан и Индия. Автор отразил не только главного героя, но и пути зодчего

Фазлиддина, историка Хондамира, Таира. Эти образы не повторяют друг друга, как и жизни героев произведения.

При создании образа Бабура писатель особое внимание уделяет раскрытию общественной жизни и исторических условий того времени, духовности героя, его деятельности как зрелой личности через поведение персонажей. Действительно, в романе «Звездные ночи» историческая социальная среда, то есть интересы престола, постепенно начинают давить на мысли Бабура, его справедливые взгляды, его чистые чувства.

Многие характеристики этого темуридского султана известны нам из историко-мемуарных источников. Но эти источники дают только простую информацию о Бабуре. Выбирая в произведении часть исторических событий, отражающую деятельность Бабура, которая непосредственно служит раскрытию характера героя, автор придает особый художественный лоск даже самому маленькому эпизоду. Художник не ограничивается историческими событиями, а укрепляет тесную связь событий жизни Бабура достоверными художественными фактурами.

Хотя Бабур не смог воссоединить государство своего деда Амира Тимура, ему удалось создать мирное и миролюбивое государство в Индии. Свои мнения по этому поводу высказывали многие известные ученые и писатели: Румер Годен: «Хотя государство, созданное Бабуrom, не распространилось на обширные области, как государство его дедов, но он достиг уровня султана своего царства, великого императора. Он сохранил систему управления в своем владении и умело управлял ею. Он основал великую династию, которая умело правила страной 332 года» [3, с. 48].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алтмишева Ё.М. Отражение религиозных взглядов в прозе Захириддина Мухаммада Бабура// ISSN 2223-4047. Вестник магистратуры. №4-2,2022, с.59-63
2. Кадилов П. «Звездные ночи» Издательство "Шарк"-2016 г., с.291.
3. Низомиддинов Н.Г. «Индийско-тюркский язык и литература периода Бабури». - Ташкент, 2010, стр. 46-48
4. [www.ziyouz.com.library](http://www.ziyouz.com/library)

Ё.М.Алтмишева

(Узбекистан, г.Андижан),

majidovna@mail.ru

ПРОБЛЕМА АУТЕНТИЧНОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА ПРИ ПЕРЕВОДЕ МЕМУАРНЫХ ТЕКСТОВ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности перевода религиозной терминологии в «Бабурнаме»

Ключевые слова: транслатология, религиозный контент, аутентичность, религиозные термины, адекватность.

В настоящее время актуальным и перспективным направлением современной транслатологии является постижение технологии передачи религиозного контента, установка на требования коммуникативной лингвистической парадигмы. В нашем случае в качестве таковых выступают фрагменты из сочинения «Бабурнаме» с религиозным контентом. Он реализует актуальные коммуникативно-прагматические установки.

При переводе религиозного контента воспоминаний Бабура требуется акцентирование внимания на языковых явлениях, имеющих основную имплицитную нагрузку. Это фразеологические обороты, поговорки, многозначные слова, термины, метафоры и пр.; стилистические и жанровые особенности изложения; религиозный дискурс, который выражен в вертикальном историческом и лингвокультурном контексте.

В переводах М.Салье мы выявили ряд примеров, связанных с опущением религиозного контента: *«Ҳинд эли кофирни ҳинду дерлар. Ҳиндулар аксар таносухий бўладур [3; с. 360]»* / *«Большинство хинду бывают таносухи (то есть верят в перевоплощение из одного тела в другое/ реинкарнацию [4] [2; с. 334].*

Одной из трудностей при переводе текстов мемуарного жанра, так же как и при переводе публицистических и художественных текстов, является точность передачи смысловых особенностей оригинала естественным живым языком. Выполнение такого рода работы требует высокого уровня профессионализма, опыта и терпения. При переводе мемуаров большинство транслатологов пытаются не отходить от авторского замысла подлинника. Иногда переводчик с целью передать в точности национальную, духовно-религиозную специфику оригинала повторяет использованные автором фразеологические единицы, выступая в роли посредника между двумя языками, культурами и представителями разных конфессий, транслатолог должен подобрать пути устранения различий, возникших в результате межрелигиозной и межнациональной коммуникации.

Важность достижения адекватного перевода является одной из главных проблем транслатологии. Выработка аутентичности в переводах мемуарного текста осуществляется такими известными способами и методами, как замены, опущения, транслитерация, перестановка и т.д.

Главной задачей транслатолога является восприятие смыслового содержания подлинника, замысел автора и точное выражение его на другом языке. Для воссоздания содержания оригинала средствами другого языка, который является совокупностью смысловых и формальных, внутренних и

внешних экстралингвистических и лингвистических составляющих, важно осмыслить компоненты целостности и произвести глубокий анализ, предшествующий созданию переводного текста. Такому анализу часто препятствуют большой временной интервал, наличие безэквивалентной лексики, национальных и религиозных реалий и т.п.

Зная о невозможности подбора соответствия в передаче сути и духа оригинала, транслатолог обязан в силах достичь максимального приближения к исходящему тексту и воссоздать его на переводимом языке. Транслатологи для передачи содержания религиозных текстов на другом языке следуют традициям воссоздания теологических сочинений, в которых использована религиозная терминология, устоявшиеся обороты и штампы, буквализмы из-за страха исказить религиозный контент.

Эти факторы наносят ущерб смысловой ткани перевода и приводят к относительной эквивалентности религиозных и иных реалий.

Таким образом, остро стоит вопрос о корректности употребления религиозного терминологического аппарата. Особое место при переводе религиозного контента занимает специфика перевода религиозных терминов. По мнению исследователей, «сочинение Бабура построено на Куръанических мотивах, богато религиозными обрядами, ссылками на шариат - мусульманское законодательство» [1; с. 61]. К религиозной терминологии в тексте «Бабурнаме» можно отнести понятия типа «религия» – *дин*, «вероисповедание» – *эйтиқод*, «молиться» – *ибодат қилмоқ*, «поститься» – *рўза тутмоқ*, «столп» – *фарз*, «молитва» – *дуо*, *оят*, «молитва» – *намоз*, молитва – *вирд* и пр.

Общеизвестно, что в настоящее время ислам и вместе с ним концепты и термины вошли в культуру русскоязычного населения. В переводоведческой практике XVII-XIX вв., в начале XX в. допущена была ошибочная передача исламской лексики. Например, мусульманин – «басурман» или «магометанин», а имя Пророка (С.А.В.) Мухаммад – «Магомет», «Мухаммед», «Мохамед». Однако целесообразно было бы произносить имя пророка правильно – Мухаммад (С.А.В.). Ещё в работе мы предпочли использование слова «Куръан». Из этого следует, что в межкультурной коммуникации процесс адаптации реалий или безэквивалентной лексики религиозного содержания общности одной конфессии при восприятии его представителями другой религии по существу сводится к процессу элиминации лакун разных типов [5; с. 95].

Существуют общеисламские термины: «мечеть» – *масжид*, «Куръан (Коран)» – *Куръон*, «праздник после месяца рамадан» – *ийд-аль фитр*, праздник жертвоприношения – *ийд аль адха*, «шейх» – *шайх*, «имам» – *имом*. Ещё одну группу религиозной терминологии составляют лексемы, отражающие исламские религиозные реалии и традиции, например: *қурбонлик қилмоқ* –

«жертвоприношение», *азон* – «призыв к намазу», *дуо* – «молитва», *намоз* – «молитва», *тахорат* – «малое омовение», *гусл* – «полное омовение» и т.д.

Религиозные термины трудно поддаются переводу, так как наличие реалий одной конфессии не наблюдается в других: *мечеть, храм, собор, ханака, синагога, намаз, обедня, литургия, кумирня* и т.д.

Религиозные термины по обыкновению переводятся с помощью методов транслитерации и калькирования. Для более аутентичной передачи значения религиозных реалий используется приём транслитерации, т.е. заимствование слова иной религии, изображаемое на письме буквами языка перевода, а в устной речи произносится согласно его произносительным правилам, например: *имам, шейх, медресе, ханака, дервиш*. В калькировании безэквивалентного слова или словосочетания заменяются буквальными соответствиями на языке перевода, например: *дуо* – молитва; *ийд* – праздник.

Итак, для перевода литературы, относящейся к различным конфессиям, необходимо следующее: хорошее владение переводимым языком, знание терминологии и фоновые знания об обрядах, религиозных традициях, культуре. Эти составляющие способствуют достижению наибольшей степени адекватности в передаче содержания текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алтмишева Ё.М. Отражение религиозных взглядов в прозе Захириддина Мухаммада Бабура// ISSN 2223-4047. Вестник магистратуры. №4-2,2022, с.59-63
2. Бабур Захириддин Мухаммад. Бабурнаме. Записки Бабура. – Ташкент: изд. АН УзССР, 1958. –528 с.
3. Бобир З.М. Бобирнома. Нашрга тайёрловчилар: П. Шамсиев, С. Мирзаев. В. Зоҳидовнинг сўзбоҳиси ва таҳрири билан. – Тошкент:Ўзбекистон Фанлар академияси нашриёти, 1960. – 514 б.
4. Бобур Захириддин Мухаммад. Бобурнома. Ҳозирги ўзбек тилига Раҳмонов В. ва Муллаҳўжаева К. табдил қилган. – Тошкент: «Ўқитувчи», 2008. – 287 б.
5. Файзуллина А. Г. Лакунарная инвективная лексика в разноструктурных языках / Вестник Вятского государственного университета. – Киров, 2009. – с. 92-98.

Y.M. Altmisheva
(Uzbekistan, Andijan),
majidovna@mail.ru

THE PROBLEM OF AUTHENTICITY OF RELIGIOUS DISCOURSE IN THE TRANSLATION OF MEMOIR TEXTS

Annotation. The article discusses the features of the translation of religious terminology in "Baburnam"

Key words: translatology, religious content, authenticity, religious terms, adequacy.

Аль Мугаммай Аззам Ахмад,
преподаватель кафедры русского языка и литературы, Багдадский
университет, Республика Ирак, г. Багдад
Azzam.jumaa@yahoo.com

ПОНЯТИЕ И ФУНКЦИИ МЕТАФОРЫ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ; ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие и функция языковой метафоры, или "лексического подготовительного элемента" и её понятие и функция. Метафора – *это* троп, вид образности, основанный на использовании определенных слов в переносном значении. Значение метафоры как языковой единицы - метафорическое замещение предмета, явления или признака, а значение метафоры как формы выражения - усиление эмоциональной выразительности речи. Поскольку метафора является одним из важнейших метафорических элементов в структурной организации текста,

Ключевые слова: метафора, значение метафоры, функция метафоры, метафорического значения

Al Mugammai Azzam Ahmad
Lecturer, Department of Russian Language and Literature, University of
Baghdad, Republic of Iraq, Baghdad

THE CONCEPT AND FUNCTIONS OF METAPHOR IN LANGUAGE AND SPEECH; THE MAIN CONCEPTS OF THE FORMATION OF THE METAPHORICAL MEANING OF THE WORD

Abstract. This article discusses the concept and function of a language metaphor, or "lexical preparatory element" and its concept and function. Metaphor is a trope, a type of imagery based on the use of certain words in a figurative sense. The meaning of a metaphor as a linguistic unit is a metaphorical replacement of an object, phenomenon or feature, and the meaning of a metaphor as a form of expression is an increase in the emotional expressiveness of speech. Since metaphor is one of the most important metaphorical elements in the structural organization of the text,

Keywords: metaphor, meaning of metaphor, function of metaphor, metaphorical meaning.

Хорошо известно, что характерной чертой современных лингвистических исследований является многомерный подход к анализу языковых явлений, рассмотрение языковых единиц с разных сторон, а не под одним углом.

Одним из предметов, требующих такого анализа, является метафора.

Неслучайно она привлекает интерес лингвистов, литературоведов, психологов, философов и других представителей различных наук.

Метафора – это естественное свойство человеческого мышления и языка, необходимое для распознавания новых явлений и новых аспектов реальности. это естественное свойство человеческого мышления и языка, необходимое для распознавания новых явлений и новых аспектов реальности.

Начиная с Аристотеля появился другой взгляд на метафору. По его словам, «метафора — это образное слово, значение которого изменяется по аналогии от рода к роду, или от вида к виду, или в виде соотношения». [Белошапкова В.А.,1989:202]

В лингвистике растет интерес к метафоре в связи с дебатами о взаимоотношениях между языком и мышлением, что делает вопрос о взаимоотношениях между образом и метафорой все более важным. Новый взгляд на метафору выражен в работах А.А. Потебного, В. Виноградова и др. Учёные и лингвисты рассматривают метафору как естественное и универсальное средство мышления и коммуникации, так и проявление аналогового мышления, то есть является явлением не только мышления но и речи. В книге А.А. Потебни "Заметки по теории литературы", где рассматривается особенность поэтического и прозаического мышления и его воплощение в текстах, есть рассуждение о природе явления метафоры, которое актуально и сегодня. По мнению Потебни, «метафора — это образный и поэтический язык, который следует понимать как имеющий живое выражение, "внутреннюю форму", в которой происходит акт узнавания на языке метафоры». [Потебня А.А.,1968:276]. Важную роль в изучении метафоры сыграли лингвистические работы М.М. Покровского. Он рассматривал явления переноса, особенно метафоризации, на большом материале многих языков и тесно связывал эти процессы с историческим развитием значения слов.

Он подчеркивает связи между словами, по его словам: «...слова и их значения живут, но отдельной друг от друга жизнью, причём основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основным к значению» [Покровский А.А.,1985:93]

Новизна исследования значения Покровского заключается в том, что он предложил изучать группы слов, а не отдельные слова, и в том, что он связал изменения в значении слов с изменениями в культуре и повседневной жизни людей.

Каждое слово изначально имеет ограниченное, специальное значение, как в словаре, а затем приобретает новое вторичное значение, которое отличается от его первоначального значения. Это новое значение является результатом развития языка, которое связано с переходным периодом, социальными и культурными изменениями.

Будучи включенным в лексическую систему языка, оно вступает в отношения с другими элементами языковой структуры, и только в этих отношениях находится граница слова как сложной и целостной языковой единицы, сочетающей в себе множество форм, значений и употреблений.

Словарь лингвистических терминов трактует метафору следующим образом «Метафора (*греч.* *metaphora* — перенос). Употребление слова в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов или явлений. «Дворянское гнездо» (прямое значение слова гнездо — «жилище птицы», переносное — «человеческое сообщество»), крыло самолета (*ср.*: крыло птицы), золотая осень (*ср.*: золотая цепь). В отличие от двучленного сравнения, в котором приводится и то, что сравнивается, и то, с чем сравнивается, метафора содержит только второе, что создает компактность и образность употребления слов. Метафора — один из наиболее распространенных тропов, так как сходство между предметами или явлениями может быть основано на самых различных чертах.» [Розенталь д. э., 1985:117]

Таким образом, метафора в своем значении основывается на такой природе слова, что опирается не только на существенную и общую природу предмета (явления), но и на его вторичное определение и все богатство его индивидуальных свойств и характеристик. Например, слово "луна" помимо своего основного и общего значения (небесное тело, планета) имеет множество прекрасных индивидуальных характеристик, таких как матовый цвет, мерцание, удаленность, неясность и т.д. Метафоры и использование "вторичных" значений слов создают новые связи между словами (вторичный признак луны - ее удаленность и таинственность). В художественном мышлении эти "вторичные" признаки, выражающие моменты чувственной ясности, являются средством раскрытия через них существенных характеристик классной реальности, которую они отражают.

Метафора — это употребление слова в переносном смысле, выражение, которое переносит на одно явление свойство, присущее другому (в силу того или иного сходства явлений, взятых вместе), и тем самым вытесняет это явление.

Метафоры существуют в языке как семантические и синтаксические единицы действительности. Исходя из этого, В.Н. Терье считает возможным выделить следующие признаки метафор.

1) Признак семантической двойственности. Этот признак необходимо рассматривать прежде всего с точки зрения интерпретации прямого и переносного значений. Существует множество интерпретаций, в которых прямое и переносное значения могут быть уточнены таким образом, что обнаруживается их сходство. Так, слово "пульс" имеет как прямое, так и переносное значение, а слово "изнанка" - понятие темпа и ритма, означающее скрытую изнанку чего-либо.

2) Признак абстракции. В метафорическом прессе слово проделывает большую семантическую работу, в результате чего его значение становится обобщенным и поэтому менее ясным.

3) Символы выразительной силы. Атрибутом метафоры является ее оценочный характер. Сравнение и противопоставление основного и переносного значений показывает, что метафора привлекает внимание к какому-то семантическому признаку в основном значении.

4) Синтаксические признаки Этот признак выражается в синтаксических терминах слова метафора, приводимых словарями и справочниками.

5) Морфологический признак. Этот признак является числовым признаком образного существительного. Его дают словари и справочники. [Телия в.н.,1977:36]

Метафора обогащает наше представление о предмете, привлекает новые явления, характеризующие его, расширяет наше представление о его свойствах. Отсюда познавательная ценность метафор.

Таким образом, специфика метафоры заключается в том, что она представляет собой сравнение, члены которого слиты так, что первый член (сравниваемое) заменяется вторым (сравниваемым), заменяя его полностью.

Однако взгляд на метафору как на передачу обозначения по сходству объясняет не все метафоры, а некоторые вообще не поддаются объяснению. Не отвечает она и на вопрос, почему определенные сходства, определенные аналогии порождают метафоры, например, есть голова с серебряными волосами (из-за сходства с цветом седых волос), а есть льняные волосы, но не метафора льняной головы.

Когда трудно или невозможно установить элементы сравнения, можно найти множество метафорических конструкций.

Одним из наиболее плодотворных путей изучения метафоры является рассмотрение возможности ее связи с многосторонним анализом лексического значения слова, особенно соотношения между первичным номинативным и

производным (метафорическим) значениями слова, а также мотивационными условиями последнего.

В образовании метафор большую роль играет отношение слов и символов к конкретным объектам действительности, т.е. предметное отношение слов и соответствующий предметному содержанию аспект значения.

Анализируя метафоры таким образом, легко увидеть мотивационные условия значения слов и многие системные и языковые особенности метафор.

В процессе метафоризации участвуют прежде всего существительные, обозначающие конкретные предметы.

Эти существительные лежат в основе общего процесса метафоризации и являются основными компонентами метафорических конструкций, независимо от того, что именно метафоризируется - существительное, прилагательное, глагол или наречие. Очевидно, что номинация реального предмета или явления предполагает номинацию по сходным признакам, присутствующим в других реально известных предметах или явлениях. 3. функция метафоры в языке и речи

При изучении функции метафоры в языке основной акцент делается на лексическом значении.

Хотя существуют различные подходы к изучению функций метафоры в языке, большинство ученых выделяют в качестве основных 1) номинативную и 2) характеризующую функции.

Номинативная функция заключается в формировании нового лексического значения слова на основе переноса. Метафора как вторичная косвенная речь, с другой стороны, представляет собой "удвоение обозначения", хотя и не полностью, при котором признак (или несколько признаков) отделяется от исходного понятия для характеристики нового объекта." Специфика денотативного отношения метафорического значения определяется характеризующей функцией языковой метафоры". [Скляревская Г.Н., 2004:22]

По мнению Арутюновой, характеризующая функция метафоры связана прежде всего с формой предиката; Н. Д. Арутюнова пишет: "Тезис о том, что метафора соотносится с позицией предиката, не означает, что каждый предикат, метафорический по своему значению, является метафорой. Предикатные метафоры сталкиваются с ограничениями, обусловленными морфологическими и лексико-семантическими факторами." [Арутюнова Н.Д., 1979: 170] Проблема синтаксического оформления метафор также считается нерешенной, и ее сложность еще более возрастает из-за возможности сочетания нескольких тропов в одной языковой единице. Таким образом, метафоры бывают гиперболическими, метафорическими и ироническими, с метафорическими сравнениями и метафорическими периферийными фразами.

а) Номинативная - Метафора как способ образования новых значений для слов, например, русского языка. Основные из них:

а) существительное - метафора как способ образования нового значения слова, напр. в русском языке: веселая луна, золотая луна;

б) познание - метафора как способ распознавания или понимания понятия или явления, напр.: Советы успешно строят.: Советский народ успешно построил величие коммунизма,

в) Объяснение - Пример - Метафора как способ интерпретации понятия, например, "Ты - лес";

г) эвристика - метафора как способ познания, исследования окружающего мира, например, родился в рубашке;

д) эмоциональная оценка - метафора как способ оценки окружающей действительности. Например, - кровь с молоком;

Некоторые ученые подчеркивают конспиративную функцию метафоры и связывают ее с использованием специальных слов, выражений и жаргонов в различных областях специализированного языка. Например, в русском языке академия - тюрьма (технический термин), обувь - ограбить (технический термин), а малина - уединиться (технический термин).

Таким образом, Метафора - явление, свойственное всем языкам, и её изучение увлекало ученых с древних времен и остается актуальным до нашего времени, она занимает важное место во всех национальных языках и литературах (лингвистические и литературные концепции). Однако с лингвистической точки зрения метафора — это элемент уже существующего слова, а с литературной точки зрения метафора — это троп, поскольку в художественной литературе она приобретает особое значение. Это связано с тем, что метафора позволяет писателям, желающим выразить действительность более конкретно и индивидуально, подчеркнуть самые разнообразные черты, признаки и детали явления, приблизить его к другим и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. – М., 1979. – С. 170.
2. Белошапкова В.А. Современный русский язык. – М.: Высшая школа, 1989. – С. 202.
3. Покровский А.А. Семантические исследования в области древних языков. – М., 1985. – С. 123.
4. Потебня А.А. Об изменении значений и заменах существительного: из записок по русской грамматике. – Т. 3. – М., 1968. – С. 276.
5. Розенталь Д. Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. изд. 2-е. — м.: просвещение, 1985.— с 117

6. Складывшаяся Г.Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – С.22.

7. Телия В.Н. вторичная номинация и ее виды // языковая номинация (виды наименований). – М.: Наука, 1977. – с. 36

Антасева Виктория Геннадьевна

(Россия, г.Самара)

antasevav@yandex.ru

Захарова Оксана Игоревна

(Россия, г.Самара)

xeniya-luna@list.ru

ПРОКСЕМИКА И ЭТИКА ОБЩЕНИЯ

Аннотация. Как в древности, так и в наше время человеку довольно трудно обходиться без общения с людьми и контактов в обществе. Недостаток общения с другими людьми может привести к депрессии, стрессу и другим расстройствам. Коммуникация - это, прежде всего, процесс взаимодействия и взаимосвязи между людьми. Проксемика и этика - это две разные науки, хотя у них есть некоторые общие аспекты. В статье описывается сущность проксемики, различия и взаимосвязь между этикой и проксемикой.

Ключевые слова: этика, проксемика, сущность проксемики, невербальное общение, этика общения, дистанция, этика общения.

Проксемика – это область психологии, предметом изучения которой являются особенности организации личного пространства человека во время общения с другими людьми. Дистанция многое может рассказать о собеседниках: о степени их социализации, уровне развития отношений, о доброжелательности или агрессивности настроения. Часто именно проксемика может предоставить больше всего информации об уровне общения между людьми, чем то, как люди общаются друг с другом.

Хотя проксемика напрямую связана с такими областями знаний, как социальная психология и этика, отождествлять эти понятия нельзя. Этика определяет общение с культурной точки зрения и подразумевает тот факт, что человек, который знает определенные правила поведения, установленные в обществе, получает возможность общаться.

У каждого человека свое понимание комфортного взаимодействия с другими людьми. Это касается как поведения, так и пространство между собеседниками. Так, например, есть люди с проблемами с социализацией, им не комфортно находиться в местах большого скопления людей, где неизбежен контакт и постоянные нарушения обычной дистанции. Такие люди часто

пытаются увеличить свое личное пространство любыми способами: выкупают соседние места в кинотеатре и транспорте, расставляют вокруг себя вещи, которые не позволяют никому подходить ближе, чем человеку удобно. Чтобы не ошибиться при выборе дистанции для общения с другим человеком, стоит учитывать правила выведенные проксемикой и наблюдать за поведением собеседника. С помощью этих знаний можно также выявить отношения между людьми. Обычно, чем они ближе физически друг к другу, тем более они близки душевно.

В 50-х годах жил довольно известный антрополог по имени Эдвард Холл. Он изучал взаимодействие личного пространства человека с окружающей социальной средой. Ученые выдвинули теорию о том, что каждый человек организует свое собственное личное пространство точно так же, как он организует домашнее пространство и городскую среду. Другими словами, мы сами и наши личные качества, напрямую влияют на общественность. Изучение этого вопроса позволило выйти на новый уровень понимания отношений между людьми. Таким образом, проксемика – это раздел социальной психологии, который выводит принципы и паттерны дистанционной невербальной коммуникации.

Как и многие механизмы человеческого поведения, соблюдение пространства изначально определялось целесообразностью с биологической точки зрения. Человек приобрел социальные навыки только на последних стадиях своей эволюции. На сегодняшний день его действия сохранили черты, определяемые древними инстинктами, один из которых - территориальный. Нет сомнений в том, что культурные и национальные факторы напрямую влияют на проксемические характеристики общения, но общая закономерность остается. Э. Холл описал нормы подхода "человек-человеку", то есть дистанцию, характерную для европейской и американской культур. Эти нормы определяются четырьмя основными расстояниями. В частности, различают: интимное расстояние (0-45 см), личное (от 46 до 120 см), социальное (120-400 см) и общественное (более 400 см).

Интимная зона - на расстоянии около 0,5 метра. Обычно сюда пускают других людей посредством физического контакта, такого как объятия, поглаживания, прикосновения или поцелуи. В нормальных условиях только близкие люди могут подойти к человеку, не рискуя спровоцировать агрессию - родственники, супруги или очень хорошие друзья. Но часто нам приходится терпеть посторонних в интимной зоне в таких местах как общественный транспорт или уличные толпы.

Личная зона уже чуть больше - от 0,5 до 1,2 метра. Размер этой зоны меняется от человека к человеку. Чаще всего на таком расстоянии человек

общается с друзьями, коллегами или другими приятными для него собеседниками. Эту зону еще называют "дистанция сопереживания". Чем короче расстояние, с которого люди предпочитают разговаривать, тем больше для них характерно сочувствие друг к другу.

Граница социальной зоны еще больше. Обычно она находится в пределах от 1,2 до 3,5 метров. В большинстве случаев в этих пределах происходит деловое общение или общение между незнакомыми людьми.

Общественная зона – это взаимодействие одного человека с группой. Комфортное расстояние в этом случае составляет 4-8 метров. Здесь важные части вербальной и невербальной информации могут быть переданы слушателю без использования вспомогательных средств, таких как микрофоны, громкоговорители или телевизионные экраны.

Не менее важен угол, под которым расположены говорящие относительно друг друга. Редко человек сидит прямо напротив собеседника — обычно он стремится стоять под углом [1, с.139]. Близкие родственники обычно сидят с двух сторон одного угла стола, их разделяет лишь его диагональ. Так во время общения они могут пользоваться не только речью, но и жестами и прикосновениями. Деловые партнеры обычно сидят на одной стороне стола, потому что так удобнее изучать документы и обсуждать деловые вопросы. Люди имеющие противоположные точки зрения садятся друг напротив друга. Чтобы показать незаинтересованность в общении человек неосознанно садится дальше от возможных собеседников.

Но даже с общими выделенными дистанциями комфортные зоны могут меняться не только от человека к человеку, а еще и от народа к народу. Так, например, жители Бразилии любят общаться на коротких дистанциях, что не нравится американцам, которые стремятся к более широким пространствам. А Россияне предпочитают дистанцию более длинную, чем латиноамериканцы, но более короткую, чем американцы.

Этика общения – это то, как человек использует язык, средства массовой информации и журналистику для создания отношений, которые руководствуются личной моралью и ценностями. Принципы этики включают честность, беспристрастность и правдивость собственных слов. Этика общения важна из-за акцента на ответственности людей за поддержание гражданского общества. Важность этического общения становится все более важной в зависимости от того, насколько опасения по поводу фальшивых новостей становятся все более распространенными в современном обществе.

Корни этикета взаимоотношений лежат в различных обрядах, ритуалах и табу. Знание этикета всегда помогало устанавливать доверительные отношения. Так, например, изначально рукопожатие означало, что в правой руке нет оружия.

Этикет помогает ориентироваться в общении, но не стоит забывать об особенностях этикета для разных стран. То же рукопожатие в большинстве стран считается знаком приветствия или прощания, но в Японии этот ритуал могут посчитать за грубость.

Быть этичным коммуникатором значит быть честным, точным, а также правдивым. Это проистекает из морали и ценностей человека и из того, как люди определяют, что такое "добро и зло". Этические аспекты человеческих отношений напрямую связаны с психологией. Однако, некоторые ученые прямо отождествляют этику общения и проксемику хотя этого никогда не следует делать. Этика общения позволяет понять культурную сторону общения, которая обеспечивает глубокое взаимопонимание между собеседниками. Задачи проксемики несколько иные. Она занимается глубоким изучением самого процесса невербального общения, на основе которого собеседники отделяются друг от друга. Благодаря знаниям, полученным в процессе разработки этических и проксемических теорий, люди изобрели настоящее искусство общения. [2]

Холл говорил, что независимо от культурных особенностей человека в конкретной стране, у ее представителей есть личная территория, которую каждый определяет самостоятельно для себя. Личная территория важна для всех, потому что так мы уважительно относимся к другим, принимая во внимание собственные интересы, при этом правильно выражая свои мысли и чувства. Из этого видно, что расстояние между собеседниками становится важнейшим фактором, влияющим на процесс общения. Ученый также говорил, что удаленность предметов наиболее важна на этапе восприятия, как только собеседники способны понимать друг друга и выражать основные эмоции. Следовательно, этика и проксемика напрямую связаны друг с другом, поскольку при формировании дистанции между собеседниками важно учитывать их личное мнение, отношение к возможности контакта, вербального и невербального взаимодействия.

Хотя проксемика и этика напрямую связаны с общением в обществе, это не означает, что эти понятия можно отождествлять друг с другом. Эти две науки весьма похожи, но все же они разные по своей сути. Этика означает общение с культурной точки зрения. То есть, этика – это то, как человек общается, если он знает определенные правила поведения, установленные в обществе, и соблюдает он эти правила или нет. Проксемика же, как средство невербальной коммуникации, подразумевает собственный личный взгляд человека на ситуацию и, исходя из этого, определяет оптимальную для него дистанцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Поваляева М. А., Рутер О. А. Невербальные средства общения // Серия «Высшее образование». — Ростов н /Д : Феникс, 2004. — 352 с.

2. Связь этики и проксемики [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://spravochnick.ru/etika/svyaz_etiki_i_proksemiki/#vzaimosvyaz-etiki-i-proksemiki
3. Коммуникационная этика [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Communication_ethics
4. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — 592 с.
5. Дж. Фаст. Язык тела. Как понять иностранца без слов. М.: Вече, Персей, АСТ. - 76 с. Пер. с англ. Ю.В. Емельянова.. 2002
6. Область социальной психологии которая исследует расположение людей в пространстве при общении [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://du-lya.ru/articles/oblast-sotsialnoy-psihologii-kotoraya-issleduet-raspolozhenie-lyudey-v-prostranstve-pri-obschenii-eto.html>

Antasheva Victoria Gennadievna

Russia, Samara

antasevav@yandex.ru

Zakharova Oksana Igorevna

(Russia, Samara)

xeniya-luna@list.ru

PROXEMICS AND ETHICS OF COMMUNICATION

Annotation. Both in ancient times and in our time, it is quite difficult for a person to do without communication with people and contact in society. Lack of communication with other people can lead to depression, stress and other disorders. Communication is, first of all, the process of interaction and interrelation between people. Proxemics and ethics are two different sciences, although they have some common aspects. The article describes the essence of proxemics, the differences and the relationship between ethics and proxemics.

Keywords: ethics, proxemics, essence of proxemics, nonverbal communication, ethics of communication, distance, ethics of communication.

Ф.М.Аскарова

(Узбекистан, г.Андижан)

faniya.askarova1983@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются понятие «семантическое поле», его структура и основные семантические признаки. Семантические поля, раскрывая разнообразные связи языковых единиц, являются наиболее полным и адекватным отражением лексико-семантической системы языка с ее сложной иерархической структурой.

Языковеды давно осознали, что для понимания окружающей действительности необходимо осваивать явления во взаимосвязи, как систему. Впервые в трудах известного ученого Ф. де Соссюра было выдвинуто предположение о том, что «язык есть система, подчиняющаяся своему собственному порядку» [6. С. 61]. Системность на лексическом уровне проявляется, прежде всего, в существовании определенных лексических множеств как неких целостных образований, объективно выделенных из остального массива лексического состава языка, и смысловых связей между членами этих множеств, которые составляют классы, группы, ряды, поля слов и образуют лексическую систему языка. В этом единстве нет резких границ, «оно все состоит из явлений, склонных к взаимопереходам, взаимопроникновению» [4. С. 10].

Для изучения семантики слова существует три подхода: ономаσιологический (Ф. Дорнзайф, В. Г. Гак, Н.Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова), семасиологический (Э. Бенвенист, Д.Н. Шмелев, А.М. Кузнецов, М.В. Никитин) и семиологический (А. Греймас, Р.Г. Пиотровский, Ю.С. Степанов), они дополнились четвертым — когнитивно-прагматическим. Появление последнего связано с тем, что стало невозможно получить новые лингвистические знания, работая с такими традиционными объектами, как, например, классы слов.

В результате осознания данного факта произошел прорыв в две совершенно новые области, с одной стороны, в лингвистику текста, а с другой, в лингвистику лексикографического портретирования. Именно последним отмечен вектор семантических исследований последней четверти XX в., одним из основных положений которого является понимание языка как системы систем. Предметом исследования в данной статье является лексическое множество — семантическое поле. В «Большом Энциклопедическом словаре. Языкознание» дается следующее определение поля: «поле — совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное и функциональное сходство обозначаемых явлений» [1. С. 380]. Деятельность человеческого сознания по отражению действительности обладает относительной независимостью, вносит в членение мира языком элементы языковой фантазии. Наше знание о мире непрерывно развивается, и вместе с ним совершенствуется лексический организм языка. Новые слова не механически добавляются к уже

существующим, а помещаются в ранее сложившуюся в нашем сознании систему. Некоторая группа слов, связанная семантически, есть отображение тех связей, которые существуют в действительности между реалиями.

Таким образом, семантическое поле представляет собой способ отражения объективной реальности, сложной системы взаимосвязей ее объектов. Система семантического поля есть способ организации модели реальной среды.

Единицы лексико-семантического поля объединены таким образом, что представляют собой иерархическую структуру, организованную во взаимосвязанные семантические пространства, семантические сети, соотносимые с определенными концептуальными сферами. Изучение лексической системы языка в настоящее время сводится к синтезу уже структурированных и описанных лексико-семантических полей, заполнению своеобразных пустот, образовавшихся между рассмотренными парадигмами, объединению последних в межуровневые семантические поля.

Единицы семантического поля характеризуются понятийной соотнесенностью. Обычно единицей семантического поля выступает лексико-семантический вариант или все слово, если оно однозначно. Границы семантического поля весьма условны. Примером элементарного семантического поля может служить лексико-семантическая группа (ЛСГ). Например, ЛСГ «обман» в семантическом поле «нечестное поведение».

В основании лексико-семантической группы любого уровня лежит семантический признак, общий для всех слов, входящих в ЛСГ. Например, у слов «смотреть», «слушать», «нюхать», «ощупывать» общим признаком будет признак активного восприятия. Внутри ЛСГ слова могут находиться в различных отношениях — род—вид; соподчинения; целое—часть; синонимия—антонимия и др. Это означает, что ЛСГ — это относительно замкнутый ряд лексических единиц, «т.е. единицы одной части речи, имеющие общую классификационную сему (архисему, классему)» [5. С. 151], более конкретного содержания и классификационно более низкого порядка, чем архисема поля.

Между лексико-семантическими группами и семантическими полями наблюдаются отношения включения. ЛСГ входят в семантические поля. Их можно представить как микрополе, тогда семантическое поле будет представлять собой объединение микрополей. Так, например, в состав семантического поля «нечестное поведение» входит 8 микрополей («обман», «клевета», «лесть», «лицемерие», «коварство», «измена», «ложь», «мошенничество»), каждое из которых делится на классы и подклассы.

Для определения семантического поля можно указать ряд опознавательных признаков: 1) обширность, смысловая аттракция; 2) целостность; 3) упорядоченность; 4) взаимоопределяемость элементов, когда

каждый элемент поля прилегает к соседнему; 5) полнота; 6) произвольность и размытость границ; 7) непрерывность. Для семантического поля также характерен принцип выделения центра и периферии [2. С. 135].

В семантическом поле представлено как минимум 3 измерения: синтагматическое, парадигматическое и ассоциативно-деривационное. Синтагматические связи определяют связь слов в пределах одного и того же речевого отрезка. Парадигматические отношения определяют группировку слов безотносительно к их актуализации. То есть в основе лежит соответствие этой определенной группы или слова, как такового, определенному понятию. Единицы семантического поля обладают общими синтагматическими и парадигматическими свойствами, соотнесенными друг с другом.

Представления и понятия, которые содержатся в памяти человека, связаны между собой. При определенных условиях оживление одного представления или понятия сопровождается оживлением других, соотносящихся с ним. Это явление получило название ассоциации.

Поскольку ассоциации отражают некоторые существенные связи между объектами и явлениями действительности, а следовательно, и между понятиями, то можно сделать вывод об их важной роли в строении лексической системы языка.

Итак, каждое слово связано двоякого рода узами: бесчисленными связями сходства со своими родичами по звукам, структуре или значению и столь же бесчисленными связями смежности с разными своими спутниками во всевозможных фазах: оно всегда член известных гнезд или систем слов и в то же время член известных рядов слов...» [3. С. 65—66].

В семантическом поле потенциально возможны все семантические отношения: синонимия, антонимия, конверсия, отношения включения, ассоциативные отношения полисемии. Для изучения семантических изменений в структуре поля следует учитывать эволюцию знака и означаемого. При этом в каждом отдельном случае необходимо исследовать эмоциональные реакции индивидуума, действия культурных, социальных и политических факторов. Что касается принципа центра и периферии семантического поля, то единицы поля группируются вокруг лексемы, наиболее полно выражающей его общее значение. Причем, несмотря на полноту выражения, это значение является семантически наиболее бедным и простым. Это объясняется требованием к главному значению слова — в наименьшей степени зависеть от контекста, т.е. находиться в позиции минимальной обусловленности от окружения.

Такая единица, несущая общее значение поля, и ее ближайшее окружение образуют ядро семантического поля. Расположение слов в семантическом поле зависит от степени смысловой близости слов к общему значению, которое

наиболее ясно представлено в ядре и центре семантического поля и постепенно ослабевает при удалении к периферии. Языковые единицы, расположенные на периферии, обладают более сложным, насыщенным содержанием и наиболее тесно взаимодействуют с членами смежных полей. Слова, находящиеся преимущественно на периферии, распределены по различным тематическим группам, образуя как бы микрополя внутри большого и структурируясь по тем же принципам. Так, например, ядро микрополя «лесть» составляют такие слова, как «льстить», «льстивый», «подольститься», «льстивость», «лесть», «льстец». На периферии находятся слова в переносном значении: медовый, медоточивый, замаслить, подмазаться, подлизаться и т.д. Число полей вряд ли постоянно в языке, и все они едва ли однозначно выделяемы, хотя это и не означает отрицания возможности познания истинной структуры семантического поля языка.

Итак, иерархическая структура лексики является отражением формы организации реального мира. Разнообразные объективные связи, существующие в мире между вещами, предметами и явлениями, проецируются на лексическую систему, расчленяя ее на взаимосвязанные лексические блоки (семантические поля). Семантические связи между словами, входящими в такие лексические блоки, являются отражением объективно обусловленных связей между предметами действительности, номинированными этими словами, воплотившимися в языке как выраженные, закрепленные и социально значимые.

Метод поля наилучшим образом отвечает пониманию языка как «продукта» сферы сознания этноса, дает возможность вскрыть сходство и различия в систематизации лексики разных языков и увидеть специфику «картины мира» в каждом из них.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. БЭСЯ — Большой энциклопедический словарь. Языкознание. — М., 1998.
2. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. — М.: Русский язык, 1993.
3. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке.
4. Кузнецова С.В., Михайлова О.А. Предикатные компоненты семантики глагола // Семантика слова и синтаксические конструкции. — Воронеж: ВГУ, 1987.
5. Новиков Л.А. Семантика русского языка. — М.: Высшая школа, 1982.
6. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1977.

Faniya Askarova

(Uzbekistan, Andijan)

faniya.askarova1983@gmail.com

SEMANTIC FIELDS AS A REFLECTION OF THE LEXICO- SEMANTIC SYSTEM OF THE LANGUAGE

Annotation. The article describes the notion «semantic field», its structure and the general semantic features. On revealing different connections between linguistic units the semantic fields adequately and completely reproduce the lexical system of the language with its complicated hierarchical structure.

Т.Ю. Павельева

(Россия, г. Липецк)

tatianapavelieva@mail.ru

А.Д. Астафьева

(Россия, г. Липецк)

luska48@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДИМОСТИ ЛАКУНАРНЫХ ЕДИНИЦ

Аннотация. В данной статье приводятся различные определения и классификации лакунарных лексических единиц, рассматриваются проблемы, возникающие при их переводе на примере английского языка, и приводятся некоторые способы разрешения этих проблем.

Ключевые слова: лакунарные единицы, перевод, адаптация, эквивалент.

В процессе перевода мы можем столкнуться с таким явлением как безэквивалентная лексика. Подобная лексика существует в языковой картине только определённого общества, этноса или нации и не имеет полностью равнозначных по смыслу лексических единиц в другом языке. К безэквивалентной лексике относятся: названия географических мест, исторических и культурных памятников и событий, имена собственные, фразеологизмы, идиомы и т.д. Такие языковые феномены как названия и имена обычно переводятся с помощью транскрибирования, транслитерации или калькирования, и для них создаются специальные сноски, объясняющие, что понимается под тем или иным словом. Для идиом и фразеологических выражений подбираются близкие по значению фразеологизмы, существующие в языке перевода. Однако существуют такие концепты языковой картины мира, которые полностью отсутствуют в языке перевода, их значения нельзя полностью передать ни одним из перечисленных способов. Такие лексические единицы называются лакунарными, или лакунами. Термин «лакуна» был введён в лингвистику канадскими лингвистами Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне, которые понимали под ним «явление, которое имеет место всякий раз, когда слово одного

языка не имеет соответствия в другом языке». В то же время отечественный учёный Ю.С. Степанов называл лакуны некими «пробелами, белыми пятнами на семантический картине языка» [4, с. 120]. Существует множество определений понятия «лакуна». На наш взгляд, самым полным и объясняющим специфику данного феномена является определение О.А. Огурцовой: «Лакуна - слово, словосочетание (как свободное, так и фразеологическое), грамматическая категория, бытующие в одном из сопоставляемых языков и не встречающиеся в другом сопоставляемом языке» [3, с. 78].

Помимо различных определений лакунарных единиц существует и множество их классификаций, которые основываются с различных позиций рассмотрения лакун. Выделяют: 1) мотивированные и немотивированные лакуны; 2) предметные и абстрактные; 3) родовые и неродовые; 4) номинативные и стилистические. Однако мы считаем, что в процессе перевода необходимо опираться на классификацию, которая делит лакуны на внутриязыковые и межъязыковые. Именно межъязыковые лакунарные единицы, под которыми понимают «отсутствие слов для обозначения понятий, которые, несомненно, существуют в данном обществе и которые имеют особое словесное обозначение в другом языке» [1, с. 156], являются основными трудностями, возникающими в процессе перевода, так как такие лакуны обнаруживаются при сопоставлении двух языков. Для переводчика главной задачей является подбор наиболее близкого эквивалента или адаптация лакуны в язык перевода, независимо от того, является ли лакуна предметной или абстрактной. Как уже говорилось выше, лакуны – это безэквивалентная лексика, и для её перевода часто используют транслитерацию или транскрибирование. Однако в случае с лакунами таких трансформаций недостаточно, так как в языке перевода референт для того или иного понятия отсутствует полностью. Например, английское слово *haggis* непереводимо на русский язык, так как оно обозначает специфичное блюдо шотландской кухни, аналога которого не существует в русской культуре и, соответственно, языке. При переводе такое слово будет передано транслитерацией со сноской, в которой будет указано, что это блюдо шотландской национальной кухни из баранины, или же в тексте будет просто дано объяснение, что это такое, без употребления изначального слова. Но даже при таком объяснении, русскоязычному читателю будет не до конца понятно, что из себя представляет это блюдо, как оно готовится. В этом и заключается основная проблема перевода лакунарных единиц – невозможность полной, стопроцентной передачи обозначаемого концепта из-за отсутствия референта в языке перевода. Однако лакунами считаются обозначения и таких концептов, которые существуют в лингвокультурологическом поле обоих языков. Например, в русском языке мы используем словосочетание «обратная связь»,

которое наиболее точно передаёт значение лакуны *feedback*. Иногда лакунарные единицы нельзя передать никак иначе, чем через подробное объяснение значения: *childfree* – человек, который сознательно не хочет иметь детей. Мы видим, что различные лакуны требуют разных способов перевода. Это ещё одна проблема их переводимости: необходимо уметь правильно подбирать способ перевода для наиболее точной и полной передачи значения. Подобная замена лакун, их адаптация и поиск эквивалентов получили в лингвистике особое название – элиминирование. Слово «элиминирование» в переводе с латинского означает «устранение». К основным способам элиминирования лакун относят: 1) заполнение; 2) компенсацию. Способ заполнения представляет собой раскрытие отдельного понятия иностранного языка через реалии языка перевода, которые в нём существуют, но не имеют отдельного лексического оформления. К методам заполнения относятся: 1) описательный перевод; 2) генерализация или конкретизация; 3) нейтрализация или эмфаза [2, с. 36]. Описательный перевод – это развёрнутое объяснение значения лакуны такими концептами, которые существуют в языковой картине мира языка перевода и понятны носителям этого языка. Например, английское слово *thumb* будет переведено на русский язык перефразой *большой палец руки*. Более развёрнутое описание требуется для слова *brinkmanship* – *балансирование на грани военного конфликта*. Метод конкретизации состоит в использовании вместо лакунарной лексической единицы гипонима, который существует в языке перевода. Другими словами, это своеобразное «сужение значения». Примерами конкретизации могут служить английская лексема *fire* и её возможные русские эквиваленты – *огонь, пожар*. Метод генерализации противоположен конкретизации и состоит в использовании гиперонима, который как бы «расширяет» значение иноязычной лакуны. Например, в английском языке люди чётко разделяют слова *hand* и *arm*, но переводятся они будут общим гиперонимом *рука*. Наконец, нейтрализация – это замена в языке перевода стилистически окрашенной лакуны нейтральным эквивалентом. Например, английские глаголы *to saunter* и *to stroll* будут одинаково нейтрально переводиться на русский язык как *прогуливаться*. Метод эмфазы, наоборот, предполагает замену лакуны более эмоционально-окрашенным эквивалентом в языке перевода: *to go crazy* – *спянуть*. Следующий способ перевода лакунарных лексических единиц – это компенсация. Компенсация представляет собой поиск наиболее удачной «замены» лакуне лексической единицей языка перевода. К компенсации относятся: 1) транслитерация или транскрипция; 2) калькирование; 3) создание соответствий-аналогов [2, с. 37]. Первый метод транслитерации и транскрипции представляет собой полную звукобуквенную передачу лакунарной единицы на язык перевода. Чаще всего этот метод используется при переводе особых национальных

концептов языковой картины мира. Здесь стоит сказать о разделении подобных эквивалентов на различные пленусы. Первые пласт пленусов представляет собой такой эквивалент, который прошёл через транслитерацию или транскрипцию не только в языке перевода, но и в других языках, и стал интеркультурным. Например *computer* – *компьютер* или *telephone* – *телефон*. Второй тип пленусов – это такие эквиваленты лакунарных единиц, которые понятны всем носителям языка перевода без дополнительной информации о том или ином концепте иностранного языка: *showroom* – *шоурум* или *pub* – *паб*. Наконец третий тип пленусов – это такие лакуны, которые остаются в языке перевода на уровне экзотизмов: *cringe* – *кринж*. Следующий метод компенсации – калькирование, которое заключается в воспроизведении морфемного состава слова или составных частей фразеологизма или устойчивого выражения. Например, в английском языке существует отдельное слово *headache*, которое на русский будет переводиться калькой – *головная боль*. Создание аналогов-соответствий – это поиск наиболее близкого по значению эквивалента в языке перевода для лакунарной единицы иностранного языка. Английское *drugstore* не будет переводиться, например, калькой как *магазин медикаментов*. Для данной лексемы используют русский аналог – *аптека*. Рассмотрев возможные переводы лакунарных лексических единиц английского языка на русский, которые позволяют наиболее точно и полно передать значение лакун, мы можем говорить о двух основных проблемах, возникающих при переводе: 1) невозможность стопроцентной передачи коннотаций какого-либо концепта инокультурной языковой картины мира; 2) выбор наиболее правильного и подходящего способа перевода лакунарных единиц. Таким образом для того, чтобы наилучшим образом перевести лакуну, переводчику необходимо понимать, насколько важна её стилистическая роль в тексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. / Л.: Просвещение, 1977. 300 с.
2. Леонова Л.А. Семантические и структурные аспекты антилакун в двуязычной ситуации // Структурные аспекты слова и словосочетания: сб. науч. тр. Калинин, 1980. С. 35-42.
3. Огурцова, О. А. К проблеме лакунарности // Функциональные особенности лингвистических единиц: сб. тр. Кубан. ун-та. Вып. 3. Краснодар: Изд-во Кубан. ун-та, 1979. С. 77-83.
4. Степанов Ю. С. Основы языкознания. М.: Либроком, 2011. 274 с.

Tatiana Pavelieva
(Lipetsk, Russia)

tatianapavelieva@mail.ru

Alla Astafeva

(Lipetsk, Russia)

luska48@yandex.ru

PROBLEMS OF TRANSLATING OF LACUNARY UNITS

Abstract. The article provides various definitions and classifications of lacunary lexical units, considers the problems that arise when translating them using the example of the English language, and provides some ways to solve these problems.

Key words: lacunary units, translation, adaptation, equivalent.

М.А.Ахмаджонова

(Узбекистан, г.Андижан)

maxmadjonova21@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ТИПА «ТУРГЕНЕВСКОЙ ДЕВУШКИ»

II-пол. XIX ВЕКА

Аннотация. В статье предпринимается попытка уточнения типологии женских образов в романах И.С. Тургенева. Выявляются три основные вариации: «тургеневская девушка», обладающая высокой духовностью, чистотой, силой характера; «инфернальная женщина», заключающая в себе что-то колдовское, соотносящаяся в произведениях писателя с мотивом любви-власти; женщина-мать, в которой, с одной стороны, акцентированы черты барыни-хозяйки дворянской усадьбы, жаждущей обожания, преклонения, несущей в себе оттенок фальши, а с другой, - матери семейства, отдающей своим родным тепло и любовь. Однако все женские образы описаны с психологической правдой и глубиной.

Ключевые слова: типология женских образов, тургеневская девушка, инфернальная женщина, женщина-мать, романы Тургенева.

Для раскрытия нашей темы и описания образа «русской женщины», созданного классиком, мы взяли героинь трех его произведений: Марианна Синецкая из «Нови», Елена Стахова из «Накануне», Наталья Ласунская из «Рудина». Понятие «Тургеневская девушка» или «Тургеневская барышня» стало стереотипным. Однако в наше время этот стереотип деформировался. В современном обществе «Тургеневской девушкой» ошибочно обозначают личность несовременную, плаксивую, поэтичную, романтическую, коими героини Тургеневских романов не являлись

Лиза Калитина, Елена Стахова, Наталья Ласунская, Марианна, Ася, Варя, Сусанна - разные героини, но однотипный образ «Тургеневской девушки». Они в большинстве своем совмещают в себе чувствительность, кротость, нежность, сентиментальность и мечтательность, но совместно с этим жертвенность, преданность и большую силу духа, способную на своем пути преодолеть любые преграды. Понятие «Тургеневская девушка» или «Тургеневская барышня» стало стереотипным. Однако в наше время этот стереотип деформировался. В современном обществе «Тургеневской девушкой» ошибочно обозначают личность несовременную, плаксивую, поэтичную, романтическую, коими героини Тургеневских романов не являлись.

Как известно, Тургенев ввел в литературу новый женский образ - поэтический образ «тургеневской девушки»: Натальи Ласунской, Лизы Калитиной, Елены Стаховой и др. Однако данным типом персонажей не исчерпывается типология женских образов в произведениях Тургенева, что определило цель настоящей статьи дать более полное, развернутое описание разных вариаций женских образов в романах писателя. В галерее «тургеневских девушек» героиня романа «Рудин» Наталья Ласунская - первая. В создании ее образа значительную роль сыграли личные переживания писателя, его взаимоотношения с Татьяной Александровной Бакуниной. Д.И. Писарев подчеркивал, что в характере Натальи есть следующие черты: она тверда, сдержанна, способна глубоко вдумываться в предмет и долго вынашивать в голове идею или чувство. «Она - единовластная хозяйка своего внутреннего мира», - пишет критик [3, с. 210]. Наряду с природной нежностью и чуткостью, она воспитала в себе силу и решительность характера. Внешне героиня Тургенева не выглядит блестящей красавицей, автор подчеркивает ее молодость: «Наталья Алексеевна с первого взгляда могла не понравиться. Она еще не успела развиться, была худа, смугла, держалась немного сутуловато. Но черты ее лица были красивы и правильны, хотя слишком велики для семнадцатилетней девушки» [5, т. 2].

Отличительная особенность Натальи - ее начитанность: «она знала наизусть всего Пушкина» [5, т. 2, с. 240]. И ее влюбленность в Рудина началась с совместного чтения: «со страниц книги, которую Рудин держал в руках, дивные образы, новые светлые мысли так и лились звенящими струями ей в душу, и в сердце ее, потрясенном благородною радостью великих ощущений, тихо вспыхивала и разгоралась искра восторга» [5, т. 2, с. 249]. Наталья «жадно внимала его речам..., она повергала на суд его свои мысли, свои сомнения; он был ее наставником, ее вождем» [5, т. 2, с. 248]. Наталья Ласунская «всегда старалась идти по направлению к светлому краю неба, там, где заря горела, а не к темному» [5, т. 2]. Встреча с Рудиным кардинально переориентировала

направление ее судьбы: «Темна стояла теперь жизнь перед нею, и спиной она обратилась к свету...» [5, т. 2, с. 295].

«Общение с Рудиным раскрыло Наталье Ласунской глаза на пустоту окружающего её общества, на косность и рутину, в которые погружён был круг провинциального дворянства. Её стала тяготить власть предрассудков и предубеждений. Полюбив Рудина и поверив в него, она ждала только призыва, чтобы вступить рука об руку с ним на новый путь» [2, с. 223]. «Наталья страдает и мучится как неповторимое, своеобразное и единичное существо. Но своеобразие и единичность человеческой личности для Тургенева существуют, прежде всего, в той связи, которая ведёт к общему. Это универсальная диалектика жизни, и в этом основа и принцип тургеневской типизации» [4, с. 91]. Однако Наталья смело встречает жизненные трудности: она вступает в конфликт с матерью, стремясь отстоять свое чувство, но не найдя поддержки у любимого человека, стойко переносит разочарование и разлуку с ним. Наталья Ласунская предстаёт перед нами сильной, умеющей верить и любить всем сердцем и всей душой, искренне, безо всякого расчёта. Она внешне выдержана и спокойна, но Тургенев показывает нам, какие сильные страсти таятся под этой маской, и на какие поступки способна любящая женщина. Она воспитанная, скромная, нежная, не по годам умная, с богатым внутренним миром, а главное - способная на большие и искренние чувства, на самопожертвование во имя любви.

Главную героиню романа «Дворянское гнездо» Тургенев называет знаковым именем Лиза (Елизавета Михайловна Калитина), которое акцентирует высокое духовно-нравственное начало в героине, указывает на ее связь с Богом, так как Елизавета с древнееврейского означает «почитающая Бога». По мнению Пустовойта, у Лиз цельный характер, ей свойственно нести моральную ответственность за свои поступки, она доброжелательна к людям и требовательна к себе. «От природы ей присущи живой ум, сердечность, любовь к прекрасному и - что самое главное - любовь к простому русскому народу и ощущение своей кровной связи с ним. Она любит простой народ, хочет ему помочь, сблизиться с ним» [4, с. 186]. Лиза знала, как несправедливы по отношению к нему были её предки-дворяне, сколько бедствий и страданий людям причинил, например, её отец. И, будучи с детства воспитана в религиозном духе, она стремилась «всё это отмолить». Лиза обладает природным умом, цельностью характера, внутренней гармонией, она обладает большой нравственной чистотой и доброжелательностью к людям, она требовательна к себе, а в трудные минуты способна к самопожертвованию, ей присуща любовь к прекрасному. Многие из этих черт характера сближают Лизу с пушкинской Татьяной, что неоднократно отмечала современная Тургеневу критика. Тургенев умел глубоко проникать в тайники женского сердца. Одной из «прекрасных

женских душ», вдохновлявших писателя в 1850-е годы, была сама Елизавета Егоровна Ламберт. В их переписке высказано много интересных мыслей о любви, о красоте человеческих взаимоотношений. Некоторые из этих мыслей нашли преломление в суждениях Лизы Калитиной. У Тургенева имя Елизавета-Лиза не только выражает особую сущность, но и характеризует убеждения, мировоззрение героини и предрекает её судьбу. Будучи глубоко верующим человеком, Лиза Калитина больше других тургеневских героинь обладает ощущением Высшей, небесной силы («все в Божьей власти») и потому убеждена, что всё в жизни человека - от Бога. Лиза, осознав невозможность обретения счастья с любимым человеком, Лаврецким, отказывается от мирской жизни ради жизни в Боге, ради воссоединения с родной идеальной стихией. Образ Лизы Калитиной удивительный по красоте, силе и художественной выразительности. Эта молодая девушка отличается особой одухотворенной красотой, она тонко чувствует поэзию, музыку, ее натуре свойственна богатая душевная жизнь. Глубокий и насыщенный внутренний мир, искренняя вера в Бога, погруженность в молитвы позволяют героине жить, не замечая пошлости окружающих. В романе «Накануне» Тургенев изображает героиню, живущую жаждой любви. «Как жить без любви? а любить некого!» [5, т. 3, с. 184] - это главная из «страшных» дум, что мучают двадцатилетнюю Елену Стахову. Добролюбов придавал большое значение образу Елены, считая ее во многом возвышающейся над Натальей Ласунской и Лизой Калитиной; по силе характера он ставил в один ряд с Еленой только Катерину из драмы Островского «Гроза». Елене свойственна необычайная жажда деятельности, целеустремленность, способность пренебречь мнением и условностями окружающих, непреодолимое стремление быть полезной людям. Умная, сосредоточенная в своих помыслах, она ищет человека волевого, цельного, не пасующего перед препятствиями, видящего в жизни широкую перспективу и смело идущего вперед. Елене так же свойственны мечтательность, нравственная чистота, но у нее, в отличие от предшественниц, готовность к подвигу соединяется со способностью его совершить. Из троих претендентов на свою руку - Шубина, Кур-натовского, Берсенева - она выбрала бы последнего, если бы не появление Инсарова, имеющего благородную цель - «освободить свою родину!» [5, т. 3, с. 201]. Пораженная величием этой цели, Елена избирает его.

Образ Елены стал идеалом для нескольких поколений русских женщин. Вспомним, близкого друга писателя Юлию Вревскую, которая оставила особенный след в жизни Тургенева, как бы повторив подвиг героини его романа: отказавшись во время русско-турецкой войны от своего высокого положения и став сестрой милосердия, она погибла, спасая других хозяйки усадьбы и матери. К первому типу принадлежит образ Дарьи Михайловны Ласунской,

обрисованный автором с едва уловимой иронией. Тургенев сообщает, что в годы своей молодости барыня была очень хороша собой и пользовалась огромным успехом в свете, но с годами красота бесследно исчезла, а Ласунская, как и прежде, жаждет обожания окружающих. Остается одно - править бал в своей гостиной. Близкой по характеру Дарье Михайловне Ласунской оказывается Марья Дмитриевна Калитина, капризная богатая дворянка «в молодости пользовалась репутацией миленькой блондинки; и в пятьдесят лет черты ее не были лишены приятности.» [5, т. 2, с. 8].

«Маленькая худенькая женщина с тонкими чертами лица, склонная к волнению и грусти» [5, т. 3, с. 22], мать Елены Стаховой Анна Васильевна, по определению Шубина «курица». Забота о воспитании единственной дочери не тяготила ее. Когда выбор сделан, и Елена стала женой Инсарова, то матери остается только верить в лучшее. Анна Васильевна, как бы ни противилась, но обижать свою дочь она не позволила никому и приняла выбор дочери, раскрыв свои объятия для двоих.

Женщиной-матерью семейства предстает Арина Власьевна, мать Евгения Базарова, - чувствительная, но не сентиментальная, хлебосольная, теплая, нежно и трепетно любящая сына. Вместе с «музыкой и французским языком» жизнь заставила ее позабыть свойства «миловидной» барышни, сохранив черты национального характера: долг, способность к пониманию и самопожертвованию. Выйдя замуж против воли, она провела жизнь в «многолетних странствиях» с мужем-военным, а затем превратилась в кроткую домоседку-помещицу. Сына она не только любила, но и «боялась несказанно» [5, т. 3, с. 160].

Итак, в романах Тургенева основные женские характеры могут быть классифицированы следующим образом: первый тип - это именно «тургеновские девушки», мысль которых все время обращена к жизни, страданиям других. «Тургеновская девушка» наделена такими чертами характера, как кротость, преданность, искренность, благородство, для нее самый важный критерий счастья - это чистота совести, она обладает мощным потенциалом внутренней силы, основанным на чувстве нравственного долга. Второй тип - «инфернальная женщина», к нему принадлежат героини, живущие собственными интересами, сосредоточенные на себе, заключающие в себе нечто иррациональное, подчиняющие мужчину силой женской власти. Третий тип - с одной стороны, это барыня-хозяйка усадьбы, которая имеет успех в свете, жажду обожания, восхищения, и несет в себе какую-то фальшь, а с другой, - мать, отдающая себя обустройству уютного дома и любви к семье и детям.

Женские образы в произведениях Тургенева глубоко психологичны, они выписаны автором превосходно, они являются ключом к раскрытию образа

главного героя и целостной концепции романа. Они разные, но, рассказывая об их судьбах, автор показывает, что для него особенно дорого и ценно в любой женщине - это скромность, порядочность, умение любить, быть хорошей женой и матерью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винникова Г.Э. Тургенев и Россия. - М., 1977.
2. Лебедев Ю.В. Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети». - М., 1982.
3. Писарев Д.И. Литературная критика. В 4 т. Т. 1. - Л., 1981.
4. Пустовойт П.Г. И.С. Тургенев - художник слова. - М.: МГУ, 1980.
5. Тургенев И.С. Собрание сочинений: В 12 т. - М.: Худож. лит., 1975-1979.

Madina Axmadjonova

(Uzbekistan, Andijan)

maxmadjonova21@gmail.com

FEATURES OF THE TURGENEV TYPE OF GIRL IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Abstract. An attempt to specify the typology of female images in the novels of I.S. Turgenev is made in the article. Three main variations are revealed: "Turgenevs girl", possessing high spirituality, purity, strength of character; "infernal woman," having something magic, correlated in the works of the writer with the motive of love-power; a woman-mother, in which, on the one hand, the features of the lady mistress of the aristocratic estate, hungry for adoration, worship, which carries a shade of falsehood, are pointed out, and on the other hand, the mother of the family, giving her relatives warmth and love. However, all female images are described with psychological realness and depth.

Keywords: typology of female images, Turgenevs girl, infernal woman, mother-woman, Turgenev's novels.

Ахмедшина Лилия Рафаэлевна

(Узбекистан, г.Ташкент)

akhmedshina05@bk.ru

«ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ»

Аннотация. Крайне важным для человека является создание целостной картины мира, наполненной образами и представляющей собой «смысловое поле» и определенную «систему значений». Эти значения конструируют концептуальную картину мира, а язык служит в этом процессе средством ее сохранения, развития и распространения. «Значения», или концепты различных

эмоций также служат маркерами эпох, народов, социальных групп и т.д. Выявление существенных особенностей концептов, таким образом, имеет не только собственно лингвистическую ценность, но и гуманитарную, и культурную.

Ключевые слова: концептосфера, типы концептов, абстрактные концепты, макроконцепты-универсалии, микроконцепты-универсалии, универсальные концепты.

Совокупность концептов имеет чрезвычайную актуальность в современной лингвистической науке в последние несколько десятков лет.

Абстрактная природа понятий позволяет ученым выдвигать довольно широкий круг классификаций по содержанию, значимости, абстрактности, а также формам выражения. Условная составляющая концепта хранится в словесной форме.

Концепт обладает определенной структурой, которая не является жесткой, это необходимое условие существования концепта вступление в сферу концепции. Концепция включает в себя всю психическую характеристику явлений и обеспечивает понимание реальности. Упорядоченный набор понятий в сознании человека формирует свою концептуальную область. Язык – один из способов доступа к разуму человека, его концептуальной сфере, содержанию и структуре понятий как единиц мышления.

Исследование концептов можно проводить на уровне отдельных слов. Слово является не просто средством доступа к понятию, а необходимым условием существования понятия. Поэтому с нашей точки зрения, концептами можно назвать только те ментальные образования, которые называются устойчивыми концептами, т.е. имеющие закрепленные за ними средства вербализации. [1, с.300]

В ином случае слова не вызывают никаких образов художественного характера, но они могут создать художественные впечатления, которые имеют свой результат в обогащении духовной среды. В проблеме познания это «нечто» имеет название «концепта», под которым следует понимать два его вида: «понятие» и «общее представление». [2, с. 267].

Концепты могут быть выделены как макроконцепты-универсалии и микроконцепты-универсалии, так и художественные макроконцепты и художественные микроконцепты. Помимо этого, концепты-универсалии по преобладающей содержательной составляющей могут быть подразделены на:

- 1) Эмотивные концепты, в содержании которых наиболее значим эмоциональный слой («Радость», «Скука», «Тоска», «Страх»);
- 2) Аксиологические концепты, содержащие особенно очевидные ценностные смыслы («Добро», «Зло», «Ложь», «Правда»);

3) Логически конструируемые концепты являются концептами в ассоциативно-семантическом поле, которых присутствует предметно-логическая рациональная информация («Жизнь», «Смерть», «Время»);

4) Культурные, или культурно-обусловленные концепты, на ассоциативно-семантическом поле которых важнейшими являются содержательные элементы, непосредственно связанные с культурной и «цивилизационной спецификой» общества («Государство», «Деньги», «Человек»);

5) Мифологические концепты – в ассоциативно-семантическом поле они являются фантастическими элементами, связанные с мифологией какой-либо народности. Фантастические элементы могут быть включены и в языковую картину мира другой народности («Домовой», «Русалка», «Призрак»), тем самым определяя сходства и различия;

6) Образные, или эстетические концепты, содержащие принципиальную роль в языковой картине мира всех языковых носителей, в целом имеют содержательные компоненты, связанные с переносными и (или) эстетическими значениями вербалиционных слов («Огонь», «Вода»). [3,с. 115]

Вместе с появлением термина «концепт» в лингвистическом аппарате стали разрабатываться методики исследования концептов, называемые концептуальными анализами и относящиеся к исследованиям, объектом исследования которых является концепт.

Концепт как единица структурного знания находит определенное положение, то есть совокупность упорядоченного дискретного элемента, которое может быть классифицировано по разным критериям, например, по степени его значимости, по степени его абстрактности, форме, функции и т.д. Такие элементы концепта называем концептуальными признаками.

Для исследования концепта весьма информативны контекстуальные анализы различных видов дискурсов (публицистической науки, художественной, рекламной и т.д.). Исследование фрагментов современного публицистического и рекламного текста дает представление о ценностной составляющей концепта на сегодняшний день.

Русский ассоциативный словарь содержит концепты-ассоциации, которые возможно разделить на 3 группы:

- экстралингвистические знания о явлениях окружающей среды (имена собственные, надписи, реклама, лозунги, слоганы; знания, подчеркивающие или отражающие актуальное состояние общественной жизни, экономики, политики, культуры; факты и явления искусства, культурной среды; фразеологизмы, как явления картины мира, наглядность и образность в реакциях; мимика и жесты, интонация, суждения и т.д.);

- диалоговая информация, которая отражает языковое сознание носителей (диалоговые режимы, рефлексия по поводу языковых феноменов, эмоционально-оценочные ответы, перформативную и дейктическую реакции, юмор, игру слов и т.д.);

- знания о непосредственном устройстве самой речи (языка).

По степени отражения национального характера выделяются универсальные концепты (солнце, родина, вода, земля, дом и др.) и национальные концепты, которые только присущи только одной народности (например, «истина», «правда» в русском языке).

Существует классификация по степени абстрактности содержания, которая подразумевает подразделение на:

- абстрактные концепты (ментальные факты);
- предметные (конкретные) концепты (артефакты и натурфакты).

Основой типологии таких понятий может быть уровень абстракции. В этом случае можно говорить об универсальных духовных культурах, образованных при гипостазировании предикатов отношений и свойств («красота», «свобода», «счастье», а в рамках настоящего исследования дополнительно «несчастье»). С другой стороны, их можно отнести к концептам-символам, то есть окультуренным реалиям («береза», «черемуха», «матрешка»).[4,с.97]

Типологию концептов можно осуществлять и разделяя по значению. То есть, в рамках этой классификации, существуют концепты высшего порядка (то есть долга, счастья, истины, любви, и т.д.), а также основные концепты, выступающие в качестве элементарных частиц, которые описывают другие понятия. Концепты, имеющие свойства как первого, так и второго типа, являются универсальными концептами.

Таким образом, под концептом понимается некое ментальное образование, присутствующее в языке коллектива или индивидуального сознания, прошедшее процесс осмысления, осознаваемое языковой личностью как инвариантное значение ассоциативно-семантического поля и вербализованные лексическими единицами данного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко, Н.Ф. Проблема вербализации концепта: Теоретическое исследование. – Волгоград: Перемена, 2003. – 326 с. С. 300.
2. С. А. Аскольдов Концепт и слово // Русская словесность: Антология / Под ред. В. Н. Нерознака. М.:Academia, 1997.с. 267-280
3. Сергеева Е. В. Избранное. Сборник статей, Концепт-универсалия и художественный концепт: проблема классификация – М.: Изд-во Директ-медиа, 2013. – 343 с. С. 115.

4. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты. – М.: «Языки русской культуры», 1996. – 288 с. С. 97.

Akhmedshina Liliya
(Uzbekistan, Tashkent)
akhmedshina05@bk.ru

«THE PROBLEM OF RESEARCH OF THE CONCEPTOSPHERE»

Abstract. It is extremely important for a person to create a holistic picture of the world, filled with images and representing a "semantic field" and a certain "system of meanings". These meanings construct a conceptual picture of the world, and language serves in this process as a means of preserving, developing and disseminating it. "Meanings" or concepts of various emotions also serve as markers of epochs, peoples, social groups, etc. The identification of the essential features of concepts, therefore, has not only a purely linguistic value, but also a humanitarian and cultural one.

Key words: conceptosphere, types of concepts, abstract concepts, macroconceptions-universals, microconceptions-universals, universal concepts.

B.P. Ashrapov
(Tajikistan, Khujand-city)
bahodur.ashrapov@mail.ru

THEORETICAL ISSUES BESET WITH ENGLISH WORD-BUILDING FROM THE VIEWPOINT OF LINGUISTS

Abstract. The article dwells on the issue concerned with theoretical views of linguists on English word-building. It is noted that word-building is considered to be one of the most important and crucial issues in the sphere of English linguistic studies.

Key words: English language, prefix, suffix, word-building, lexical elements, key role, morphological peculiarities.

Introduction

It is common knowledge that word-building is considered to be one of the ways of word stock enrichment and plays a key role in the development and evaluation of languages of the world and the former in question occupies a prominent position. The essence of word-building and its distinguishing peculiarities in terms of structure and have not lost their importance under the angle of the level of usage as well. Although some basic types of compound words were identified and described by ancient English grammarians. In reference to it, separate models of derivative words in different languages are being canvassed and discussed scientifically.

In conformity with Henry Suit's assumption one can assert the fact that "a word is the minimum potential of a sentence" it means only its grammatico-semantic aspect. Into the bargain, an outstanding scholar in linguistic studies E. Sepir laid an emphasis upon the idea that: "a word is considered to be one of the smallest, but independent components of a separated meaning which a sentence is connected to with" [2, p. 27].

In a language, from the point of view of comparative linguistic studies each word possess its own structure, peculiarities, meaning, notions and similarities can also be seen between the languages under consideration and comparison. The need to study foreign languages in Tajikistan Republic requires that the two comparative languages, namely foreign and native ones can be justified scientifically. A famous scholar in linguistic studies V.D. Apakin underscored that "Typology, as a special branch of linguistic studies composes its own theory designed on the premise of inferential scientific evidence and dwells on language possibilities in terms of definition and implementation, entirely" [1, p.26].

In accordance with the majority of researchers' assertions and statements word-building is considered to be one of the main sources aimed at the improvement of any language word stock [9, p.27]. It became clear that under the angle of researchers and available, appropriate scientific literature the lexicons of language are divided into simple, derivative, compound and complex or idioms those ones we relied on the relevant classification as well.

Thus, the forms and ways of word-building of Tajik and English languages are relatively stable and do not change for centuries and new derivative words are built based on these forms [3; 4; 5; 6; 7].

As far as we are concerned in English, there are several ways and means of word-building that occupy an important role in the enrichment of word stock and expanding the language. By virtue of the relevant means of word-building, such as: affixation, compounding, conversion and shortening new words can be composed. As well as, there are other means of word-building, such as sound-interchange, stress-interchange, sound imitation, blending and speech. Such kinds of means of word-building have been in use for many years.

English language differs from other languages with variety of feature of lexical units. Various phonetic, morphological, grammatical, syntactic, structural, semantic, stylistic, semasiological peculiarities of compound words promote the emergence of different means and models of word-building and testify to the diversity of the relevant linguistic phenomenon.

V.I. Zabotkina made an inference that according to P. Beuchfield 800 new words appear on average in a year in modern English literary language through the former in question is much more than in other languages [10, p.13]. In modern times

and the rapid development of science and technology and human activity the relevant indicator can be increased gradually. P.M. Kapashuk underscores that the main task of word-building is the study of rules and semantico-genetic peculiarities of the derivation of new lexical units that appear during the development of language [8, p.9].

For the first time, Professor V.N. Yaptsev called convention one of the methods of word-building and noted its frequently used in modern English literary language [6, p.41]. The history of the essence of convention with A.I. Smipnitsky's proposal found relatively great importance [6, p.29]. He included conventions in such method of word-building that the only means of the former in question serves the paradigm of the word itself. According to the notion of paradigm of word he comprehends the grammatical changes of the word which is considered to be a certain factor of the word and it participates as a means of word-building.

P.A. Soboleva suggests that the aspects of the word composition can be determined by the type of word-building being considered to be as "characteristics of complex words" [6, p.25]. The three non-confrontational ideas about convention are attributed to the characteristic features of modern English grammar structure. Regardless of the fact that the issue dealing with convention in English language began in ancient times, until now, both native and foreign scholars in linguistic studies do not have a point of contact with the essence of convention formation [6, p.56]. Evidence of the comparative combination of related and foreign languages is considered to be one of the natural branches of typological linguistics. There is a difference between typological and comparative combination of languages - both from the point of view of the linguistic research method: comparative research uses the deductive method and from the typological point of view the inductive one, upon the whole.

Conclusion

Adducing the result of the conducted analysis beset with the theme explored one can come to the conclusion that the forms of word-building English languages are relatively stable and do not change for centuries. Each type of word-building at different stages of the development of the language plays an important role in the enrichment of word stock and it undoubtedly depends on the internal rules of the language. In English language, there are 4 types of word-building, such as: 1) lexical-syntactic; 2) morphological-syntactic; 3) morphological; 4) convention.

REFERENCES

1. Arakin V.D. Comparative typology of English and Russian languages. Leningrad: Education, 1979. 264 p.
2. Arnold I.V. Lexicology of modern English. M.: Publishing house of literature in foreign. yaz., 1959. 352 p.

3. Ashrapov B.P. Comparative analysis of morphological peculiarities of self-emphasis pronouns in the Tajik literary language appertaining to the XVIII-th and XX-th centuries. // Заметки ученого. 2021. № 2. С.39-41.
4. Ashrapov B.P. Correlative Analysis Beset with the Meaning of the Suffix -goh in Literary Tajik Language Referring to the XVIII-th and the XX-th Centuries. // Bulletin of Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian Sciences. 2021. № 3(88). P.93-99.
5. Ashrapov B.P. The level of usage of some non-productive verbal prefixes in “Tuhfat-ul-khoni” by Muhammadvafo Karminagi. // Рефлексия. 2021. No. 6. P. 10-12.
6. Azimova M.N. Structural and semantic features of compound nouns in modern English and Tajik languages. // Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics. Khujand, 2012. - No. 1. pp.166-179.
7. Giyosov N.I., Ashrapov B.P. Brief essay on copies of historical production entitled as “Tuhfat-ul-khani” by Muhammadwafo Karminagi. // Рефлексия. 2021. No. 5. P. 7-9.
8. Karashchuk P. M. Word formation of the English language. M.: Higher school, 1977. 303 p.
9. Khorkashev S. Formation of vocabulary and word-building. Dushanbe: Cognition, 2014. 106 p.
10. Zabotkina V.I. New vocabulary of modern English. M.: Higher school, 1989. 126 p.

Б.П. Ашрапов
(Таджикистан, г.Худжанд)
bahodur.ashrapov@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ АНГЛИЙСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВИСТОВ

Аннотация. Статья посвящена проблеме, связанной с теоретическими взглядами лингвистов на английское словообразование. Отмечается, что словообразование считается одним из самых важных и актуальных вопросов в сфере изучения английского языка.

Ключевые слова: английский язык, префикс, суффикс, словообразование, лексические элементы, ключевая роль, морфологические особенности.

Аюпов Салават Мидхатович
(Турецкая Республика, г. Эрзерум)
ayupovsm@mail.ru

ЗА МАСКОЙ ГЕРОЯ: О ТУРГЕНЕВСКИХ ПЕЙЗАЖАХ

В ЧЕХОВСКОМ ЭТЮДЕ «В ЛАНДО»

Аннотация. В статье доказывается эффективность «природной триады» героя, выявляющей типичные пейзажи Тургенева, их частотность и соотносящейся с конкретным произведением классика.

Ключевые слова: Чехов, тургеневский пейзаж, «природная триада», «Муму».

В научной литературе «тургеневское» в этюде «В ландо» комментируется так: провинциальная девушка Марфуша выражает «авторскую концепцию произведения» [2, с. 46], является «носителем подлинной, «тургеневской культуры»» [3, с. 268], а также – героиней, защищающей «Записки охотника» «от реакционных сил» [1, с. 53]. На противоположном полюсе барон Дронкель, который оценивается «как ограниченный попутчик» [2, с. 46-47], «знаток» Тургенева [2, с. 100], «отталкивающий образ светского невежды», «нарисованный с брезгливым презрением» [1, с. 53]. Предложим свою версию критических высказываний этого героя о знаменитых на весь мир пейзажах.

Барон недоволен их пространностью – «тянет, тянет», тем, что описание одного природного объекта или нескольких сразу в «Записках охотника» развернуто и вширь, и ввысь, и кажется ему нескончаемым. Среди таких «затянувшихся» объектов барон выделяет следующие: «Солнце зашло... Птицы запели... Лес шелестит...» [8, с. 243].

Примечательно, что все отмеченные бароном элементы природного мира Тургенева обнаруживаются в очерке «Лес и степь»: они же находятся в других очерках книги: и совокупно, и по отдельности. Приведем примеры на каждый элемент этой триады барона сначала из вышеназванного очерка.

Вот образ *заходящего/зашедшего* солнца: «Но вот наступает вечер. Заря запылала пожаром и обхватила полнеба. *Солнце садится*. Воздух вблизи как-то особенно прозрачен, словно стеклянный; вдали ложится мягкий пар, теплый на вид; ... *Солнце село...*» [4, с. 356-357; курсив в тургеневских текстах – наш]. Вот образ поющих птиц в данном очерке, сопряженный со встающим солнцем: «А между тем *заря разгорается ... жаворонки звонко поют*, предрассветный ветер подул – *и тихо всплывает багровое солнце*» [4, С. 355]. Очерк завершается весенней зарисовкой с теми же поющими птицами: и вновь они сочетаются со встающим светилом: «А первые весенние дни, когда кругом всё блестит и обрушается... на проталинках, *под косым лучом солнца, доверчиво поют жаворонки...*» [4, с. 360]; «косой луч солнца» – утреннее солнце («кругом всё блестит»). И наконец, образ *шелестящего* леса: «Но вот ветер набежал, и *за шумели верхушки, словно падающие волны*» [4, с. 357]. Итак, в пределах одного

очерка мы находим: и *зашедшее солнце*, и *поющих птиц*, и *шумящий лес*, – все элементы триады, которую озвучил барон.

Те же природные образы обнаруживаются и в других очерках «Записок охотника». Прежде всего укажем на комбинацию всех трех элементов в одном целом: оно наблюдается и в «Свидании». Очерк начинается с описания шумящего леса: *«Листья чуть шумели над моей головой; по одному их шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года. То был не веселый, смеющийся трепет весны, не мягкое шушуканье, не долгий говор лета, не робкое и холодное лепетанье поздней осени, а едва слышная, дремотная болтовня»* [4, с. 240]. *Шелестящий лес* изображён здесь в разных природных ракурсах, многосторонне. А вот еще пример на тему «лес шелестит...» (барон) в том же очерке: *«... вся внутренность леса была наполнена солнцем и во все направленья, сквозь радостно шумевшую листву, сквозило и как бы искрилось ярко-голубое небо;»* [4, с. 241]. Образ поющих птиц представлен в этом очерке по преимуществу со знаком минус, но все-таки он присутствует: *«Ни одной птицы не было слышно: все приютились и замолкли; лишь изредка звенел стальным колокольчиком насмешливый голосок синицы»* [4, с. 241].

Еще один компонент отмеченной бароном триады – «Солнце зашло...» – представлен в очерке *солнцем накануне заката*: *«Солнце стояло низко на бледно-ясном небе... До вечера оставалось не более получаса, а заря едва-едва зажигалась»* [4, с. 248]. А вот сочетание *шумящего дерева* и *заходящего солнца* в одном предложении: *«Она (осина – С.А.) бывает хороша только в иные летние вечера, когда, возвышаясь отдельно среди низкого кустарника, приходится в упор рдеющим лучам заходящего солнца и блестит и дрожит, с корней до верхушки облитая одинаковым желтым багрянцем...»* [4, с. 241]. Итак, все природные элементы, выделенные бароном, в той или иной степени имеются в очерке «Свидание».

Его триада выявляет еще одну закономерность – *частотность* этих природных элементов в «Записках охотника»: чаще всего встречается в них образ заходящего солнца, реже – образ поющих птиц и на последнем месте по частотности – образ шумящего леса.

Так, в начале «Бежина луга» дважды (!), в первом и втором абзацах, изображается *заходящее* и *зашедшее* солнце. Первый абзац: *«К вечеру эти облака исчезают; последние из них ... ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно взошло на небо, алое сиянье стоит недолгое время над потемневшей землей ... »* [4, с. 86]; второй абзац: *«...и в воздухе, еще светлом, хотя не озаренном более лучами закатившегося солнца, начинали густеть и разливаться холодные тени ...»* [4, с. 87]. Оно же изображено и первом абзаце «Ермолая и мельничихи»: *«Солнце*

село ... алый свет вечерней зари медленно скользит по корням и стволам деревьев...» [4, с. 19]. Зашедшее солнце имеется и в концовке «Певцов»: (здесь слово «солнце» не упоминается, но контекст «подсказывает»): «Я вышел. *Заря уже давно погасла, и едва белел на небосклоне ее последний след;*» [4, с. 224]. Картина заходящего солнца венчает очерк «Льгов»: «*Солнце садилось; широкими багровыми полосами разбегались его последние лучи ...*» [4, с. 85]. Заходящее солнце завершает очерк «Хорь и Калиныч»: и здесь нет этого слова, но представлена вечерняя заря: «Мы поехали; *заря только что разгоралась. (...)* Калиныч ... *всё глядел да глядел на зарю...*» [4, с. 18]. Во всех этих примерах *заходящее/зашедшее* солнце либо открывает тургеневский очерк, либо его завершает (или попадает в концовку), то есть, образ актуализирован, подчеркнут в повествовании. Барон уловил его первостепенность в ландшафтах «Записок охотника», открыв именно им свою критику знаменитых пейзажей.

Второй элемент его триады: «...Птицы запели...» мы уже отметили в «Лесе и степи»: вместе со встающим весенним солнцем *образ поющих жаворонков* окольцовывает повествование очерка, тем самым подчеркивается важность этого образа для тургеневских картин природы. Находится он (в такой же связке с солнцем) и в очерке «Живые мощи», здесь читаем: «*Солнце только что встало; на небе не было ни одного облачка; (...) Ах, как было хорошо на вольном воздухе ... где трепетали жаворонки, откуда сыпался серебряный бисер их звонких голосов!*» [4, с. 327]. Указанная комбинация в несколько изменённом виде (*встающее* солнце вместо *вставшего*) и распевающие птицы (опять жаворонки) перейдет из «Записок охотника» в повесть «Три встречи» (1852), законченной и напечатанной в начале 1852 года, именно тогда, когда были созданы все 22 рассказа знаменитой книги. Здесь читаем: «Нетерпение мое было так велико, что *заря только что разгоралась*, когда я подошел к знакомым воротам. *Кругом пели жаворонки...*» [5, с. 226]. Сочетание *вставшего* солнца и *распевающих жаворонков* наличествует и в повести «Затишье» (в издании 1856 г.). Здесь читаем: «*Недавно вставшее солнце* затопляло всю рощу сильным, хотя и не ярким светом; (...) *Только и слышались, что рассыпчатые голоса жаворонков* над отдаленными полями ...» [5, с. 416-417].

Полюбившаяся Тургеневу комбинация, начало которой в очерке «Лес и степь» (1849), перешла из него не только в указанные повести, но и в роман «Рудин», который, как и этот очерк, открывается утренней зарисовкой природы. И вновь вставшее солнце и поющие жаворонки в одной картине: «Было тихое летнее утро. Солнце уже довольно высоко стояло на чистом небе; (...) *в вышине звенели жаворонки*» [6, с. 199]. Те же природные образы мы видим и в романе «Накануне» (1860), здесь читаем: «*Солнце еще не вставало ... первые жаворонки звенели высоко-высоко в полусумрачной воздушной бездне...*» [7, с. 223].

Барон прав, говоря: «Птицы запели...»: действительно, образ поющих утренних жаворонков на фоне встающего/вставшего солнца, начиная с «Леса и степи» до «Накануне» включительно, является характерным, типичным для тургеневских картин природы. Что касается третьего элемента триады («Лес шелестит...»), примеры которого даны выше («Лес и степь», «Свидание»), он менее всего используется Тургеневым при создании пейзажей. Типичность этого образа для Тургенева-пейзажиста подчеркнута тем, что в «Свидании» шум леса описан в разные времена года, и тем, что лесной шум как явление ближайшего времени упомянут в начальном ландшафте *первого* тургеневского романа: «... и в лесу, *еще* сыром и не шумном...»; «не шумном», потому что летнее утро – «тихое», ветра еще нет, но он будет, и лес зашумит своей листвой (на это указывает слово «еще»). Примечательно, что глагол «шелестит» применительно к лесу имеется в прозе Тургенева, но в несколько иной окраске. В романе «Накануне» читаем: «Легкий шорох, *подобный шелесту женского платья, поднимался по временам в верхушках близких деревьев...*» [7, с. 178].

Самое удивительное: триада барона соотносится и с конкретным тургеневским произведением, в котором есть и «солнце зашло», и «птицы запели», и «лес шелестит», а именно – с повестью «Муму» (1852). Все эти природные элементы сопутствуют немому Герасиму в его ночном походе домой, в родную деревню. Здесь читаем: «... с одной стороны, там, где *солнце закатилось*, край неба еще белел ... (...) *Перепела сотнями гремели кругом, взапуски перекликивались коростели...* Герасим не мог их слышать, не мог он слышать также *чуткого ночного шушуканья деревьев*, мимо которых его проносили сильные его ноги...» [5, с. 271]. Впервые все три элемента, указанные бароном, составляют непрерывное повествование, следуя друг за другом. Заканчивается эта природная картина образом поднимающегося солнца: «... когда *восходящее солнце озарило своими влажно-красными лучами* только что расходившегося молодца, между Москвой и им легло уже тридцать пять верст...» [5, с. 271]. Это встающее светило отсылает нас к «Каникулярным работам институтки Наденьки N» (1880), к первой половине ее фразы «*Солнце то восходило, то заходило*»: Дронкель солидаризируется с институткой, продолжая критику тургеневских пейзажей «Записок охотника» под известным углом.

Между тем его критика одновременно является анализом тургеневского изображения природы, анализом глубоким и точным. Триада барона определяет: типичные образы в пейзажах классика; их частотность; «указывает» на то произведение, в котором все три элемента сольются в единое повествовательное целое. Конечно, нельзя согласиться с утверждением барона о том, что «Записки охотника» и другие произведения Тургенева не повлияли на развитие русского общества: факты литературные, исторические, бытовые говорят об

обратном. Вместе с тем за критикой барона и Наденьки Н тургеневских ландшафтов стоит сам Антоша Чехонте, который, осмысляя за масками своих героев «механизм» пейзажного мастерства предшественника, прокладывая путь к своим, оригинальным картинам природы, поразившим современников в повести «Степь».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бялый Г.А. Тургенев и русский реализм. – М.-Л.: Сов. писатель. – 1962. – 247 с.
2. Григорян Г.А. А. П. Чехов – читатель и критик И.С. Тургенева: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. Москва, 2019. – МГУ им. М.В. Ломоносова. – 207 с.
3. Минц З. Г. Место «тургеневской культуры» в «картине мира» молодого Чехова (1880–1885) // Поэтика русского символизма. СПб: «Искусство–СПб», 2004. – 480 с. С. 268.
4. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. – Соч., т. 3. – М.: Наука, 1979. – 526 с.
5. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. – Соч., т. 4. – М.: Наука, 1980. – 687 с.
6. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. – Соч., т. 5. – М.: Наука, 1980. – 543 с.
7. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. – Соч., т. 6. – М.: Наука, 1981. – 395 с.
8. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. – Соч., т. 2. – М.: Наука, 1975. – 584 с.

Aiupov Salavat Midkhatovich
(Türkiye, Erzurum)
ayupovsm@mail.ru

BEHIND THE MASK OF A HERO: ABOUT TURGENEV'S LANDSCAPES IN CHEKHOV'S SKETCH "IN LANDO"

Abstract. The article proves the effectiveness of the "natural triad" of the hero, which reveals the typical landscapes of Turgenev, their frequency and correlates with a specific work of the classic.

Key words: Chekhov, Turgenev's landscape, "natural triad", "Mumu".

Аюпова Светлана Будимировна
(Турецкая Республика, г. Эрзерум)
ayupova_sb@mail.ru

«ТУРГЕНЕВЫ РАЗНЫЕ БЫВАЮТ»: РЕЦЕПЦИЯ КЛАССИКА ЧЕХОВЫМ В ПИСЬМЕ К БРАТУ АЛЕКСАНДРУ

Аннотация. В статье анализируется восприятие Чеховым образа «тургеневской девушки» в качестве воспитательного и образовательного ресурса в «педагогическом письме» к брату.

Ключевые слова: братья Чеховы, «тургеневская девушка», Мария Чехова, воспитание.

В письме от 20-х чисел февраля 1883 года (из Москвы) Чехов сравнивает сестру Марию с «тургеневской девушкой»: «Она ничем не хуже теперь любой тургеневской героини... Я говорю без преувеличиваний» [5, с. 57]. Такое сравнение – похвала сестре, стремящейся к интеллектуальной и нравственной зрелости. Говоря о ней, Чехов несколько раз использует слово «серьезный»: «Она уже большая девка, на курсах, засела за серьезную науку, стала серьезной, а сказал, написал ли ты ей хоть одно серьезное слово?» [там же].

Характеристика сестры («серьезная») соотносит ее с «тургеневскими девушками»: и Наталья, и Лиза, и Елена, и Марианна, и Ася, – все они серьезные, ответственные барышни, живущие напряженной духовной жизнью. Например, о Наталье сказано: «Она часто оставалась неподвижной, опускала руки и задумывалась; на лице ее выражалась тогда внутренняя работа мыслей... (...) она училась прилежно, читала и работала охотно. (...) Наталья читала и такие книги, существования которых m-lle Boncourt не подозревала: она знала наизусть всего Пушкина...» [3, с. 239, 240].

Подобно семнадцатилетней Наталье Ласунской, девятнадцатилетняя Мария Чехова, по мнению Антона, готова к разговору на важные темы, а потому он просит и даже требует от старшего брата Александра начать его с сестрой. Далее Антон добавляет: «Она многое могла бы почерпнуть от тебя, но ты скуп. (Любовью ее не удивишь, ибо любовь без добрых дел мертва есть.)» [5, с. 57]. Из письма видно, что «под добрыми делами» Чехов подразумевает такие письма старшего брата к Марии, которые расширили бы ее умственный и нравственный кругозор. Вспомним, что в тургеневском романе устами Лежнева сказано: «... но доброе слово – тоже дело» [3, с. 319].

Отблеск тургеневского романа (и не только) в этом письме Чехова, думается, ощутим и в фразе, завершающей «тему Марии»: «Почва самая благотворная, знай только сей!» [1, с. 57]. «Почва» – это Мария, ставшая «серьезной девкой», а глагол «сей» – это совершенствующая ее ум и сердце переписка, которую «теперь» обязан вести с ней старший брат взамен пустопорожних лирических излияний.

Такая оппозиция – оппозиция учителя и ученика – ведет нас к образовательным беседам Рудина с Натальей (вспомним высказывание Н.А. Добролюбова о Рудине – «пропагандист – хоть для одной женской души, да пропагандист»; по мнению Антона, таким же пропагандистом знаний в отношении сестры должен стать Александр). Императивное «сей!» соотносит это чеховское суждение с некрасовской поэмой «Саша» (1855), где выведен герой, близкий, как известно, тургеневскому герою-просветителю. Мы имеем в виду такие стихи из поэмы: «Сеет он всё-таки доброе семя!» [2, с. 26], а ее героиня сопряжена с нивой, обещающей богатый урожай: «...Пышная жатва. Нетронутых сил / В Саше так много сосед пробудил...» [там же, с. 27]. Вот и Антон призывает Александра «пробудить» в сестре «нетронутые силы», раскрыть ее духовный потенциал в серьезных письмах к ней: «а ты лирику ей строчишь и сердишься, что она тебе не пишет!» [5, с. 57-58].

Примечательно, что слово «почва», под которой в письме подразумевается сестра Мария, также имеется в некрасовской поэме и соотносится с Сашей: «В добрую почву упало зерно — / Пышным плодом отродится оно!» [2, с. 27].

Чехов иронизирует над воспитательными приемами старшего брата в отношении «горячо любимой сестры»: «Ты шутишь с ней: дал ей вексель, купил в долг стол, в долг часы... Хороша педагогия!» [5, с. 58]. В противовес «шуточному» общению с сестрой Антон предлагает брату взглянуть на сестру иначе: «А ведь она человек, и даже ей-богу человек», «с которым *следует* обязательно говорить...» [5, с. 58; курсив Чехова].

В противовес такой «педагогии» Чехов, великий писатель и великий читатель, строит свое повествование к брату-литератору («Ты прекрасный стилист, много читал, много писал, понимаешь вещи так же хорошо, как и другие их понимают...»; [5, с. 54]) таким образом, что оно отсылает Александра к известным произведениям середины 1850-х годов (роман «Рудин», поэма «Саша»), в которых воссоздан герой, развивающий жаждущую знаний и перемен юную героиню: а именно такую позицию должен занять старший брат в письмах к Марии, считает Антон.

С помощью приема *ситуативного* и *словесного* созвучия письменного и художественного текстов («серьезное слово» – «доброе слово», «сей» – «сеет», «почва» – «почва») призывы Антона к брату по поводу Марии теряют известную сухость дидактических рассуждений и начинают звучат живыми голосами русской классики. В письмах к Чехову его часто называют великим психологом. И в письме к брату, он старается достучаться не столько до его ума, сколько до сердца, опосредовано соотнося повзрослевшую и поумневшую Марию с героинями тургеневского романа и некрасовской поэмы, воздействуя на брата

силой художественных образов, невольно возникающих в сознании благодаря и знакомой ситуации, и ключевым словам из указанных произведений.

Предыдущее письмо к брату от 25 января 1883 года, где также говорится о сестре, как бы подготавливает «тему Марии» в обширном чеховском письме от 20-х чисел февраля: «Она уже возросла и играет роль. Ей целуют руку Пальмины, Кругловы, Немировичи-Данченко, все те, коим молятся в Таганроге. *Она умнеет с каждым днем*». [5, с. 49; курсив наш].

Созданный Тургеневым образ тургеневской девушки оказывается единственно возможным для истолкования Чеховым морального состояния сестры «в минуту жизни трудную»: все остальные женские образы русской классики здесь не функциональны, «не работают». Тургенев-писатель является для 23-х летнего беллетриста самым близким союзником в деле воспитания сестры.

Думается, этот образ тревожил воображение Чехова-человека и художника до конца его жизни. В своих воспоминаниях Горький приводит слова Толстого, сказанные последним Чехову в 1901 году, в Крыму, в Гаспре, видимо, во время беседы о творчестве автора «Дворянского гнезда»: Тургенев «сделал великое дело тем, что написал удивительные портреты женщин. Может быть, таких, как он писал, и не было, но когда он написал их, они появились. Это – верно; я сам наблюдал потом тургеневских женщин в жизни» [1, с. 161.]. Скорее всего, в формировании идейно-нравственного облика Марии Чеховой существенную роль сыграли и тургеневские героини, «удивительные портреты» которых находим и в ранних, и в зрелых, и в поздних творениях знаменитого прозаика.

Обращение к Тургеневу-писателю периодически возникает в письмах Чехова к братьям на протяжении нескольких лет. Так, в апрельском письме 1879 г. из Таганрога в Москву младшему из Чеховых – Михаилу – Антон советует братьям (Ивану, Николаю, Александру) «... прочесть, если они еще не читали, «Дон-Кихот и Гамлет» Тургенева, добавляя при этом, «ты, брате, не поймешь» [5, с. 29]. В мартовском письме 1886 г., стараясь оторвать Николая от пагубного пристрастия к алкоголю, «Чехонте» в качестве альтернативы беспорядочной и опасной жизни предлагает: «... разбей графин с водкой и ложись читать... хотя бы Тургенева, которого ты не читал...» [5, с. 221]. Посередке между этими датами находится письмо к Александру, в котором нет упоминания Тургенева и его произведений, но образ просветителя Рудина и его некрасовского варианта Агарина без особого труда угадываются при внимательном чтении фрагмента, посвященного Марии.

В этом письме Чехов явлен не только умелым педагогом и психологом, но и аналитиком, подмечающим характерные свойства тургеневских героинь. Комментируя непоступление Марии в московское Училище живописи, ваяния и

зодчества, куда она не была принята из-за отсутствия вакансии [5, с. 343], Чехов пишет о нынешнем ее состоянии: «Она переживает теперь борьбу, и какую отчаянную! Диву даешься! Всё рухнуло, что грозило стать жизненной задачей...» [5, с. 57]. И после многоточия следует вышеупомянутое сравнение сестры с тургеневской героиней.

Глубочайший кризис – после Рудинского «покориться» – переживает Наталья в «Рудине», Лиза – после неожиданного возвращения жены Лаврецкого, Елена – после смерти Инсарова в Венеции.

Суждение Чехова о сестре – «всё рухнуло, что грозило стать жизненной задачей»: очень точно характеризует положение «тургеневской девушки»: она всегда устремлена к высокой цели, она в высшей степени одухотворена, и вместе с тем искомое, желанное для нее оказывается недостижимым.

У Натальи разлетись, как дым, надежды на жизнь с любимым Рудиным, построенную, как она верила (слушая его речи) на *свободе, на жертвах во имя этой свободы* [3, с. 281; курсив наш]; у Лизы вдребезги разбилось близкое, заветное счастье с Лаврецким: «Но Лиза не чета *той*: она бы не потребовала от меня постыдных жертв; она не отвлекла бы меня от моих занятий; она бы сама воодушевила меня на честный, строгий труд, и мы пошли бы оба вперед к прекрасной цели [4, с. 96; курсив Тургенева]; для Елены стала невозможной гармония счастья, любви и совместной борьбы с мужем за освобождение Болгарии, в итоге она просто «исчезает с поверхности земли».

Сравнивая сестру с тургеневской героиней, Чехов в 1883 г. указывает на некоторые типические черты такого персонажа (мгновенный переход в ее жизни от счастья к несчастью; жестокая внутренняя драма): позже эти черты станут общим местом в трудах историков литературы.

Итак, Тургенев-писатель привлекает Чехова в указанный период (1879-1886 гг.) как образовательный и воспитательный ресурс и как материал для анализа и размышлений (образ тургеневской девушки); в самих же чеховских произведениях этих годов с тургеневской «начинкой» наметится отталкивание молодого художника слова от стиля великого предшественника и прежде всего в описаниях природы.

ЛИТЕРАТУРА

1. М. Горький и А. Чехов. Переписка. Статьи. Высказывания. – М., ГИХЛ, 1951. – 288 с.
2. Некрасов Н.А. Саша // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем в 15 т. – Л.: «Наука», 1981. Соч. Т. 4. С. 10–27.
3. Тургенев И.С. Рудин // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч. Т. 5. – М.: Наука, 1981. – С. 197–323.

4. Тургенев И.С. Дворянское гнездо // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч. Т. 6. – М.: Наука, 1981. – С. 5–158.

5. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. Т. 1. – М.: Наука, 1974. – 584 с.

Aiupova Svetlana Budimirovna

(Türkiye, Erzurum)

aiupova_sb@mail.ru

"TURGENEV'S ARE DIFFERENT": RECEPTION OF THE CLASSIC BY CHEKHOV IN A LETTER TO BROTHER ALEXANDER

Abstract. The article analyzes Chekhov's perception of the image of "Turgenev's girl" as an upbringing and educational resource in the "pedagogical letter" to his brother.

Key words: Chekhov brothers, "Turgenev's girl", Maria Chekhova, education.

Н.Б.Бадалова

(Узбекистан. Г. Андижан)

badalovanargiza613@gmail.com

ГЕНЕЗИС И ПОЭТИКА ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В РОМАНЕ МИХАИЛА БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы происхождения демонологических образов в литературе, а так же раскрывается суть, смысл, роль булгаковского сатаны и его свиты в романе “Мастер и Маргарита” посредством прослеживания изменения демонологических образов на протяжении веков.

Ключевые слова: генезис, демонология ,дуализм, поэтика, миф, зло и добро,инфернальный

Образ «владыки тьмы» всегда оставался востребованным в культуре, испокон веков менялись лишь формы и имена . Было ли это побуждено исключительно желанием отдать дань религии или писателями и художниками двигало другое желание, которое заставляло их включать в свои произведения данный образ.

Денница, Мефистофель, Дьявол, Люцифер, Сатана– все эти имена принадлежат, первому павшему ангелу, мятежнику который пошёл против Бога. В разные периоды времени он имел отличительный внешний вид

и предназначение. Так, в средневековые описания образа Дьявола чрезвычайно детальны. Он представляет собой чудовища исполинских размеров, смешением антропоморфных и животных черт, что поистине создает ужасающее зрелище.

В «Божественной комедии» Данте, показывает нам устрашающий образ, павшего грешного ангела и описывает его так:

«О если вежды он к Творцу возвёл

И был так дивен, как теперь ужасен,

Он, истинно, первопричина зол!»(1, стр 152) Дьявол средневековой периода, должен был сочетать в себе всё самое ужасное, пугать и отталкиваться от себя читателя. Как его будет именовать тот или иной автор-романтик — Сатаной, Люцифером, Мефистофелем, павшим ангелом, демоном, бесом или чертом — это уже всецело зависит от авторской фантазии. К эпохе торжества церкви слагается и подробная биография Сатаны. Примечательно то, что её написали те же служители церкви которым, она обязана своим торжеством. Сатана был создан добрым, но сделался злым; пал по собственному греху, увлекая за собой бесчисленное множество своих последователей. Теперь он царствует в Аду, где несёт и своё наказание и сам является орудием наказания отступников веры.

Однако ситуация в корне меняется в эпоху романтизма, образ дьявола мечется, теперь он был не сущее зло, а всего лишь дух, что метается в поиске свободы, он стал положительным героем литературы, что противоречило всем библейским канонам. Конечно первым кто наделил демона чувствами был Мильтон(2), именно с него начинается романтизация образа.

А в произведении Байрона «Каин» Люцифер предстаёт перед читателем так:

«По виду это ангел, Хотя они суровой и печальней,

...Он смотрит

Величественней ангелов; он также

Прекрасен, как бесплотные, но, мнится,

Не столь прекрасен, как когда-то был

Иль мог бы быть: скорбь кажется мне частью

Его души.»(3, стр18) Тут мы уже видим, другое описание, описание

ироничного существа чьё бытие превратилось в скорбь. Байрон подталкивает нас к жалости по отношению демона. Здесь как будто нет ничего что отсылал бы нас к христианского образу Сатаны никаких намеков на inferнальность в ее исконном смысле — страшном и погубительном.

Байрон представляет образ Люцифера, который желает помочь «утолить жажду» Каина. В своей статье «Демоническое как возвышенное в романтической

литературе» А.С.Сурикова(4) даёт отсылку к следующему отрывку из произведения:

«Я знаю мысли смертных
И сострадаю смертным...
Хоть сострадать друг другу; мы, терзаясь,
Мучения друг другу облегчаем
Сочувствием: оно весь мир связует» (5,стр 25)

Падший становится проводником Каина в мире тайн вселенной. Но тот не получает долгожданного удовлетворения, как не получил когда то и сам Люцифер. Теперь представление о дьяволе как об искусителе и погибельном отступает в поэме на второй план, становится только фоном для трактовки inferнального как возвышенного.

И вот мы наконец подошли к главной теме, происхождение демона и его свиты, а также его места в произведении Мастера и Маргариты. Исследователи творчества М.А. Булгакова считают, что позиция писателя раскрывается в двойственной природе создания мира, включающую в себя религиозную и философскую концепции бытия человека, выраженную в многослойном художественном строении романа, проявляющейся, прежде всего, в образе Воланда. Рассмотрим понятие «дуализм» -согласно Большой Российской Энциклопедии термин происходит (от лат. dualis – двойственный), философское учение, исходящее из признания равноправными, несводимыми друг к другу двух начал – духа и материи, идеального и материального. Интересно то, что дуализм считался ересью со стороны церкви. Двух равных Богов быть просто не могло. Но автор произведения рисует совершенно другую картину, воспитанный профессором Киевской Духовной Академии, но увлечений «дарвинизмом» Булгаков. Знакомит нас с Воландом являющимся самым загадочным персонажем романа. Называть его просто сатаной было бы опрометчиво - хотя бы потому, что именно сатана “изобрел” спокойную совесть. Воланд же не терпит скрытых пороков и равнодушия ,он стремится разоблачить людскую натуру. Он присутствует в романе, на всём пространстве текста. Воланд не называет себя единоличным владыкой, мы не видим даже намёка на то, что он один в духовном мире. Воланд всегда за тех, у кого беспокойная совесть, ибо человек, который “всегда прав”, погиб для морали. Оттого и появились попытки объяснить наличие этого героя как воплощенной идеи возмездия и справедливости, на что как раз и неспособно учение Иешуа. Который всех прощал. Допускается идея намеренного лишения Иешуа некоторых канонических, евангельских качеств Христа, которые переданы Воланду; например, он решительно отказывается судить людей. Образ свиты демона привлекает тем, что на протяжении многих веков они занимаются одним

и тем же делом – жестко наказывает тех, кто недостоин света и покоя. Благодаря замыслу Булгакова они не воспринимаются как абсолютное зло, ведь по мнению их хозяина Воланда без тьмы, не было бы и света. И именно по этой характеристике можно судить о дуалистическом в данном произведении. Косвенно это подтверждается ещё мелкими знаками, символикой треугольника Воланда. Тут мнения могут быть расходами, ведь треугольник, как всевидящее око присутствует в христианстве, а именно изображается на некоторых иконах и порталах в храмах и является как бы первой ипостатью Святой Троицы. В своих работах Акимов делает заключение что треугольник изображён как символ приравнивания троицы и дьявола, как их тяготение друг к другу, невозможность существования порознь. Возможно Воланд обладает силой, присущей божеству и поэтому автор даёт отсылку ко всевидящему оку. Мы видим по тексту, что Воланд становится причиной пробуждения совести у Ивана, однако это приводит к его психической дестабилизации. По сути Воланд стал совестью утопающих общества. Также образ Воланда очеловечен, это уже не страшное чудовище с шестью глазами, рогами и тому подобным. По сути это сверхчеловек, который также как и мы чувствует боль и может лечить свои недуги. В то же время Булгаков указывает на библейское происхождение Воланда и младших дьяволов.

Имя Азazelло и его титулы взяты из религиозных книг. Оно образовано Булгаковым от ветхозаветного имени Азazel. Так зовут антигероя ветхозаветного апокрифа книги Еноха, падшего ангела, который научил людей изготавливать оружие и украшения. Благодаря Азazelло, женщины освоили “блудливое искусство” то есть нанесение макияжа. Возможно именно поэтому, крем который делает Маргариту не только невидимой, но и дарит ей необычную красоту ведьмы, ей передаёт Азazelло. Бегемот - кот-оборотень, любимый шут Воланда и по демонологической традиции Бегемот - это демон желаний желудка. Обжорство как известно один из великих грехов. Коровьев и Бегемот - разоблачители лжи, лицемерия, жадности и других человеческих пороков. Они играют свои роли, забавляясь людской глупостью и невежеством.

Гелла - женщина-вампир, член свиты Воланда. Исследователи ссылаясь на зарубежные источники, утверждают, что Геллой называли женщин которые погибли рано и превратились в вампиров. И данный образ подтверждает догадки своего происхождения «поцелуем» из-за которого Варенуха уподобляется ей. Стоит заметить что при «отступлении» Воланда и его свиты, с ним рядом не присутствуют ни Абадонна ни Гелла, это наталкивает на мысль что несмотря на служение Князю тьмы, они принадлежат другим мирам. Абадонна демон войны, несёт смерть, а сатана правит космосом, бедной. Коровьев - не только маг,

регент, но и переводчик при иностранце. Иностранец, он же чародей, историк, Мессир и сам дьявол.

Исходя из совокупности характеристик данных нам образов, мы можем сделать выводы. Воланд впитал в себя идеи и умонастроения Булгакова он не каноничен, и был создан, чтобы выразить мысль автора. Этот сложный образ обладает двойственностью: с одной стороны, он – сатана, дьявол, “князь тьмы”, а с другой – справедливый судья, воздающий каждому по заслугам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алигьери Д. «Божественная комедия» издательство «НАУКА» Москва 1967г.
2. Мильтон Д. «Потерянный рай» Типография В Понаморёва; 1888г.
3. Байрон Д.Г. «Каин» перевод Ивана Бунина; 1921г.
4. Сурикова А. С. Журнал "Начало" – 2018г.
5. Байрон Д.Г «Каин» перевод Ивана Бунина – 1921г

N.B.Badalova

(Uzbekistan. G. Andijan)

badalovanargiza613@gmail.com

GENESIS AND POETICS OF DEMONOLOGICAL IMAGES IN MIKHAIL BULGAKOV'S NOVEL "MASTER AND MARGARITA"

Annotation. This article discusses the origin of demonological images in literature, as well as reveals the essence, meaning, role of Bulgakov's Satan and his retinue in the novel "The Master and Margarita" by tracing the change of demonological images over the centuries.

Keywords: genesis, demonology, dualism, poetics, myth, evil and good, infernal.

К.Р. Байбекова

(г.Андижан, Узбекистан)

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ ПРИ РАБОТЕ С ТЕКСТОМ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности понятий «лингводидактический комментарий» и «лингвокультурологический комментарий», а также содержание данных понятий. Обосновывается место и роль их использования при работе с иноязычной аудиторией инофонов.

Ключевые слова: «лингводидактический комментарий» и «лингвокультурологический комментарий», текст, иноязычная аудитория.

Различные виды комментирования художественного текста давно доказали свою эффективность как одного из основополагающего метода работы с художественным текстом. Это в значительной мере связано с тем, что художественные тексты классической и современной литературы изобилуют национально-культурными реалиями непонятными и сложными для восприятия студентами-инофонами. Однако, различия между культурами возможны не только между разными национальными культурами, но и внутри одной культуры. Причиной тому служит временной промежуток между написанием произведения и временем прочтения. Таким образом комментирование становится неотъемлемой частью работы над текстом художественного произведения.

Национально-культурная специфика находит своё непосредственное отражение в лексических единицах (словах), которые и подвергаются комментированию при работе с художественным текстом. Исследователями выделяются следующие группы слов, требующие определённого комментария: 1) безэквивалентную; 2) фоновую; 3) коннотативную¹.

Для целостного восприятия художественного текста читателю необходимо обладать определённой базой знаний культуры носителей языка. Зачастую это вызывает некоторые трудности, так как возникают различия в культурах разных народов. Преодолеть такого рода барьеры при восприятии художественного текста помогают различного вида комментарии, давно доказавшие свою эффективность как метода при анализе художественного произведения.

Прежде чем перейти к описанию лингводидактического и лингвокультурологического комментария правомерным будет рассмотреть другие виды комментирования и мнения учёных по их поводу.

Для того, чтобы составить эффективный комментарий к художественному тексту, необходимо изучить сам механизм понимания, который содержит в себе герменевтические, когнитивные и библиопсихологические составляющие. С точки зрения герменевтики для правильного понимания необходимо учитывать уровни текста: первый уровень – это прямое значение слов, второй уровень – понимание символов, подтекста, что предполагает наличие знаний о внеязыковой действительности. Также важно учитывать роль контекста: «иностранные учащиеся должны уметь сопоставлять значение слова с контекстом, развивая таким образом навык антиципации. В процессе знакомства с новыми контекстными употреблениями уже знакомых лексических единиц

¹ Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Русский язык, 1990. Стр. 97. (всего 246 с.)

учащиеся расширяют вербально-семантический уровень языковой личности»². Ещё одной важной составляющей понимания является непрерывное сопоставление языковой картины мира, всей культуры родного и иностранного языков.

С точки зрения когнитивного аспекта основополагающую роль в понимании текста играет память. Здесь выделяются следующие компоненты понимания: многоступенчатость (приблизительную схему процесса понимания можно обозначить как (а) восприятие значения языкового знака, (б) освоение его содержания, (в) осмысление извлеченной информации, (г) ее осознание в рамках контекста произведения, личного опыта и в широких культурно-исторических рамках); нелинейность (обусловленная динамичностью когнитивных характеристик концептуальной системы читателя); творческое начало; рефлексивность; диалогичность³. Теми же характеристиками должен обладать и комментарий к художественному тексту для студентов-инофонов. То есть, комментарий должен быть построен таким образом, чтобы способствовать активизации мыслительной деятельности учащихся. Это возможно включением в комментарий вопросов и заданий. А также включать осознанность в различии родной и иностранной языковой личности.

В основе библиопсихологического подхода лежит понятие мнемы, теорию которой разработал Н.А. Рубакин. Под мнемой понимается опыт, впечатления читателя, полученные в результате какого-либо раздражения и запечатлённый мозгом. Прочитывая текст, читающий вспоминает те чувства (например запах, образ, вкус, звук), которые когда-то испытывал в жизни. Набор мнем, которыми обладает читатель, способствуют его лучшему восприятию и пониманию текста. Мнемы могут быть индивидуальными и национальными. Например, можно предположить, что для носителей русского языка общими являются условно обозначаемые мнемы: аромат березовых сережек, ругань в коммуналке, советская квартира и др.⁴, а для носителей узбекского языка – аромат хлопкового поля, шум восточного базара, ощущение летнего зноя, запах домашних лепёшек из тандыра и т.д.

Чтобы составить комментарий к художественному тексту следует правильно выделить в тексте единицы, требующие комментирования. Для студента-инофона трудности в понимании могут вызывать национально-

² Потёмкина Е.В. Комментированное чтение художественного текста в иностранной аудитории как метод формирования билингвальной личности. Дисс. на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Москва. 2015. стр. 57. Всего 296 стр.

³ Коробейникова Н.Н. Онтология комментария и его роль в понимании иноязычного художественного текста. Дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. – 202 с.

⁴ Потёмкина Е.В. Комментированное чтение художественного текста в иностранной аудитории как метод формирования билингвальной личности. Дисс. на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Москва. 2015. стр. 63. Всего 296 стр.

специфические реалии, связанные с социально-бытовой сферой, традициями, обрядами, национальной картиной мира и т.д. Такие специфичные культурные единицы, которые отсутствуют в культуре иностранного студента и тем самым затрудняют для него восприятие художественного текста, в научной литературе принято именовать термином «лакуна». Лакуны могут существовать как на лексическом уровне, так и на культурологическом. Лакуны лексического уровня С.И. Титкова подразделяет на несколько типов:

- 1) Абсолютное отсутствие эквивалента в одном из языков.
- 2) Наличие эквивалентов, но с различным способом выражения.
- 3) Несовпадение значений при одинаковом способе выражения.⁵

Ю.А. Сорокин и И.Ю. Марковина культурологические лакуны подразделяют на несколько групп:

1. Субъективные лакуны – отражают несовпадения национально-психологических типов участников коммуникации. Например, основной чертой национального характера русского народа принято считать смекалку, узбекского – трудолюбие, гостеприимство.

2. Деятельностно-коммуникативные – отражают национально-культурную специфику различных видов деятельности (лакуны этого типа возникают, например, когда носителям некоторой культуры предлагают отгадать загадку, созданную в другой культуре).

3. Лакуны культурного пространства – отражают несовпадения культурных фонов взаимодействующих культур.

4. Текстовые (случайные и намеренные лакуны) – обусловлены характером текста как инструмента общения (архаизмы, пропуски строк и т. п.).⁶

Из вышесказанного можно сделать вывод, что лакуны могут создать значительные трудности для понимания и восприятия текста иностранными студентами как на лексическом, языковом, так и на психологическом уровнях.

При работе с художественным текстом важно и правильное выявление лакун в сознании студента-инофона. Для этого одним из наиболее популярных методов является прямой вопрос, которым мы будем руководствоваться при составлении учебно-методического комментария. Е.В. Потёмкина в своей работе выделяет два типа семантизации лакун – заполнение и компенсация. Суть метода заполнения заключается в том, что непонятный элемент раскрывается с помощью определённого комментария.

⁵Подробнее Титкова С.И. Языковая лакуна в практике преподавания РКИ // Русский язык за рубежом: электронный научный журнал. 2007. № 3 С. 39-50. [Электронный ресурс] Режим свободного доступа URL: <http://www.russianedu.ru/magazine/archive/viewdoc/2007/3/6033.html> (Дата обращения 24.06.2022)

⁶Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию: учеб. пособие. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2010. – 144 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: Русский язык, 1990. Стр. 97. (всего 246 с.)
2. Потёмкина Е.В. Комментированное чтение художественного текста в иностранной аудитории как метод формирования билингвальной личности. Дисс. на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Москва. 2015. стр. 57. Всего 296 стр.
3. Коробейникова Н.Н. Онтология комментария и его роль в понимании иноязычного художественного текста. Дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. – 202 с.

K.R. Baibekova
(Andijan, Uzbekistan)

THE CONCEPT AND CONTENT OF LINGUODIDACTIC AND LINGUOCULTUROLOGICAL COMMENTS WHEN WORKING WITH A TEXT IN A FOREIGN LANGUAGE AUDIENCE

Annotation. This article discusses the features of the concepts of "linguodidactic commentary" and "linguoculturological commentary", as well as the content of these concepts. The place and role of their use when working with a foreign-language audience of foreign phones is substantiated.

Key words: "linguo-didactic commentary" and "linguo-culturological commentary", text, foreign-language audience.

УДК 373.3

Л.А. Чагарова, к.г.н., доцент
Карачаево-Черкесский государственный университет
имени У.Д. Алиева, г. Карачаевск, Россия
E-mail: Laura-chagarova@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ПРЕДМЕТА «ОКРУЖАЮЩИЙ МИР»

Аннотация. В статье рассматривается вопрос, как разработать и реализовать комплекс заданий по развитию коммуникативных универсальных учебных действий младших школьников. Коммуникативные универсальные учебные действия обеспечивают социальную компетентность и сознательную ориентацию учащихся на позиции других людей, умение интегрироваться в группу сверстников, слушать и вступать в диалог, участвовать в коллективном обсуждении проблем при изучении предмета «Окружающий мир».

Ключевые слова: педагогические условия, коммуникативные универсальные учебные действия, проблемные ситуации, «Окружающий мир».

CHARACTERISTICS OF PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE UNIVERSAL EDUCATIONAL ACTIONS OF YOUNGER SCHOOLCHILDREN WHEN STUDYING THE SUBJECT "THE WORLD AROUND"

L.A. Chagarova, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor
Karachay-Cherkess State University. U.D. Aliyeva, Karachayevsk, Russia
E-mail: Laura-chagarova@mail.ru

Abstract. The article deals with the question of how to develop and implement a set of tasks for the development of communicative universal educational activities of younger schoolchildren. Communicative universal learning activities provide social competence and conscious orientation of students to the positions of other people, the ability to integrate into a group of peers, listen and engage in dialogue, participate in a collective discussion of problems when studying the subject «The world around».

Key words. pedagogical conditions, communicative universal educational actions, problem situations, «The world around».

А.В. Хуторская трактует условия обучения как «одну из составляющих системы образования, обеспечивающей эффективную работу и развитие», условий обучения, обеспечивающих успех преподавательской деятельности". При разработке мер всеобщего образования общение школьников будет эффективным при изучении дисциплины «Окружающий мир», если оно будет соответствовать следующим образовательным условиям:

- Организация работы учащихся в группах при изучении предметов, процессов и явлений природы;
- Использовать проблемные ситуации в классах, организациях, дискуссии при обсуждении окружающей среды и других тем;
- Вовлечение молодых студентов в проектную деятельность по различным темам, связанным с содержанием учебной программы об окружающем мире (экосистема, краеведение и т. д.).

Организовать работу учащихся в группах при изучении объектов, процессов и явлений природы. Одной из технологий, которая побуждает учащихся работать в классе, является командная работа. Группа состоит из рабочих организаций, в которых учащиеся тесно взаимодействуют друг с другом. Командная работа может быть организована как при изучении новых материалов, при повторении, комбинированном контроле знаний, так и на любом этапе урока. [1]

При организации командной работы дети делятся на группы (команды) по 4-5 человек для решения задач.

Задачи распределяются по группам, и каждый член группы отвечает за свои задачи. Каждой группе будет предоставлено от 10 до 12 минут на выполнение задания, а затем один или два ученика из каждой группы класса представят свои вопросы и дадут предварительные ответы, все остальные группы участвуют в обсуждении результатов. Организация учебной деятельности в классе позволяет оценивать работу учащихся. [6]

Следует отметить, что в тот момент, когда ученик делает только первый шаг в командной работе, учитель может выступать в качестве консультанта или источника информации, участвовать в групповой работе и предлагать решения для участников.

Командная работа включает в себя следующие правила:

- Не заставляйте кого-то выражать свое недовольство, если он не хочет работать в группе (лучше найти причину отказа от работы);
- 10-15 минут совместной работы за максимальное время, если рабочее время больше, участники выгорают, а эффективность снижается;
- Не требуйте абсолютной тишины;
- Наказание лишением групповой работы [4]

Изучая окружающий мир, работа организована в группах по различным темам, таким как: «Что мы знаем о природе?», «Что общего у разных растений?», «Что такое животные», «В Северной Европе», «Регионы России» и т.д.

Используйте проблемную ситуацию в классе организуйте обсуждения, обсуждая экологические проблемы. Ситуации, которые проблематичны для изучения - это специальный программный инструмент, предназначенный для стимулирования активной интеллектуальной деятельности, связанной с поиском и его разрешением.

Создайте сложную ситуацию, основываясь на назначении основного задания на уроке по содержанию, такие задания ставятся учащимся до изучения нового контента или в начале выполнения задания.

Создайте проблемную ситуацию при решении интеллектуальных задач. Этот метод часто используется практическими учителями начальной школы, но часто ученики не знают о нем как о проблеме, проблема обучения превращается в цепочку познавательных действий при создании ситуации.

Создайте проблемную ситуацию при выполнении практики. Проблемная ситуация на практике возникает, когда учащегося просят выполнить: нарисовать геометрическую фигуру, разместить объекты для определенных целей, создать раздел в соответствии с конкретной информацией.

Опыт проводится при изучении темы "Функция сердца" например:

- Проверь свой пульс, какова частота вашего пульса? Сравнение со стандартами

Давайте встанем из-за стола, мы сделаем 10 приседаний и проверим частоту сердечных сокращений, что я могу сказать о нем? (Это стало более частым)

- Объясните, почему сердце работает более интенсивно под нагрузкой.

- Через 3 минуты мы снова проверим пульс он вернулся к нормальной жизни? Какой из них близок к нормальному? (У человека здоровое, здоровое тело)

- Кто объясняет это явление? Сделать выводы

Опыт этого урока приводит к проблемной ситуации. [3]

Задание было направлено на выработку коммуникативных навыков, а именно: подготовка следующего ряда умений объяснять свой выбор, придумывать аргументированные ответы на вопросы; использование позиции аудитории (партнера); организованность в поведении с учителями и друзьями.

Чтобы работать с учащимися, учителям необходимо использовать различные техники и методы для создания проблемных ситуаций, и мы можем использовать технологии для создания проблемных ситуаций на любом предметном уроке и материалах, это будет стимулировать учащихся приобретать новые знания и развивать интеллектуальные способности. Главная ценность в том, что у ребенка еще раз есть возможность сравнить и понаблюдать за сделанными им выводами. [2]

Содержание курса открывает возможность для организации бесед, дети учатся определять свое мнение посредством дискуссий, тем самым способствуя личному обсуждению. Это своего рода «мозговой штурм», который позволяет любому учащемуся принять участие в решении разных задач. Детям могут быть предложены следующие темы для обсуждения: «Что такое почва?», «Где живут растения?», «Как помочь природе?», «Почему цветная радуга?» и так далее.

Проектная работа не только работает на будущее, но и способствует более высокому уровню усвоения содержания подготовительной программы. Проектная деятельность - это творческая или игровая познавательная учебная деятельность, где учащиеся с обоюдными целями, согласованными методами, способами деятельности. Важным является то, что в результате учащиеся не получают новых знаний, а приобретают исследовательские навыки как универсальный метод изучения реальности и развития навыков для исследовательского мышления, и активизируется личная позиция учащегося. [5]

Развитие глобальной учебной деятельности можно проследить в организации проектной деятельности изучая предмет «Окружающий мир» или

во внеклассных мероприятиях и большинство уроков направлены на совершенствование коммуникативных навыков:

- Умение выражать свои мысли полно, достаточно и точно;
- Формирование умения работать в парах и в небольших группах;
- Учитывать позицию коллеги в разговоре;
- План образовательного сотрудничества с учителями и друзьями-установите рабочие цели участников.

Таким образом, разработка образовательных мер универсального общения между маленькими детьми при изучении предмета «Окружающий мир» будет эффективной, если она будет соответствовать следующим условиям обучения: организация учащихся в группе при изучении предметов, процессов и явлений природы, использование проблемных ситуаций в повседневной жизни и т. д., уроки управления, обсуждения, когда речь идет об окружающей среде и других темах, включение молодежных школ в проектную деятельность по различным темам, связанным с содержанием предмета «Окружающий мир» (экологические, краеведческие и т.д.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Немов Р.С. Психология образования. – М.: Владос, 1995. – 291 с.
2. Плешаков А.А. Мир вокруг нас: учеб. для 3кл. в 2 ч. 1 ч. – 6-е изд.–М.: Просвещение, 2010. – 159 с.
3. Репкина, Г.В. Оценка уровня сформированности учебной деятельности: в помощь учителю начальных классов / Г.В. Репкина, Е.В. Заика. – Томск: Известия, 1993. – 112 с.
4. Усова А.В. Учись самостоятельно учиться / А.В. Усова, В.А. Беликов. – М.: Просвещение, 2003. – 126 с.
5. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1989. – 193 с.
6. Юмашева И.А. Формирование общеучебных умений школьника в адаптивной образовательной среде: автореф. дис. канд. пед. наук. – Оренбург: ОГПУ, 2005. – 24 с.

УДК 373.51

Биджиева Зарема Солтан – Муратовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики

Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева,
г. Карачаевск, Россия
E-mail: z.s-m@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЭЗИИ А. БЛОКА В ШКОЛЕ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы изучения поэзии А. А. Блока в школе как части русской культуры, способствующей духовному воспитанию подрастающего поколения. Произведения А. Блока включены в школьные программы по литературе для российских школ.

Ключевые слова: Блок, воспитание, поэтика, программа, общелитературный процесс, поэзия, проблема, личность, школьная практика, Серебряный век.

Bidjiev Zarema Soltan-Muratovna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of
Literature and Journalism

Umar Aliev Karachay-Cherkess State University, Karachayevsk, Russia

E-mail: z.s-m@mail.ru

PROBLEMS OF STUDYING A. BLOK'S POETRY AT SCHOOL

Annotation. The article deals with the problems of studying Blok's poetry at school as part of Russian culture, contributing to the spiritual education of the younger generation. The works of Blok are included in the school literature programs for Russian schools.

Keywords: Block, education, poetics, program, general literary process, poetry, problem, personality, school practice, Silver Age.

На сегодняшний день особую роль в процессе эстетического воспитания и образования учащихся играет лирика как род литературы, который формирует душевный мир человека. Так как творчество А. Блока в школе проходят с шестидесятих годов двадцатого века, накоплен достаточный опыт по его изучению.

Общий принцип построения курса литературы в среднем звене по традиционной программе – концентрический. В инновационных – родожанровый и проблематический. Для старших классов курс построен на историко-литературной основе и включает обзорные и монографические темы. Современная методика преподавания литературы опирается на опыт педагогов-словесников прошлого, стремится учитывать уроки этого опыта и развивать лучшие традиции отечественной школы. Современная общеобразовательная школа переживает время своего обновления. Вариативность школьных программ и учебников, демократизация и дифференциация обучения становится реальностью. Главной задачей преподавания литературы на современном этапе является возможность вернуть ее гуманистическую направленность. Появилось достаточно много разнообразной методической литературы, пособий,

периодических изданий и публикаций для учителей-словесников. Так, например, на страницах журнала «Литература в школе» все чаще приводятся материалы, в которых с морально-нравственных позиций рассматривается творчество русских и зарубежных классиков. Ощущается «новое прочтение» М. Горького, В. Маяковского, А. Блока, А. Ахматовой, М. Шолохова, писателей «русского зарубежья».

Целесообразно отметить то, что особенность изучения лирики того или иного поэта определяется разными причинами: спецификой творчества и эпохи, возрастом школьников, временем, отведенным на изучение поэта. Лирическое произведение сложно для восприятия учащихся, но центральной проблемой, с которой сталкивается учитель при изучении творчества А. Блока, является недостаточное количество отведенных программой часов.

А. Блок является ярким представителем русской литературы XX века, для которого поэтическая искренность является необходимым условием творчества. Вместе с тем систематизированной и упорядоченной эстетической теории он не создал. «Построением философских и литературных теорий сам не занимаюсь» [2, с. 38], – признавался поэт Андрею Белому. В общих чертах его понимание искусства было связано с взглядами Ф. Ницше, Ап. Григорьева, Вл. Соловьева. Влияние литературных традиций на его творчество в науке рассматривается как одна из особенностей его поэтики, что необходимо в общелитературном процессе.

Как известно, на сегодняшний день в школьной практике допустимы три основных пути изучения лирической поэзии. Это как получивший широкое распространение, тематический, то есть отслеживание определенных тем в ряде лирических произведений; усвоение лирики вместе с биографией поэта, которое встречается намного реже и рассмотрение поэзии автора после знакомства с его жизнью и деятельностью. В этом случае после общей характеристики лирики разбираются в единстве формы и содержания отдельные произведения поэта, предусмотренные программой. Вместе с тем при рассмотрении лирики учитываются такие этапы как ориентировочное занятие, изучение отдельных стихотворений, заключительный урок. «Лирическая поэзия является важным компонентом школьного курса литературы» [3, с. 38].

В целом учащиеся с интересом относятся к изучению творчества

А. Блока. Но, порой, не всегда понимая слагаемые трагедии поэта, им тяжело воспринимать поэтическую глубину представителя русского символизма, покинувшего этот мир слишком рано, вместе с той старой Россией, в которой он созидал. Уроки учителей-литераторов должны направлять учащихся к познанию этих важных истин, способствовать углубленному изучению поэзии А. Блока.

Как же построить урок по творчеству А. Блока так, чтобы заинтересовать школьников его поэзией и за короткое время дать представление о его мировоззрении? Целесообразно рационально пойти за самим поэтом, разделившим свою лирику на три тома и рассматривавшим свою творческую эволюцию как «трилогию вочеловечивания». Основу первого тома (1898 – 1904) составляют «Стихи о Прекрасной Даме», второй том (1904 – 1908) это, прежде всего, циклы «Город», «Снежная маска», «Фаина» и третий том (1907 – 1916) – стихи зрелого Блока. Но тома Блока воспринимаются школьниками по-разному и не всегда учащиеся могут постичь лирику поэта, поэтому современные учителя находятся в поиске решения данной проблемы.

Очень важно понять лирического героя поэта, сущность которого соединение в себе реального и идеального, человеческого и мирового. С его помощью можно проникнуть во внутренний мир самого автора во всей его сложности и полноте. Одной из главных особенностей творчества А. Блока является то, что оно завершает развитие важнейших тем и мотивов, возникших еще в XIX веке и связанных с осознанием роли и места человека в окружающем мире, в данной социальной среде. В лирике А. Блока они получают свое второе дыхание, сформировавшись уже как темы и мотивы творчества. Для всей его лирики характерна устойчивая повторяемость важнейших образов, словесных формул, ключевых слов. Так, К. И. Чуковский писал, что излюбленные слова раннего А. Блока – «туманы» и «сны» [4, с. 21].

Александр Блок стал символом своей эпохи, определяя во многом судьбы поэзии двадцатого века. Читателя притягивали как стихи, так и легендарная личность поэта, поэтому интересно все, что касается поэта как личности, его стихов, времени, биографии, окружения. Его произведения являются источником глубоких духовных ценностей. Пафос творчества Блока состоит в сложном, внутренне противоречивом, радостном и торжественном, неудовлетворенном и жаждущем утоления чувстве единства с миром, уже достигнутого и вызывающего ощущение восторга, словно бы совершенно недостижимого и тогда обостряющего болезненно переживаемый лирическим героем разлад с окружающей его действительностью. Он обращался к себе с признаниями, в которых слышится накопившаяся горечь: «...вступая в мир огромный, / Единства тщетно ищешь ты...» [1] и бесплодность поисков истины, без которой невозможно найти место в жизни, выполнить свое назначение. Эти поиски характерны для переживаний поэта, что и определяет включение его лирики в школьную программу.

А. Блок отразил в своем творчестве перипетии развития литературы начала XX века, одного из наиболее многоликих в истории российской культуры. Особенность его лирически-философской концепции состоит в стремлении

охватить пространство во все времена существования человека, решая коренные вопросы бытия, чем и определяется характер изображения временных и пространственно ограниченных явлений и состояний в его лирике, где личное связывается с общечеловеческим.

Задача современной школы помочь учащемуся творить себя. Формирование личности в школе должно идти по пути расширения ее творческих возможностей, раскрытия ее потенциала, выработки самокритичного отношения к самому себе, окружающему миру, своей деятельности. Следует также учитывать и то, что XXI век – век профессионалов, основным критерием которых служит компетентность.

Изучение лирики поэтов Серебряного века, в том числе и А. Блока, поможет учащимся развивать свои творческие способности, мышление, проанализировать свой внутренний мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блок А. А. И невозможное возможно...; Стихотворения, поэмы, театр, проза / Сост. В. Енишерлов. – М.: Мол. гвардия, 1980. – 430 с.
2. Блок А. А. Искусство и революция / Сост. и примеч. Л. Асанова. – М.: Современник, 1979. – 384 с.
3. Биджиева З. С.-М. К проблеме осмысления чувств при изучении лирики Ф. И. Тютчева / Международная научно-практическая конференция: «Инновации, интеграция и новые технологии в системе образования». – Наманган. – 2022. – С. 37-40.
4. Чуковский К. И. Последние годы Блока // Записки мечтателей. – 1922. – №6. – С.21.

Г.А.Богданович

(Узбекистан, г.Андижан)

b.g.a-uz@mail.ru

Д.У.Мамазоирова

(Узбекистан, г.Андижан)

dilnoza2428@gmail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ АЛГОРИТМОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТЕМЫ «СЛОВООБРАЗОВАНИЕ»

Аннотация. В статье рассматривается применение алгоритмов при изучении темы «Словообразование» в школе. Приводятся конкретные примеры.

Ключевые слова: алгоритм, алгоритмизация, блок-схема, методика.

Алгоритмизация учебного процесса может способствовать решению одной из важнейших задач, стоящих перед методикой: поставить грамматические знания учащихся на службу выработке навыков и рационально организовать его мыслительную деятельность.

До недавнего времени считалось, что алгоритмами можно пользоваться при решении математических и логических задач, но после было доказано, что алгоритмизации поддаются и различные грамматические задачи. Алгоритмизация учебного процесса требует строгого определения цели и содержания обучения, причем деятельность обучаемого должна быть расчленена на отдельные компоненты. Составитель алгоритма должен четко себе представлять, какие действия должны производить студенты для того, чтобы добиться желаемой цели.

Существует несколько разновидностей построения алгоритмов. Из четырех способов записи алгоритмов (словесное описание, логические схемы, граф-схемы, блок-схемы) для педагогических целей наиболее удобными являются записи алгоритмических процессов в виде блок-схемы.

В ходе обучения орфографическим нормам с помощью алгоритма мы предъявляем определенные требования к грамматическим упражнениям, на базе выполнения которых, собственно, и формируется навык.

Так, схема алгоритма для выявления и преодоления трудностей в написании проверяемых гласных в корне будет иметь такой вид:

1. Найди безударные гласные в корне.
2. Установи связь его с другими словами, выяви значение слова.
3. Можно ли проверить гласную изменением слова?
4. Как образовано слово? Где корень?
5. Подбери проверяемое слово.

Прежде чем пользоваться алгоритмической схемой, учащиеся должны научиться выполнять все включенные в нее операции. Важно подвести учащихся к пониманию того, что начинать работу надо с выявления ударного и безударного слогов; что нельзя проверять написание слова, не установив его значение; значение слова надо выявлять в контексте; родственные и проверочные слова надо подбирать, уже зная корень и значение слова; подбор родственных слов и поиск проверочного слова следует начинать с выявления ближайшего родственного слова, от которого образовано данное.

Осмыслив логическую схему алгоритма действий, учащие должны усвоить данное действие, его последовательность. Для этого нужны такие упражнения, при выполнении которых обучающиеся вынуждены были бы непременно выполнять необходимые операции и в письменной форме фиксировать их выполнение. Ученик ответ не конструирует, он его выбирает из данного перечня.

И в зависимости от того, какой он выберет ответ (правильный или неправильный, точный или неточный, полный или неполный), программа направляет его или по прямому пути, или в одно из ответвлений (если ответвлений несколько, они имеют разное назначение, содержат разный дополнительный материал).

Например, при изучении темы «Чередование гласных в корнях -бир / -бер, -дир / -дер, -пир / -пер, -стил / -стел, -тир / -тер, -мир / -мер» ученикам составляется следующий алгоритм:

1. Выделяю в слове корень.
2. Определяю, следует ли за корнем суффикс –а?

ДА	НЕТ
пишу -и	пишу -е

На следующем этапе работы, когда уже приобретены определенные навыки работы с алгоритмом, учащимся предстоит самостоятельно прочесть следующее правило, проанализировать примеры и составить алгоритм по образцу:

Чередование -а, -о в корнях -лаг, -лож, -кас, -кос.

1. Выделяю в слове корень.
2. Следует ли за корнем суффикс -а?

ДА	НЕТ
пишу -а	пишу -о

Написание суффиксов -к и -ск.

1. Является ли это слово прилагательным имеющим краткую форму?

ДА	НЕТ
Пишу –к-	перехожу к следующему

шагу

2. Является ли это слово прилагательным, образованным от существительного с основой на к?

ДА	НЕТ
Пишу –к-	пишу –ск-

При изучении окончаний глагола наиболее эффективной оказывается такая блок-схема действий:

I. Ставлю глагол в неопределенной форме (не меняя вида).

II. Оканчивается ли он на -ить?

НЕТ	ДА
пишу -е, -ут (ют)	пишу -и, -ат (ят)

III. Входит ли он в исключения?

НЕТ	ДА
пишу -е, -ут (ют)	пишу -и, -ат (ят)

Полезна блок-схема, которая составляется после изучения повелительного наклонения глагола. Она помогает преодолеть частую и устойчивую ошибку:

I. Ставлю глагол во 2-ом лице мн.числа.

-е или -и?

II. Определяю наклонение глагола

повелительное изъявительное

ДА

НЕТ

пишу -ите

перехожу к следующему шагу

III. Определяю спряжение

I спр.

II спр.

пишу -ете

пишу -ите

Применение блок-схем алгоритмического характера целесообразно при работе над теми написаниями, которые основываются на грамматических правилах и нуждаются (на первых порах) в определенном логическом и грамматическом анализе: «Правописание -н и -нн в прилагательных и причастиях», «правописание суффиксов причастий», «Ъ после шипящих и в конце слов», «Гласные после Ц», «Слитное и раздельное написание не с различными частями речи», «Правописание приставок», «Правописание -о, -е после шипящих», «Безударная гласная в корне слова», «Спряжение глаголов с безударными личными окончаниями» и т.д.

Работа с блок-схемами алгоритмического характера помогает развивать у учащихся навыки логического мышления, формировать умение правильно действовать в случаях, когда возникают затруднения, делают возможным проверить себя. В результате такой систематической работы формируется сознательное отношение к усвоению правил и определений, привычка совершить необходимые орфографические действия. Подобные схемы помогают усвоить приемы логического мышления, обучают их тем мыслительным операциям, которые необходимо совершить для правильного применения правила. Поэтому важно, чтобы учащиеся шли к самостоятельному составлению подобных схем-алгоритмов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилова Г.Ф., Редкозубова Т.М.. Изучение грамматики русского языка в школе. Пособие для учителя. Ростов-на-Дону, Феникс, 2007
2. Максимов В.И. Словообразование как объект изучения в учебных пособиях по русскому языку для студентов-иностранцев. В сб.: «Некоторые вопросы преподавания грамматики русского языка иностранцам». Л., 1969.
3. Медведева И.И. Суффиксы существительных в научной и общественно-публицистической речи и их изучение в иностранной аудитории. «В помощь преподавателям русского языка как иностранного». М., 1970.

4. Трушина Л.Б. *Словообразование в системе преподавания русского языка иностранцам*//Русский язык за рубежом.- 1974.- № 2.- С. 69-73
5. Шанский Н.М. О некоторых вопросах словообразовательного анализа. «Материалы VII Международного методического семинара преподавателей русского языка стран социализма (июнь 1964 г.)». М., 1967
6. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

G.A.Bogdanovich
(Uzbekistan, Andijan)

b.g.a-uz@mail.ru

D.U.Mamazoirova
(Uzbekistan, Andijan)
dilnoza2428@gmail.ru

APPLICATION OF ALGORITHMS IN THE STUDY OF THE TOPIC "WORD FORMATION"

Abstract. The article discusses the use of algorithms in the study of the topic "Word Formation" at school. Specific examples are given.

Keywords: algorithm, algorithmization, flowchart, methodology.

Бройтман Марина Самсоновна,
Ст.преп. КИЯ РУДН, кфн.

Яцко Алина,
Студент 4 курса РУДН
(РФ, г. Москва)

E-mail: aliana.yatsko@yandex.ru
broitmanmar@gmail.com

ЗВУКОВОЙ СИМВОЛИЗМ В ИСПАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Аннотация. Данная статья посвящена явлению звукового символизма в произведениях Пабло Неруды. Звуковой символизм - малоизученная тема, однако представляет большой интерес для лингвистов, так как затрагивает важный аспект связи звуков с образными представлениями или ощущениями, которые они вызывают у говорящих. В данной статье мы рассмотрим эту связь в испанском языке на примере произведения Пабло Неруды "El libro de las preguntas".

Ключевые слова. Звуковой символизм, Пабло Неруда, фонема, звуковая форма, поэзия, фонетика, семантика.

Цель нашего исследования заключается в сравнении разных подходов к звуковому символизму и фонетическом анализе стихотворения чилийского поэта Пабло Неруды “El libro de las preguntas” на основе теории звукового символизма.

Научная новизна

Явление звукового символизма всегда привлекало интерес поэтов, однако в последнее время стало объектом исследований лингвистов. Оно определяется как связь между звуками и представлениями, которые они формируют.

Объект нашего исследования - стихотворение Пабло Неруды “El libro de las preguntas”. Новизна нашего исследования - в том, что мы сопоставляем идеи исследователей звукового символизма с практическими данными фонетического анализа, в данном случае - фонетического анализа поэтического текста.

Звуковой символизм — это связь между звуками и образными представлениями или ощущениями, которые они вызывают у говорящих. Мы можем наблюдать, что некоторые слова своими звуками изображают то, что называют.

Случайна или закономерна связь между звукосочетанием, составляющим слово, и понятием, которое оно обозначает?

Споры об этом ведутся со времен античности до наших дней. Платон в диалоге «Кратил» утверждал, что звуки обладают способностью вызывать определенные ощущения: быстрое движение, плавное движение, холод, гладкость и т.д. Значит, уже сами звуки несут в себе определённые идеи, и потому звуки слов уже несут в себе характеристики, присущие предметам. Таким образом он выступил против мнения многих философов (Демокрит, Архелай, Горгий и другие), считавших, что имена даны не «по природе», а произвольно. Для Платона имена - тени или отражения вещей, подобно тому, как вещи - тени или отражения идей [4, С. 471-473].

Базовым постулатом лингвистики является мнение Фердинанда де Соссюра [5, С. 132] о произвольности и конвенциональности языкового знака. Однако если рассматривать язык как средство поэтического творчества или ораторского искусства, то есть понимать, что смысл знаков языка в действительности нераздельно слит с внешней звуковой оболочкой, то не удивительно, что явление звукописи продолжает привлекать пристальное внимание и поэтов, и исследователей.

Например, М.В. Ломоносов в труде «Краткое руководство к красноречию» пишет о тех эмоциях, которые могут вызывать звуки языка: «... [а] может способствовать к изображению великого пространства, глубины и вершины, также и внезапного страха... [е], [и], [ю] - к изображению нежности, ласки... чрез [я] показать можно приятность, увеселение, нежность; чрез [о], [у], [ы] -

страшные, сильные вещи: гнев, зависть, боязнь, печаль». Согласные [к], [п], [т], [б], [г] «имеют произношение тупое, и нет в них ни сладости, ни силы»; [с], [ф], [х] [ц], [ш], [р] «имеют произношение звонкое и стремительное», могут представлять вещи и действия сильные, великие, громкие, страшные и великолепные; [ж], [з], [в], [л], [м], [н] «имеют произношение нежное и потому пристойны к изображению нежных и мягких вещей и действий» [5, С. 91-93].

Звуковой символизм в своём творчестве использовали многие поэты. В. Хлебников создал теорию символизма звуков: например, в его поэме «Зангези» [7, С. 480] исторические события представлены как борьба между началами, соответствующими оппозициям звуков *Р/ Л* и *К/ Г*. *Л* означало остановку движения плоскостью, а *Р* – прорыв этой же плоскости. Воплощениями *К* были Колчак, Каледин, камень, кол – все они означали неподвижность, косность. Символы *Г* – гора, голова, то есть символика верха.

В XX веке звуковой символизм вновь привлёк внимание исследователей, таких как Э. Сэпир, Ньюман, Журавлёв, Левицкий.

В своей работе «Избранные труды по языкознанию и культурологии» Эдвард Сэпир проводит исследования, которые позволяют продемонстрировать наличие тенденции к системной организации символических связей в соответствии с неосознанной или интуитивной логикой. Проводя множество опросов среди различных категорий людей, говорящих на китайском и английском языках, Сэпир выявил некоторые закономерности, касающиеся ассоциации звуков *a/i*. Респонденты воспринимали слова с гласной *-a-* как что-то, обладающее бóльшим размером, чем слова с гласной *-i-*. Такие результаты были характерны для опрашиваемых разных возрастов, разных профессий, и, что немало важно, являющихся носителями разных языков. [6, С.110-113, с. 134]

Одним из самых выдающихся отечественных ученых в области звукового символизма стал А.П. Журавлёв. Он доказал сам факт существования фонетического значения, дал ему четкое определение и структуру. В работе А. П. Журавлева «Фонетическое значение» (1974г.) излагаются результаты изучения символического значения звуков речи. А.П. Журавлев предполагал, что каждому звуку в языке соответствует определенное подсознательное значение. Звук способен воздействовать на психику человека и вызывать эмоциональный отклик. Опираясь на разработанную Ч. Осгудом технику «семантических дифференциалов», он провёл исследование для выяснения этих значений. По итогам исследовательской деятельности А.П. Журавлёвым были предложены качественные характеристики каждого звука русской речи.

Каждому звуку русского языка по шкалам сопоставлена оценка. Например, А.П. Журавлев обнаружил, что русские оценивают звук [х'] как крайне неприятный, тогда как немцам он представлялся более приятным. Этот факт

находит вполне удовлетворительное объяснение, если вспомнить, что близкая к русской немецкая фонема входит в состав уменьшительно-ласкательного суффикса –chen и т.д. [1, С. 79]. Согласно теории Журавлёва, качественные фоносемантические шкалы позволяют оценивать влияние звуков на психическое состояние человека.

В.В. Левицкий в своей работе «Семантика и фонетика» исследовал 6 гласных и 12 согласных английского, молдавского, русского и украинского языков. Языки для сравнения им были выбраны таким образом, чтобы два из них были близкородственными. Его исследования подтвердили, что в разных языках существуют определенные закономерности в восприятии тех или иных звуков. Понятие «маленький» ассоциируется во всех четырех языках (английском, молдавском, русском и украинском) прежде всего с фонемами /i/ и /e/, а понятие «большой» ассоциируется чаще всего с гласными /o/ и /u:/.

Начальные согласные /p/, /s/, /m/, /n/ ассоциируются в индоевропейских языках с понятием «маленький», /b/, /r/, /d/ – с понятием «большой», /b/ и /s/ – с понятием «неприятный» [2, С. 56-67].

Данные, представленные Левицким отлично согласуются с результатами, полученными С. Ньюманом. Ньюман установил, что гласные /i/, /e/, /a/ располагаются в английском языке (от «маленького» к «большому») в следующем порядке: i, e, a, т.е. символизация размера связана со степенью открытости полости рта и позицией языка [8, с. 35-37]. Результаты, полученные Левицким в отношении согласных звуков, также соответствуют данным Ньюмана. Он располагал согласные по шкале размера в следующем порядке: t, d, p, b, k, g. Также он соотносил понятие «темный» с большим размером, а понятие «светлый» – с маленьким.

Наиболее часто звуковой символизм усматривается в поэзии. Звуковая форма поэтических произведений содержательна. Это связано с тем, что автор зачастую пытается воздействовать на эмоциональное состояние читателя всеми возможными способами, используя множество средств художественной выразительности. Поэтическая свобода в выборе средств и единство содержания и формы приводят к тому, что в выбор звуков в поэзии практически всегда не случаен, а мотивирован внутренними правилами текста. Есть все основания говорить о поэтической функции звуков, которая подразумевает звуковой символизм, однако оказывается значительно шире его, поскольку, как мы увидим ниже, использует окказиональные звуковые сближения. Кроме того, лингвисты отличают звуковой символизм от звукоподражания (Левицкий, Гумбольдт, Газов-Гинзберг и другие).

Наша гипотеза заключается в том, что в поэзии присутствует как звукоподражание (звукопись), так и звуковой символизм, но есть и третье

явление: поэтическая этимология, то есть сближение далеких по смыслу слов на основании звукового сходства, и именно это явление является наиболее релевантным. Кроме того, мы считаем, что универсальный звуковой символизм, поисками которого занимались Цуру, Фриз, Тейлор и др. (Левицкий, с.18), в поэзии трудно обнаружить. Ассонансы и аллитерации в поэзии построены либо на звукописи, либо на поэтической этимологии, то есть сближению не всегда родственных слов на основе их созвучия.

Проблема, которую мы стремимся решить в нашем исследовании - это проблема обнаружения критериев объективности звукового символизма.

В данной статье мы рассмотрим произведение испанского поэта Пабло Неруды “El libro de las preguntas” [9, С. 15-26]. Мы попробуем рассмотреть, какие образы и ассоциации возникают у читателя при прочтении стихотворения, где используется повторение фонем: ассонанс и аллитерация. Разберем строки из частей IX, LXV, LVVI:

¿Dónde están los nombres aquellos / dulces como tortas de antaño?

¿Brilla la gota de metal / como una sílaba en mi canto?

¿Y no se arrastra una palabra / a veces como una serpiente?

¿No crepitó en tu corazón / un nombre como una naranja?

¿De qué río salen los peces? / De la palabra platería?

¿Y no naufragan los veleros / por un exceso de vocales?

¿Echan humo, fuego y vapor / las o de las locomotoras?

¿En qué idioma cae la lluvia / sobre ciudades dolorosas?

¿Qué suaves sílabas repite / el aire del alba marina?

¿Hay una estrella más abierta / que la palabra amapola?

В стихотворении Неруды можно выделить два основных приёма работы со звуком:

1. Звуковой символизм, когда повторяющийся звук, например, аллитерация с L, передаёт идею и ощущение нежности, скольжения, ассонанс нескольких звуков A - идею открытости, и т.п.

2. Явление поэтической этимологии, когда сходство звуков разных слов сближает их: “un nombre como una naranja”.

Разберём последовательно каждую строку стихотворения.

1. ¿Dónde están los nombres aquellos / dulces como tortas de antaño?

В этой строке преобладает гласный O, который объединяет слова *nombres* и *tortas*. Звук O передает идею округлости, поскольку произносится округлёнными губами (потому и графический символ соответствует этому смыслу). Идею сладости передают нёбные ll, ñ и плавный l.

2. ¿Brilla la gota de metal / como una sílaba en mi canto?

В этой строке взрывные *B, G, T, D, T, B, C* передают идею твёрдости металла, в то же время *Ll, L, M, L, M, S, L* передают идею блеска.

3. *¿Y no se arrastra una palabra / a veces como una serpiente?*

Повторение сочетания согласных *SRRSRR/C[S]SSR* подкрепляет сравнение «слова» со «змеёй», причём здесь следует рассматривать звуки *S* и *R* не по отдельности, а как сочетание звуков, характерное для слов *arrastrarse, serpiente*. Кроме того, следует учитывать особенности испанского языка, где сочетание *RR* передаёт более длительный вариант фонемы, а слово *arrastrar* применяется также в смысле «растягивать», именно когда речь идёт о звуке *R*.

4. *¿No crepitó en tu corazón / un nombre como una naranja?*

Не разрывалось в сердце твоём / имя, как брошенный апельсин? (пер. М.Б.)

Звукосочетание *CR* передаёт звук, который может издать апельсин, разбиваясь при падении. Оно сближает глагол *crepitar* «хрустеть» со словом *corazón*, «сердце», потому что звук разбитого апельсина напоминает громкий удар сердца при упоминании чьего-то знакомого имени. Само же имя (*nombre*) становится «апельсином», неожиданно брошенным прямо в сердце, который разрывается там, как бомба.

5. *¿De qué río salen los peces? / De la palabra platería?*

В этой строке сочетание нескольких *L* с *P, B* передаёт идею плещущейся воды, причём слова *palabra, platería* как бы меняют значение под влиянием поэтической этимологии и сближаются с близким по звуковому составу, не названным здесь словом *plata* (серебро) и словом *río* (река).

В предпоследнем вопросе этого фрагмента дифтонг */ai /* в слове «aíre» и расположение буквы */l /* в «alba» создают ощущение мягкости, воздушности. В последнем из приведенных выше вопросов в слове «amarola» наблюдается последовательность гласных */a a o a/* с открытой артикуляцией, как и в слове «platería» (*a e í a*) в пятой строке, что придает им общий смысл и общее настроение открытости и легкости. Далее в строках под номером XXIX «Verdad que es ancha la tristeza, / delgada la melancolía?» контраст между широким (*ancho*) и тонким (*delgado*) коррелирует с противопоставлением тонических гласных, одной открытой, а другой закрытой, в словах «la tristeza» и «la melancolía». В предложении «¿Y no naufragan los veleros / por un exceso de vocales?» мы можем заметить явление поэтической этимологии. Слова «veleros» и «vocales» за счет общих звуков, приобретают схожесть и воспринимаются как нечто единое, в сознании читателя между этими совершенно разными по значению словами возникает связь.

Что касается фрагмента из поэмы Пабло Неруды «Juntos Nosotros»- «Mi lengua amiga blanda del dique y del buque...» мы можем отметить семантическую оппозицию между «твердым» (что проявляется в лексических элементах «buque» и «dique») и мягким (что лексически соответствует «lengua» и «blanda»). Слово друг/подруга (amiga) не участвует в этой оппозиции. Это семантическое противопоставление, проявляющееся лексически, имеет корреляты в означающем, поскольку в звуковой цепочке контрастируют твердые и мягкие фонемы. Таким образом, /k/ создает ощущение твердости, в отличие от /g/ и /n/ в конце слога.

Основным способом изучения звукового символизма является анализ, интерпретация поэтических произведений. Проанализировав два стихотворения Пабло Неруды, мы пришли к выводу о том, что они являются прекрасными примерами звукового символизма, так как содержат аллитерацию, ассонанс и явление поэтической этимологии. С помощью этих явлений Пабло Неруда передает определенные ощущения, ассоциации, будь то мягкость и нежность-звуками /l/, /a/ или же ощущение борьбы, возникшее благодаря контрасту открытых и закрытых слогов, мягких и твердых. Пабло помогает читателю на интуитивном уровне понять и прочувствовать каждое слово стихотворения и испытать именно тот спектр эмоций, которые автор хотел бы вызвать. Благодаря звуковому символизму произведение становится «живым» и наполняется множеством новых прекрасных смыслов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Журавлев А.П. Фонетическое значение / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. - Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. - 160 с.
2. Левицкий В.В. Семантика и фонетика / М-во высш. и сред. спец. образования СССР, 1973. - 103 с.
3. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Поли. собр. соч.: В 11 т. М., 1952. Т. 7. С. 91-93.
4. Платон Кратил // Собрание соч. в 4-х тт. / Перевод с древнегреческого Вл. С. Соловьева, М.С. Соловьева, С.Я. Шейнман-Топштейн и др. М.: Мысль, 1990. Т.1. С. 471 - 473.
5. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М., 1997, С. 132.
6. Сэпир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; Пер. с англ. под ред. и с предисл., [с. 5-22] А. Е. Кибрика. - Москва : Прогресс : Изд. группа "Универс", 1993. - 654 с.
7. Хлебников В. Зангези / Творения. М.: Советский писатель, 1987. С. 480.
8. Newman, Stanley. 1933. Bella Coola Reduplication. International Journal of American Linguistics 37. 34-38.

9. Neruda, Pablo. Libro de las preguntas. Obra póstuma. 4^a ed., Barcelona, Seix Barral, S. A., 1974, p. 15-26

Broitman Marina Samsonovna

Iatco Alina

(Russia, Moscow)

aliana.yatsko@yandex.ru

broitmanmar@gmail.com

SOUND SYMBOLISM IN SPANISH POETRY

Abstract. This article is devoted to the phenomenon of sound symbolism in the works of Pablo Neruda. Sound symbolism is a little-studied topic, but it is of great interest to linguists, since it touches on an important aspect of the connection of sounds with figurative representations or sensations that they cause in speakers. In this article we will consider this connection in Spanish using the example of the works of Pablo Neruda “El libro de las preguntas”.

Keywords. Sound symbolism, Pablo Neruda, phoneme, sound form, poetry, phonetics, semantics.

Е.А. Данилова

(Россия, г. Чебоксары)

sergeymuratovo@mail.ru

Н.В. Данилова

(Россия, г. Чебоксары)

nadya.danilova.75@inbox.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМЕННЫХ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Аннотация. В статье представлены результаты наблюдений за особенностями функционирования именных односоставных предложений в текстах публицистического стиля речи.

Ключевые слова: односоставные именные предложения, публицистический стиль, рекламный текст.

Е.А. Danilova

(Cheboksary, Russia)

sergeymuratovo@mail.ru

N.V. Danilova

(Cheboksary, Russia)

nadya.danilova.75@inbox.ru

FUNCTIONING OF NOMINAL ONE-PART SENTENCES IN JOURNALISTIC TEXTS

Annotation. The article presents the results of observations on the peculiarities of the functioning of nominal one-part sentences in the texts of the journalistic style of speech.

Keywords: single-part nominal sentences, journalistic style, advertising text.

Односоставные предложения (далее ОП) – особая структурно-семантическая разновидность простого предложения. Они противопоставляются двусоставным не только по форме, но и по способу выражения предикативных отношений. В ОП есть только один главный член, который самодостаточен для выражения смысловых и предикативных отношений. Поэтому всё грамматическое значение выражено в одном члене предложения.

Именную (субстантивную) группу ОП составляют номинативные, генитивные и вокативные предложения.

Номинативные предложения. Структурная схема: N1 – главный член выражен именем существительным в И.п. Семантическая структура: констатация наличествующего признака ситуации, соотносимого с предметом мысли; «констатация бытийности, экзистенциональности» [2]. Например: *Тишина. Спокойствие.*

В особую разновидность можно выделить *собственно-назывные предложения*: это названия газет, журналов, остановок и т.д. В них реализуется назывная функция И.п. Структурно они похожи на собственно-номинативные предложения: *Кинотеатр «Победа». Роман «Война и Мир».* Но они отличаются от номинативных тем, что не содержат семантику бытийности.

Некоторые учёные, как, например, В. В. Бабайцева, относят к именным ОП так называемые конструкции «именительный представления», которые «называют предмет речи (мысли) для того, чтобы вызвать представление о нем в сознании собеседника, читателя» [1]. Например: *Русский характер! Поди-ка, опиши его...; Москва! Как много в этом слове...* Такие предложения занимают инициальную позицию по отношению к целому микротексту. Их задача – просто обозначить, назвать предмет сообщения. Они отличаются некоторой интонацией незаконченности, поскольку дальше идет раскрытие этого понятия.

Генитивные предложения. Структурная схема: N2 – главный член выражен именем существительным в Р.п. Например: *Воды! Цветов!* Или *Ни N2; Никаких / Никакого N2.* Например: *Ни звука. Никаких догадок. Никакого сомнения.* Генитивные предложения, подобно номинативным, обозначают существование, наличие предмета, но основное отличие в том, что в генитивных

предложениях всегда есть семантика количества. Семантическая структура данных предложений – количество в его экзистенциальности [2].

Вокативные предложения. Структурная схема: N1. По своей форме они очень похожи на обычное обращение, но по функциям отличаются от него. Если функция обращения – назвать того, к кому обращаются с речью, привлечь его внимание, то вокативные предложения семантически – это реакция говорящего на слова или поведение собеседника. Это реакция содержит разнообразные модальные оттенки: упрек, сомнение, гнев, недовольство и т.д.

Например, ситуация диалога: *Мама: «Она у меня такая умница: и шить, и вязать умеет». – Дочь: «Мама!»*

Публицистический стиль называют официальным стилем СМИ. Данный стиль чаще используется в письменной речи, реже – в устных формах тех же репортажей или публичных выступлений политических и общественных деятелей.

Одним из самых ярких и актуальных на сегодня жанров публицистического стиля, несомненно, является жанр рекламы, в полной мере реализующий главные функции данного стиля. Реклама является социокультурным феноменом современности. Основная цель рекламы – продвижение товара на рынке. Текст является неотъемлемой частью большинства рекламных сообщений. Он, как правило, является главным элементом, раскрывающим основное содержание рекламного сообщения. Ввиду целевых установок, определяющих его структуру, рекламный текст, с одной стороны, является особым видом текста, однако, с другой стороны, в рекламных целях используются почти все публицистические жанры.

Рекламный текст должен содержать максимум информации при минимуме слов. Количество слов в тексте должно быть таким, чтобы покупатель без каких-либо затруднений мог охватить его одним взглядом. Выделяются слова с повышенной рекламной ценностью, большой эмоциональной силой, создающие наглядный, осязаемый образ [4]. За минимум времени необходимо донести суть, наиболее точно воздействовать на покупателя, что требует экономичного использования текстовой информации. Поэтому функционирование в рекламном тексте односоставных предложений абсолютно целесообразно.

Главное место в структуре рекламного текста занимает слоган – сжатая, ясная и легко воспринимаемая формулировка оценочной идеи в рекламном тексте [3, с. 391]. При удачном использовании он способствует созданию яркого рекламного образа и повышает воздействие рекламы на потенциального потребителя.

Говоря об особенностях слогана, важно обозначить его влияние на массовое сознание аудитории и формирование коммуникативных способностей

получателей рекламной информации. С одной стороны, слоган можно рассматривать как особое «зеркало» культуры, объективно отражающее среду коммуникации общества. На наш взгляд, в этом проявляется уникальность слогана как социального явления. Данный вывод оправдан, поскольку слоган стремится «разговаривать» на одном языке с потребителем, быть максимально понятным и близким той аудитории, к которой обращается [5].

Поскольку рекламные тексты просто обязаны быть «соблазнительными» по долгу службы, а слоган является центральным компонентом любого рекламного послания, необходимо выделить его риторические характеристики. Среди них: краткость, ритмический и фонетический повтор, контрастность, языковая игра и эффект скрытого диалога.

В публицистическом стиле часто всего встречается особая разновидность номинативных предложений – собственно-назывные: это названия газет, журналов, остановок и т.д. Здесь существует в назывной функции И.п., структурно они похожи на номинативные: *Служба доставки «Додо Пицца»*, *«Радуга Вкуса»*, *«Яндекс. Еда»* и т.д. Но отличаются они от номинативных тем, что не содержат семантику бытийности.

Также журналистами используются номинативные предложения для того, чтобы охарактеризовать обстановку, ситуацию и т.д. Например: *«На дворе вторник»*, *«За Волгой дым»*, *«Пустые улицы в Чебоксарах»* (Газета «Про-город Чебоксары»).

В рекламных текстах нами было выделено две группы именных односоставных предложений: номинативные и генитивные.

Номинативные предложения – односоставные, членимые предложения, в которых семантический субъект и его предикативный признак выражают факт существования, наличия в объективной действительности. Частое использование номинативных предложений в рекламном тексте объясняется тем, что они информируют потребителей о новом товаре или услуге. Номинативные предложения в рекламе воздействуют на адресата через предъявление фактов, избегая советов, условий и призывов, предоставляя адресату самостоятельно принимать решения, например: *Восстановление и уход во время сна* (реклама косметики).

Основной признак номинативных предложений – фрагментарность и одновременно большая емкость выражаемого содержания. В них называются отдельные детали ситуации, но детали важные, рассчитанные на опыт и воображение слушателя или читателя, такие, по которым легко представить себе общую картину описываемой обстановки или события. Например: *Территория низких цен* (магазин «Эльдорадо»); *Нового дня глоток* (кофе NescafeClassic); *Выбор стоматологов* (ColgateTotal 12).

В рекламных текстах номинативные предложения используются для того, чтобы подчеркнуть уникальность и качество рекламируемого товара: *BigStor. Легенда в мире джинсов; Ренни. 5 минут и никакой изжоги; Dove. Непревзойденное увлажнение; Lipton. Знак хорошего вкуса; Виброцил. Бережная забота о дыхании; Tess. Идеальное чайное сочетание.*

Также при помощи номинативных предложений достигается краткость, лаконичность сообщения и выделяются существенные характеристики рекламируемого товара, например: *Свежее решение* (Mentos); *Легкая победа над трудным жиром* (средство Fairy); *Icoral. Верх надежности; Lexus. Максимум возможностей. Максимум свободы.*

Для выражения максимальной степени качества в номинативных односоставных предложениях используются прилагательные превосходной степени со значением оценочности: *Самая мягкая из стойких красок* (реклама краски для волос); *Самое экономичное средство для мытья посуды!* (средство Fairy); *Нежнейший шоколад* (шоколад «Милка»); существительные и выражения с оценочной семантикой: *Новая революция* (реклама белья).

Функция номинативных вопросительных предложений – возможность постановки проблемы, ключом к решению которой будет являться предмет рекламы: *Первые морщинки? Разгладьте. Омолодитесь* (реклама крема).

Восклицательные номинативные предложения усиливают эмоциональную наполненность рекламного обращения и придают ему дополнительную выразительность: *«Баунти». Райское наслаждение!* (шоколадный батончик «Баунти»); *Напиток «Миринда». Взрыв вкуса!; Километры обуви!!!* (Сеть магазинов «Фабрика обуви»).

Цепь неполных номинативных предложений также придает тексту выразительность, даже драматизм. Вот как используются номинативные предложения в рекламе страховой компании: *Ураган. Лопнувшая труба. Ребенок, родившийся раньше срока. Чек, пришедший слишком поздно. Существует очень много кошмаров.* Или же просто перечисляются названия товаров, услуг и их свойств: *«Двигатель 1,6. Кондиционер. Гидроусилитель...»* (реклама автомобиля).

Иногда номинативные предложения в рекламных слоганах строятся по принципу антитезы. Это позволяет подчеркнуть достоинства рекламируемого предмета, выделить его положительные качества. Например: *Простые решения сложных задач; Большое будущее для маленьких гениев; Маленькие компьютеры для больших людей; Нежность в твердом переплете* (шоколад «NestleClassicformen»); *Связь с близкими на дальних расстояниях* (Ростелеком).

Также при создании рекламных текстов из номинативных предложений иногда используется приём парцелляции: *Печать мгновений. И впечатлений.*

(Фотостудия 4Foto.ru); *UAZ Patriot. Верный. Надежный. Друг.* Парцеллированные конструкции выделяются из общего речевого потока, имеют экспрессивную эмоциональную окраску, усиливают речь.

В рекламных слоганах, состоящих из номинативных предложений, очень часто используются слова, обращающиеся к внутренним ресурсам: душа, интуиция, внутренний голос, знания, память. Используя их, создатели рекламных текстов подчёркивают уважительное отношение к личности потребителя и помогают ему сделать правильный выбор. Например: «*Старый мельник*». *Душевное пиво*.

Номинативное предложение в рекламном тексте может состоять из контекстуальных синонимов: *Бережное отношение к каждому клиенту, качество и профессионализм*.

Нужно отметить, что среди номинативных предложений в рекламном слогане преобладают собственно-бытийные: *Настоящий карманный шоколад* («AlpenGoldExpress»). Реже встречаются оценочно-бытийные.

Генитивных предложений в рекламных текстах мы практически не встречаем в силу специфики самого жанра. В публицистическом стиле в целом они используются в функции газетного заголовка, например: «*Ни коньков, ни лыж...*» (Российская газета, №195, от 17.05.2021), «*Никаких объяснений*» (PROгород, № 24(405), от 16.06.2022).

Таким образом, мы пришли к выводу, что именно номинативные односоставные предложения способны подчеркнуть уникальность и качество рекламируемого товара. В силу своей лаконичности, акцентирования внимания на характеристике товара они успешно выполняют функции рекламного текста. Результаты анализа позволяют констатировать, что среди именных односоставных предложений наиболее употребительными в рекламном тексте оказались номинативные предложения, и это объясняется тем, что они информируют нас о новом предмете или услуге.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке / В.В. Бабайцева. – Москва : Дрофа, 2004. – 512 с.
2. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка / Н. С. Валгина. – Москва : Высшая школа, 1991. – 416 с.
3. Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учебник / М.Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. – 2-е изд. – Москва : Флинта, 2010. – 464 с.
4. Песоцкий Е. А. Реклама и мотивация потребителей / Е. А. Песоцкий. – Москва : Дашков и Ко, 2012. – 224 с.

5. Романова Т. П. Современная слоганистика. – Самара : Бахрах, 2013. – 191 с.

6. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.

О.В. Жарикова

(Российская Федерация

Донецкая Народная Республика г. Горловка)

helga_zhar@mail.ru

М.Э. Курылко

(Российская Федерация

Донецкая Народная Республика г. Горловка)

mterri2@mail.ru

ПЕРВАЯ ОЛИМПИАДА РУССКИХ ФУТУРИСТОВ

Аннотация. В статье представлены малоизвестные события начала XX века, рассматривается Первая Олимпиада Русских Футуристов как уникальное явление в русском футуристическом направлении. В работе анализируется деятельность одного из учредителей Олимпиады – Вадима Баяна, его связь с Владимиром Маяковским и влияние на творчество поэта, показано значение Олимпиады для футуризма и его дальнейшего изучения.

Ключевые слова: футуризм, авангард, олимпиада футуристов, Маяковский, Баян.

Двадцатый век русской литературы, эпоха модернизма, авангард и революция в литературном слове – все это обусловило возникновения множественных течений и вариаций литературной мысли. Одним из совершенно новых направлений того времени заявил о себе футуризм, который, в свою очередь, разделялся на кубофутризм, эгофутризм, группы «Гиллея» «Мезонин поэзии», «Центрифуга», «Творчество», «41°», «Бескровное убийство». Все эти футуристические группировки реализовывали те цели футуристической литературной мысли, которые были наиболее близки данному окружению. Главной целью футуризма являлось обновление русского литературного слова, обновление литературной мысли, рождение новаторского футуристического языка – зауми, соединение несовместимого. Такое взаимодействие должно было показать подлинное искусство, передать наиболее точную мысль футуристов. Полное отречение от символизма и любого другого направления, истинное «природное» слово, лишённое грамматики, отречение от упорядоченности и логичности мироздания, алогичность, заумь, обновление фонетической и синтаксической структуры языка – все это составляло основу русского футуризма. Наиболее яркими представителями футуризма в России были

Владимир Маяковский, Алексей Кручёных, Велемир Хлебников, Игорь Северянин, Илья Зданевич, Елена Гуро, Игорь Терентьев, братья Бурлюки и другие. Именно этими именами можно обозначить каркас русской футуристической мысли. С этими именами связано уникальное явление не только в футуристическом направлении, но и в среде стремительно развивающегося на то время литературного процесса – первая Олимпиада футуристов.

Своим появлением Олимпиада обязана не столь популярному на то время поэту-футуристу Вадиму Баяну, под таким псевдонимом вступил в большую литературу Владимир Иванович Сидоров. Появление такого псевдонима связано, по одной из версий, с появившимся в Симферополе в начале XX века иллюзионом «Баян», теперь это кинотеатр им. Шевченко, он и был назван в честь симферопольского поэта, а по другой версии – наоборот, поэт использовал в качестве псевдонима звучное название кинотеатра. Знаковым является и то, что Вадим Баян считал себя равным Владимиру Маяковскому. Поэт публиковался в газете г. Симферополя под названием «Тавричанин». Вадим Баян стремился обрести известность: он посещал лекции в Петербурге, знакомился с известными людьми, такими как Игорь Северянин, Фёдор Сологуб и другие. Обладая большими денежными средствами (он был из зажиточного сословия) и, желая славы, Вадим Баян организовывает с 1914 года первую олимпиаду российского футуризма в Крыму. В ней принимали участие – Владимир Маяковский, Давид Бурлюк, Игорь Северянин, Василий Каменский и, конечно, Вадим Баян (дабы таким образом приблизится к славе уже укоренившихся футуристов). Здесь поэт впервые знакомится с Владимиром Маяковским.

В конце декабря 1913-го года на улицах города Симферополя появились афиши, в которых было указано: «Первая Олимпиада Российского Футуризма. Поведёт состязающихся Владимир Маяковский». А главное выступление состоялось в Дворянском театре 7 января 1914 года. Тогда со сцены тетра и прозвучали шокирующие публику лозунги: в лице футуристов слушатели имеют носителей протеста против шаблона, имеют творцов нового искусства и революционеров духа. «Как недоваренное мясо, застряла в зубах нудная поэзия прошлого, а мы даем стихи острые и нужные, как зубочистки» [1].

По честолюбивому замыслу В. Маяковского маршрут этих олимпийских гастролей должен был проходить через двадцать крупнейших городов России, в том числе и через Москву и Петербург. А вот начать с таким размахом задуманное путешествие было решено в провинциальном тогда Симферополе, т.к. Вадим Баян был симферопольцем. Именно он предложил в качестве отправной точки родной Симферополь, когда узнал о том, что футуристы собираются организовать большое турне по городам России, а в качестве

жилища для поэтов – собственный дом, а также выступил одним из меценатов этого мероприятия, названного громко и ярко Первой Олимпиадой Российского Футуризма. Однако олимпиада эта завершилась гораздо быстрее, чем предполагалось.

Участники вели себя довольно расточительно, о чем впоследствии упрекнул их учредитель олимпиады. Игорь Северянин без стеснения писал:

*«Живем совсем как борова
Едим весь день с утра до ночи,
По горло сыты, сыты очень;
Вокруг съедобные слова:
«Еще котлеток пять? Ветчинки?
Пол-окорочка?..» [3, с. 1].*

Владимир Маяковский, напротив, ответил на упреки учредителя: *«Всякий труд, милсударь, должен быть оплачен, а разве не труд – тянуть за уши в литературу людей бездарных? Вы же, голубчик, скажем открыто, талантом не сияете... У нас с вами не дружба, а сделка... И потому одно из двух: или вы, осознав, отбросьте вашу мелкобуржуазную жадность, или убирайтесь ко всем чертям!» [1, с. 1].* После скандала участники мероприятия понимали, что гастроли не принесут прибыли и славы, поэтому Олимпиада распалась. Владимир Маяковский с Давидом Бурлюком уехал в Одессу, а Игорь Северянин с Вадимом Баяном – в Симферополь. Позже Вадим Баян жил в Москве, писал и сочинял для молодежи образцы новых «советских обрядов». Как результат появилась книга «Кумачовые гулянки», которую, по свидетельству киоскера, все же купил сам Владимир Маяковский.

Олимпиада футуристов и встреча с Вадимом Баяном сыграла большую роль и в творческой деятельности Владимира Маяковского, ведь прообразом Вадима Баяна, стал главный герой футуристической пьесы В. Маяковского «Клоп». Олег Баян – герой пьесы, который в некотором роде является прототипом Вадима, эгофутурист, стремившийся достичь неких высот не стандартным способом, а через хитрость, деньги и уловки. Хотя в пьесе автор не осуждает Олега Баяна, он лишь указывает на суть героя. В отрывке: *«Он – писатель. Чего писал – не знаю, а только знаю, что знаменитый! «Вечорка» про него три раза писала: стихи, говорит, Апухтина за свои продал, а тот как обиделся, опровержение написал. Дураки, говорит, вы, неверно всё, – это я у Надсона списал» [2, с. 556],* Вадим Баян узнает себя. В открытом письме в «Литературной газете» Вадим Баян написал письмо Владимиру Маяковскому об этом упоминании, на что В. Маяковский отвечает, что эгофутурист может поменять фамилию, если видит сходства с образом Олега Баяна, хотя сходства

по описанию были очевидными. Несмотря на это, Вадим Баян оставался верным и восхищался Владимиром Маяковским до конца жизни.

Одним из последних произведений Вадима Баяна стало как раз воспоминание «Маяковский о первой олимпиаде футуристов». Произведение принесло автору большую известность. В воспоминаниях автор пишет о годах молодости, о впечатлениях прожитых дней среди футуристов. Кроме того, мемуары написаны грамотно и без пафоса, простым понятным языком. Представим небольшой отрывок из произведения:

«Спешное.

...Я на днях познакомился с поэтом Влад. Влад. Маяковским, и он – гений. Если он выступит на наших вечерах, это будет нечто грандиозное. Предлагаю включить его в нашу группу. Переговорите с организатором. Телеграфируйте...»

Так писал мне Игорь Северянин из Петербурга в Крым в декабре 1913 года.

В эту осень футуристы всех разновидностей, без различия направлений, единым фронтом вышли на бой со старым миром искусства, а наиболее активная часть во главе с Игорем Северяниным организовала турне, чтобы громко пронести по городам России свои идеи. По лихорадочному тону письма уже прославленного в то время Северянина и по бешеному вою газетных статей было видно, что в литературу пришел какой-то «небоскреб», который своим появлением повысил температуру общества. В это время Маяковский уже грохотал в Харькове и делал наскоки на другие города. Казалось, это двигалась по городам ходячая колокольня, которая гудела на всю Россию... Пожар футуризма охватил всю наиболее взрывчатую литературную молодежь. Хотелось культурной революции и славы... Воспаленные поэты, по мере своих материальных возможностей, метались по стране, жили в поездах всех железных дорог и на страницах всех газет» [1, с. 1].

Завершена Олимпиада Русских Футуристов была в 1914-м году. Вадим Баян в 1922 году перебрался из Симферополя в Москву, писал пьесы, сочинял для молодёжи образцы новых «советских обрядов» (свадеб, вечеринок с играми и танцами), в последние годы работал художником-оформителем.

Рассмотрев значение первой Олимпиады русских футуристов, мы пришли к выводу, что такое явление представляется уникальным не только среди футуристического сообщества, но и всего литературного мира. Первая Олимпиада Русских Футуристов дает возможность современным исследователям более глубоко изучить русский футуризм, понять настроения его представителей, проследить биографических контекст пьес Владимира Маяковского и обозначить деятельность ярчайших представителей русского футуризма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баян, В. Маяковский в первой олимпиаде футуристов / В. Баян // Арион. – М. : Издательство Русанова, 1997. – № 13 (1). – Текст : электронный. – URL : <https://magazines.gorky.media/arion/1997/1/mayakovskij-v-pervoj-olimpiade-futuristov.html> (дата обращения: 19.02.23).

2. Маяковский, В. В. Сочинения в двух томах / сост. Ал. Михайлова : прим. А. Ушакова. – М. : Правда, 1988. – Т. 2. – 768 с.

3. Северянин, И. Сочинения в пяти томах. – СПб. : «Logos», 1995. – Т. 3. – Текст : электронный. – URL : <https://traumlibrary.ru/book/severyanin-ss05-03/severyanin-ss05-03.html#s005> (дата обращения 19.02.23).

O.V. Zharikova

(Russian Federation
Donetsk People's Republic, Gorlovka)
helga_zhar@mail.ru

M.E. Kurylko

(Russian Federation
Donetsk People's Republic, Gorlovka)
mterri2@mail.ru

FIRST OLYMPIAD OF RUSSIAN FUTURISTS

Annotation. The article presents little-known events of the early twentieth century, considers the first Olympiad of Russian futurists as a unique phenomenon in the Russian futuristic direction. The work analyzes the activities of the founder of the Olympics – Vadim Bayan, his connection with Vladimir Mayakovsky and his influence on the poet's work, the significance of the Olympiad for futurism and its further study is shown.

Key words: futurism, avant-garde, Futurist Olympiad, Mayakovsky, Bayan.

И. В. Гаврилова

(Россия, г. Чебоксары)
centabr_7@mail.ru

М. И. Журина

(Россия, г. Чебоксары)
ds52556@chebnet.com

ПОЛИКОДОВЫЕ ТЕКСТЫ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ В УСЛОВИЯХ СМЕШАННОГО ТИПА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В условиях смешанного типа образовательного взаимодействия в обучении русскому языку и литературе возрастает роль текстов новой формы (поликодовых, креолизованных, нелинейных) как средства формирования языковой, коммуникативной и лингвокультуроведческой компетенций учащихся. В статье приведены приемы работы с поликодовыми текстами.

Ключевые слова: смешанное обучение, русский язык, литературы, поликодовый текст, тексты новой формы.

Irina Gavrilova

(Russia, Cheboksary)

centabr_7@mail.ru

Marina Zhurina

(Russia, Cheboksary)

ds52556@chebnet.com

POLYCODE TEXTS IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE CLASSES IN CONDITIONS OF A MIXED TYPE OF EDUCATIONAL INTERACTION

Abstract. In the conditions of a mixed type of educational interaction in teaching the Russian language and literature, the role of texts of a new form (polycode, creolized, nonlinear) as a means of forming the student's linguistic, communicative and linguocultural competencies increases. The article presents techniques for working with polycode texts.

Keywords: blended learning, Russian language, literature, polycode text, texts of a new form.

В условиях развития сетевых форм общения, цифровизации общества, активного использования электронных средств коммуникации появляется необходимость включать в качестве дидактического материала на уроках русского языка и литературы тексты нового типа, которые отличаются от традиционных – книжных, линейных, вербальных.

Тексты новой формы – несплошные, поликодовые – тексты, функционирующие в сети Интернет, существующие в виде гипертекста, характеризующиеся поликодовостью, т.е. сочетанием вербальных и невербальных средств передачи информации: публикации электронных средств массовой информации, посты в соцсетях, блоги, мотиваторы/демотиваторы, постеры, рекламные баннеры и т.д.

Включение в процесс обучения русскому языку и литературе наряду с традиционными текстами текстов нового типа тем более важно в связи с

внедрением смешанной формы обучения (Blended Learning) – модели обучения, предполагающей совмещение традиционной учебной работы в классе и онлайн-обучения с использованием цифровых образовательных ресурсов и инструментов [1]. Формы смешанного обучения позволяют гибко выстраивать процессы взаимодействия учителя и класса, организовать индивидуальную, парную и групповую работу, что максимально соответствует принципам развивающего обучения.

С помощью цифровых ресурсов и инструментов можно усваивать знания о языке, литературных нормах, формировать практические умения и навыки. Использование этих обучающих средств побуждает обращаться к текстам новой формы. Покажем некоторые приемы работы с подобным материалом.

Так, поликодовые тексты сообщества «Я люблю русский язык» социальной сети «ВКонтакте», пользующейся большой популярностью у школьников, уместно использовать при изучении ряда лингвистических тем. Учащимся предлагается рассмотреть пост на стене сообщества, ознакомиться с поликодовым текстом, понять, какую изучаемую тему иллюстрирует языковой материал, выполнить задание эвристического, творческого характера: произвести анализ языкового явления; объяснить смысл поста другому ученику, ребятам в группе, т.е. на основе предложенного материала составить связное высказывание в устной и/или письменной форме.

Принят закон,
О нём разузнав,
Все пришельцы упали, рыдая:

Например, данный текст можно использовать на занятиях по изучению морфемики и словообразования и предложить детям **задания**:

- 1) С помощью каких морфем, по каким словообразовательным моделям в русском языке образуются слова со значением «житель той или иной местности». Назовите такие модели, проиллюстрируйте примерами.
- 2) Если произойдет то, о чем говорится в предъявленном тексте, предположите, как могут называться жители присоединенной территории.

Анализ актуальных явлений, наблюдаемых в современном языке и речи, помогает в формировании языковой и коммуникативной компетенций школьников. Например, при повторении тем «Омонимы» и «Многозначные слова» можно использовать такие постеры:

Задания.

1) Какое языковое явление иллюстрирует эти примеры?

2) Что такое «боты» раньше? А сейчас?

3) Воспользуйтесь справочной информацией

<http://gramota.ru/slovari/dic?word> портала Грамота.РУ. Значение какого слова не представлено в словарях этого информационного ресурса. Почему?

4) Составьте словарную статью для слова «боты» сейчас, описав грамматические признаки, лексическое значение. Проиллюстрируйте употребление этого слова. Какое предположение о его происхождении вы можете сделать.

Исследуя лингводидактические основы включения поликодовых текстов в практику обучения русскому языку, Е. О. Кузьмина [4], В. А. Сенцова [5] отмечают, что их использование обеспечивает реализацию ряда принципов: сознательности, наглядности, развивающего обучения, доступности и посильности, прочности усвоения. Принцип сознательности проявляется в осмыслении учащимися тех языковых средств, функционирование которых продемонстрировано в текстовом пространстве. Принцип наглядности обеспечивается природой самого поликодового текста, воспринимаемого разными анализаторами: зрительными, слуховыми. Принцип развивающего обучения реализуется в том, что в ходе работы с текстом активнее осуществляется развитие познавательных способностей учащихся. Принцип доступности и посильности требует учитывать этапы освоения языкового материала, уровень речевого развития учащихся, их лингвистические способности. Принцип прочности усвоения основан на восприятии ярких образов предъявляемых текстов, рождением и укреплением прочных

ассоциативных связей между вербальными и невербальными носителями смысла.

Включение поликодовых текстов в процесс обучения русскому языку должно опираться на ряд методических условий.

Отбор (и/или создание) поликодовых текстов должен осуществляться с учетом темы, целей и задач урока.

Подобный текст должен стать основой для формулировки комплексной учебной задачи (опознать языковое явление, вспомнить его признаки, увидеть проблему, представленную вербальными и невербальными средствами, сформулировать суть проблемы, предложить поиски его разрешения).

Предъявляемые в тексте невербальные средства могут дополнять информацию, выраженную языковыми формами, обеспечивать выстраивание разнообразных ассоциативных связей, способствующих пониманию текста.

Поликодовый текст может стать источником социально значимой культурологической информации, в нем должны быть отражены нормы морали и нравственности и стимулировать учащихся к активной речевой деятельности в предъявляемой коммуникативной ситуации.

Поликодовые тексты могут использоваться на разных этапах познавательной деятельности учащихся: в ходе усвоения языковых понятий при объяснении нового материала, его закрепления и повторения, в процессе формирования практических умений и навыков, а также служить средством контроля и проверки усвоенного материала.

Включение в процесс обучения русскому языку текстов новой формы, как пишет Е. О. Кузьмина, «оказывает позитивное влияние на функционирование механизмов речевой деятельности, восприятия, понимания, памяти, внимания, мышления...» обучающихся [4, с. 18].

Работа с текстами-постерами велась на уроках русского языка в старших классах. После выполнения заданий с такими текстами, учащиеся отвечали (всего получено 54 ответа в свободной форме), что им было интересно, школьники отметили, что такая форма представления информации заставляла задуматься, высказать предположение, самостоятельно прийти к выводу, тем более что готовых ответов к вопросам нет в Интернете.

Современные электронные инструменты позволяют преобразовать традиционный текст в поликодовый, что, на наш взгляд, будет хорошим подспорьем при знакомстве с классическими произведениями русской литературы, которые нуждаются в лингвистическом и историко-культурологическом комментариях. Для подготовки такого текста к уроку необходимо создать его аудиозапись, отобрать слова (устаревшие, прецедентные имена), устойчивые словосочетания, нуждающиеся в толковании и разъяснении,

снабдить гипертекстовыми ссылками на проверенные источники информации в сети Интернет. Работа с подобно организованными текстами способствует лучшему их восприятию и пониманию, особенно если учащиеся должны самостоятельно прочесть эти тексты и подготовиться к их анализу.

В условиях смешанного обучения проектная работа школьников рассматривается как способ активизации познавательной деятельности. В качестве проекта можно предложить учащимся самим подготовить лингвокультурный комментарий незнакомых слов, обнаруженных в художественном тексте, и включить гиперссылки.

Так, для учащихся 7 классов были подготовлены материалы к уроку литературы по пушкинскому наследию «Баллада А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге». Комментарий» [2].

Созданный историко-культурный комментарий к тексту баллады представлен в цифровом формате, являющимся привычным для современного школьника, и дает возможность посредством гиперссылок пояснить слово, фразу из текста необходимыми сведениями. Новизна разработанного цифрового образовательного ресурса состоит в комплексном, междисциплинарном подходе к изучению баллады А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге» в ее связи с историей и искусством, а также определяется контаминацией на текстоцентрической основе и представлением в цифровом формате материалов ряда источников: толковых словарей, школьных учебников, а также книг, содержащих опыт и текстуального и иллюстрированного комментирования пушкинского произведения.

Цифровой образовательный ресурс «Баллада А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге»: Комментарий» создан с целью сопровождения самостоятельной деятельности, осуществляемой учеником дома.

Разработанный ресурс проходит апробацию. Учителя литературы, использующие этот ресурс, отмечают, что обращение к комментарию способствовало пониманию текста, дети дополнили знания истории, живописи. Школьники с удовольствием читали текст произведения и в классе, и дома.

Предпринятая работа доказывает, что приближение пушкинского наследия к современному юному читателю с помощью цифровых технологий улучшает восприятие и понимание литературы учащимися, рожденными в информационном обществе.

Проведенные исследования особенностей работы обучающихся с текстами традиционными (линейными) и новыми (несплошными, электронными) в сопоставлении показывают, что существенных отличий в их восприятии и понимании нет, а «важную роль в успешности понимания играют структура самого текста, знание особенностей его построения, читательский опыт, наличие

интралингвистических опор» [3, с. 38]. При этом поликодовые тексты максимально соответствуют условиям коммуникации, актуальным формам и средствам обучения, привлекают внимание школьников, активизируют их речемыслительные способности, мотивируют, поддерживают интерес к предмету, содействуют формированию функциональной грамотности.

Полученные результаты найдут применение в практике преподавания литературы в школе, помогут организовать самостоятельную деятельность ученика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные вопросы методики преподавания русского языка и литературы в общеобразовательной школе в условиях смешанного обучения: коллективная монография. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2021. – 168 с.
2. Баллада А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге»: Комментарий. – URL: <https://infourok.ru/ballada-a-s-pushkina-pesn-o-veshem-olege-kommentarij-6309624.html> (дата обращения: 10.11.2022).
3. Кормилина Н. В., Шугаева Н. Ю. Психолингвистические аспекты функционирования текста веб 2.0 // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. – 2021. – № 4 (113). – С. 38–47.
4. Кузьмина Е. О. Поликодовые тексты как средство обучающего контроля в преподавании русского языка как иностранного китайским студентам (уровни А1-А2) : автореф. дис. канд. пед. наук. – Москва, 2021. – 21 с.
5. Сенцова В. А. Поликодовые тексты как средство обучения итальянских учащихся русской грамматике (I сертификационный уровень): дис. канд. пед. наук. – Санкт-Петербург, 2017. – 184 с.

Е.В. Загороднева

(Россия, Липецк)

katyazagorodneva@mail.ru

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ КАК ПРОЯВИТЕЛЬ АНДРОЦЕНТРИЧНОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В данной работе рассматриваются фразеологические единицы французского языка с позиции изучения гендерной маркированности и андроцентричности языка, анализируется место фиксации гендерных характеристик во фразеологическом значении и внутренней форме фразеологической единицы, вопросы гендерной референции. В статье предпринимается попытка изучить семантику фразеологической единицы, как проявителя эксплицитно и имплицитно гендерно маркированной информации.

Ключевые слова: гендер, фразеологическая единица, фразеологическое значение, внутренняя форма фразеологической единицы, андроцентричность.

Изучение вопроса гендерной маркированности фразеологического фонда во французском языке неизбежно отсылает нас к антропоцентрической парадигме, доминирующей в лингвистических исследованиях XXI века. Этот исследовательский вектор в современном языкознании предполагает повышенное внимание ко всем аспектам человеческого бытования, в том числе, и к его биологическим, и социальным характеристикам, одной из которых является гендер или, так называемый, социальный пол человека.

Фразеологический языковой уровень предоставляет обширный материал для изучения способов выражения гендера и его асимметрий, которые можно рассматривать как андроцентризм. Это явление, по данным многочисленных исследований в этой области, свойственно всем языкам, обслуживающим патриархальные западноевропейские общества с христианской культурой в основе. Оно проявляется в преимущественном наложении понятий «человек» и «мужчина», в образовании форм женского рода от мужского рода, в использовании форм мужского рода к разнополым группам, а женских – исключительно к женским, в неравноценном наименовании представителей одной и той же профессии номинациями мужского и женского рода, в синтаксическом согласовании по форме грамматического рода, а не по полу реального референта и во многом другом [Кирилина 2005: 16-17].

Фразеологическая единица является двуплановой, соответственно, гендер может проявляться как в плане выражения, так и в плане содержания фразеологической единицы. Для анализа в данной работе мы отобрали методом сплошной выборки фразеологические единицы с гендерно маркированной семантикой. Это значит, что фразеологическая единица прямо называла мужчину или женщину или опосредованно относилась к сфере маскулинного или фемининного. В ходе исследования мы не обнаружили четко фиксированного расположения гендерного аспекта в структуре фразеологического значения, его местоположение может варьировать от ядерного до периферийного. Внутренняя форма фразеологической единицы с гендерным маркером может быть и гендерно маркированной, и гендерно нейтральной. В ее основе лежит натуромерное, антропомерное или артефактное образное основание. Это так называемый принцип прозаичности прототипа «вещей», который проявляется в вышеобозначенных образных основаниях [Сорокин 1998, с. 40]. Во фразеологических единицах с антропометрическим образным основанием, как правило, наличествует лексическая единица, прямо называющая представителя одного из полов. Семантика фразеологических

единиц этой группы опирается на переосмысление поведения, физиологических, биологических и социокультурных характеристик мужчин и женщин.

Наиболее частотной лексической единицей в составе подобных единиц является лексема *femme* ‘женщина’. Гендерные характеристики одного пола наиболее отчетливо проявляются на фоне характеристик другого. Мужской пол во французской языковой картине мира связывается с представлением о силе и субъектности, а женский – о слабости и объектности. Так, мужчина в анализируемых фразеологических единицах, предстает «творцом» ситуации, ему принадлежит инициатива в отношениях, он принимает на себя ответственность, он решает жениться или нет, дает женщине свое имя, терпит ее недостатки, воспитывает жену, применяет к ней грубую силу, позволяет себе ухаживать за чужой женой и прочее. Деятельность мужчины затрагивает обширные и разнообразные сферы жизни. Женщина во французских фразеологических единицах выступает преимущественно в качестве объекта действия. Субъектность женщины проявляется в подборке фразеологических единиц, относящихся к супружеской измене, типа: *faire de son mari Jean* ‘изменять мужу, делать из него дурака’.

Особое место занимают фразеологические единицы, называющие конкретных исторических, библейских, литературных или мифологических личностей. Подавляющее большинство данных фразеологических единиц демонстрируют гендерные асимметрии, поскольку называют мужчин или относятся к сфере маскулинного. Схожие наблюдения отмечаются в группах фразеологических единиц, в основе которых лежат натуромерные и артефактные метафоры. Так, зачастую при создании фемининности во французском языке используется гастрономическая метафора *morceau friend* ‘лакомый кусочек, женщина’, репрезентирующий ее объектность. Также, наличествуют номинации предметов женского туалета (юбка, платье, туфли на каблуке) и предметы, связанные с домашним очагом как прялки или кухонная утварь. Наиболее частотными лексемами в составе фразеологических единиц, выражающих маскулинный гендер являются номинации крупной, тяжелой мебели, прочных стройматериалов, сельскохозяйственные орудия, оружие и многое другое. Натуромерные лексические единицы, относящиеся к маскулинной сфере являются зоонимы типа: петух, воробей, бык, кролик, волк и некоторые другие. Среди флоронимов, входящих в структуру фразеологических единиц, выражающих маскулинные гендерные параметры назовем дуб, кедр и красное дерево. Словом все то, что связывается в языковом сознании с прочностью и надежностью.

Таким образом, в семантике фразеологической единицы проявляется андроцентричность французской языковой картины мира. В первую очередь это

обнаруживает количественная асимметрия фразеологических единиц, относящихся к сфере маскулинного и к сфере фемининного. Последних в три раза меньше. Кроме того, мужчина предстает во всей полноте социальных ролей, в разные периоды жизни, в разных сферах деятельности. Женское обнаруживается в областях, связанных с ролью матери или жены, а также во взаимоотношениях с мужчиной, зачастую порочных, порицаемых общественной моралью. Что касается коннотации фразеологических единиц, то здесь мы обнаруживаем общую тенденцию вне зависимости от гендерной референции фразеологической единицы: преобладают негативно коннотированные фразеологические единицы, что доказывает мысль о том, что все положительное воспринимается нормой и не требует дополнительной вербальной оценки, а любые отклонения от социальных ожиданий провоцируют их вербализацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык / Московский государственный лингвистический университет; Лаборатория гендерных исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 7-30.

2. Сорокин Ю.А. Антропоцентризм vs антропофилия: доводы в пользу второго понятия // Язык, сознание, коммуникация. – М.: Филология, 1998. – Вып.4. – С. 34-43.

Ekaterina Zagorodneva

(Russia, Lipetsk)

katyazagorodneva@mail.ru

SEMANTICS OF A PHRASEOLOGICAL UNIT AS A MANIFESTATION OF THE ANDROCENTRICITY OF THE FRENCH LANGUAGE

Abstract: This work examines phraseological units of the French language from the perspective of studying gender labeling and androcentricity of the language, analyzes the place of fixation of gender characteristics in the phraseological meaning and internal form of the phraseological unit, issues of gender reference. The article attempts to study the semantics of a phraseological unit as a developer of explicitly and implicitly gender-labeled information.

Keywords: gender, phraseological unit, phraseological meaning, internal form of phraseological unit, androcentricity.

И.Р. Зайнуллин

(Узбекистан, г. Андижан)

and.zaynullin.ilfat@mail.ru

ТЕЛЕАУДИРОВАНИЕ КАК ВИД РЕЦЕПТИВНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются использование на уроках РКИ телеаудиоматериала развлекательного характера и восприятие аутентичной телевизионной речи реципиентом.

Ключевые слова: телеаудирование, аудирование, восприятие, аутентичность, информационно-развлекательные программы.

В условии отсутствия естественного общения с носителями языка средства массовой информации являются основным источником восприятия речи. Благодаря СМИ имеется возможность получить особенности возрастных, социальных, профессиональных, культурных аспектов речи. О.А. Лаптева утверждает, что необходимость изучения телевизионной речи заключается в том, что она представляет собой «речевой портрет эпохи» [5, с.2]. Погружению в естественную среду, закреплению уже изученного языкового материала, подкреплению и расширению культурных и страноведческих представлений о стране и изучаемом языке способствует регулярный просмотр телепередач на изучаемом языке.

О.А. Лаптевой приводятся данные, что около 80% всей поступающей информации человек воспринимает по визуальному каналу, чем объясняется эффективность средства усвоения новых знаний зрительным восприятием [5, с.39].

Интенсивность и многогранность речевого потока в телепередачах позволяет увеличить объём изучаемого материала. Более того, у студентов повышается самоконтроль за счёт многократной повторяемости. Многократное восприятие материала способствует формированию автоматизированных навыков и умений. Обучение становится более интересным и естественным [5, с.39]. Телевизионная речь и её восприятие подробно изучается в работе С.В. Светаны «Телевизионная речь». В исследовании рассматривается отличительная особенность телеречи, которая заключается в единстве «изображение – звук – речь». С.В. Светана оперирует понятием «экранный контекст телезрелища» и рассматривает составляющие его факторы. Автор указывает на трёхаспектность информационного потока в телезрелище: зрительный (видео) ряд, звуковой (музыкально-шумовой) ряд и собственной речевой (вербальный) ряд [6].

С.Н. Акинфиев пишет об известном в психологии «феномене пассивного удовольствия» [1, с.24]. Этот феномен происходит в момент включения человеком телевизора. Эффект так же усиливается информационно-развлекательными программами, так как они преследуют цель трансляции информации в развлекательном формате, при которой человек может

расслабиться и забыть о существующих проблемах. Это подтверждается словами автора: «Развлечение – это не только позитив, который зритель получает в тот момент, когда смотрит передачу. Это нечто, заставляющее сознание функционировать, нечто, позволяющее человеку осознать себя в окружающей его действительности, некие составляющие, благодаря которым развлечение приобретает общественно значимый смысл» [1, с.25].

Следует отметить, что информационно-развлекательных программы помогают улучшить у обучающихся навыки правильного произношения и сформировать четкое представление о фонетическом, интонационном, просодическом разнообразии русской речи. Наши наблюдения за обучающимся позволяют сказать, что студенты, уделяющие просмотру телепередач на русском языке достаточное количество времени уверенно справляются с особенностями русской речи (интонация, ударения, произношение отдельных звуков).

Разнообразная тематика информационно-развлекательных программ, эмоциональное и яркое представление побуждают обучающихся выражать своё мнение относительно происходящего на экране. В данном контексте следует также упомянуть слова М.М.Васильевой: «Когда вызвана потребность в говорении, то у ученика актуализируются слова родного языка. Поэтому необходимо, чтобы он без каких-либо затруднений мог перейти от родного слова к овладению функцией лексических единиц иностранного языка» [2, с.308].

Регулярное прослушивание текстов на изучаемом языке даёт возможность научиться пользоваться не только словами, но и воспринимать готовые фразы, которые запоминаются в виде определенных моделей и в впоследствии могут воспроизводиться в готовом виде. Использование в процессе обучения информационно-развлекательных программ позволяет учащимся усвоить речевые отрывки, которые позволяют говорить естественно и непринужденно на примере носителей языка.

Процесс восприятия текста тесно связан с другим важным процессом – процессом понимания. «Понимание можно рассматривать как способность реципиента адекватно расшифровывать полученную информацию и переводить воспринятую мысль в рефлексивную зону без существенных потерь смысла, заложенного в высказывание говорящим» [7, с.82]. Рецепция иноязычной речи имеет ступенчатый характер. В этой связи выделяются разные уровни понимания.

Глубина понимания текста представляется нам основной характеристикой уровней понимания текста. Показатели понимания текста определены З.И. Клычниковой, а затем и И.А. Зимней. В качестве показателей выступают способы проверки понимания [4][3]. Под критериями оценки понимания текста понимаются различные способы последующего воспроизведения воспринятого

текста. При этом в качестве характеристики уровней понимания мы понимаем именно углубление, изменение степени понимания читающим объекта основной мысли текста, его основного содержания, а не изменение этого процесса от слова к тексту. Первый уровень. Сюда входит понимание отдельных слов или «понимание категориально-познавательной информации». На первом уровне понимания текста усваивается только тема высказывания. У реципиента появляется лишь общее и поверхностное понимание текста. Учащийся на данном уровне способен ответить на вопрос «О чём или о ком этот текст?» и установить в процессе контекстуального восприятия текста только ключевые моменты.

Второй уровень характеризуется пониманием словосочетаний, то есть понимание «категориально-познавательной и частично ситуативно-познавательной информации текста». Вторым уровнем отличается тем, что учащийся способен усвоить основную мысль текста и передать то, что говорится. На этом уровне реципиент устанавливает контекстуальные связи между ключевыми системами интерпретации мысли и способен раскрыть и вникнуть в главную и все второстепенные темы текста, следит за планом аргументации, за закономерностью последовательности сообщения. Предполагается, что реципиент уже имеет определенную базу знаний о свойствах, характеристиках, соотношениях и отличиях обсуждаемых в тексте предметов и явление или темы в целом. Во время прослушивания реципиент сравнивает, подвергает анализу полученную информацию, устанавливает всё больше контекстуальных связей с тем, что ему уже известно, и с тем, какую информацию он получает в данный момент, и делает выводы, какую новую информацию он получил по сравнению с ранее известной. Третий уровень. Реципиент понимает отдельные предложения и все три плана сообщения: «логический, эмоциональный и побудительный» [4].

Далее с четвёртого по шестой уровни реципиенты понимают текст разной степени осмысления плана сообщения. Эти уровни свойственны человеку, обладающему высокой степенью познания в той области, о которой говорится в тексте, богатым жизненным опытом и мировоззрением. Такой реципиент проникает в суть высказывания и в определённой степени опережает ход развития мысли автора. Основываясь на глубоких знаниях он анализирует в процессе чтения тему высказывания, вместе с тем как и какими средствами это обеспечивается. Такого типа реципиент имеет собственное мнение по освещаемой теме и внимателен к позиции автора, к тому, как автор подаёт, интерпретирует, трактует содержание освещаемой темы.

Седьмой уровень — высший ступень — уровень поступочного понимания. Автор утверждает, что на этом уровне слушатель помимо логического и эмоционального распознаёт волевое содержание текста. Текст понимается столь глубоко, что читатель из лица воспринимающего превращается в лицо

сопереживающее. Высшему уровню понимания характерно познание слушателем не только темы высказывания, отдельных предложений, используемых средств, сказанных говорящим, но особенно умением обнаружить суть высказывания, его основную мысль, вне зависимости от того, сформулирована она говорящим или дана в подтексте. Данный уровень глубины понимания определяется проникновением слушателя в подтекст высказывания, понимание с какой целью это говорится. [4].

Мы полагаем, что исследование глубины понимания аутентичного текста является одной из важнейших проблем педагогической психологии. С этой проблемой тесно связаны вопросы диагностики и развития понимания в обучении в целом. Восприятие и понимание иноязычного телетекста с точки зрения психологии представляют собой довольно сложный процесс. Проанализировав особенности психологии восприятия и понимания, можно сказать, что информационно-развлекательные программы могут быть использованы в качестве учебного материала, так как просмотр таких программ создаёт психологически комфортные условия для усвоения иностранного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акинфиев С.Н. Жанровая структура российского развлекательного телевидения. Дисс. ... канд. филолог. наук. – М., 2008. –164 с.
2. Васильева М.М. Условия формирования мотивации при изучении иностранного языка // Психологические основы обучения неродному языку: Хрестоматия / Сост. А.А. Леонтьев. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2004. – С. 306–330.
3. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. – М., 1978.
4. Клычникова З.И. Психологические особенности восприятия и понимания письменной речи (психология чтения). Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1974.
5. Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана (разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте). – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 520 с.
6. Светлана С.В. Телевизионная речь. – Якутск, 1995.
7. Федотова Н.Л. Методика преподавания русского языка как иностранного: практический курс. – СПб.: Златоуст, 2013. – 190 с.

Ifat Zaynullin

(Uzbekistan, Andijan)

and.zaynullin.ilfat@mail.ru

TV LISTENING AS A TYPE OF RECEPTIONAL SPEECH ACTIVITY

Annotation. The article discusses the use of entertaining TV-audio material in Russian as a foreign language lessons and the perception of authentic TV speech by students.

Key words: TV listening, listening, perception, authenticity, infotainment programs.

М-Ш. Икрамов

(Узбекистан, г. Ташкент)

ikramovmahamadsuhrat@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. В статье говорится о вопросах формирования профессиональной компетенции при обучении русскому языку студентов неязыковых вузов.

Ключевые слова: профессионально-ориентированная компетенция, личная и профессиональная деятельность, обучение чтению, литература по специальности, профессиональная деятельность.

Вхождение Узбекистана в мировое образовательное пространство и связанные с этим изменения в системе народного образования нашей страны, предъявляют высокие требования к владению русским языком в современных условиях и определяют подход к изучению дисциплине «Русский язык в неязыковом вузе».

Основная цель обучения русскому языку — «обеспечить активное владение выпускниками неязыкового вуза русским языком как средством формирования и формулирования; мыслей в области повседневного общения и в области соответствующей специальности». [1, с.313]

Исходя из социально-политического, экономического и этнокультурного развития нашего государства, знание и изучение иностранных языков (в том числе и русского) стало необходимой составной частью личной и профессиональной деятельности каждого человека. Все это в полной мере относится и к профессиональному образованию будущих специалистов, которые должны быть готовы жить и работать в быстро изменяющемся мире. Для этого им необходимо профессионально-ориентированной лексикой по своей специальности. Современность изменила требования к подготовке специалистов со знанием русского языка в разных профессиональных областях. В условиях глобализации, возрастающее значение приобретают деловые связи между специалистами различных стран в области всестороннего профессионального сотрудничества. Такие контакты являются гарантом успешного решения

назревших проблем, быстрого профессионального роста специалистов, повышения и развития уровня их компетенции.

Быстротечность изменений в жизни государства и связанные с ними новые масштабы и направленность, а также цели реформ требуют большого количества специалистов, практически владеющих одним или несколькими иностранными языками, и этот факт сегодня ни у кого не вызывает сомнений. Специалист, владеющий несколькими языками, занимает в обществе более престижное положение. Всё более ясным становится то, что богатством общества в условиях современной рыночной экономики и развития информационных технологий являются человеческие ресурсы, именно они являются основной стратегического фактора экономического и социального прогресса. В решении этой задачи важная роль отводится иноязычному образованию.

В условиях современной рыночной экономики и развития информационных технологий, все более ясным становится тот факт, что главным богатством общества становятся человеческие ресурсы, что именно они являются основой стратегического фактора экономического и социального прогресса. Важную роль в решении этой задачи относится к иноязычному образованию.

В современной методике преподавания языков проблема обучения профессиональной лексике освещается достаточно широко. Большинство специалистов решают эту проблему в рамках обучения чтению литературы по специальности [2, с.4]. Уделяется большое внимание вопросам обучения активной лексике по специальностям обучения. Преподавателями используется возможность использовать функциональный подход к вопросам отбора и организации речевого материала, а также к организации самого учебного процесса с использованием моделей типичных ситуаций и видов социальных контактов, которая может быть присуща профессиональной деятельности будущих специалистов. Но при этом вопросы формирования профессиональной лексической компетенции у студентов ещё не решены в полной мере. В связи с этим преподавателям становится ясно о необходимости дальнейшего совершенствования методики формирования профессиональной лексической компетенции у студентов высших неязыковых образовательных учреждений.

Одной из основных задач преподавателей русского языка в неязыковом вузе, являлась - научить студентов понимать и переводить тексты по специальности с русского языка (и других) на узбекский и наоборот. Научить же студентов свободно выражать свои мысли и вести беседы на профессиональные темы до недавнего времени была задачей как бы второстепенной.

Однако изменения и реформы последних лет привели к пониманию того, что деятельность образовательных учреждений, готовящих современных

специалистов, не ограничивается только рамками одной страны, и появилась необходимость общаться с коллегами не только ближнего, но дальнего зарубежья, как на иностранном, так и на русском языке. Общение в профессиональной сфере, подразумевает не только свободное владение каким-либо языком в пределах возможных социальных контактов, но и свободное владение профессиональной лексикой, которой студент может овладеть в процессе чтения литературы по специальности.

Основы овладения русской профессиональной лексикой закладываются в высшем учебном заведении, поэтому именно в этих учебных заведениях и должны заниматься разработкой и внедрением наиболее эффективных методик в области преподавания русской профессиональной лексики студентам при обучении чтению. И думается, что более эффективный путь усовершенствования учебного процесса в ВУЗе заключается в оптимизации методики формирования профессионально-ориентированной лексической компетенции. Следует также отметить, что «профессионально-ориентированная лексическая компетенция» представляется нам как знание студентами профессионально-ориентированных лексических единиц и способность их использовать в различных типичных ситуациях профессионального общения. Под лексическими навыками в данном случае понимаются такие закреплённые операции, которым соответствуют автоматизированные действия с лексическим материалом в процессе рецептивной или репродуктивной речи. [3, с.151] Различные виды речевой деятельности здесь должны рассматриваться, как речевые умения, в данном случае речевое умение чтения.

Исследования, проводимые в области методики формирования профессиональной лексической компетенции на русском языке при обучении чтению, должны приблизить нас к решению вопроса о подготовке специалистов с высоким уровнем профессиональной культуры.

Актуальность этой области методики обуславливается тем, что постоянно возрастают требования, предъявляемые к специалистам в технических вузов; возникающей необходимостью совершенствования методики формирования лексической компетенции при изучении русского языка, в том числе и при обучении чтению опираясь на существующий материал, с использованием новых направлений в методике преподавания языков; необходимостью разработки такого комплекса упражнений, который был бы направлен на повышение уровня овладения профессиональной лексикой при обучении чтению; необходимостью разработки новых методик преподавания лексики в специальных целях, которая бы способствовала повышению эффективности запоминания лексического материала студентами в процессе чтения.

Подводя итоги сказанному выше, можно сказать, что у студента при работе с литературой по специальности уровень запоминания профессиональной лексики увеличится, и, следовательно, процесс формирования профессиональной лексической компетенции студентов будет более эффективным исходя из того, какое количество лексических единиц студентами усвоено в процессе чтения, а также времени, которое будет затрачено на их запоминание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.Алексеева Л.Е. Оптимизация процесса обучения иноязычному профессионально-ориентированному общению студентов факультета международных отношений (на материале английского языка). - СПб.,2002.-313 с.

2. Абрамов А.П. Из опыта преподавания бухгалтерской терминологии студентам-юристам. Ростов-на-Дону, 1998. – с. 3-5;

Булычева С.Ф. Отбор и методическая типология терминологической лексики для чтения литературы по специальности. Автореферат дисс. канд. пед наук. - М.,1976. -24 с.;

Вахина Н.В. Обучение пониманию специальной лексики немецкого языка при чтении литературы по специальности. Автореферат дис. к. п. н. -Тбилиси, 1973. 19 с.

Гришелева Н.М. Актуальные вопросы коммуникативно-ориентированного обучения продуктивной лексике. //Коммуникативно-ориентированная методика обучения иностранным языкам в высшей школе. Сб. науч. тр. Вып. 257. - М.,1985. - с.189-203

3. Леонтьев А.А. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному. - М., 1970. - 150 с.

Исломова Дилором
(Узбекистан, г. Наманган)
(diloromislamova@mail.ru)

О НЕКРОНИМИЧЕСКИХ ИНДИКАТОРАХ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье дается лексико-семантическое определение некронима как ономатического термина, анализируются некронимические индикаторы узбекского языка.

Ключевые слова: некроним, некротопоним, индикатор, захоронение, могила, кладбище, комплекс.

Начало ХХІ века характерно бурным развитием туристической индустрии, которая является одной из высокодоходных отраслей мировой экономики. В этой связи возрастает интерес к объектам исторической памяти и культурного наследия народов, стран, регионов. Некрономия в последнее время представляет большой интерес для историков, топонимистов, ономистов и географов, вызывающая споры от определения данного понятия до классификации её видов. Согласно энциклопедическому словарю Википедии, *некроним* — это имя, данное в честь умершего предка. [1] В лингвистическом словаре Подольской Н.В. *некронимами* называются объекты, относящиеся к тематике некрополя (некрополеведения) [7, с.114]. В ономастическом словаре *некроним* — это вид топонима; название места захоронения. Этимология слова указывает на городские объекты, названия которых представляют собой конкретные топонимические единицы. *Некрополь* - (др.-греч. *nesros*, мертвый + *полис*, город) – дословный перевод - мертвый город [5]. В «Толковом словаре русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой «Некрополь – место, где похоронены знаменитые люди, по отношению к древнему миру – вообще могильник, кладбище» [6, с. 391]

Исследователь М.В. Майоров для обозначения таких топонимических единиц предлагает термин - некротопоним. Он подчеркивает, что под ним следует понимать широкий круг названий географических объектов, связанных не только с непосредственным захоронением, но и с обрядами и другими процессами, непосредственно связанными с некрополиведением. [4, с.178] Он делает выводы о том, что специальные названия памятников могильной культуры являются не некротопонимами, а некронимами, поскольку не соответствуют географическим объектам по величине и функциям.

В русском языке к некронимическим индикаторам относятся: *кладбище, могила, некрополь, пантеон, погост, погребенье, склеп, часовня, монастырь, лавра, стела, кенотаф, ограда*. Особенный признак некронимов – наличие на её территории мест захоронения, могилы. Существуют памятники без могил, например монастыри, церкви, синагоги и другие культовые сооружения, на территориях которых нет погребений. М.В.Майоров не относит их к группе некронимов. [4, с.178]

В узбекском языке к некротопонимическим индикаторам относятся *қабр, қабристон, мазор(мазорот, мазористон), мақбара, қадамжо, мажмуа, зиёратгоҳ мажмуаси, ёдгорлик мажмуаси*.

Анализ некронимических показателей в узбекском языке показал, что с этимологической точки зрения все показатели этой группы заимствованы. Их можно разделить на три группы: 1) заимствованные из арабского языка (*кабр, кабрстон, зиёратгўҳ, мақбара, мажмуа*); 2) производное от персидского языка

(мозор,); 3) состоящее из морфем двух языков (*қадамгоҳ, қадамжо(й)*). С точки зрения употребления индикаторы этой группы можно разделить на группы редко используемые (*қадамгоҳ*) и активно используемые (*зиёратгоҳ, мозор, қабристон, макбара*). В последние десятилетия в рамках мероприятий по сохранению уникального культурного наследия, отражающего богатую историю и культуру узбекского народа, а также по увековечиванию памяти известных исторических деятелей активно употребляется лексема *комплекс* в качестве неконимического индикатора.

Среди некронимических индикаторов узбекского языка есть составные индикаторы, такие как *ёдгорлик мажмуаси* (мемориальный комплекс). Масалан, “Зангиота” ёдгорлик мажмуаси – (Тошкентская обл.), “Шоҳи Зинда” ёдгорлик мажмуаси (г.Самарканд), “Абу Убайда ибн ал-Жаррох” ёдгорлик мажмуаси (г. Карши), “Султон Мир Хайдар” ёдгорлик мажмуаси (Кашкадарьинская обл.), “Мирижанда ота” ёдгорлик мажмуаси (Кашкадарьинская обл.), Имом ал-Бухорий ёдгорлик мажмуаси (г.Самарканд ш.).

Проанализируем некоторые из некронимических индикаторов узбекского языка.

Қабр (араб.) - могила, в качестве индикатора указывает на одинокую могилу, например, *Имом ал-Бухорий қабри, Ислом Каримов қабри* (г.Самарканд).

Қабристон (қабр-“могила” +стон/стан-“страна, земля”)- дословный перевод “страна могил”, “место могил” - место захоронений, мавзолеев, кладбище. Например, *Гурдуш қабрстони* (Зарафшонская обл.), *Шишаки қабрстони* (Наманганская обл.), *Булоқбоши қабрстони* (Андижонская обл.)

Зиёратгоҳ – (арап. + перс.) - дословный перевод - место поклонения, поминков, имеет значения - усыпальница, святилище. Местами поминков могут быть места, где родились, жили или похоронены святые или святые места, где собираются много людей в большинстве случаев для совершения обрядов. Например, “Занги бобо” зиёратгоҳи, “Шайх зайниддин бобо” зиёратгоҳи, *Хўжа алламбардор*” зиёратгоҳи, *Хайрободий* зиёратгоҳи (Тошкентская обл.), “Ўн бир Аҳмад” зиёратгоҳи (Наманганская обл.).

Местами поминков могут быть родники, водопады, вековые деревья и др. Например, *Чашми девонаҳо* зиёратгоҳи(Сурхандарьинская обл.), *Дарвозоҳо* зиёратгоҳи, *Қирқ қиз* зиёратгоҳи (Сурхандарьинская обл.)

Мозор – (перс. могила, святое место) - место захоронения, кладбище. Например, *Шарра мозор* (Сурхандарьинская обл.). *Шахидлар мозороти* (мозори), *Писта мозороти* (мозори) (Сурхандарьинская обл.). В толковом словаре синонимов узбекского языка слова *мозор, қабристон, гуристон,*

мозористон, мозорот приведены как синонимы. В толковом словаре узбекского языка слово “гуристон” имеет оттенок отрицательного, пренебрежительного значения [9, с.190].

Мақбара – (араб.- кладбище, захоронение) архитектурное сооружение или каменный гроб, сооруженный над могилой. Например, “Қалдирғочбий (Тўлабий) мақбараси (Тошкентская обл.), Амир Темур мақбараси (Самаркандская обл.), “Хожи Мағиз” мақбараси (г.Маргилан), “Чашма Аюб мақбараси (Самаркандская обл.).

Қадамжос(й) - (араб-перс. земля, на которой остались следы) - дословный перевод – место, где ступала нога святого - место для посещения, поклонения, место, где происходят чудеса, святое место. Например, “Суфи оллоёр” қадамжоси (Сурхандарбинская обл.) Хизр пайғамбарнинг қадамжоси /Хидиришо зиёратгоҳи (Сурхандарьинская обл.), Саид ибн Абу Ваккаси қадамжоси (Хорезмская обл..) [2]. Реже употребляется синоним **қадамгоҳ** (араб.+песид.) – дословный перевод – “следы шагов святых”, место, где ступали святые. В словаре современного узбекского языка дается с пометой устаревшее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Википедия. Электронная энциклопедия.
<https://ru.wikipedia.org/wiki/> Время обращения 20.08.2022
2. Жураева С. Сурхон воҳасидаги муқаддас зиёратгоҳлар ва аҳоли диний ҳаёти. Источник tiu.uz/ oid.bukhara. время обрщения: 20.08.2022
3. Қораев С. Ўзбекистон вилоятлари топонимлари. Т. Ўзбекистон миллий энциклопедияси. 2005, с. 240.
4. Майоров М.В. Некронимы и некротопонимы как объекты ономастического исследования // Проблемы региональной ономастики. Материалы научной конференции. - Майкоп, 2006. - с. 177-181.
5. Новейший словарь иностранных слов и выражений. - М., Мн., 2002. - с. 559.
6. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.2017. 889 с.
7. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н. В. Подольская. - 2-е изд., перераб., доп. - М. : Наука, 1988. - 192 с.
8. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. А.Мадвалиев таҳрири остида. – Т. Ўзбекситон миллий энциклопедияси. 2020.
9. Хожиев А. Ўзбек тилининг изоҳли луғати. Тошкент, Ўқутувчи. 1974. –308 с.

Islomova Dilorom

(Uzbekistan, Namangan)
(diloromislamova@mail.ru)

ABOUT NECRONYMIC INDICATORS OF THE UZBEK LANGUAGE

Annotation. The article gives a lexico-semantic definition of necronym as an onomatic term, analyzes necronymic indicators of the Uzbek language.

Key words: necronym, necrotoponym, indicator, burial, grave, cemetery, complex.

А.С. Карабаева
(Узбекистан, г.Андижан)

СПЕЦИФИКА СВЕРХКРАТКИХ СЮЖЕТНЫХ РАССКАЗОВ

Аннотация. В данной статье приводится характеристика малой прозы, а также анализируется специфика относящегося к малой прозе жанра сверхкраткого рассказа, который появился в XX веке в художественной литературе англоязычных стран и получил широкое распространение вследствие расширения рынка газет и журналов и появления сети Интернет

Ключевые слова и выражения: малая проза, малый текст, сверхкраткий сюжетный рассказ, сверхкраткий рассказ (англ. short short story), стихотворение в прозе (англ. prose poem), концентрический сюжет, ключевое слово, новелла, фабула, тексты-описания, национальные, традиционные, культурно-исторические, социально-бытовые реалии, прямое значение слова, экспрессивность, жизненный опыт и психологический настрой читателя, информация об авторе.

A.S. Karabaeva
(Uzbekistan, Andijan)

THE SPECIFICS OF ULTRA-SHORT PLOT STORIES

Annotation. This article provides a description of short prose, and also analyzes the specifics of the super-short story genre related to short prose, which appeared in the twentieth century in the fiction of English-speaking countries and became widespread due to the expansion of the market for newspapers and magazines and the emergence of the Internet.

Key words and expressions: short prose, short text, super short story, short short story, prose poem, concentric plot, key word, short story, plot, descriptive texts, national, traditional, cultural, historical, social realities, direct meaning of the word, expressiveness, life experience and psychological mood of the reader, information about the author.

«Малая проза — довольно условное название для прозаических произведений, объём которых интуитивно определяется автором и читателем как меньший по отношению к типичному для национальной литературы данного периода. Такая постановка вопроса о малой прозе возникла в XX веке, когда эрозии подверглась традиционная система литературных жанров и на фоне жанровой неопределённости текста его величина оказалась едва ли не наиболее заметным различительным признаком. В то же время именно на рубеже XIX—XX вв. ряд внутрилитературных и общекультурных процессов привёл к постепенному росту количества прозаических миниатюр. Среди таких процессов можно назвать и обострение вопроса о границе между стихом и прозой, побудившее многих авторов экспериментировать с пограничными и переходными формами (в том числе с так называемыми стихотворениями в прозе, чья величина естественным образом оказывалась сопоставима с величиной среднего лирического стихотворения), и расширение рынка газет и журналов, ориентированных на сравнительно массового читателя, в которых короткие тексты оказались неплохо востребованы» [4].

«Какого в точности размера должен быть прозаический текст, чтобы считаться малым, определить невозможно. В англоязычной традиции принято считать объём текста в словах и к малой прозе относить тексты объёмом до 300, до 500, до 1500 слов. В русскоязычной традиции объём текста считается в знаках (или в страницах, что то же самое, потому что имеется в виду стандартная машинописная страница, соответствующая 1800 знакам) — в разное время разными специалистами предлагалось считать малой прозой текст до 2000 знаков, до 3 страниц (≈ 5400 знаков), до 5 страниц (≈ 9000 знаков). С распространением Интернета приобрёл популярность тезис о малом тексте как таком, какой при чтении с монитора не требует вертикальной прокрутки, о тексте «величиной в один экран», — понятно, что такое определение не является строгим, поскольку не может учесть различия в величине монитора и размере шрифта у разных читателей.

С аналогичными разночтениями сталкивается и попытка определить размер стихотворной миниатюры. Возможно, строгая однозначность определения в подобных случаях неуместна (странно было бы считать, что между текстом в 2000 знаков и текстом в 2200 знаков действительно лежит какая-то качественная граница). В то же время возможности расширения границ малой прозы не беспредельны: и по историческим причинам (самая короткая из пушкинских «Повестей Белкина», «Гробовщик», составляет около 11000 знаков — это показывает нам, что такой объём текста, хоть и виделся малым в пушкинскую эпоху, вряд ли может соответствовать современному пониманию

малой прозы), и по причинам психологии восприятия (подразумевается, что малая проза воспринимается как бы одновременно, единым актом)»[4].

Теория малой прозаической формы разработана слабо. В англоязычной традиции намечено одно базовое разделение малой прозы: на сверхкраткий рассказ (англ. *short short story*) и стихотворение в прозе (англ. *Prose poem*), однако границы между этими двумя явлениями весьма размыты: подразумевается, что сверхкраткий рассказ центрирован на сюжете, тогда как стихотворение в прозе – на лирическом переживании и образном ряде.

Сверхкраткие сюжетные рассказы, появившиеся в XX веке в англоязычных странах, нашли свой круг читателей, хотя, на первый взгляд, не имели художественной ценности как произведения искусства, а какое-то время литературоведы не могли определиться с их формально-жанровой характеристикой.

В последнее время сверхкраткие сюжетные рассказы в англоязычных странах называют *flash fiction* (с англ. — «история-вспышка»). Длина такого рассказа может достигать шести слов, как у рассказа «For sale, baby shoes, never worn» (с англ. – «Продаются детские ботинки, неношенные»), приписываемому, согласно литературной легенде, Эрнесту Хемингуэю. В настоящее время появилось достаточное количество таких рассказов, написанных как известными писателями, так и малоизвестными авторами. Например:

1. Классический пример лаконичности спартанцев — их ответ на письмо царя Македонии Филиппа II, завоевавшего многие греческие города, — тоже может стать сюжетом сверхкраткого рассказа:

«Советую вам сдаться немедленно, потому что, если моя армия войдет в ваши земли, я уничтожу ваши сады, порабощу людей и разрушу город».

На это спартанские эфоры ответили одним словом: «Если».

2. Американский писатель О. Генри выиграл конкурс на самый короткий рассказ, который имеет все составляющие традиционного рассказа — завязку, кульминацию и развязку:

«Шофер закурил и нагнулся над бензобаком, посмотреть, много ли осталось бензина. Покойнику было двадцать три года».

3. В конкурсе на самую короткую автобиографию победила одна пожилая француженка, которая написала:

«Раньше у меня было гладкое лицо и мягкая юбка, а теперь — наоборот».

4. «О, закрой свои бледные ноги» (моностих Валерия Брюсова 1895 года).

5. Англичане тоже организовывали конкурс на самый короткий рассказ. Но по условиям конкурса в нем должны были быть упомянуты королева, Бог, секс, тайна. Первое место присудили автору такого рассказа:

«О Боже, — воскликнула королева, — я беременна и не знаю от кого!»

6. «Последний человек на Земле сидел в комнате. В дверь постучались...»

(Фредерик Браун) [5]

7. «Незнакомцы. Друзья. Лучшие друзья. Любовники. Незнакомцы».

8. «Вы ошиблись номером», - ответил знакомый голос.

9. «Пассажиры, сейчас с вами говорит не капитан».

10. Я встретил родственную душу. А она – нет.

11. Продаю парашют: никогда не открывался, слегка запятнан.

12. Это наша золотая свадьба. Столик на одного.

13. Сегодня я снова представился своей матери.

14. Путешественник еще подавал сигналы. Земля - нет.

15. Я принес домой розы. Ключи не подошли.

16. Моя мама научила меня бриться.

17. На разбитом ветровом стекле было написано: «Молодожены».

18. Наша спальня. Два голоса. Я стучусь.

19. Я спрыгнул. А затем передумал.

20. Мое отражение только что мне подмигнуло.

21. Он кормит из бутылочки убийцу своей жены.

22. «Извини, солдат, мы продаем ботинки парами».

23. «Хирург спасает пациента. Пациент благодарит Бога» [6].

Проведя предварительный литературоведческий анализ текстов 23 сверхкратких рассказов, можно сделать следующие выводы:

1. Сверхкраткий сюжетный рассказ до сих пор не имеет единого термина: его называют «сверхкратким рассказом», «очень коротким рассказом» (англ. short short story), flash fiction (с англ. — «история-вспышка»), но в нем присутствует жанрообразующая структура.

2. Сюжеты в большинстве своем концентрические, фиксирующие внимание на одном эпизоде, а не на раскрытии образов героев. Фабула «домысливается» читателями.

«Редукция периферийных элементов сюжета,- указывают современные исследователи,- может приводить даже к появлению однофразовых и двухфразовых текстов, в которых, однако, удерживается жанрообразующая структура рассказа, построенная на переломе (pointe) от экспозиции к развязке» [1; С. 417—420].

3. Часто ключевое слово, несущее смысловую нагрузку, находится в конце рассказа, превращая его в новеллу. Стоит отметить, что именно такие новеллы вызывают больший интерес у читателей, давая возможность развивать воображение и выражать эмоциональное отношение по отношению к изложенным событиям.

4. Слова в таких рассказах используются чаще в прямом значении, возможно для того, чтобы читатель не искал в словах иные значения или символичность и мог верно понять идею произведения.

5. В сверхкратких сюжетных рассказах отсутствуют тексты-описания, которые могли бы дать информацию об авторе.

6. В сверхкратких сюжетных рассказах отражаются национальные, традиционные культурно-исторические, социально-бытовые реалии времени, когда они создавались (например, рассказ № 13 характерен лишь для европейских народов, в традициях которых принято отмечать «золотую свадьбу», а использование в рассказах №№ 2, 9, 11, 17, 23 слов: «шофер, бензобак»; «пассажиры»; «парашют»; «ветровое стекло»; «хирург» дает нам информацию о том, что авторы жили в XX веке).

7. Понимание содержания и его адекватное восприятие рассчитаны на имеющийся жизненный опыт и психологический настрой читателя. Из практики ознакомления читательской аудитории со сверхкраткими сюжетными рассказами можно сделать вывод, что лишь 10-20% читателей неадекватно воспринимают сюжеты. Можно предположить, что это происходит вследствие плохо развитого логического мышления, недостаточного жизненного опыта, несоответствия сюжета традиционному национальному мышлению и образу жизни читателей, незнания читателями культуры и традиций, в которых жили авторы рассказов.

8. Сверхкраткие сюжетные рассказы вызывают интерес тем, что пробуждают у читателей определенные индивидуальные эмоции, основанные лишь на чрезвычайно краткой информации о событиях, переданных авторами словами, не содержащими экспрессивность.

9. Так как в сюжетах сверхкратких рассказов полностью отсутствует экспрессивность, информацию об авторе дает лишь выбранный сюжет и отраженные в рассказах национальные, традиционные, культурно-исторические, социально-бытовые реалии.

Таким образом, исходя из всего вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Необходимо четко определиться, как назвать данный вид рассказов, которые в настоящей статье условно названы «сверхкраткими сюжетными рассказами».

2. Сюжеты чаще всего концентрические, фиксирующие внимание на одном эпизоде. Такие сюжеты дают возможность читателям самим, основываясь на жизненном опыте, уровне интеллекта, кругозоре и знаниях, включив свое воображение, развернуть фабулу рассказа.

3. Слова в сверхкратких сюжетных рассказах лишены экспрессивности и даются в основном в прямом значении, а тексты, содержащие эмоциональные описания любых типов, совершенно отсутствуют.

4. Информацию об авторе рассказов можно получить лишь на основе выбранных им сюжетов и отраженных в рассказах национальных, традиционных, культурно-исторических, социально-бытовых реалий.

5. Расположение ключевых слов, несущих смысловую нагрузку, в конце текстов превращает рассказы в новеллы, в которых события принимают неожиданную развязку.

6. В сверхкратких сюжетных рассказах могут отражаться культурно-исторические, социально-бытовые реалии времени их создания.

Умение рассказать многое в нескольких словах, дать пищу для размышлений, пробудить чувства и эмоции являются доказательством владения языком в высшей степени, знания психологии людей и проявлением высшего уровня писательского мастерства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашкина Е. А. Проблема «сверхмалой» прозы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2013. — Т. 15. — № 2 (2). — С. 417—420.
2. Лебедева М. Н. Микрожанры современной прозы: Автореферат дис. кандидата филологических наук. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016. — С. 12.
3. Орлицкий Ю. Б. Большие претензии малого жанра // Новое литературное обозрение. — 1999. — № 4 (38). — С. 275—288.
4. <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/>
5. <https://greylib.align.ru/1200/samye-korotkie-v-mire-rasskazy-3.html>
6. <https://kulturologia.ru/blogs/130715/25295/>

PhD doctor **Zulfiya Kulmanova**

(Kazakhstan, Almaty)

Candidate of Philological Sciences **Ainur Esetova**

(Kazakhstan, Almaty)

Family-jan@mail.ru

LANGUAGE AND RELIGION

Abstract. The article discusses the unity of language and religion, their inter-scientific relationship and differences from a scientific and theoretical point of view. The role of continuity of language and religion in the social environment and in human culture is discussed. The theoretical part in this article examines the relationship between the history of world religions and language, as well as the interaction of language and religion. Since the unity of language and religion is a direct subject of

theolinguistics, inter-scientific research methods were used in the study of language and religion. Despite the fact that language is a linguistic category, and religion is theological, the subject is a balanced study of language and religion.

Keywords: language, religion, linguistic unity, linguistic consciousness, religious consciousness, social environment, cultural consciousness, social relations, etc.

The religious circle forms a significant part of the entire human history and social life. Religion is a complex world of human behavior, therefore, religious worldview, traditions and religious morals enter the daily life of the people and become absorbed into their national characteristics. The study of religious language as a fragment of the linguistic image of the world is one of the topical issues recently [1, 135].

What is the relationship between language and religion? Language and religion have social characteristics. Language and religion **are** a unique unity that occupies a special place in the history and civilization of the spiritual culture of mankind. If the language continues its existence within the religion, the religion also expresses the person and the society through the language. Without language, religion cannot spread and develop. Religions spread to society, reach people's minds, and are accepted through language, and language also gains vitality along with the spread of religion. For example, if the English and Spanish languages are widely used and spread today, it is clear that religion has a great influence on this. Most of the societies that spoke and used this language were Christian-Catholic. And the USA, Australia, Latin American countries, European nations are the social and public environments of that religion, which flourished and became sovereign, and Latin languages developed from this side.

In this regard, the Arabic language and culture continued its existence in the 15th century at a wide level among various ethnic and ethnographic societies of the world. Viewing the Holy Quran as the truth given by God to mankind through the Arabic language, the concept that one can enter the door of the real truth only through the Holy Quran in Arabic, the widespread spread of the Arabic language and the constant use of religious words, greetings and wishes became its vitality. Islam was the main force behind the use of the language in Asia, Europe, America and Australia. If there was no religion of Islam, the Arabic language would not have left its country and spread to other regions and become used. For example, the Persian language remained the language of the Persian-Iranian people before Islam. In addition, even after more than a thousand years since the Jews scattered around the world, they have preserved their Hebrew language. One of the important reasons here is that the classic work of the Jewish religion "The Old Bible" was written in this Hebrew language, the preservation of the Hebrew language is one of the important conditions for the continuation of the Jewish religion. [2, 10].

It can be seen from history that there is a close relationship between the spread of every writing and the spread of religion. If the spread of the religion is accompanied by the spread of the sacred language of the religion, the written language will be included in the area of unwritten languages. For Jews - Hebrew language, for Hindus - Sanskrit, for Muslims - Arabic language is considered sacred, but Christians do not have languages with such qualities. The ancient Aramaic language spoken by the Prophet Jesus was removed from usage and Christianity developed by being translated into Latin and Greek languages. Islam religion, Hindu religion, Jewish religion emphasized the sanctity of the language of religious books, therefore, the areas where Islam spread learned about the Arabic language and glorified the ability of Muslims to read the holy book "Quran Karim" in their own language. Meanwhile, Christianity and Buddhism emphasized the correct translation of their books into world languages and kept the main factors contributing to the ability of language to spread: economy, politics and culture as the main force. Language is considered to be the main instrument of the sovereignty of religion and politics, culture and civilization values in one society. That is, language forms the basis of religion and culture.

Linguists paid attention to the connection between language and religion in the country only in the 21st century. We can see from history that Arabic and Persian languages had a great influence on the development of the Kazakh language from the side of religion, but the influence of the Soviet policy introduced some changes. If we have previously discussed the influence of religion on language and the spread of language to other regions with the help of religion, now let's consider language and religion in an internal, narrow sense from the side of external linguistics, which is widely studied.

The socio-political and cultural changes of the post-Soviet period at the end of the 20th century led to a change in public consciousness, and the change of cultural-historical paradigms in the post-Soviet space contributed to the revival of religious consciousness and, in turn, a special worldview. And since language is a social phenomenon, it reacts to all changes in society. That's why religious vocabulary, which had fallen out of use on the periphery of the language, began to return. The dynamics of widespread use of lexemes related to religion proves that society pays great attention to religion.

External linguistics, which has been widely studied in recent years, aims to understand the semiotic, social and psychological nature of language, considers the uniqueness of language and language communication in various spheres of human life. External linguistics also considers general philosophy and philosophy of language, because language goes beyond the scope of "immanent" knowledge of language "in itself and for itself" that is unique to humanity as a whole, and includes ethnic identity, religion, language and religion, national culture, national worldview, social studies in

continuity with such concepts as social environment. [3, 8] "Language and religion" is "language and society", "language and thinking", "language and consciousness", "language and culture" etc. of external linguistics. one of the objects not less than units.

The period of independence is distinguished not only by the gradual introduction of religious and spiritual values into the everyday life of people, but also by the fact that the connection between religion and science is becoming clearer, and they are getting closer to each other. Under the influence of such a process, one of the fields of intermediate science, which is emerging and developing, is *theology-linguistics, which studies the relationship between religion and language*.

Theo-linguistics (from the Greek theos "god" and the Latin lingua "language") is a branch of science that arose at the intersection of language and religion. It examines the manifestations of religion that clarify the connection with language and are firmly established in it. In the scientific literature, it is defined as "the branch of linguistics that studies the language of religion in the narrow and broad sense " [4, p. 290].

A.K. Gadomskyi, N. B. Mechkovskaya, S. I. Russian scientists such as Shamarova are making their own contribution. In Russia, A.K. Gadomsky is recognized as the founder of this field. Terms such as "theolinguistics", "religious language/religious language", "religious style" proposed by him clarify the relationship between the religious image of the universe and the linguistic image of the universe in the most accurate and appropriate way, so they entered the scientific circulation and are regularly used in the works of Russian and Bashkir researchers. [4].

In general, in the works of foreign and Russian researchers, the names "sacrolinguistics" (sacred - sacred, holy, honorable, etc.) are used as an alternative to the term "theolinguistics", "religious linguistics", "theopoetics", "linguistic religious studies", "orthodox linguistics". . Among these, we can take as the main term the version of "theo-linguistics", which covers the conceptual scope of such lexemes as "god", "god", "creator" and many names that express religious belief in our language. And there is a good reason to use the version "theopoetics" as a term related to religious poems and poetic works [4].

At first, external factors such as the emergence of religion, the development of history and culture ("religion and education", "religion and art", "religion and law", "religion and society", "religion and culture", etc.) was very important to understand. However, today the union of "religion and language" is a deep and difficult internal problem that requires research, because "language and religion" affect human psychology and culture, inner soul and behavior, thinking system and consciousness, belief and life skills. influencing factor. The topic "Language and religion" has a high cognitive value in the human phenomenon. There are still many unsolved and unsolved problems in the field of theolinguistics. In this context, it is important to determine the relationship between language and religion.

"Language and Religion" are two separate sign systems, which have their own unique content and ways of conveying information. Language and religion are two different images of the world, two different semiotics.

"Language and Religion" are different forms of social image in the human mind, such as art, philosophy, law, science and technology. In terms of internal content, the connection between "language and religion" is closer than others, because it is a polar opposite. Language includes a simple linguistic image of the world, while religion includes its most complex image, including various mental components (sensory, visual, logical, emotional, intuitive, transcendental). Language is a universal form of society and an obligatory means of communication, while religion has a universal concept, forms the social consciousness from a historical point of view, and is the first source of all initiatives. If language is a technique of universal use, perception, thinking, speech, and consciousness, then religion is the content, information, and valuable concepts of this language use. That is, religion is a valuable material, language is a means of dissemination [5, 9]. The relationship between religion and language, the connection between these two opposing forms of social consciousness, was comprehensively studied by NB Mechkovskaya in her book "Language and Religion" and made a great contribution to anthropocentric linguistics: Among other forms of social consciousness, extreme points: these are polar opposites.

Despite the polar opposites of language and religion, their complex connection is deeply rooted in the human mind and forms the image of the world. Although the relationship between religion and language is strong, it is difficult to define the relationship between language and religion as a one-way process. From this point of view, some difficulties arose. Some religious holy concepts are so deeply embedded in the original word (linguistic form) that the process of replacing words, interpretation and translation in the history of religions caused some difficulties. The translation of religious texts into other languages did not lead to the spread of teachings, but to their change, so the language problem in religion has not lost its relevance for centuries. The relationship between language and religion is very complex, it is a connection based on archaic consciousness, which does not support linguistic units created randomly.

The history of the introduction of religious words into our language is a separate issue. Some religious words have been assimilated and formed into our language from the very beginning, while some have not been deeply assimilated, that is, they remain isolated from the point of view of personality. These religious words are sometimes considered as book vocabulary or Chagatai language in linguistics. However, such words have their own prerequisites for being a book vocabulary.

At one time Sh. Ualikhanov justified religion based on science from the point of view of materialism, while educator-pedagogue Y. Altynsarin encouraged the people to study, art and education with his works that formed a science-based approach to

religious concepts, published books and spread them throughout the Kazakh steppe. And the talented poet, Hakim Abay, told with his poems that are easy on the language, agreeable to the people, and difficult. He was afraid that the language would become muddled, saying that "if it is dirty with foreign words, it is a poor poet." That's why religious words were differentiated and used only when it was necessary, i.e. to convey the meaning of what I wanted to say. "Religion should be explained in the language of religion - Arabic, but if it is purely Arabicized, many ignorant people will not understand it, so it should be painted in religious terms and explained in the mother tongue" [6, 173].

In fact, each word has a semantic meaning. And if we can't use its semantic properties appropriately, then you know without saying how far its influence on the thought will go. Therefore, it is important to be able to use religious words and the concept in its original meaning appropriately. For example, the well-known scientist Garifolla Esym explains the meaning of the words guilt and sin as follows: "Guilt and sin are not synonyms, they are worldview concepts that are known in two cases, their main difference is that if guilt is related to a person and a person, then sin is related to a person and the creator. The problem between God and Adam. Man is guilty only before man. And the name of guilt in front of the creator is sin" [7, 189] If the semantic correspondence or translation of the word used for the idea does not find real use, then it is known that the meaning changes, the ultimate value of the concept is lost.

Language and religion are an inseparable historical union. The ultimate archetype of the concept (word) of religion lies in its origin, and over time, the linguistic image of the universe in terms of religion has reached from century to century and formed the consciousness of the entire human society. At present, many do not think that behind the "linguistic image of the universe" lies religion and that without religion no society can achieve civilization.

Any nation fully assimilates the values characteristic of that religion from the religion it adheres to, forming a national identity. And the language is the product of the mind, which comprehensively defines the national identity. A person's religious beliefs, beliefs and attitudes inevitably affect his language. It is possible to distinguish the religious beliefs and trends of any member of the society through daily speech. However, the study of the relationship between religion and language has not yet attracted the attention of linguists in our country. And scientists of Muslim countries consider culture to be a part of religion. Islamic thinker Muhammed Qutub "Division of civilization and culture is a Western view, for Muslims there is no civilization without culture, no culture without civilization. The two cannot be separated!" [3, p. 48].

The Turkic world has always been rich in scholars and scholars. The largest group of them belongs to the Middle Ages, and even now retains its unique features.

First of all, there are many sages who have gathered all their religious faith, knowledge and belief in one direction and seek knowledge for the sake of one God. It is known that the religious consciousness of the Turkic people was at a very high level. At that time, religious knowledge, in fact, took place in the form of public consciousness. Everyone who is open-minded, literate, and literate knows that it is their duty to focus all their care and efforts on "collecting rewards" and spend money on that path. They did not forget for a moment that all their activities, deeds and actions performed in this world will be questioned in the next world, and they always tried to "collect rewards". Therefore, he made it a habit to start every step and all good actions with the name of God [4].

If language does not exist outside of society, then religion is the most complex entity among the phenomena forming that society, because without religion there is no society at all. "Religious consciousness" always exists in society. "Religion and society" are inseparable phenomena. Religion is separated from the state, but it is not separated from society, both in the western countries, which are considered civilized. Religion is a social phenomenon, and language is a means of social communication, a product of thought, a manifestation of consciousness. Therefore, the connection between "Language and Religion" is very close, because religion is a form of social consciousness. As we mentioned above, there are many common things in the society regarding the relationship between language and religion. One of them is our thinking system, cognition, being. Certain stereotypes in the mind, formed through religion, are expressed through language and justify linguistic units and linguistic symbols. The vocabulary of any language consists of a set of words from different fields. One of its branches is religious words. From this point of view, the lexical layer that needs to be studied is religious words.

We have already mentioned that the language is enriched, renewed, changed and enriched by religion at every stage due to the development of human history, and from this point of view, the vocabularies given by religion to the language are only a one-way process. "Language" is a tool of thought, a representation of consciousness, a manifestation of the inner nature of an individual, a special means of communication that takes place in the life of society, which develops in close connection with the spiritual life of mankind, while "Religion" is a system of thinking characteristic of humanity at the global level, a shaper of social character and linguistic consciousness. , the unity of the human spirit, the sphere of harmony, the highest level of cultural development, the supreme belief that regulates the society in which language serves.

The history of the introduction of religious words into our language is a deep problem. Some religious words have been assimilated and formed into our language from the very beginning, while some have not been deeply assimilated, that is, they remain isolated from the point of view of personality. The formation and development

of a new direction such as "Theolinguistics" in linguistics is important, if the scientific and theoretical principles in this field were specially studied, some problems would be solved.

LIST OF USED LITERATURE:

Kiynova J.K. Modern religious style and problems of translation of Islamic vocabulary into Russian. – Bulletin, KazNU. Philology. №4 (134). 2011

1. Waygo J. The influence of religion on language life, Karaganda University Bulletin, №4(92) 2018 – Philological series.

2. Serebrennikov B.A., Kubryakova E.S., Postavalova V.I. and others. The role of the human factor in language: Language and the picture of the world. – M.: Nauka, 1988.-216 p.

3. Suyerkul B.M. Study of the language of written monuments of the Middle Ages: theolinguistic aspect. – Bulletin, KazNU. Philology. №4 (134). 2011

4. Mechkovskaya N. Language and religion. - Moscow Fair, 1998.

5. Kenesbaev I., Musabaev G. Modern Kazakh language. Vocabulary, phonetics. – Almaty, 1962

UDK 81'374.73

Lesnikov S. V.

Herzen State Pedagogical University of Russia

St. Petersburg, Russian Federation

serg@lsw.ru

NUMERICAL METHOD FOR EVALUATING PHILOSOPHICAL DICTIONARIES OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article deals with the cumulative and integration method of grading Russian dictionaries and the calculation algorithm for the weight of terms and their sources (dictionaries, glossaries and encyclopedias where terms are defined explicitly, i.e. as the terms of an exact topical area). It is planned to use this algorithm for creating the Dictionary of the Basic Philosophical Terms and Notions of Philosophical and for providing efficient information search in the modern computer lexicographic databases. The Philosophical dictionary (basis, basic, ranged, core, hypertext, digital) is based on the alphabetical and derivation principle and contains basic terms, foreterms, prototerm, industry words, terminoids, terminological elements, terminological idioms, key words and collocations, nomens, nominating collocations, semantic areas and fields, individual lexical meanings and their descriptors, definitions, descriptions, interpretations and notions of linguistics.

Keywords: hysaurus, philosophy, metalanguage, search, dictionary, thesaurus.

Prior to performing a formalized (automatic, automated, algebraic, analytical, valency, opportunistic, computational, distributional, engineering, quantitative, cybernetic, cluster, complex (e.g. the VAAL project), computer, content-based, mathematical, machine-based, mechanistic, statistical, numerical, factor, digital, etc.) analysis of lexicographical data one should choose the basic terms and notions: what exactly and by which formulae will be calculated [Гладкий А.В.; Бектаев К.Б.; Мельчук И.А.; Пальм Р.; Пиотровская А.А.; Пиотровский Р.Г.]. The general terms of the linguistic statistics as well as the guidance for application of mathematical methods can be found in [Бектаев 1973, 1974].

The quantitative analysis of lexicographic materials implies the need to calculate a number of quantitative, mathematical, statistical, and numerical properties of a corpus of lexicographic sources. These are as follows:

= text volume = number of lexical units (LU) in the text. LU = word usage, word form, text form, lexeme.

= number of letters in the text.

= number of syllables in the text.

= number of sentences in the text.

= number of unique LUs in the text.

= LU used once in the text.

= number of LUs used more than once in the text.

= maximum frequency of LU.

= absolute frequency of LU.

= accumulated absolute frequency of LU = total frequency of LU and all previous absolute frequencies of LU.

= relative frequency of LU.

= accumulated relative frequency of LU.

= average length of word in letters (average number of letters per word calculated for each selection).

= average length of sentence in words (average number of words per sentence calculated for each selection);

= length of sentence .

= average length of sentence in syllables (average number of syllables per sentence).

= average length of words in syllables (average number of syllables per word calculated for each selection).

= average number of long words (more than three syllables).

= number of long words in sentence .

= number of function words in a sentence (average number of conjunctions, prepositions and particles per sentence for each selection).

- = specific entropy of LU.
- = accumulated text entropy equal to the total .
- = distribution index (the higher is , the richer is the text vocabulary).
- = iteration index (repetitions of LU in the closed text): .
- = specificity index of the words: .
- = text density index (the richer is the topic, the higher is , the more uniform is the topic, the lower is .
- = predictability index (supposedly, the lower is , the more interesting is the text): .
- = number of paragraphs in the text.
- = number of paragraphs containing the LU.
- = LU importance factor.
- = volume of the text vocabulary extensiveness. Proportional to the variability of words and expressions.
- = text stereotypicity index. The interval length of the middle section of repeated LU. If the value of is high, the content of the text is more important than its form (for fluent, non-styled reading, free speech). In fiction texts the value is rather low.
- = Flesch readability index (complexity of the text).

The FRES (Flesch reading ease scale) index: a) 100 – very easy to read; the average length of sentence is up to 12 words; no words contain more than 2 syllables; the score of 90 to 100 indicates an easy text for younger schoolchildren; b) 65 – simple English; the average length of sentence is from 15 to 20 words; words have 2 syllables in average; the score of 60 to 70 indicates a text suitable for school leavers; c) 30 – quite difficult to read; sentences contain up to 25 words; words are mainly of two syllables; the score of 0 to 30 indicates a text aimed at readers with higher education; d) 0 – very difficult to read; the average length of sentence is 37 words; the words have more than 2 syllables in average. [Edit Central (www.editcentral.com/gwt1/EditCentral.html); Rudolf Flesch (1948). A new readability yardstick, *Journal of Applied Psychology*, 32, С. 221-233; Мизернов И.Ю., Гращенко Л.А. Анализ методов оценки сложности текста // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2015. 18. С. 572-581].

= automated readability index (ARI) is a means to identify how hard it is for the reader to perceive the text; it is the complexity of the text approximated to the number of the American school grade whose students will understand the text properly.

1 (6–7), 2 (7–8), 3 (8–9), 4 (9–10), 5 (10–11), 6 (11–12), 7 (12–13), 8 (13–14), 9 (14–15), 10 (15–16), 11 (16–17), 12 (17–18). [<http://www.checktext.org/>]. (where is the

average number of letters per 100 LUs, is the average number of sentences per 100 LUs) = Coleman-Liau index of readability. The text with correlates with the first grade of the American school and should be understood by 6–7 year old children, whereas the text with should be easily perceived by 17–18 year old teenagers. [www.read-able.com, www.editcentral.com, www.checktext.org]. (where is the number of words consisting of more than 6 letters) = readability index (Swedish: Läsbarhetsindex): a) less than 30 – very easy texts, children’s literature; b) 30–40 – easy texts, fiction, newspapers; c) 40–50 – texts of medium complexity, journalism; d) 50–60 – complex texts, non-fiction articles, specialist literature, official texts; e) more than 60 – texts of high complexity written in formal language, laws [larare.at/organisation/lasbarhetsindex.html].

= repeatability criterion for terms in the text (Russian: критерий воспроизводимости), which characterizes the distribution of the term usage total frequency among the selections [Кобрин Р.Ю., Пекарская Л.А. Лингвостатистический анализ употребления терминов нормативных словарей и ГОСТов в реальных научно-технических текстах // Языковая норма и статистика. М.: Наука, 1977. 302с. С.265-279. С.269]. Where and are ranks of vertexes in their distribution across degrees: is an *m*-ranked vertex degree (number of collocations including the word form); is a cumulative degree (for *k*-ranked word form vertexes or higher); stands for the cumulative distribution of word form vertexes [Капустин В.А. Ранговые статистики совместной встречаемости словоформ в большой монотематической коллекции // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2006». СПбГУ, 2006. 435с. С.135-142. С.140-141].

In a text the following values can be calculated: a) number of words, symbols, paragraphs, sentences; b) average number of symbols in a paragraph, words in a sentence, sentences in a paragraph (in letters (symbols), syllables, and words), average frequency of words/symbols repetition; c) percentage of one-syllable and multiple-syllable words, percentage of unpeated words, percentage of parts of speech.

Apart from the word (term) weight in the text (lexicographic source) the following parameters can be calculated: so called “*water content of the text*” (identified by the number of stop-words, e.g. conjunctions and prepositions having no significant sense, participial constructions, parenthesis, and clichés); “*text saturation*” (correlation of the number of keywords in the text with the total volume of the source; the text saturation is measured in per cent and indicates how often the author uses keywords); and the *keyword density* (% of density = number of keywords / total number of words * 100), which indicates the optimal ratio of the number of keywords and collocations with the total number of words and collocations in the text.

One of the important tasks in the current linguistic research is simulation of the linguistics metalanguage. In order to study and acquire knowledge of the language system and its functioning as well as to develop linguistic competencies one needs a Dictionary of the Basic Terms and Notions of Linguistics [Лесников, 2009]. Although there are a large number of term glossaries, the array of basic terms is usually formed by each author (group of co-authors) in an individual way. A computerized methodology of calculating the term weight and grading the sources of the linguistics metalanguage allows to identify the terms with the biggest weight value that can be included into the Dictionary of the basic linguistics terms. In this way, complementing the lexical entry with the so called terminological idioms that contain the term being defined, the Philosophical Dictionary index proves to be comprised of over 1,000 terms.

The Philosophical Dictionary of the Basic Terms and Notions of Linguistics has not been accomplished yet; it definitely requires further extension and scientific discussion and approval.

The Philosophical Dictionary organized according to the alphabetical and derivation principle contains basic terms, foreterms, prototerm, industry words, terminoids, terminological elements, terminological idioms, key words and collocations, nomens, nominating collocations, semantic areas and fields, individual lexical meanings and their descriptors, definitions, descriptions, interpretations and notions of philosophy.

The wordlist of the Dictionary of the Basic Terms of Linguistics includes the terms with the maximum values of weight obtained by means of the calculation methodology uniquely designed and tested for the basis linguistic terms under support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) grant #11-07-00733 (2011–2013) [Лесников, 2021].

In logics, the basis terms are those defining the rest of the terms, whereas they themselves are not explicitly defined and, in fact, are vague notions with ostensive definitions. According to A. Rakitov, terms included in the scientific vocabulary are considered accurate and exact, if: 1) this term can be traced to or formed out of the basis terms; 2) all methods of such tracing and formation are known; 3) all auxiliary terms, i.e. relating to different science vocabularies, which take part in the formation and reduction of the term, are considered accurate and exact as well as having explicit definitions in their specific dictionaries. It is obligatory that all three conditions are met [С.96. Ракитов А.И. Курс лекций по логике науки. М.: Высш. шк., 1971. 176с. См. также там же «§ 25. Об определении базисных терминов» С.97-101].

In philosophy, the basis (basic) vocabulary is a set of the most frequently used words together with the definitions needed for their active acquisition and communication (including non-mother tongue communication), which are contained

in the schoolbooks. A basic word is also a word acting as a source of derivation for another word. In case of direct derivation the basic word corresponds with the deriving word, and in case of indirect derivation – with the derivative. As far as the substitutive derivation is concerned, both models are used, the basic word and its derivative acting as co-derivatives within the word family.

In computer (engineering) linguistics, the formal model that serves as a reduced description of the natural language and contains its most significant elements and relations is called *the basic machine language*. When this model is used for purposes different from computerized processing of a text corpus (e.g. for optimization of language teaching, etc.), it is called *the basic language* [Пиотровский 1975 С.58].

As a rule, the type of the sign reflects the reality: a natural language sign *indicates*, an image *reflects*, a word *describes*, a letter *records*, and a symbol *encrypts*. Each type of sign in the semiotic system corresponds to the *basis sign*: in natural systems it is a material phenomenon, in systems of images it is an image, in languages it is a word, in record systems it is a letter (graphical icon), in formal and coded systems it is a symbol.

In research there are some well-known notions, such as *word weight* (a calculation of the word entries on a page; identification of the distance from the beginning of the text up to the word; whether the word is included in the title, the key word list, and metalinguistic tags; consideration of the word formatting, e.g. size and font; see the word weight in Yandex [<http://www.seomax.ru/dialog2.htm>]), term *weight* (IDF = inverse document frequency, i.e. inversion of frequency of the word in the text: the rarer is the word, the bigger is its weight in the text), and *sign weight* (the predefined position, function and value of a sign relative to other signs. The same digits located in different decades of the positive integers significantly change their weight relative to other digits. Pawns, knights, rooks and other chess pieces have the same original weights, however the implementation of the sign weight depends on the current state of the system, when the main part is played by the function of the sign in the actual situation rather than by its weight). See also *the calculation of term weights* in [Шабанов В. И. Модели и методы автоматической классификации текстовых документов. Дисс. ктн 2003. 227с., с.135-136]. To calculate the word weight one should consider the following:

1) Number of entries of the word in the text (words from the bigger texts will get a bigger weight value);

2) FT = frequency of the word in the text. The frequency is normalized by the total of the words in the text. In fact, long documents are underestimated because the average frequency in such texts is lower due to a larger number of unique words (in comparison with the short texts). So, a normalized value is used: $FT_{norm} = \frac{FT}{N}$, where N is the average frequency of the word in the text.

3) Logarithmic frequency of the word in the text. The word weight equals to $\frac{\log(f_{ij})}{\log(f_{\max})}$, where f_{ij} is the maximum word frequency in the text [wiki.liveinternet.ru/IR/VesSlova?show_files=1]. A dictionary (lexicographic source) that contains more entries with the requested term is usually considered more relevant. However, there is a serious drawback in such simple way of calculating the term frequency, for all the terms are taken of the same significance, which is definitely wrong, especially as far as function words are concerned. One can use the document frequency, which is the number of sources of the term within the corpus of texts – df_i . For the purpose of grading the sources according to the request the differences between them are identified; when doing so it is preferable to use the statistical factors of the texts themselves (e.g. the number of sources that contain the given term) rather than the statistical factors of the whole corpus of texts. Some terms have too low (even negligible) distinctiveness to identify their relevance to the request. The inverse document frequency of the term is calculated by formula. The inverse document frequency value of a rare term is high, whereas the one of a frequent term is low. The selection of a logarithm base is not relevant for the purpose of grading. One can combine the term frequency with the inverse document frequency in order to obtain the weight of each term in each source [Маннинг Кристофер, Рагван Прабхакар, Шютце Хайнрих. Введение в информационный поиск 2011. 511с. С.134-135].

In our case, it is proposed to calculate the term weight on the basis of the original sources that are used to build the Russian academic hypertext information retrieval corpus. These sources are presented mainly by the linguistic dictionaries, glossaries, encyclopedias and thesauruses that contain clear definitions of the linguistic terms.

Our algorithm for calculating the term weight and the grade of the philosophy metalanguage sources was divided into several steps:

1) Collecting the sources of terms. Here we only mean the sources that contain clear definitions of the terms, e.g. dictionaries, glossaries, encyclopedias, etc. with distinct definitions as well as monographs, study guides and dissertations furnished with subject indexes.

2) Converting the sources of terms into a common format. The original sources come with various types of formatting and encoding, which results in the need to unify and select the single format for all the sources. In our case, before parameterization each source was converted into the *Word* processor format and saved as a text.

3) Parameterization, i.e. tagging the original sources. The minimum tagging was made manually in each source: a `<` sign was set up in the lead of each dictionary entry, and a `>` sign after each entry word (vocable); in the end of each entry the reference information was placed.

4) Creating the term source database (TSDB): the TSDB was designed by means of software in an interactive mode.

5) Software-based generation of various wordlists and indexes on the basis of TSDB: when creating the wordlists as well as the alphabetical, frequency and permutation indexes the terms were sorted and duplications were detected both in separate wordlists and in the General TSDB Wordlist, the latter containing all terms and terminological idioms collected from the entirety of the original sources.

6) Calculating the term weight and grading the sources (the formulae and methods are described below).

7) Analyzing the results: this was a special process not only implying a comparison of the numerical data, but also requiring expert evaluation, which could be reached by means of scientific discussion at various forums and conferences using modern telecommunications.

8) Building the basic dictionary of terms of a topical area basing on the obtained values of term weight and grades of the original sources: this procedure is automatically performed in an interactive mode on PC by means of the author's software; however, we suppose that the final revision of the Philosophical Dictionary still lacks illustrations extracted from sources different from ours. The mathematical model of calculation for terms weight and grading of sources is considered as follows. n is the number of sources of terms that were loaded into TSDB after parameterization.

For each a list of terms is generated. This list only includes the terms and terminological idioms (compound terms consisting of multiple words) that are explicitly or implicitly defined in this source. An explicit form means that there is a traditional dictionary entry with a vocable (head word) on the left and a definition on the right. An implicit form is presented by alphabetical indexes, lists of terms and terminological minimums.

, where .

For each source a list of terminological idioms is generated. After that, following the preliminary sorting of wordlists, duplications are removed. Duplications may appear due to the following reasons: 1) a terminological idiom is presented both in the body text of the source and in the glossary, annex, or index; 2) a terminological idiom is a homonym or multiple-meaning word and so can be defined in various entries of the source.

On the basis of individual wordlists of sources the General TSDB Wordlist is formed, which includes all terms and terminological idioms taken from all sources, having no doublets and arranged in the alphabetical order.

is the number of terms in the General Wordlist.

The next step is preparing a table with the sources in chronological order (across) and the terms from the General Wordlist (down). In the table cells the values of the

General Wordlist term frequency in various sources are placed. The total number of entries of the General Wordlist term in all sources is calculated line by line; the total value of terms occurrence in an individual source is calculated column by column.

Thus, the table lines show the absolute weight of each term relative to the entirety of terms in all sources, and the table columns demonstrate the absolute grade of each source. Further, it only remains to standardize the table and to introduce the adjustment factors (e.g. chronological, systematic, authorial, citatory, etc.).

The term weight is calculated by formula:

, where

$$W_T(g) = (ST_T(g) / \text{Step}_M) \times G, g = 1..G.$$

The grade of source is calculated by formula:

, where

$$R_H(k) = (ST_H(k) / \text{Step}_M) \times K_{ist}, k = 1..K_{ist}.$$

After that the weight of each term and the ranges of sources should be sorted by means of the software-based method in an interactive mode using the General TSDB Wordlist and individual wordlists of the original sources.

After standardization (made with the help of the upper formulae) the weight of each term and the grades of sources are saved in a convenient table or graphical format, e.g. in *Excel*.

When new original sources are loaded into TSDB the term weights and source grades are calculated again; however, the basic dictionary of terms of a topical area is supposed to remain unchanged, due to the fact that it consists of the most frequent terms taken from the sources with the highest grades.

Parallel to the term weight calculation and grading of sources the permutation, alphabetical and frequency indexes are formed containing links to the original sources.

In order to account for the extralinguistic factors such as: 1) chronology (how long the term has been widely used in the research); 2) the term inclusion into the systematic hysaurus (names of sections, subsections or directions of research in the topical area); 3) trustworthiness of the sources (normativity, standardization, academism, the works of the best recognized scholars); 4) numbers of copies and reprints of the sources (i.e. availability and popularity of the terminological system as well as the massive involvement of users) – it is viable to introduce the weight factors.

The chronological factors are adjusted in direct ratio to the year when the original source term was first documented. The older is the source, the higher should be the chronological factor.

In fact, being an information-retrieval lexicographic system, the Russian Academic Dictionary Corpus (ADC) provides vast material for various kinds of research both in the Russian studies and relating to other modern languages, which further – based on digital technologies and proper classification and systematization of

dictionaries – will help to unify lexicographic materials and easily introduce them into the scientific discourse in order to optimize research in the field of modern lexicography.

In further research we also plan to calculate the vocable weight based on the text structure level, where it is used: in the title; among the key words (e.g. in a magazine article); in the abstract or summary; in the chapter title, in the text itself. A special study should be undertaken relating to bibliographic lists and indexes.

The weights of terms and their sources (dictionaries, glossaries and encyclopedias where the terms are defined as those belonging to an exact topical area) are supposed to be used for the purpose of the efficient information search in the current lexicographic databases.

REFERENCES

Бектаев К.Б., Пиотровский Р.Г. Математические методы в языкознании. Ч.1. Теория вероятностей и моделирование нормы языка. Алма-Ата: КазахГУ, ЧимкентПИ, 1973. 282с.

Бектаев К.Б., Пиотровский Р.Г. Математические методы в языкознании. Ч.2. Математическая статистика и моделирование текста. Алма-Ата, 1974. 335с.

Гладкий А.В., Мельчук И.А. Элементы математической лингвистики. М.: Наука, 1969. 192с.

Капустин В.А. Ранговые статистики совместной встречаемости словоформ в большой монотематической коллекции // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2006». СПбГУ, 2006. 435с.

Кобрин Р.Ю., Пекарская Л.А. Лингвостатистический анализ употребления терминов нормативных словарей и ГОСТов в реальных научно-технических текстах // Языковая норма и статистика. М.: Наука, 1977. 302с.

Лесников С.В. Лингвистические основы информатики (теория, алгоритмы и лингвистические программы). Часть 1. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 2009. 292с. ISBN 978-5-87237-682-8.

Лесников С. В. Метаязык лингвистики / Под науч. ред. Н.Л. Сухачева. — СПб.: Нестор-История, 2021. В 2 тт.

Маннинг Кристофер, Рагван Прабхакар, Шютце Хайнрих. Введение в информационный поиск 2011. 511с.

Мизернов И.Ю., Гращенко Л.А. Анализ методов оценки сложности текста // Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2015. 18. С. 572-581.

Пальм Р. Математическая лингвистика. Ч.1 // Тр. вычислительного центра. Вып.12. Тарту: ТартуГУ, 1968. 140с.

Пиотровский Р.Г., Бектаев К.Б., Пиотровская А.А. Математическая лингвистика. М.: Высш.шк., 1977. 383с.

- Ракитов А.И. Курс лекций по логике науки. М.: Высш. шк., 1971. 176с.
- Шабанов В. И. Модели и методы автоматической классификации текстовых документов. Дисс. ктн 2003. 227с.
- Flesch (1948). A new readability yardstick, *Journal of Applied Psychology*, 32, C. 221-233.
- Bektaev K.B., Piotrowski R.G. *Mathematical Methods in Linguistics. Part 1: Probability Theory and Modeling the Norms of Language*. Alma-Ata: Kazakh State University, ChimkentPI, 1973. 282с.
- Bektaev K.B., Piotrovsky R.G. *Mathematical methods in linguistics. Part 2: Mathematical Statistics and Text Modeling*. Alma-Ata, 1974. 335с.
- Gladky A.V., Melchuk I.A. *Elements of Mathematical Linguistics*. Moscow: Nauka, 1969. 192с.
- Kapustin V.A. Rank statistics of co-occurrence of word forms in a large monothematical collection // *Proceedings of the International Conference "Corpus Linguistics - 2006"*. SpbSU, 2006. 435с.
- Kobrin R.Y., Pekarskaya L.A. Linguistic-statistical analysis of the use of normative dictionaries and GOST words in real scientific and technical texts // *Linguistic norm and statistics*. Moscow: Nauka, 1977. 302с.
- Lesnikov S.V. *Linguistic Fundamentals of Informatics (Theory, Algorithms and Linguistic Programs)*. Part 1. Syktyvkar: Syktyvkar State University Publisher, 2009. 292с. ISBN 978-5-87237-682-8.
- Lesnikov S. V. *Metalanguage of linguistics* / Ed. by N.L. Sukhachev. - St. Petersburg: Nestor-History, 2021. In 2 vols.
- Manning Christopher, Raghvan Prabhakar, Schütze Heinrich. *Introduction to Information Retrieval* 2011. 511с.
- Mizernov I.Y., Grashchenko L.A. Analysis of text complexity estimation methods // *New information technologies in automated systems*. 2015. 18. C. 572-581.
- Palm R. *Mathematical linguistics. Part 1* // *Proc. of the Computer Center*. Vol.12. Tartu: Tartu State University, 1968. 140с.
- Piotrovsky R.G., Bektaev K.B., Piotrovskaya A.A. *Mathematical linguistics*. Moscow: Vyssh.shk., 1977. 383с.
- Rakitov A.I. *Course of Lectures on Logic of Science*. Moscow: Vyssh. shk., 1971. 176с.
- Shabanov V.I. *Models and methods of automatic classification of textual documents*. Dissertation. ctn 2003. 227с.
- Flesch (1948). A new readability yardstick, *Journal of Applied Psychology*, 32, pp. 221-233.

Маткулова Гулбахор Юсуф кизи
(Узбекистан, г. Андижан)

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ЛИРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ Э. АСАДОВА (на примере стихотворения «Я могу тебя очень ждать...»)

Аннотация. В статье идёт речь о специфике художественного почерка и способах реализации образов в лирическом наследии Э.Асадова. Материалом послужило стихотворение «Я могу тебя очень ждать...». В работе рассматривается историко-биографический материал, место стихотворения в творчестве поэта. Анализируется жанр, основные образы, изобразительные средства, понятия «размер», «ритм» и «рифмовка» в структуре лирического произведения.

Ключевые слова: комплексный анализ, интерпретация, филологический анализ лирического текста, жанр, ритм, тема, идея.

Имя Эдуарда Асадова хорошо известно поклонникам современной поэзии. Этот автор вошел в историю литературы как тонкий и глубинный лирик, умеющий понимать людей и чувствовать их настроения, проживать за них жизни, трансформируя их в яркие и необыкновенные по своей силе стихи.

О себе поэт предпочитал не рассказывать в своих произведениях. Тем не менее, в его творческом наследии есть стихи, связанные с именем супруги – актрисы Галины Разумовской. Именно ей адресовано стихотворение «Я могу тебя долго ждать...», написанное в 1968 году и ставшее в последствии популярной бардовской песней. Это произведение основано на глубоко личных переживаниях поэта, который вынужден был месяцами находится в разлуке с той, которую так искренне любил. Все дело в том, что Галина Разумовская очень часто и много гастролировала, принимая участие в спектаклях, съемках фильмов и различных телепрограмм. Естественно, что Эдуард Асадов опасался за семью, считая, что постоянные встречи и расставания однажды могут привести к разрыву отношений. Трудно сказать, сомневался ли он в чувствах своей избранницы. Но бесспорно одно: себе поэт полностью доверял, утверждая, что готов ждать возлюбленную «долго-долго и верно-верно». Причем, не неделю или месяц, а «год, и два, и всю жизнь, наверно».

*Я могу тебя очень ждать,
Долго-долго и верно-верно,
И ночами могу не спать
Год, и два, и всю жизнь, наверно!*

Подобный поступок со стороны мужчины, в жилах которого течет горячая восточная кровь, можно без преувеличения назвать подвигом. Однако автор знает, ради чего он идет на подобные жертвы. Точнее, ему хочется верить, что «все не зря, что тебе это вправду надо».

*Пусть листочки календаря
Облетят, как листва у сада,
Только знать бы, что все не зря,
Что тебе это вправду надо!*

Речь идет о блистательной актерской карьере супруги, которую та выстраивает с маниакальной педантичностью. Однако у поэта все же возникают сомнения в том, что такое поведение замужней женщины является правильным. Но перечить своей возлюбленной Асадов не хочет, да и не может. Ведь если она не будет счастлива, сможет ли и он наслаждаться своей любовью? Автор убежден, что нет.

Он осознанно идет на подобные жертвы, хотя и не уверен в том, что они будут оценены по достоинству. «только знать бы, что все не зря, что потом не предашь в дороге», – отмечает поэт, обращаясь к возлюбленной.

*Я могу за тобой идти
По чащобам и перелазам,
По пескам, без дорог почти,
По горам, по любому пути,
Где и черт не бывал ни разу!*
*Все пройду, никого не коря,
Одолею любые тревоги,
Только знать бы, что все не зря,
Что потом не предашь в дороге.*

Ожидание – это та малость, которую он может подарить своей супруге, хотя готов не только разделить с ней «горечь злейших на свете судеб», но и ежечасно преподносить ей «целый мир». На подобные жертвы способен лишь по-настоящему влюбленный мужчина, для которого нет большего счастья, чем увидеть улыбку на лице своей избранницы.

*Я могу для тебя отдать
Все, что есть у меня и будет.
Я могу за тебя принять
Горечь злейших на свете судеб.*

*Буду счастьем считать, дая
Целый мир тебе ежечасно.
Только знать бы, что все не зря,
Что люблю тебя не напрасно!*

Жанр: стихотворение. Основные образы: лирический герой – сам автор

В стихотворении использованы ряд выразительных средств, которые помогают раскрыть чувства и переживания автора.

ПОВТОРЫ: долго-долго и верно-верно; по пескам, по горам...; только знать бы... и др.

СРАВНЕНИЯ: облетят, как листва у сада; где и чёрт не бывал ни разу.

МЕТАФОРА: горечь судеб

ЭПИТЕТЫ: очень ждать, долго-долго и верно-верно; по любому (пути); любые (тревоги); злейших на свете судеб (горечь); целый (мир);

ГИПЕРБОЛЫ: всю жизнь (ждать); по чащобам и перелазам, по горам, по любому пути (идти); всё пройду, одолею любые тревоги; всё что есть и будет (отдать); злейших на свете судеб (принять); целый мир для тебя (даря);

Автор использовал перекрёстную рифму, что считается одной из самых популярных систем рифмовки стихов. Стихотворение написано дольником на основе трёхстопного анапеста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асадов Э. Полное собрание стихотворени. – М., 2013. – 912 с.
2. Хайдарова Н.А. Антропонимика как стратегия прочтения текста (на материале исторической трилогии В.Г.Яна) \\\ Молодежная наука: вызовы и перспективы.– Макеевка, 2020– С.143-147
3. Хайдарова Н.А. Смыслы, ценности, нормы в бытии человека, общества, государства\\сборник статей и материалов. Южно-Уральский государственный институт искусств им. П.И. Чайковского.– Челябинск, 2020.– С. 283-288
4. Хайдарова Н.А. Моделирование художественной целостности текста: от поэтики заглавий к смыслу\\ Austrian Journal of Humanities and Social Sciences.– Austria. 2020. № 5-6– С.23-34
5. Хайдарова Н.А. К вопросу о древнерусском коде в романном дискурсе В. Яна (на материале исторической трилогии)\\ Общественные и гуманитарные науки. – Минск, 2020 г. – С. 279-281.

С.У.Махамадалиева

(Узбекистан Г. Андижан)

@makhamadalievaaa@gmail.com

ТЕМА «ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.С. ТУРГЕНЕВА

Аннотация. В данной статье рассматривается анализ героев в произведениях Тургенева под определением «лишний человек». В русской литературе подразумевается некий социально-психологический тип, главными чертами характера, которого можно назвать неудовлетворенность, душевную усталость, тоску и разочарование во всем, что может предложить жизнь.

Ключевые слова: лишний человек, трагичность, действительность, сознания, испытания, реальность, борьба.

Само понятие «лишнего человека» было введено в художественную литературу Тургеневым, и он дал, так сказать, анализ этого примечательного типа русской жизни XIX столетия. Проблема «лишнего человека» в творчестве И.С. Тургенева прослеживается на протяжении нескольких его произведений, например «Дневник лишнего человека», «Гамлет Щегловского уезда», «Рудин», «Дворянское гнездо» и других. Героев этих произведений, в частности Рудина и персонажа из «Дневника лишнего человека», сближает тот факт, что у обоих из них было детство, наполненное одиночеством, поскольку оба они достаточно рано осиротели и им не удалось почувствовать теплоты семейного очага в полной мере. А то заграничное образование, которое они получили, хоть и было блестящим, но не носило прикладного характера, а лишь являлось книжным, нисколько не сближая их с окружающей реальностью. Они не только не знают, что из себя представляет русская действительность, они имеют смутное представление о действительности как таковой.

Отрицательная сторона лишних людей связана с тем, что часто они приносят неприятности не только себе, но и женским персонажам, которые имели несчастье их полюбить. История любви в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» очень трагична. Потеряв надежду на счастье с Лаврецким, Лиза уходит в монастырь: «Я... я хочу... — Лиза спрятала свое лицо на груди Марфы Тимофеевны... — Я хочу идти в монастырь, — проговорила она глухо». В течение долгих лет в душе Лаврецкого наступает перелом. «Он утих и — к чему таить правду? — постарел не одним лицом и телом, постарел душою...».

«Лишний человек» в творчестве И.С. Тургенева обладает определенным уровнем сознания, свойственным ему. Он не может найти себе места в обществе: светские развлечения навевают на него только скуку; он не видит смысла в государственной службе, где основной добродетелью можно назвать чинопочитание; не видит также смысла и в любви с присущими нелестными характеристиками личности. Таких людей отличает завышенное самомнение

вкупе с комплексом неполноценности и завышенными запросами, извечное недовольство собой и окружающей действительностью.

И.С. Тургенев подвергает своих героев разнообразным испытаниям, показывая их несостоятельность и нерешительность перед важными действиями, которых требует от них действительность. Но писатель не негодует, он скорее сочувствует своему герою, поскольку участь его трагична, он лишен приземленных идей, которые примирили бы его с действительностью и вынужден страдать, поскольку места романтике нет в суровой действительности.

В отличие от Тургенева, Герцен осуждает «лишних людей» тем, что они, отколовшись от своей среды, не ответили на насилие насилием. Тем, что они не пошли до конца в деле спасения мира и себя. Добролюбов в этом споре принял срединную позицию. Он определил положение Рудина и Лаврецкого как истинно трагическое, потому что они сталкиваются «с такими понятиями и нравами, с которыми борьба, действительно, должна устроить даже энергического и смелого человека».

При рассмотрении «лишних людей» в произведениях Тургенева можно заметить одну закономерность: чем позднее написано произведение, тем большим уважением пользуется герой-«лишний человек» у автора, тем он умнее, богаче духовно и материально. Со временем эти безнадежно больные люди становятся лучше и даже полезнее для общества.

Проблема «лишних людей» актуальна и сейчас. «Воспламеняющий аудиторию, но неспособный на поступок «лишний человек», напрасно грезящий о счастье и приходящий к смиренному самоотвержению» - такой тип людей существует и в наше время, и будет существовать всегда, и в литературе, и в действительности, и он будет напоминать тургеновских Лаврецов, Рудиных, Неждановых и других «лишних людей» в произведениях Тургенева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герцен А. И. Лишние люди и желчевики // Собрание сочинений: в 30 т. М.,
2. Данилова Е.А. Типологическое изучение персонажей (на материале русской литературы XVIII–XIX веков): автореф. ... канд. филол. наук. М., 2016.
3. И.С. Тургенев, том 2, Гослитиздат, Собр. Соч., М. 1961
4. Тимашова О.В.: Русская классика XIX века. И.А. Гончаров. И.С. Тургенев.

Н.Н.Махаммаджонова
(Узбекистан, г.Андижан)
nodik_95.94@mail.ru

УПОТРЕБЛЕНИЕ ЭКСПРЕССИВНЫХ И УМЕНЬШИТЕЛЬНО-ЛАСКАТЕЛЬНЫХ СУФФИКСОВ В СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о выражении субъективной оценки в существительных русского и узбекского языков. В работе уделено внимание на выражение субъективной оценки в словах и словоформах с оценочными аффиксами в русском и узбекском языках.

Ключевые слова: проблема значения, семасиология, понятие и значение, коннотация, субъективная оценка, метафорическое значение, названия животных, персонажи мифов, положительная коннотация, пейоратив, оценочные аффиксы в русском и узбекском языках, актуальность проблемы.

Уже в первой половине XIX века русские грамматики учили, что категория «субъективной оценки» имен существительных обычно находит выражение в формах одного и того же слова. Уменьшительные, ласкательные и другие формы субъективной оценки считались не самостоятельными словами, а формами производящего существительного (дом-домище-домишко, домино; дурак-дурачина-дурачок-дурачище и т.п.). Такого мнения придерживались К.С.Аксаков, А.А.Шахматов, В.В.Виноградов [1, с.97]. А.А.Потебня писал, что выражение отношения в суффиксах субъективной оценки, например, ласкательная форма слова, отражает общую семантику экспрессии [4, с.92]. В.В.Виноградов отмечает, что процесс присоединения экспрессивных суффиксов к основе существительного происходит по такой схеме:

- 1) слово без суффикса субъективной оценки (гений, дурак).
- 2) основа этого слова+уменьшительно-ласкательный суффикс (первая степень оценки – ножик, книжка).
- 3) основа предшествующей уменьшительной формы и ласкательный суффикс (вторая степень).

Значение второй степени не уменьшительное, а ярко эмоционально-ласкательное или пренебрежительное:

-ножик, носок, платок, мешок, булавка, молоток, сумка;

в этих примерах уменьшительно-ласкательные суффиксы первой степени утратили свое значение.

-девочка, сумочка, крылечко;

во второй серии примеров уменьшительно-оценочные суффиксы второй степени (-очка, -очек, -ечк) в сочетании со словами, утратившими уменьшительное значение, приобретают лишь слегка окрашенное ласкательной экспрессией.

Экспрессивное напряжение слова может выразиться в удвоении, в утроении суффиксов субъективной оценки: (доч-ур-оч-ка, дев-ч-он-оч-ка, баб-уш-ень-ка и т.п.). Все последующие за второй степенью экспрессивного усиления выражают эмоциональное отношение к предмету, а не уменьшительность [1, с.99].

Далее В.В.Виноградов отмечает, что уменьшительно-ласкательные суффиксы повторяют те же степени нарастания экспрессии в твёрдом мужском склонении, что и в грамматических классах среднего и женского рода, но с меньшей частотностью [1, с.100].

В узбекском языке также достаточно широко используются словоформы субъективного характера [2, с.125]:

- с суффиксом- чок/чақ, чик:кўзичок, тойчоқ (ягнёнок,жеребёнок);
- с суффиксом- ча: китобча, дафтарча (книжечка, тетрабочка);
- с суффиксом- чокча,чоккина:тойчоқча, кузичоқкина (жеребёнок, ягнёнок);
- с суффиксом- (а)ч-(и)ч:боғич, қиролича (петля для шнурка, королева);
- с суффиксом-гина,кина,:болагина,гулгина,(деточка,цветочек);

В прилагательных: кенг-гина, куп-гина, оп-поқ-қина(вторая ступень оқ-оқ-оппоқ-оппоқина.

-с суффиксом –жон- этот аффикс сопоставляется с заимствованным из иранских языков словом жон «душа». Этот продуктивный аффикс образует уменьшительно-ласкательную форму от имени существительного названий лиц и имён существительных собственных и передаёт часть значение не уменьшительности, а ласкательность.она-жон «мамочка»,опа-жон «сестрица», ака-жон «братик», хола-жон «тётя». Аффикс-жон входит в состав личных мужских имён: Рахим-жон, Карим-жон, Ботир-жон и т.д. Слово жон «душа» используется как в узбекском, так и в таджикском языках в качестве определения-приложения для выражения ласкательности.

...Келинг, куда..жон куда (А.Каххар)- «Пожалуйста...Входите, сватья,святюшка.

-Жоним болам! Хозир нон келтираман «Милая моя деточка! Я сейчас принесу хлеба (С. Айни).

-хон-продуктивный аффикс, сочетающийся с личными именами и используемый для выражения почтительности, вежливости, ласкового обращения: Салимахон, Фотимахон, Каримахон. Исключительное богатство уменьшительно-ласкательных форм личных русских имён зафиксировано Н.А.Петровским [3, с.237-384].Например имя Александр употребляется в быту в следующих уменьшительно-ласкательных формах: Саша-Сашенька, Сашечка, Сашка, Сашко, Сашок, Сашочек, Сашук, Сашуленька, Сашулечка, Сашуля,

Сашуненька, Сашурка, Сашуронька, Сашурочка, Сашута, Сашутка, Сашуточка, Сашуха; Шура, Шураня, Шурей, Шурёна, Шурёнка, Шурёнок, Шурец, Шурка, Шуся, Шуша, Шуя [3, с.38]; Санёк, Саник, Санча, Санчик, Санька, Санько, Саньша, Санюра [3, с.352].

В узбекской антропонимии характерно использование усечённых форм личных имён, которые выражают дружески-фамильярные отношения между близкими людьми: друзьями, членами семьи. В полных именах отсекается один из его компонентов:

жен. Гули, Гуля – Гульбахор, Гульнора, Гульчехра, Гулабза;

жен. Нилу – Нилуфар;

муж. Мирзо – Мирзобахром, Мирзомухаммад;

муж. Шер – Шермухаммад, Шерзод и т.д.

Иногда оставшаяся усечённая часть имени оформляется аффиксом -ш(-аш), передающим дружески-фамильярно-ласкательные отношения:

Нилуфар – Нилуш;

Отабек – Оташ;

Мадина – Мадиш.

А также отсечение первой части:

Отабек – Бек;

Нодирабегим – Бегим;

Хадичабону – Бону.

Как следы бывших активных узбекско-русских этнолингвистических контактов узбекские имена оформляются русскими уменьшительно-ласкательными аффиксами –ик, -чик, -оск, -ечк, и др.

Анвар-чик, Баходир-чик, Рустам-чик, Расуль-чик, Гульче-рочка, Назир-очка, Шоир-очка, Гул-ечка и т.д.

Весьма продуктивным способом выражения субъективной оценки, фамильярности является использование лишь части полного имени:

Мирзоулугбек – Мирзо, Улуг, Бек;

Нурмухаммад – Нур(ик), Мухаммад;

Мирзобахром – Мирзо, Бахром.

В русской антропонимии часто вмесо полного имени употребляется часть имени (полуимя): Анатолий – Толик –Толян – Тоша; Максим – Максик – Макс. Вместо полного имени и отчества истари бытует именование лишь по отсчёту представителей старшего (да и не только старшего) поколения. Это формула уважения: Иван Петрович – Петрович, Илья Михайлович – Михалыч, Олег Никитич – Никитич и т.д.

Аффикс –хон входит в состав личных имён, постепенно утрачивая ласкательное значение: Ойхон, Онахон, Бобохон. В мужских личных именах

аффикс –хон используется при именовании представителей «белой-кости»: Абдуллахон, Аббосхон, Камолхон и т.д., т.е. такие формы личных имён несут информацию социального характера.

Аффикс – ой – уменьшительный аффикс обычно сопоставляется с существительными –ой «луна». Этот продуктивный аффикс сочетается с женским личными именами, придавая им уменьшительно-ласкательное значение: Дилбарой, Гулшаной, Салтанатой, Гулсумой.

Аффикс –лоқ- непродуктивный, сохранился в немногих словах: буталок «верблюжонок» (от бута «молодой верблюд»), чақалок «младенец, ребёночек», тойлоқ «жеребёнок по второму году».

Аффикс –той-этимологически восходит к тюркскому слову той «жеребёнок», но, утрачивая свою семантику, используется как аффикс ласкательности: кенжа-той «младшенький», эрка-той «любишек» (эрка «баловень»).

Выражение субъективной оценочности в языке имеет древние традиции во многих языках. В этих целях используются личные имена из фольклора, мифологии, из произведений художественной литературы.

Ср. именование людей, обнаруживающие черты сходство с персонажами этих источников. Из греко-римской мифологии: Аполлон – красивый, стройный; Геракл – сильный, бесстрашный; Двуликий Янус – двуличный, лживый человек; Циклоп – одноглазый, Нифертити – символ красоты, Пенелопа – символ верности.

В русских былинах – Илья Муромец – символ силы, патриотизм. В узбекском языке – Алпомиш, Рустам, Достон. Из серии Афанди – обычно, простой, потешный, простак (аналог – Иванушка – дурачок).

Называние людей по сходству с персонажами художественных произведений, истории: Наполеон – амбициозность; Цезарь, Цицерон – символ красноречия; Сократ, Платон (узб Афлатун) – символ мудрости, учёности. Ряд персонажей «Мёртвых душ» Н.В.Гоголя: Манилов – символ бесконечный мечтатель; Коробочка – символ недалёкости; Собакевич – символ грубости, житейской практичности; Плюшкин – олицетворение скупости; Чичиков – символ деячества. Золушка – символ угнетённой падчерицы. Александр Матросов, Зоя Космодемьянская – символы героизма. Указанные имена используются иронически.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972, 97-100 с.
2. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М., 1960, 125 с.
3. Петровский Н.А. Словарь русских личных имён. М., 1966, 237-352 с.

4. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т.3.,М., 1968, 94 с.

N.N. Mahammadzhonova

(Uzbekistan, Andijan)

nodik_95.94@mail.ru

Annotation. In the article Nabijanova N. discusses the expressin of subjective evaluation nouns in russian and uzbek languages. The article focuses on the expression of subjective affixes in the russian and uzbek languages.

Key words: value problem, semasiology, consept and importance, connotation, subjective assessment, metaphorical meaning, animal names, the characters of myths, positive connotation, pejoratively, evaluation affixes in russian and uzbek languages.

Махмудова Динара Дилмурод кизи

(Узбекистан, г. Наманган)

(beeloved85@gmail.com)

ВИДЫ ИЗЛОЖЕНИЙ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье анализируется разные точки зрения по классификации изложений, говорится о навыках и умениях, которые развиваются при применении различных видов изложений на уроках русского языка.

Ключевые слова: виды изложений, подробное, выборочное, сжатое, орфографические навыки.

Одними из требований к специалисту XXI века – является кроме личностных качеств, таких как коммуникативность, также и творческое мышление, аналитичность, способность оценивать явления.

Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев в указе «Об утверждении Концепции развития системы народного образования Республики Узбекистан до 2030 года» отмечал: « Стратегической целью системы народного образования определено развитие человеческого капитала как основного фактора, определяющего уровень конкурентноспособности учащегося на рынке труда и страны в целом»[1].

Одним из основных требований работодателя сегодня - желание у специалиста обучаться и развиваться. Гибра Е.Ю. в статье «Качество образования – от идеи развития общеобразовательной школы до реальности» пишет: «Если человек хочет развиваться и обучаться, то хорошо, если нет – то смысла нет вкладывать в такого специалиста любому работодателю» [2,77] .

Развитию этих профессиональных качеств любого специалиста помогают изложения. Необходимо отметить, что под словом «изложение» очень часто

понимается только работа в письменной форме. Хотя это понятие подразумевает и развитие устной речи. Самая основная цель изложения - подражание образцу. Но, не смотря на это, через обучение подражанию, изложение дает возможность проявить свою самостоятельность, развить творческие способности, закрепить приобретенные навыки. В. Сухомлинский отмечал : «Самой большой творческой находкой в своей педагогической деятельности считайте тот миг, когда ребёнок сказал своё слово. В этот миг он поднялся на одну ступеньку в своём интеллектуальном развитии» [3].

Современные педагоги под понятием «изложение на уроках словесности» понимают только контрольное изложение, которое ставит целью проверки совокупности навыков обучающихся. Перечислим основные навыки, которые развивает изложение:

- аудирование и понимание текста;
- выявление основной мысли текста;
- анализ стиля текста и стиля автора;
- запоминание фактов;
- запоминание последовательности изложения;
- умение оформления текста;

Уточним, что вышеуказанные навыки оцениваются при контрольных изложениях. Необходимо отметить, что в общеобразовательных школах на уроках русского языка при экзаменах как вид письменной работы изложение и тем более сочинение не обязательное. Изложение стоит между диктантом и сочинением. Диктант для учащихся писать легче, а сочинение сейчас современная молодежь писать практически не умеет. Чтобы уметь писать сочинение, нужно учиться писать изложение.

Формировать вышеуказанные навыки вырабатываются во время проведения различных видов изложений. методисты отмечают, чтобы учащиеся умели писать контрольное изложение, нужно провести минимум 5 обучающих изложений. на уроках обучающих изложений можно развивать последовательно вышеуказанные навыки. Изучив разнообразную литературу по видам изложений, а также просмотрев материалы Интернета, мы пришли к выводу, что единой точки зрения по классификации изложений нет. Вопрос о классификации рассматривали Е.А. Барина, Т.А. Ладыженская, Н.А . Пленкин, П. Ф. Ивченков, Н. Ю. Русова и др. Так как изложение относится к процессу, в котором минимум два участника, выполняющие разные функции, мы должны вначале выделить виды изложения по способу передачи информации и способу восприятия текста. По способу передачи информации: устные и письменные. При устных и письменных изложениях ставятся общие цели – логическая последовательность изложения, правильное построение предложений. При

устных добавляются - сознательность и выразительность речи, при письменных - орфографические и пунктуационные навыки.

По способу восприятия текста изложения делятся на

- изложения, в которых исходный текст воспринимается на слух (читает учитель или магнитофонная запись);
- изложения, в которых текст воспринимается зрительно,
- изложения, в которых текст воспринимается на слух и зрительно.

Е.А. Барина, а вслед и Ивченков П. Ф. предлагают классифицировать изложения по трем основаниям:

- по цели проведения (обучающее, контрольное),
- по характеру текстового материала (повествовательный характер с элементами описания, изложения описания, рассуждение, характеристики),
- по способу передачи содержания (изложение полное или подробное, близкое к тексту, сжатое, выборочное и т.д.).

Т.А. Ладыженская сделала попытку дать наиболее исчерпывающую классификацию изложений. Она предлагает классифицировать изложения:

1. по отношению к объему исходного текста: подробные и сжатые изложения;
2. по отношению к содержанию исходного текста: полные, выборочные, с дополнительными заданиями;
3. по сложности языковым заданием: с лексикой, грамматическими, стилистическими и др. заданиями;
4. по восприятию исходного текста: изложение прочитанного, услышанного, воспринятого на слух и зрительно;
5. по степени знакомства с исходным текстом: изложение незнакомого текста и знакомого, известного учащимся. [5, 222]

Многие методисты предлагают различать подробные и краткие изложения. [6]. Подробное изложение – полное воспроизведение текста, краткое – передача основной мысли текста, последовательность изложения. Подробному изложению предшествуют краткие обучающие изложения. Краткие, мы можем назвать сжатые, изложения помогают учащиеся сосредоточиться на конкретных задачах, поставленных учителем перед изложением. На наш взгляд, необходимо проводить 4-5 раз кратких, сжатых изложений, а потом переходить на полные изложения. Полные, или подробные, изложения требуют полного воспроизведения текста в деталях, передача первичного текста, соблюдение стиля речи, композиционных и языковых особенностей. Во время полного, подробного изложение воспроизводится ориентировочно 65 процентов объема первичного текста.

Различают также изложения выборочные и изложения с творческими заданиями. При выборочных изложениях воспроизводится не весь текст, а какая-то его часть, связанная с определенной темой. При творческом изложении предполагает внесение определенных изменений в содержание или композицию исходного текста. Например, задания к творческому изложению могут быть следующими:

1. Замените лица рассказчика.
2. Дополните текст конкретными фактами.
3. Допишите пропущенные места в тексте.
4. Переставьте части текста.
5. Закончите данный текст и др.

Н. Ю. Русова в своем учебном пособии «Как писать сочинение, изложение и диктант» различает изложения по характеру текста [7, 192]. Она выделяет три следующих вида:

- повествовательное (с сюжетным, фабульным содержанием)
- описательное (или с элементами описания)
- изложение-рассуждение (или с элементами рассуждения)

Н. Ю. Русова к повествовательному относит сжатое, но уточняет, что повествовательное может быть художественное или информативное. Основная цель повествовательных изложений, по её словам, - это сведения о сменяющихся друг друга событиях. Описательное изложение - это подробное изложение с описанием событий, явлений, предметов, их признаков, указанием фактов. Мы соглашались с мнением многих методистов, которые считают, что в текстах может быть сочетание нескольких типов. Тексты для изложения могут содержать и элементы описания, и элементы рассуждения.

Пленкин Н. А. в своём пособии для учителей «Изложение с языковым разбором текста» выделяется и другие основания классификации изложения, например: [8]

- по форме воспроизведения исходного текста (письменные и устные);
- по характеру содержания текста (о школе, о природе, о спорте...);
- по объёму текста (рассчитанные на целый урок, изложения - миниатюра);
- изложения с использованием наглядных пособий.

Какие навыки развивают различные виды изложений мы систематизировали в таблице.

	Виды изложения

Навыки	Подробно	Выборочно	Сжатое	С творческим
Воспроизведение готового текста.				
Осмысление временных, причинно-следственных, пространственных отношений.				
Раскрытие темы и основной мысли высказывания				
Использование готовых языковых средств				
Отбор и использование языковых средств и подготовка к созданию своих текстов				+
Умение собирать и систематизировать материал				+
Находить свои языковые средства для связи отобранного материала.				+
Выделять главное и существенное в высказывании				
Передать языковыми средствами обобщенное содержания.				
Абстрагирование и избирательность мышления				+
Самостоятельное определение композиции высказывания				+
Развитие воображения и активизация творческое мышление				+

Анализ различных методических сайтов для учителей-словесников современные методисты предлагают более подробную классификацию изложений:

1. По форме организации обучения : индивидуальное, коллективное;
2. По месту проведения : классное, домашнее;
3. По способу восприятия : аудиальное, визуальное, аудио-визуальное, кинестическое представлении;
4. По форме речи: устное, письменное;
5. По характеру текста: описание, повествование, рассуждение
6. По стилю текста: художественный, публицистический, разговорный, научный, деловой

7. По выполнению заданий: с грамматическим заданием, без грамматического задания.

8. По характеру воспроизведения текста: с элементами сочинения, без элементов сочинения.

9. По жанру воспроизведенного текста: сказка, рассказ, эссе, письмо.

Подводя итоги изучения материалов по классификации изложений, мы приходим к мнению, что единого мнения по классификации нет. С совершенствованием методики обучения изложению, с появлением новых педагогических технологий, с расширением целей обучения появляются новые виды изложений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Ш. Мирзиёев «Об утверждении Концепции развития системы народного образования Республики Узбекистан до 2030 года». УП № 5712 от 29 апреля 2019 года. Ташкент.

2. Гибра Е.Ю. в «Качество образования – от идеи развития общеобразовательной школы до реальности» журнал «Завуч»,- № 7, -2006 ,- с. 76-78.

3. Катонина, Е.М. Развитие языковой и речевой способности младших школьников. // Е.М.Катонина// Пачатковая школа. - 2004. - №6. - с.20. all-referats.com/diploms/diplom-39902.html

4. Ивченко П. Ф. Обучающие изложения. 5-9 классы : пособие для учителя / П. Ф. Ивченко. — М. : Просвещение, 1994. — с. 224 с.

5. Ладыженская Т.А. «Связная речь» В книге «Методика развития речи на уроках русского языка» М.,-1980. - с.222

6. Что такое изложение? Рекомендации относительно изложения. <https://schooltask.ru/chto-takoe-izlozhenie>

7. Русова Н. Ю. Как писать сочинение, изложение и диктант : учеб. пособие для сред. шк., абитуриентов, родителей / Н. Ю. Русова. — Нижний Новгород : Деком, 1994. — 192 с.

8. Пленкин Н. А. Изложение с языковым разбором текста : пособие для учителей / Н. А. Пленкин. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Просвещение, 1978. — с.190 .

9. Айвазян О.О. Изложение как важная форма развития русской связной письменной речи учащихся начальных классов. 2010. <https://socionet.ru/d/spz:cyberleninka>.

Makhmudova Dinara Dilmurod qizi

(Uzbekistan, Namangan)

(beeloved85@gmail.com)

TYPES OF PRESENTATION IN RUSSIAN LESSONS

Annotation. The article analyzes different points of view on the classification of presentations, talks about the skills and abilities that develop when using various types of presentations in Russian language lessons.

Key words: types of presentations, detailed, selective, concise, spelling skills.

М.В.Махмудова, С.Б.Ядгарова

(Узбекистан, г.Андижан)

mahmudovamarinocka@gmail.com

КОНЦЕПТ «ПРИРОДА» В ИЗОБРАЖЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ МАЛОЙ ПРОЗЫ К.Г.ПАУСТОВСКОГО

Аннотация. В данной статье авторы на основе содержания и анализа рассказов «Корзина с еловыми шишками», «Кордон «273»», «Избушка в лесу», «Равнина под снегом» рассматривают лексические средства выражения концепта «природа» в творчестве К.Г.Паустовского.

Ключевые слова: природа, концепт, язык, герой, мотив, авторское присутствие.

Marina Maxmudova, Sogdiana Yadgarova

(Uzbekistan, Andijan)

mahmudovamarinocka@gmail.com

THE CONCEPT "NATURE" IN THE ARTISTIC TRADITION OF MICROPROZE OF K.G. PAUSTOVSKY'S

Abstract. In this article, the authors, based on the content and analysis of the stories "Basket with fir cones", "Cordon" 273 "", "Hut in the forest", "Plain under the snow" consider lexical means of expressing the concept "nature" in the work of K. G. Paustovsky .

Key words: nature, concept, language, hero, motive, author's presence.

«Язык – есть важнейшее средство человеческого общения. Без языка человеческое общение невозможно, а без общения не может быть и общества, а тем самым и человека. Без языка не может быть мышления, то есть понимания человеком действительности и себя в ней» [5 ,с. 15]. В языкознании активно развиваются такие направления, как лингвокультурология и когнитивная лингвистика, позволяющие ученым изучать факты языка и речи в связи с духовными и этническими ценностями людей, их культурой, религией, ментальной , мировоззренческой и психическими особенностями. В последние десятилетия термин "концепт" стал широко использоваться в лингвистике и является одним из основных понятий современного языкознания. Основные концепты русской культуры становятся предметом исследования не только в культурологии, но и в лингвистике. Особый интерес представляет изучение

художественных концептов в текстовом материале. Это связано с тем, что в данном случае речь идет об особом художественном видении мира и его языковом способе выражения. Концепты являются посредниками между языком и внеязыковой реальностью, и значение слова не может быть сведено только к образующим его концептам. "Концепт значительно шире, чем лексическое значение" - один из взглядов на соотношение концептов и слов, впервые высказанный С.А. Аскольдовым; по мнению Д.С.Лихачева, концепты соотносятся со словами в одном из своих значений; этой точки зрения придерживается В.П.Москвин. Он поясняет, что такие характеристики, как наличие синонимов, внутренняя форма и сочетаемость, относятся не к слову в целом, а к отдельному его лексико-семантическому варианту.

Для полного понимания основного лексического значения концепта «природа» обратимся к «Учебному словарю русского языка» под редакцией Репкина В. В. . Лексическое значение составляющих концепт языковых единиц таково:

«Природа...

1. Всё существующее во Вселенной.

Изучать природу. Живая природа.

2. Места вне города, загородные местности.

Выехать на природу. Любоваться природой.

3. Основное свойство, сущность чего-либо.

Природа электрического тока» [4, с. 311].

В «Иллюстрированном энциклопедическом словаре Терра-Лексикон» даётся более сложное определение концепту **«природа»**:

«1. В широком смысле – всё сущее, весь мир в многообразии его форм; употребляется в одном ряду с понятиями универсум, Вселенная.

2. Объект естествознания.

3. Среда обитания человека и существования человеческого общества.

«Природа» от др.русс. «родить», буквально – «то, что прирожденно, существует от рождения» [2, с. 356].

Наиболее полное и точное определение лексического значения дается в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза Ф.А и Ефрона И.А:

«1. Воспринимаемый нами внешний мир, подчиняющийся вечным неизменным законам, совокупность и основа материального бытия, первично данная, а не сотворенная человеком;

2. Первоначальная сущность какой-либо вещи (природа камня, природа души и т.д.);

3. В узком смысле — низшее материальное начало в самом человеке, связанное с внешней материальной средой, но отличающееся от нее» [1, с. 415].

Таким образом, основное лексическое значение концепта «природа», зафиксированное в словаре, и наиболее характерное для русской языковой картины мира - воспринимаемый нами окружающий мир, во всем его многообразии; совокупность и основа материального бытия, первично данная.

Философско-эстетические взгляды К. Г. Паустовского обуславливают сходство поэтики художников, в частности, последовательное использование мотивов вдохновляющей природы и мотивов «творческого», подразумевающих наличие в образной системе художественного типа человека-творца; создание образов «естественных» героев, несущих идею включённости человека в естественную природную среду. Характерными особенностями сюжетной организации рассказов, новелл, очерков писателя становятся постоянные отсылки к теме творческого: цитирование художественных произведений; оценки произведений искусства, нередко переходящие в развёрнутое авторское рассуждение; сосредоточение внимания на деталях-артефактах: перо, ручка, томик стихов и т.п.; наблюдение за созданием, исполнением произведения и т.п. Так у К. Г. Паустовского в рассказе «Корзина с еловыми шишками» показано, как звуки симфонии помогают героине наглядно представить природу родного края: «Мелодия росла, подымалась, бушевала, как ветер, неслась по вершинам деревьев <...>. Да! Это был её лес, её родина! Её горы, песни рожков, шум её моря» [3, с. 501].

«Естественные герои» К. Г. Паустовского непосредственно связаны с творческими мотивами. В «Избушке в лесу» именно крестьяне первыми открывают феномен или «силу великую» творчества, воспринимая исполнение музыкального произведения как высшую благодать. Непосредственное авторское присутствие, субъективное отношение к изображаемому определяют лирическую окрашенность описаний природы.

К. Г. Паустовский, воспринимая характерные мотивы, образы-знаки, свойственные литературе XIX века, последовательно развивает традиции изображения картин природы, установленные предшественниками. Среди них субъективность, лирическая окрашенность повествования, акцентирование внимания на нюансах жизни природы, сближение автора и героя и т.п.

Особенности изображения природы в структуре художественного мира прозы К. Г. Паустовского связаны с лирико-романтической направленностью его произведений. Под лирико-романтической направленностью подразумевается максимальное авторское присутствие, выражение непосредственного отношения к описываемому (вплоть до отождествления автора и героя), живописность, зримость создаваемого образа (импрессионистичность природных описаний, в основе которых — впечатление от увиденного).

В прозе К. Г. Паустовского взаимообусловленность компонентов философско-эстетической триады зачастую продиктована сюжетом произведения. Так, «Кордон "273"» оказывается местом приобщения человека к первозданной красоте природы, которая пробуждает в нём творческое начало. Попад на кордон, герои оказываются на территории творчества: отсюда пошел «волшебный русский язык». «Кордон "273"» был создан в 1948 году. «Творческая линия» в изображении природы была продолжена в 1950-е годы и наиболее ярко воплотилась в 1960-е годы. В рассказах и очерках заключительного этапа творчества К. Г. Паустовский подводит своего рода черту под рассуждениями о роли природы в жизни человека.

Заключительный пейзаж рассказа К. Г. Паустовского «Равнина под снегом» (1949) отсылает к финалу тургеневского романа «Отцы и дети»: «Весной из трещин могильной плиты потянулись ростки троицына цвета, и вскоре вся плита покрылась тесной толпой этих лёгких цветов» [3, с. 435].

Значимая деталь (цветы, проросшие сквозь разбитую плиту надгробия поэта), и приём умолчания (Вирджиния — одновременно имя умершей жены Э. А. По и название цветка: «троицын цвет») подчёркивают идею бессмертия истинных чувств, природы, творчества в данном символическом описании идее включённости человека в естественную природную среду.

Триединство художественного мира прозы писателя воплощается в последовательном использовании мотивов вдохновляющей природы и мотивов творческого, подразумевающих наличие в образной систем художественного типа человека-творца. Непосредственное авторское присутствие, субъективное отношение к изображаемому определяет лирическую окрашенность описаний природы. В прозе К. Г. Паустовского (преимущественно позднего периода) воплощена сформировавшаяся в соответствии с его аксиологией концепция гармонического единства природы и человека - её ученика. Выражению данной концепции способствуют именно «естественные герои» К. Г. Паустовского, знатоки примет, тонко чувствующие и предсказывающие изменения, происходящие в природе («Маша», «Бакенщик»). К. Г. Паустовский организует художественный мир в рамках аксиологической концепции: природа пребывает в сфере гармонии и красоты, человек - её ученик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брокгауз 2003 - Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Совр. Версия./Ф.А.Брокгауз,И.А.Ефрон. – М.: «Эксмо», 2003. – 672 с.
2. Иллюстрированный энциклопедический словарь Терра-Лексикон. – М., «Терра», 1998. – 667 с.
3. Паустовский К. Г. Собр. соч. В 6 т. - М. : ГИХЛ, 1957-1958.

4. Репкин 1994 – Репкин, В.В. Учебный словарь русского языка./В.В.Репкин. – Томск, «Пеленг», 1994. – 656 с.
5. Реформатский 2006 – Реформатский, А.А. Введение в языковедение: Учебник для вузов/А.А.Реформатский; Под ред. В.А.Виноградова. – 5-е изд., испр. – М., Аспект Пресс, 2006. – 536 с.

Р.М. Новрузов, Г.Ф.Новрузова
(Азербайджан, г. Баку)
rafignovruzov52@gmail.com

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА СУФИЙСКИХ ТЕКСТОВ

Аннотация. В статье рассматривается проблема перевода средневековой суфийской поэзии на русский язык. Трудность перевода заключается в том, что язык этих поэтических текстов осложнен философией суфизма, без знания которой текст на русском языке будет не понятным. Кроме многозначности поэтических смыслов вызывает сложности и восточная форма стихосложения. Добавим к сказанному и осведомленность в знаниях коранических текстов.

Ключевые слова: философия суфизма, поэзия, язык, перевод.

Исследование языка перевода средневековой восточной поэзии, – важнейшее направление не только в филологической науке, но и в философском и культурологическом аспектах. Анализ оригинального и переводного текстов, как в отдельности, так и в сравнительно-сопоставительном плане, раскрывает художественную структуру, поэтику, литературные каноны и традиции классической восточной поэзии. Целью данного исследования является доказательство того, что классический восточный поэтический текст является сложным для восприятия переводчика-читателя и требует фоновых знаний для верного его прочтения. В связи с этим решаются следующие задачи: 1) интерпретация общих вопросов восприятия восточной поэзии в контексте психологии чтения; 2) анализ особенностей восточной поэзии; 3) освоение методики развития и саморазвития восприятия восточной поэзии. Среди всего материального мира человек, как величайшее создание Бога, занимает особое место. Другими словами, Бог объединяет в себе материальное и духовное. В первую очередь указанное сочетание относится к человеку. Человек как создание Бога соединен с Ним во всех ипостасях: содержательном, формальном, образном. Находясь с Ним в единении, таким образом, человек сам становится Истиной. Наглядным примером этого может служить вся классическая восточная поэзия. Отсюда естественным является особый подбор языковых средств для выражения эмоционально-эстетического отношения к образу Возлюбленной [2].

Центральной фигурой философской концепции суфизма является образ познающего Аллаха, который в пути Его постижения чувственно отражает все новые и новые модусы существования и самопознания Абсолюта, разочаровывается и отчаивается «истинным» положением дел во Вселенной, приходя к выводу, что познание одна из сторон отражения имен и атрибутов Абсолюта. Лишь только синхронное изменение самого познающего и его безрассудная, самоотверженная любовь к Истине может привести мистика к вершине мистического переживания - слиянию субъекта и объекта в одно нерасторжимое целое. Одним из постулатов поэзии суфизма является *вахдат аль-вуджуд* (единство бытия), опирающегося на коранические откровения. Он подразумевает соединения всего существующего в Нем, потому что благодаря Богу все существует. Как известно, в поэтическом переводе, в отличие от прозаического, всякая деталь как содержательного, так и формального характера имеет значение. Порой их игнорирование переводчиком приводит к неверной передаче существенных элементов оригинала. Попытки уточнить истоки своеобразного мышления суфийских поэтов возвращают нас к далекой древности, а именно к древнеегипетскому способу мышления посвященных жрецов. По этому поводу, на наш взгляд, примечательны сведения, данные Эдуардом Шюре в книге «Великие Посвященные»: «Египетские жрецы, по словам греческих авторов, владели тремя способами объяснять свою мысль. Первый способ был ясный и простой, второй символический и образный, третий священный и иероглифический. То же самое слово принимало, по их желанию, либо свой обычный смысл, либо образный, либо трансцендентный. Так велик был гений их языка. Гераклит прекрасно выразил эти различия, определяя их язык как говорящий, обозначающий и скрывающий.

Когда дело касалось теософических и космогонических наук, египетские жрецы всегда употребляли третий способ письма. Их иероглифы имели при этом три смысла, и соответствующие, и различные в одно и то же время. Два последних смысла не могли быть поняты без ключа. Этот способ письма, таинственный и загадочный, исходил из основного положения герметической доктрины, по которой один и тот же закон управляет миром естественным, миром человеческим и миром божественным.

Язык этого письма, поразительно сжатый и совершенно непонятный для толпы, обладал своей особой выразительностью, доступной только Адепту, ибо посредством единого знака он вызывал в его сознании начала, причины и последствия, которые, исходя от Бога, отражаются и в слепой природе, и в сознании человеческом, и в мире чистых духов. Благодаря этому способу письма Адепт обнимает все три мира сразу» [5, с. 146-147]. И, нет сомнения, что суфии,

обладавшие герметическими знаниями, следовали этой традиции, этому пути мышления, обладали ключами раскрытия божественных тайнств.

Именно этим обусловлено, что многие ученые прошлого и современности, считающие суфийскую концепцию речи отличительной от нормативной поэтики, создавали и обращались к «словарям», фиксирующие суфийские значения слов. Наделенные божественным даром, знаком прикосновенности к миру тайн, как считают ученые, поэт суфий гениально владел словом, создавал семантическую неопределенность текста, который состоял из двух самостоятельных текстов (поэтического, относящего к плану выражения; суфийского - к интерпретации содержания), стремясь к преодолению неизбежного дуализма и инерции повседневного языка и мышления. Следствием этого являются парадоксы экзегетического характера и антиномии.

Обратимся к одной из излюбленных поэтических аллегорий к истории о мотыльке и свете, изображающих участь истинно любящего. Например, в своем трактате «Китаб ат-тавасин» Мансур аль-Халладж описывает мотылька, стремящегося к пламени, не в поисках света или тепла, а для того, чтобы постичь Реальность Радости, достичь совершенства [3]. Аналогичную, почти в дословном парафразе аллегорию Халладжа мы встречаем у Аттара в «Мантик ат-тайр», где говорится о последней, седьмой, долине мистического странствия [4]. Поэтому гетевская формула «Смерть-для жизни новой!» (в подлиннике: «Умри и стань») должна восприниматься как точное выражение одного из хадисов Пророка: «Умри до того, как ты умрешь (для того, чтобы обрести новую жизнь)» [6, с.63]. Что же касается образного мышления суфийских поэтов, то оно укоренено в классической традиции, основанное на коранических принципах. Так, в предисловии политическому сборнику «Тарджуман аль-ашуак» («Толкователь страстей») Ибн Араби пишет: «Я пользуюсь языком и формами выражения любовной лирики и при воспевании женщин, потому что души людские к ним привержены... Всякий образованный человек пользуется этим изысканным и уточненным языком...». Продолжая мысли стихами, он раскрывает свой метод: «Всякий раз, когда я упоминаю развалины жилищ или покинутые стоянки.../ Или дев с круглыми персиями, как солнце, и выпуклыми сосками, как изваяние, / Всякий раз, когда я упоминаю то, что уже хорошо известно, или что-то сходное / Вам следует понимать это как божественные тайны или небесный свет, / Посылаемый Господином небес моему сердцу» [6, с.225].

Поэты-мистики красоту и любовь воспринимали нераздельными. Герой их поэзии был одержим божественной любовью и желанием соединиться с ним. Экстатическая любовь к Творцу сравнивалась с опьянением от вина. Именно в этом смысле следует понимать символический образ.

Для суфиев существенным была связь между вселенной и человеком. В поэзии эта связь отражается в буквенных числах арабского и персидского алфавитов. Человеческие черты лица сравниваются с цифровыми и буквенными значениями, тем самым ещё больше усиливая таинственность его природы, которая нуждается как в созерцании, так и в познании [3].

Таким образом, изучение философских принципов и языковых особенностей суфийской поэзии показывает, что без основательного знания их основ невозможен эквивалентный перевод на инонациональный язык. Кроме того, суфийский поэтический текст является многослойным, многозначным, что порой требует от переводчика четкого выбора эквивалентных образов для их адекватного восприятия читателем

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. И.В.Гете .«Западно-восточный диван» – М.: Наука. – 1988.
2. Корбен Анри. История исламской философии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litres.ru/anri-korben/istoriya-islamskoj-filosofii/>
3. Мансур аль-Халладж. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.platonizm.ru/content/mansur-al-halladzh>
4. Поэма Фарид ад-Дина 'Аттара "Язык птиц". Введ., пер. с перс. первых 120 бейтов и коммент. Л.Г.Лахути и Т.А.Счетчиковой Восток(Oriens), 2013 № 3, 2013. - 117с.
5. Хуруфизм и его влияние на азербайджанскую литературу. [Электронный ресурс] . Режим доступа: (<http://www.molych.ru/filologija/hurufizm-i-ego-vlijanie-na-azerbajdzhanskuju-literaturu.html>).4.
6. Шиммель Аннемари. Мир исламского мистицизма / Перевод с англ.Н.И.Пригариной, Д.С.Рапопорт. - М.: Алетейа, Энигма, 1999.-311с.
7. Шюре Эдуард. Великие Посвященные. Репринтное воспроизведение издания 1914 г. – М., 1990.

R.M. Novruzov, G.F.Novruzova
(Azerbaijan, Baku)
rafignovruzov52@gmail.com

TO THE PROBLEM OF TRANSLATION OF SUFI TEXTS

Abstract. The article deals with the problem of translating medieval Sufi poetry into Russian. The difficulty of translation lies in the fact that the language of these poetic texts is complicated by the philosophy of Sufism, without knowledge of which the text in Russian will not be understandable. In addition to the ambiguity of poetic

meanings, the Eastern form of versification also causes difficulties. Let us add to what has been said and awareness of the knowledge of the Koranic texts.

Keywords: philosophy of Sufism, poetry, language, translation.

Е.П. Невельская-Гордеева

(Украина, г. Харьков)

neveelena@gmail.com

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОФИЗМОВ

Аннотация. В статье рассматриваются софизмы, в основе которых лежат семиотические приемы: метафоричность речи, амфиболии, суппозиции, окказиональные высказывания, метонимия, синекдоха и другие. Семиотические приемы, в отличие от построения умозаключений с нарушением логических правил, которые безусловно не допустимы, в литературе приемлемы.

Ключевые слова: софизм, логика, семиотика, амфиболия, метонимия.

В педагогической работе немаловажным является привить студентам правильное логическое мышление, без которого невозможна полноценная умственная работа. Логика как наука изучает законы и формы правильного мышления. Черная риторика использует законы неправильного мышления.

Софизм – в логике определяется как умозаключение, построенное с нарушением логических правил, но, поскольку ошибку не сразу не видны, то такое умозаключение, и в первую очередь – силлогизм, на первый взгляд кажется правильным. Умение распознать софизм, вскрыть ошибку, которая лежит в его основании, – важный навык при построении теоретических рассуждений, который студенты могут освоить в процессе получения высшего образования.

Софизм, как прием интеллектуального мошенничества, может иметь различные основания: логические ошибки, грамматические (семиотические) приемы, психологические факторы. И хотя на практике все три вида – логические, семиотические и психологические основания софизмов, тесно связаны друг с другом, цель данной работы – осветить именно семиотические приемы, позволяющие вводить собеседников или читателей в заблуждение. Знание подобных приемов позволит студентам правильно вести процесс научного доказательства и преодолевать, вскрывать ошибки и манипуляции собеседника.

В отличие от софизмов с логической основой – грамматические основания софизмов не являются однозначно запрещенными приемами, потому что построение умозаключения с нарушением логических правил безусловно не

допустимо, а применение ряда семиотических приемов, не нарушающих литературные правила, выступает приемлемой возможностью. На основе анализа примеров из публицистических материалов, из открытых источников в интернете, в данном обзоре предпринята попытка рассмотрения исследуемых софизмов как манипулятивных приёмов.

Семиотической основой софизмов выступает 1) метафоричность речи, применение омонимии, использование полисемии слов, амфиболий и т.д. При этом нарушается однозначность текста, происходит смешение значений понятий. Например: «Больному для того, чтобы выздороветь, необходимо лекарство. Лекарство для больного – это добро. Добро всегда полезно. Добра желательно иметь больше, потому что чем больше добра, тем, безусловно, лучше. Итак: лекарства нужно употреблять всегда и как можно больше».

Или другой пример: «Совесть у меня чиста, потому что я ей не пользуюсь».

2). Прием амфиболии – неясности выражения, благодаря которому допустимы разные толкования мысли. Применение амфиболий часто приводит к появлению анекдотических текстов. Скажем: «Всем известна пословица: язык до Киева доведет. Богдан купил язык на сельском базаре и уверенно отправился в дорогу, потому что теперь уже не заблудится».

Или другой пример: «В семье проходит семейный совет: как улучшить здоровье. Члены семьи вместе решают, от каких своих вредных привычек можно отказаться. Отец решил бросить курить, мама сказала, что попытается отказаться от поздних перекусов. Теперь родители спрашивают у сына: а что ты можешь бросить? Я могу бросить посещение школы – говорит смущенный сын.

3). Прием суппозиции – разное употребление одного понятия: смешение формальных и материальных аспектов. Слова, употребляемые в формальной суппозиции, относятся к выражениям языка-объекта, а в материальной суппозиции – к самим объектам. К примеру: что находится в центре Полтавы? Исходя из материального плана люди начинают вспоминать о зданиях, памятниках, фонтанах. Формальный подход – в центре Полтавы находится буква «т». Или другой пример: «Хозяйка: – Гости, а не хотите ли вы вчерашнего борща? – Да, желаем. – Тогда приходите завтра».

4). Прием окказиональности. Окказиональные высказывания – это такие суждения, которые изменяют свое значение в зависимости от обстоятельств. Скажем: при применении слов "мы", "он", "там", "здесь", "сейчас" и т.д. Например: учительница в школе рассказывает эволюционную теорию возникновения человека и говорит детям – мы произошли от обезьяны. Миша тянет руку. «Как интересно, – говорит он, – учителя происходят от обезьяны, а я и другие дети в классе произошли от мам, то есть от женщин». Здесь разные значения изречения: «происходить от обезьяны». "Мы" – человеческий род или

"мы" – конкретные люди, или "мы" – учителя. Или другой пример: Бабушка видит, что внук идет зимой по улице без шапки, и говорит ему: «Андрюша, почему зимой не носишь шапку?». Внук достает из кармана куртки шапку, демонстрирует эту шапку бабушке и отвечает: как это не ношу шапку? Ношу! Вот он – в карман положена!

5). Прием метонимии, заключающийся в замене имени предмета другим именем, неразрывно связанным с ним в человеческом сознании. При метонимии происходит своеобразное сокращение языка: «я три тарелки съел» (съел борщ, который наливается в тарелку) – посуда и еда, которую из нее едят, соединяются вместе в сознании; «я два стакана выпил» – посуду и напиток соединяют вместе, «за неделю три пачки выкурил» – пачка и сигареты соединяются вместе в сознании. К примеру: в ресторане семья сделала заказ. Кельнер спрашивает: что-то еще? Сын говорит: еще один стакан. Что принесет официант: пустой стакан или еще один сок в стакане?

6). Прием синекдохи. Синекдоха выступает разновидностью метонимии: а) целое имя заменяется названием его части, и наоборот: «летающей походкой», «веселыми ногами», «загадочным взглядом» – настроение человека перенесено на его часть тела. Или речь идет о государстве, а говорят столицу: «Лондон будет участвовать», пишут о правительстве, а указывают страну: «Германия ратифицировала договор».

б). Название населенного пункта, физического места пребывания, переносится на его жителей, например: «Варшава приветливо встретила гостей песенного фестиваля», «Рим принял решение».

в). Замена множественного числа на единичное число или наоборот: «все спит – и человек, и зверь, и птица», «по эволюционной теории Чарльза Дарвина человек происходит от обезьяны».

7). Прием иронии. При иронии осуществляется использование слов в противоположном значении. Ирония проявляется в тех случаях, когда человек с серьезным видом говорит совершенно противоположное реальной ситуации.

а). Сын разбил чашку, бабушка говорит: «Молодец!».

б). Учительница на уроке в классе спрашивает: «Кто пойдет к доске?» Никто не проявил желание. «Лес рук», – говорит она.

в). На философском факультете университета преподаватель говорит: «Мы все здесь объединены одной проблемой. Мы пришли сюда, потому что у нас в школе были проблемы с математикой».

г). преподаватель на экзамене говорит студенту, плохо знающему вопрос: «Отличный ответ!».

8). Прием осмеяния. Осмеяние применяется в зависимости от ситуации, целей, возможностей, законов. Использование этой техники возможно как для

физического, так и для юридического лица, взглядов, идей, программ. Выбор объекта осмеяния производится в зависимости от целей и конкретной информационно-коммуникативной ситуации.

Эффект действия данного приема основан на том, что при осмеянии отдельных высказываний, элементов поведения, программ, идей, взглядов, изделий к субъекту (физическое или юридическое лицо) инициируется шутливое, несерьезное отношение, и это ироническое отношение автоматически распространяется и на личность.

9). Прием оксюморон. Оксюморон сочетает взаимоисключающие признаки, например, человек одновременно является трудоспособным и нетрудоспособным; человек одновременно и здоров, и болен. В художественной литературе использование оксюморонов, сочетающих несовместимые признаки, оправдано, потому что этот вид литературы нацелен на эмоционально-образное воображение. Например: «живой труп», «логическая алогичность», «страшно смешной», «грустная веселость», «я ужасно извиняюсь», «христианин с атеистическим мировоззрением».

10). Эвфемизм – замена буквального выражения фигуральным с целью либо усиления, либо смягчения нейтрального качества («государственный мужчина – слуга народа – служащий – чиновник – бюрократ»; «преступник – человек, не уважающий закон – герой криминала»). Например: «не опоздал, а – задержался»; «не поругались, а – не сошлись во мнениях»; «не дебатировали, а – ругались»; «не ушел с работы, а – выгнали»; «не выгнали с работы, а отпустили отдыхать от работы»; «не безобразный, а – своеобразный»; «не сожительница, а – гражданская жена» и т.д.

Вывод. Цель использования софизмов в аргументации многообразна. Рассмотренные семиотические приемы являются основой, на которой строятся грамматические (семиотические) софизмы.

Софизмы с семиотической основой могут выступать как реализация осознанных манипулятивных приемов и недопустимо оправдывать эти софизмы, когда цель их использования – выдать неправду за истину. Совершенствование процесса аргументации, овладение логическим знанием как необходимой компетенцией образованного человека, обеспечит студентам реализацию процесса рассуждения по объективным правилам и законам.

Olena Nevelska-Hordieieva
(Ukraine, Kharkov)
neveelena@gmail.com

Annotation. The article deals with sophisms based on semiotic devices: metaphorical speech, amphiboles, suppositions, occasional statements, metonymy, synecdoche and others. Semiotic devices, in contrast to the construction of inferences in violation of logical rules, which are certainly not permissible, are acceptable in the literature.

Keywords: sophism, logic, semiotics, amphiboly, metonymy.

Nuriyeva Nurana Majid

PhD, Associate Professor

*Azerbaijan University of Languages,
Department of Literature of Foreign
Countries*

Baku, Azerbaijan

e-mail: nurananuri@mail.ru

ORIENTALISM AND ALLUSION TO THE QURAN IN EDGAR ALLAN POE'S POEM "THE RAVEN"

Abstract. Edgar Allan Poe (1809-1849) was one of the pioneers of American literature. Like any genius, Edgar Allan Poe was ahead of his time with his intelligence and natural talent. Despite the anxiety that the Islamic East caused for America, this did not prevent early American writers from studying the Qur'an. Quotations from the Qur'an are found in the writings of American literary critics, albeit in small quantities. This is also reflected in one way or another in the works of Edgar Allan Poe, who built early American literature on Islamic foundations.

The phenomenon of death is a concept characteristic of the Romantic era. In Edgar Allan Poe's poem "The Raven", it goes to another dimension with the concept of living in isolation and living with the dreams of a dead person. This measure indicates the powerlessness and nothingness of a person as a being. Contrary to his contemporaries, the themes chosen by Edgar Allan Poe in his prose and poetry are both cosmic and exotic.

Key words: Edgar Allan Poe, Orientalism, "The Raven", allusion

Edgar Allan Poe (1809-1849), who left a deep mark on the memory of readers with his stories, became a genius not only in American literature, but also in world literature as a master of words. The role of oriental images and the charm of the Middle East is great in the work of Edgar Allan Poe, especially in his poetry. His poems, stories and essays contain a number of images from the Quran. It is known that Edgar Allan Poe influenced not only such genres as poetry, horror stories, detective stories, gothic and science fiction, but also an entire literary heritage. Even today, we see in his

writings that words and behaviors that we find difficult to understand affect the human spirit. During the period of literary and historical development of American literary history, which began in the 19th century, a tendency towards more Orientalism was observed in a convex manner. The Western world, which has been studying Islam since the Middle Ages, realized that it was universal and in line with the European worldview. It is clear from this that Europe had already discovered Islam during its modernization. Nevertheless, the Western world today embraces and studies Sufism more than Islam. Today, Sufi ideas are popular in Europe, Africa and America. The Western world, which accepts Sufism as mystical Islam, argues that mystical practice and mystical understanding have different implications for Islam, Christianity, Judaism, Brahmanism, Buddhism, and Manichaeism. Mystical thought, which includes divine mysteries and knowledge, is one of the most important topics in the study of human history. Interestingly, the main themes that Edgar Allan Poe worked on throughout his career are life, death, fear of death, the silence that death brings, and love after death. Anxiety about death is a feeling that is present in every person and is considered to be the basis of all the fears and unknown worries we experience. The Quran and its interpretation are widely featured in the works of the first representatives of American literature, especially in the works of Edgar Allan Poe. Geoffrey Einboden writes that “in his poems, not only the Quranic texts, but also the interpretations of the Quran, translated into English by George Sale, play the role of the main source” [1, p. 9]. Edgar Allan Poe, who was able to immerse the reader in the depths of his mind with his parables and metaphors, wrote thought-provoking and memorable poems. The main feature that distinguishes his poem “The Raven” from other poems is the weight of meaning in the poem. Thus, from the day the poem “The Raven” was written, it became a shadow of Edgar Allan Poe, and was the first poem that came to mind and was remembered when his name was mentioned. Edgar Allan Poe became famous and successful after publishing his poem “The Raven” in the New York Evening Mirror on January 29, 1845 [7, p. 228].

This poem caused a great stir not only in America, but also in Europe. The famous English poet Elizabeth Barrett Browning wrote: “Your “*Raven*” has produced a sensation – a “fit horror”- here in England. Some of my friends are taken by the fear of it, and some by the music – I hear of people haunted by the “nevermore” - and one acquaintance of mine (of a creative) who has the misfortune of possessing a “bust of Pallas”, Never can bear to look at it in the twilight” [3, p. 134].

The raven that Edgar Allan chose for his poem is a mysterious bird. In his essay, “*The Philosophy of Composition*”, Edgar Allan Poe states that at first, he wanted to write about him as a parrot, but later stood on a raven. This is due to the fact that the raven is more suited to the gothic and dark style and is known as a bird of failure [2, p. 4]. The question of what the raven symbolizes is still the subject of discussion in

literary criticism. After reading the poem “*The Raven*”, we are faced with the question of what Edgar Allan Poe wanted to say to the reader. It is known that Edgar Allan Poe wrote the poem “*The Raven*”, inspired by the talking raven in the novel “*Barnaby Rudge*” (1841), one of the most famous works of Charles Dickens. However, it is interesting that the poet created the image of a Raven, who said only one sentence, but also made the person he was talking to even more depressed. Firstly, in order to delve into the depths of the burden of meaning that the poet places on the image of the Raven, it is necessary to study the privileges granted to the crow or the raven in mythology and the Bible. Ravens are known today as animals that symbolize death and bad news. But in Greek mythology, the raven is a bird that is revered and represents immortality.

It must be noted that in Latin, the crow or raven was called *Corvus* (in English the *Crow*), *Raven* in ancient Greek. It is Apollo’s sacred bird and is known for his interest in prophecy, science, music, poetry, medicine, philosophy, and law. Ravens are endowed with a number of adjectives in both Eastern and Western mythology:

- *Fearless and strong*: Ravens have a strong energy and are not afraid of anything in life;
- *Change*: Ravens symbolize rebirth and a big change;
- *Loneliness*: Although ravens are social beings, they need time alone to increase and reflect their energy;
- *Fearless of the dark*: they are able to balance both sides of creation;
- *Joky*: If it is said that you often joke with people, the raven could be your spiritual animal. If ravens are your spiritual animal, others may see you as someone who brings important news.

If you resonate with a raven, it means that you have traveled to the darkest depths of your soul to reveal the light. You may also enjoy being alone rather than being on the side of others.

In fairy tales, the raven often plays the role of a completely positive character who knows where to find the sources of life and dead water. In general, these adjectives given to ravens in mythology are expressed differently in the Bible and the Quran.

The Bible’s account of Noah’s flood tells an interesting story about a raven. According to the Jews, the waters of the Flood were a kind of human *mikveh* (*Mikveh* is a pool used by women in Judaism to purify themselves after certain periods, or a pool that a person who converts to Judaism must enter at least once after many difficult tests or after a certain period has ended. At the same time, married girls enter the mikveh the day before the wedding) in which all the sins of the old world were destroyed [8, p. 104, Luke 2:22].

Note that in Eastern mythology, we come across a variety of information about animals. In this sense, as in other spirit animals, they appear when they need certain messages and signals transmitted from another region. They indicate that a person may

need a strong raven's energy to remind him of his inner strength. This animal can come on time to help someone who is on the verge of a big awakening. Seeing ravens often symbolizes prophecy and ancient wisdom. Ravens are also known to be protective and a source of human energy.

According to Islamic sources, the raven is a representative of the Creator, and they dig into the ground to indicate that the first human corpse should be buried in the ground. Thus, the raven, the "symbol of evil" in literature today, caused "bitter remorse" in the heart of Cain, who killed his brother Abel.

Regarding ravens, Surah Al-Maida says: "*He said, 'Woe is me! Am I not able to be even like this raven so that I may hide the corpse of my brother?' And then he became regretful* (Surah Al-Maida 5 / 32) [9, p. 154].

It is known that news of death among animals is rare. But ravens, like humans, mourn the dead. When a relative dies, they do not leave their heads and stay with them for a while. The reason for this behavior may be to investigate and understand the cause of death. If there is a dangerous situation, the desire to understand it and warn others can force them to stay with the dead.

Considering all the above, let's try to explain the main idea of Edgar Allan Poe's poem "*The Raven*". The protagonist of the work is Edgar Allan Poe. The young man, affected by the sudden death of his girlfriend, is suffering emotionally. From the point of view of his age, it is clear that this was a young student, and while walking on the path of a life full of love, his dreams suddenly came to naught. She couldn't understand how her future life would go on without her lover Lenore. He snoozes in the middle of the books in long thoughts. Perhaps the young man wanted to learn the secret of death and immortality from these ancient books. Just then, a sudden knock on the door wakes him up and he thinks that his momentary lover is alive. But the dark space behind the door disappoints him again and brings him back to reality. The second time he hears the window slammed, a sudden sense of hope reigns in him. When he opens the window, the raven flies in and lands on the bust of Pallas.

If we consider that the raven symbolizes death, then it becomes clear what Edgar Allan Poe means. The poet declares that life goes on through Pallas, and that a person who dies through a raven will never return. From this point of view, he calls the young man to continue his life without Lenore, using only the phrase "Nevermore" in the language of the raven. But when we have a look at Greek mythology, we see that crows represent immortality. Plato notes that Athens is under the patronage of both artists and warriors [5]. This means that Edgar Allan Poe, through Athena, or Pallas as it is called, indicates that the young hero is under the protection of divine power. Ovid describing Achilles in a female dress in Skyros, tells of this multifunctionality: "*Pallas is waiting for you, but not on this road*" [4].

The conclusion to be drawn from these ideas is that Edgar Allan Poe tries to explain death and immortality to the reader in a cryptic way, combining all the ideas about ravens in Eastern and Western mythology and scriptures, and the myths about Pallas in Greek mythology and Lenore in Roman mythology. Thus, a young boy can meet his lover Lenore only after his death, and the word Lenore means light. The young man can immortalize his love in another way, that is, after death. Lenore is in heaven because he represents light. In order to reach that light, it is necessary to read, that is, to study, understand, and accept the metaphysical events that take place around it. To this end, Edgar Allan Poe portrays the protagonist as a dreamer and snoozes among old books. Here, the young man's snooze is a code in itself, that is, he still does not understand what is happening and is waiting for a miracle. At this point, the crow enters the circle and wakes him up from his slumber by saying "Nevermore".

Edgar Allan Poe's poetry has its own rhythm and vibration. This gives us reason to say that he based his poetry on frequency. This often-repeated vibration resonates in the poem "The Raven" through "Nevermore" and keeps the reader under control, screaming in fear, death, loneliness and silence. Here, also, Raven-Lenore is presented as a contrast of light to darkness, and, in fact, the raven is the savior of the dark forces that dominate the inner world of the young boy, and Lenore is his savior as the light from that dark world. Throughout the poem, Lenore is depicted as a symbol of beauty and purity, even as an angel. As it can be seen, Lenore, a symbol of beauty, is the exact opposite of the raven, the embodiment of the grotesque in poetry. Edgar Allan Poe notes that "The *death of a beautiful woman* is, unquestionably, the *most poetical topic in the world*" [6, p. 4].

With this expression, Edgar Allan Poe is actually bowing before the woman, saying that the woman who had to represent nature for 1500 years will have the last word at the last stage. Edgar Allan Poe's point in saying this is that the power spent killing the woman is wasted because she will return in due time. It cannot be eradicated, but even if you destroy it temporarily, your image will change in any case and you will not be the same. In the poem, we witness that the hero can not get rid of his past. It is the beauty of the past, the beauty of the past, that cannot separate him from Lenore, and that he can't connect with reality because he is young and cannot get out of the grip of the past. The message that Edgar Allan Poe wants to convey here is that the way out of the fear of the future is to stop reckoning with the past.

Ancient Eastern scholars said that when you forget the past, your mind empties and is replaced by cosmic energy. The effect of cosmic energy will protect not only the physical body, but also the spiritual body and the magnetic field. The filling of cosmic energy is known in Sufism as staying in the moment. Because cosmic energy has information about the universe.

REFERENCES

1. Einboden, Jeffrey. (October 2009). The Early American Qur'an: Islamic Scripture and US Canon, *Journal of Quranic Studies* 11(2):1-19
2. Kennedy J.G. (1987) *Poe. Death and the Life of Writing*. L.
3. Halliburton, D. (1973). *Edgar Allan Poe A Phenomenological View*, Princeton University Press, New Jersey.
4. Ovid, Publius Naso. *Metamorphoses* Per. S.V. Shervinskoqo., Izd-vo «Khudojestvehhaya literature». M., (1977), vstupitelnaya statya S.A. Osherova, primechaniya F. Petrovskoqo, p.692
5. Plato, *Laws* / Obsh. red. A.F.Loseva, V.F. Asmusa, A.A. Takho-Qodi. — M.: «Mysl», (1999). — (Klassicheskaya filosofskaya mysl). XI 920d-e
6. Poe E.A. (1976). *The Short Fiction of Edgar Allan Poe*. An Annotated Edition by St. and S. Levine. Indianapolis: The Bobbs-Merrill Company, Inc.,
7. Savoy, E. (2012). “The Rise Of American Gothic”, *The Cambridge Companion to Gothic Fiction*, Cambridge University Press, Cambridge, 167-188.
8. *The Holy Bible*, Published by The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints Salt Lake City, Utah, USA, 2013.
9. The Holy Qur'an [Koran. English and Arabic. 1998] The Holy Quran with English translation. 1. Ali, Maulawi Sher; Islam International Publications Limited (2021) Islamabad, Sheephatch Lane, Tilford, Surrey GU10 2AQ UK, 1012 pp.

А.Т.Нурманов

(Узбекистан, г. Джизак)

anurmanovjizzax@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАБОТЫ С ТЕКСТАМИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Аннотация. Использование народной сказки в преподавании русского языка как иностранного направлено прежде всего на погружение обучающихся в стихию глубинных основ русской языковой модели мира. Это, в свою очередь, позволит обучающемуся полноценно участвовать в диалоге культур. Методически организованная работа с материалом русских народных сказок способствует совершенствованию лингвокультурологической компетенции будущего педагога, профессиональной компетенции филолога-русиста.

Ключевые слова: русская народная сказка, концепт, культурные концепты, аутентичный текст, языковая картина мира, лингвокультурологическая компетенция.

Использование материалов русской народной сказки на уроках РКИ способствует реализации основных компетенций: профессиональной

компетенции за счет усвоения межпредметных связей, языковой и коммуникативной компетенции – за счет реализации возможности понимания средств выражения изучаемого языка; социокультурной и лингвострановедческой компетенций – за счет ознакомления с принципами, структурирующими характер мышления народа, с ментальными и психологическими основами его национального своеобразия [10, с. 78].

В использовании сказок на уроках РКИ на первый план закономерно выходит лингвострановедческий и лингвокультурологический компонент. Эта проблематика сегодня входит в предметную область такого востребованного в современном гуманитарном знании междисциплинарного направления, как лингвокультурология [4; 6 и др.]. В наши дни лингвокультурология используется в теории и методике преподавания русского языка как иностранного [9, с. 84-85].

Основные культурные концепты этноса в тексте обязательно соотнесены с так называемыми «национальными культурными кодами», «логоэпистемами» [3], и это присутствует в имплицитно виде в текстах культуры. Зная это, преподаватель РКИ организует работу с текстами таким образом, чтобы это скрытое культурно-значимое содержание стало очевидным для иностранцев. Именно лингвокультурологические знания позволяют представить тексты на уроках РКИ, чтобы воссоздать средствами учебного предмета модель восприятия этих текстов как бы от лица аутентичных носителей изучаемого языка и транслируемой культуры, во всей полноте понимания скрытых и ассоциативных смыслов, оттенков и нюансов, связанных с апелляцией к «фоновым знаниям» [4, с. 84].

Это в свою очередь позволяет развивать культурно-страноведческую компетенцию, которую можно трактовать как понимание основных культурных кодов социокультурной среды изучаемого языка и готовность обучающегося к владению языком в различных коммуникативных ситуациях с учетом этих знаний.

Ее составными частями являются:

- знание об особенностях ментальности и системы ценностей, религиозных и мифологических представлений, национального характера и культурных установок, этнических стереотипов и речеповеденческих моделей носителей изучаемого языка;

- умение видеть следы и рефлексии национальной языковой картины мира на разных участках языковой системы и в разных ее областях — в лексике и фразеологии, в словообразовании и грамматике, в моделях диалога и текстопорождения и пр., которые проявляются в культурных коннотациях и культурных ассоциациях, в «фоновых знаниях», стоящих за единицами языка и речи и т.д.

- владение национально и культурно обусловленными моделями коммуникации на изучаемом языке, формами ритуального речевого поведения и этикетными формулами [9, с. 84].

Таким образом, использование народной сказки в преподавании русского языка как иностранного направлено прежде всего на погружение обучающихся в стихию глубинных основ русской языковой модели мира. Это, в свою очередь, позволит обучающемуся полноценно участвовать в «диалоге культур»: «Методически организованная работа с материалом русских народных сказок способствует совершенствованию лингвокультурологической компетенции учащихся, входящей в состав профессиональной компетенции филолога-русиста» [10, с. 78].

Современное страноведчески ориентированное преподавание русского языка как иностранного выработало определенные требования к используемому на занятиях тексту. Нетрудно видеть, что всем этим требованиям к текстам и принципам работы с ними на занятиях по РКИ в полной мере соответствует народная сказка.

Концепция работы с русской народной сказкой на занятиях РКИ с акцентом на лингвострановедческий аспект преподавания разработана в исследованиях О.М. Барсуковой-Сергеевой [Барсукова-Сергеева 2008, 2012 и 2013; Сергеева 2011]. Исследователь опирается на теорию прецедентных текстов, разработанную Ю.Н. Карауловым [Караулов 1987], и доказывает, что сказка – это один из главнейших типов прецедентных текстов, который дает возможность иностранным обучающимся получить разностороннее представление о коренных основах русского мира.

Прежде всего погружение в русскую культуру осуществляется для иностранца с помощью освоения «прецедентных имен», представленных в сказках, которые с детства знакомы каждому русскому, но экзотичны для иностранного студента: *Баба-яга Костяная нога, Кощей Бессмертный, Змей Горыныч, Емеля на печке, Соловей-разбойник, Василиса Премудрая, Елена Прекрасная, Лихо одноглазое, Лисичка-сестричка, Серый волк, сестрица Аленушка и братец Иванушка, Котофей Иванович, Петушок — золотой гребешок; избушка на курьих ножках, живая и мертвая вода* и др.

Также в сказках надо обращать внимание на устойчивые выражения, которые распространены в обиходной русской речи (студенты - иностранцы смогут узнать их источник). Важно, что в этих выражениях из сказок представлены типовые модели бытовых ситуаций для русских людей:

Битый небитого везет; дом убереешь, белье постираешь, обед сваршишь — и спи, отдыхай (в разных вариантах); *избушка, избушка, стань к лесу задом, ко мне передом; каша из топора; лягушонка в коробчонке едет; молочные реки и*

кисельные берега; напои, накорми и спать уложи; направо поедешь — коня потеряешь, налево поедешь — сам погибнешь (в разных вариантах); не пей — козленочком станешь; по щучьему велению, по моему хотению; растет не по дням, а по часам; русским духом пахнет; стань передо мной, как лист перед травой; сядь на пенек, съешь пирожок; тебе вершки, мне — корешки; тут и сказочке конец; что невесел, голову повесил; шемакин суд; я от бабушки ушел, я от дедушки ушел...

Каждое из подобных выражений ситуативно обусловлено, и иностранец должен быть знаком с контекстами, в которых употребляются эти выражения: «Чтение сказок дает ключи к пониманию расхожих образов и выражений и помогает иностранцу встраиваться в русскую культурную среду» [1, с. 29].

Также изучение лексики и фразеологии сказок важно для понимания национально обусловленных культурных установок русских людей. О.М. Барсукова-Сергеева обращает внимание на важность обсуждения героев сказок — Иванушки-дурачка, Емеля и др. — для развенчания расхожих представлений о роли глупости и лени в русской культуре. Это позволяет вывести разговор на обсуждение ключевых идей русской языковой картины мира [7]. «Сказочный дурачок обнаруживает большое сходство с юродивым, а к юродивым на Руси всегда относились по-особенному. Их считали Божьими людьми, уважали, к ним прислушивались, полагая, что они духовно превосходят окружающих. Поняв, насколько сложен образ сказочного дурачка и в какой мере он соответствует национальному этическому идеалу, иностранец сможет лучше постичь русскую ментальность» [1, с. 30].

Важным для понимания русской ментальности словом автор, вслед за А. Вежбицкой, считает слово *авось*, которое выражает жизненную установку русских на удачу, на определенную беспечность в ожидании будущих событий [5]. В современной русской речи это слово практически вышло из обихода, но в сказках оно крайне частотно. Так, в сказке «Три царства — медное, серебряное и золотое» ее герой, Иван-царевич говорит отцу: «*Батюшка, благослови меня в путь-дорогу, авось, разыщу и братьев и матушку*». Надо разъяснять иностранным обучающимся, что для русских людей *положиться на авось* означает довериться счастливому случаю, судьбе и ничего не предпринимать в направлении достижения своей цели [1, с. 30].

Также в сказках в непривычном для современного русского человека значении выступает слово *небось*. Сегодня оно означает что-то вроде 'вероятно', 'предположительно'. А в народных сказках чаще всего представлено исконное, этимологическое значение этого слова — 'не трусь, не опасайся, действуй смелее'. Этим словом русский человек подбадривал себя и собеседника в трудных жизненных ситуациях. Так, в сказке «Волшебное кольцо» ее герой,

Мартын, обращается к свахе: «Ничего, матушка! Небось, коли я посылаю, значит — смело иди».

Пара *авось* и *небось* для русских сказок и, следовательно, для русского культурного сознания составляют структурную основу воплощения важных особенностей национального характера, и на эту связку надо обращать внимание иностранных обучающихся.

Автор анализируемой концепции считает, что следует отбирать сказки, где ярче всего обнаруживается именно русская национальная специфика. По мнению автора, это, например, сказки о солдате: «Находчивый солдат», «Царь Петр и находчивый солдат», «Каша из топора», «Солдат и смерть», о русских воинах-богатырях «Никита Кожемяка», «Микула Селянинович», о мужицких святых: Егорий, Илья-пророк, Касьян и, конечно же, Николай Угодник. Яркая национальная окрашенность свойственна и русским сказкам о животных. В каждом этносе и в каждой культуре формируются свои ассоциативно-символические модели соотнесения животных с определенными типами человеческой личности, и они могут существенно отличаться от культуры к культуре. Любому русскому интуитивно ясно, что лиса хитрая, заяц труслив, а медведь добрый и неуклюжий, но иностранцу надо это объяснять. И в этом существенную лингводидактическую и методическую поддержку, несомненно, окажет, русская народная сказка.

Отмечается и возможность использовать материал сказок для развития навыков **в кросс-культурной коммуникации** [8 и др.]. При ознакомлении с русскими сказками у иностранной аудитории обучающихся закономерно возникает «диалог культур»: вспоминаются похожие сюжеты своих национальных сказок, сходство персонажей и сюжетных ситуаций, а главное — аналогии в области нравоучительного смысла сказок, когда добро в итоге вознаграждается, а зло наказывается.

Таким образом, нетрудно заметить, что русской народной сказке принадлежит ключевая роль в формировании культурно-страноведческой и лингвокультурологической компетенций. В каких же методических формах следует внедрять лингвострановедческий компонент сказки в учебный процесс?

Прежде всего — это занятия по развитию речи, обучающие всем видам речевой деятельности (чтение, аудирование, говорение, письмо).

Сказка также предоставляет значимый иллюстративный материал для изучения тематической лексики: это лексика нравственных качеств и свойств личности, это тематика гостеприимства, брак и семья, ремесла, одежда и обувь и пр.

Определенные жанровые особенности сказки — заданность контекста, повторяемость словесных клише, стандартная композиция и пр. — облегчают

запоминание и способствуют закреплению знаний и в области лексико-грамматических тем. Так, широко известна, скажем так, повышенная глагольность сказки. Поэтому на материале сказок очень удобно объяснять, например, вид и время русского глагола, тему глаголов движения и способов глагольного действия. Также можно отметить высокую частотность в сказках ряда глаголов с различными приставками. Сказки чрезвычайно насыщены глаголами движения, как приставочными, так и бесприставочными, и их можно использовать и при изучении этой, традиционно сложной для усвоения темы.

На материале сказок можно рассмотреть особенности построения и употребления СПП с изъяснительными придаточными при глаголах речи, мысли, чувства и волеизъявления, с придаточными цели, причины, условия, уступки, места и времени, а также различные типы смысловых отношений в бессоюзных предложениях, типичных для разговорного строя речи народной сказки — сравнение, противопоставление, пояснение, следствие, быстрая смена событий и пр.

Сказка сохраняет многие особенности живой спонтанной разговорной речи, и на ее материале можно обучать моделям ведения диалога с типовыми и распространенными речевыми структурами. Знакомясь с ними, обучающиеся осваивают разные способы речевой экспликации основных интенциональных состояний (намерение, желание, отношение, одобрение, оправдание, требование, удивление и под.) [11, с. 129].

В целом можно заключить, что русская народная сказка на уроках РКИ является незаменимым лингводидактическим средством для решения комплексных задач формирования такой значимой составляющей коммуникативной компетенции обучающихся РКИ, как культурно-страноведческой и лингвокультурологической компетенции на фоне повышения уровня компетенций языковой и речевой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсукова-Сергеева О.М. Русская народная сказка как инструмент формирования коммуникативной компетенции иностранных учащихся / О.М. Барсукова-Сергеева // Русский язык за рубежом. — 2013. — № 4. — С. 28–35.
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы): монография / В.В. Воробьев. — М.: Издательство РУДН, 1997. — 331 с.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. — М.: Икар, 2000. — 312 с.
4. Воробьев В.В. Общее и специфическое в лингвострановедении и лингвокультурологии монография / В.В. Воробьев // Слово и текст в диалоге культур: юбилейный сборник. — М., 2000. — С. 83–92.

5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая; Пер. с англ.; вступит. ст. и ред. Е.В. Падучевой. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 416 с.
6. Горшкова Т.М., Ручина Л.И. Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки / Т.М. Горшкова, Л.И. Ручина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. — 2011. — № 6 (2). — С. 130-135.
7. Зализняк А.А. и др. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. — М.: Языки славянской культуры, 2005. - 544 с.
8. Зинченко В.Г. и др. Межкультурная коммуникация: От системного подхода к синергетической парадигме: учебное пособие / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе. — М.: Флинта; СПб.: Наука, 2007. — 224 с.
9. Лысакова И. П. Социолингвистическое исследование советской прессы : теория и практика: монография / Лысакова И. П. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. - Санкт-Петербург: Издательство Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2019. - 335 с.
10. Матвеев В.Э. Использование русских народных сказок в процессе обучения студентов-филологов РКИ с учетом современных технологий / В.Э. Матвеев // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». — 2013. — № 4. — С. 72–81.
11. Нурманов А.Т., Саъдуллаев Д.С. О повышении качества обучения русскому языку в национальной общеобразовательной школе на основе лингвокультурологического подхода // Журнал «Халқ таълим», 2019. № 4. С. 128-134.
12. Нурманов А.Т., Королева С.Б., Саъдуллаев Д.С., Тураходжаева Ю.В. Методика преподавания русского языка. [Текст]: учебник. — Т.: издательство «ZEBO PRINT», 2022. — 256 с.

Osmanova Malahat Nazim

(Azerbaijan, Baku)

ff.ya.ffa@mail.ru

XX CENTURY AZERBAIJANI-GERMAN NOVEL: PROBLEMS AND PERSPECTIVES

Abstract. The development of the Azerbaijani-German novel of the 60s-90s of the previous work is a stage characterized and remembered by extremely important literary events in history. Noticeable renewal in both Azerbaijani and German literary and cultural environments did not bypass the novel genre; social and political processes influenced the evolution of the novel and brought it to a new level. The processes taking

place in the world affected the literature of both countries, new individual styles and new themes emerged in novels characterized by the 60s-90s phase, and changes in form and content came to the fore. Development trends, artistic evolution and comparative typological analysis of the Azerbaijani and German novel in a specific chronological period are fields that help to determine universal and national scales. Studying the novels created in both countries in the context of the literary, cultural and social environment of their time and drawing them into a typological analysis sheds light on the problems of the 20th century Azerbaijani-German novel.

Keywords: Azerbaijani-German novel, novel of the 60s-90s, problems and perspectives, new tendencies in literature

In the 21st century, the globalization process in the world affected ideological, social and cultural problems. One of the main directions of development of this process is the integration of different cultures and literatures. In recent times, Azerbaijani literature and literary studies demonstrate a mutual dialogue with the literature and literary-philosophical thought of different nations. It seems that the process of studying various literary and artistic features of Western literature, as well as world literature, similar and different problems in the literature of separate nations is prominent.

The development of the German novel in the 1960s-90s should be evaluated as a memorable stage in world literature, characterized by extremely important literary events. A noticeable innovation in the German literary and cultural environment affected the novel genre and brought it to a new stage, the influence of social and political processes on novel creation led to the emergence of novel genre types.

It is interesting that among the literary and artistic processes going on in the world, the Azerbaijani novel also defines its own path. In the novels characterized by the period of the 60s and 70s-90s in Azerbaijani literature, a new individual style and new themes emerge, the form and content change, and our writers, distinguished by their mastery of character creation, direct the Azerbaijani novel to a new course of development (V. Samadoglu "Day of Murder", M. Suleymanli "Move", Elchin "Mahmud and Maryam", S. Ahmadli "Cubit of the World").

Development tendencies, artistic evolution and comparative typological analysis of the Azerbaijani and German novels in a specific chronological period are among the fields that help to determine the universal and national scales. It is known that the 60s of the last century were characterized by the emergence of new tendencies and trends in the world literary process, and for this reason, it is relevant to study the Azerbaijani and German novels in the context of the literary, cultural, and social environment of the time. On the other hand, the comparative-typological analysis of the Azerbaijani and German novels sheds some light on the search for innovation in the novels of the 1960s and 1990s.

In the history of the 20th century Azerbaijani literary and artistic thought, the literary generation called “60s” began to write works reflecting the criticism of the existing political structure as a result of a slight warming of the socio-political atmosphere and the weakening of the ideological shackles in the Soviet Union. Among them, writers such as Isa Huseynov, Sabir Ahmadli, and Akram Aylisli were selected for their novels that better reflect the social reality, not the Soviet man who came to the fore in the Soviet regime. I. Huseynov’s novel “The Burning Heart” (1965) came to the fore as a work reflecting the description of real events from a new perspective on the realities of life, unlike the measured novels of the previous years, sometimes based on canonical traditions. It is true that the position of socialism was not sharply criticized in the prose of the 60s, but concepts such as realistic and metaphorical style, new prose, which arose within Soviet realism, were confirmed, and the incitement changed within new boundaries.

The main characteristic of the novels of the 60s is related to the type of hero. I. Huseynov’s “Burning Heart” (1965), I. Shikhli’s “Crazy Kur” (1968), S. Ahmadli’s “Aran” (1961), “Stairs” (1963) are distinguished by the fact that they give space to the thoughts of the hero, describe his inner world, thoroughly analyze the person, and succeed in revealing the character. In Azerbaijani literary studies, they wrote about the quality change of the novels written in this period and showed that in such novels, “the reflection of the person on the spiritual and psychological level, and the revival of the image on this level were superior. With this feature, they were incompatible with the normativity of the principles of socialist realism” [4, p.172].

Along with human images, the psychological state of society is also important in I. Huseynov’s creativity. As a rule, literary criticism mentions the psychologism in his creativity as the main feature of his works. The writer returns to the problems raised in the novel “Burning Heart” later in the novel “Ideal” and is able to give a true description of social truths with his public, civic concept. The spiritual and moral world and psychological state of the characters in the novel gave impetus to the creation of a new Azerbaijani novel stage with the poetic language of the writer. I. Huseynov reflects the flaws and deformities of the social structure clearly and in accordance with reality. He does not connect the ugliness in the society with one person, he does not describe the ruling circles as perfect, supporters of the right, typical of Soviet literature. He shows the negative features, hypocrisy, and arrogance of the authorized person in the environment of the purity of the ordinary villager.

S. Ahmadli’s image of a person whose personality was broken and subjected to moral pressures became the protagonist of Azerbaijani literature. He pitted man as an individual against the ugliness of society. As a writer who exposed the true nature, emptiness, meaninglessness of the existing structure, he was able to show the true face

of the spiritual and moral environment of the Azerbaijani village during the war and after the war.

In the East German literature of the 1970s, documentary autobiographical novels came to the fore, and thus, the post-war generation seemed to be reporting on their lives. The novels of Bruno Apitz, Dieter Knoll, and Erwin Strittmatter are of this type [2]. Documentary autobiographical novels are interesting for the reader of that time, and writers' appeal to this method was related to the desire to show the truth. In such novels, facts are preferred, real events were described with photographic accuracy. German literary criticism likened them to classic educational novels. Documentary autobiographical novels bearing the features of the German educational novel are written in a realistic style, reflecting the situation of Germany at that time and the views of the German people on life.

The novels of Franz Fühmann, one of the leading representatives of the German novel of the 70s and 80s, talk about the exposure of German fascism and the troubles it brought. "Twenty-Two Days, or Half a Life" (1973), written in the genre of an autobiographical novel, is a "life report" of a writer who was a living witness of war disasters [3]. Along with the writer's autobiographical novels, "Prometheus: The Titanic Battle" (1974) also gained a large readership. In this novel, F. Fühmann reveals the essence of myth as a form of human consciousness and brings it together with the problems of the new world in the form of fragments.

In the 1970s and 1980s, the study of cultural heritage, past and mythical memory, and history became the object of creativity in German literature. Relearning the past, its retrospection in the novel genre reaches its peak in the works of Ulrich Plenzdorf, Christa Wolf, Hans Nossack.

Erwin Strittmatter's "The Shop" (1983-1992) trilogy of novels covers a period starting from the World War I and ending with the founding of the German Democratic Republic. Years of conflict between the rural population of the Lusatia region, located between Poland and Germany, results in a human tragedy. Even the massacres of the two world wars could not make him forget his anti-drama, which was passed down from generation to generation. The writer presents unnecessary conflicts as a human disaster and calls for thinking about the human race.

The 70s are marked by the novels of German prose Christoph Hein. He discovered such deep layers of reality that do not fit into any ideological scheme in relation to history and modernity, that literary criticism valued these novels as the emergence of a new realism. In the novel "Horn's End" (1985), K. Hein describes the historical events that happened four centuries ago in a new perspective. The paradoxical nature of the conflicts in the novel, the accuracy of the descriptions and portraits, the use of psychologisms, the presentation of incitement in the first and third person give the work an incredible vitality, they seem like past modern problems.

The German prose of the 80s came to the fore in both West and East Germany with the emergence of postmodernist novels as a reaction to the next crisis of the rationalist model of the world. In the novels of Uwe Johnson, Patrick Suskind, and Botho Strauss pluralism, the relativity of all values, the diversity of language games, intertextuality and the principles of play with text, which are the main artistic and aesthetic features of postmodernism, come together, and the problems of the absurd world are described with postmodernist play and irony.

Postmodernism in German literature also stems from issues related to the division of the German people into two independent and opposing camps after the war. After the fall of the Berlin Wall, divided Germany is reunified, but this reunification brings with it both cultural and social contradictions. The different development of decades between East Germany and West Germany creates difficulties for them to live in one state. This duality deepens the gap between the German people, and the aggravation of the absurdity and chaos in German society in turn leads to a crisis of culture.

In United Germany, the past literature is being re-studied; the written works are viewed from the perspective of the modern era. M. Basler writes that “for the FRG, the “German past” was synonymous with the years 1933-1945; at best it covered the post-war years. All published memoirs, even those born after 1945, were inevitably related to the era of Nazism, the war and the shame that followed the war” [1, p. 37]. Bernhard Schlink’s novel “The Reader” (1995) is among the most interesting works reflecting this theme. The novel is set in Heidelberg, West Germany, from about 1958 to 1990. “The past” is the main line of the novel, the wound of the German people, and is manifested in the life story of Hanna Schmidt, the heroine of the work. The novel “The Reader” not only shows the gap between generations in Germany, but also lays the foundation for the understanding of the crime of the Holocaust among young Germans.

The changing climate of the 1990s changes the attitude to the “past” and the past is no longer just war, but also the reality of today and the future associated with it. German writers put forward a desire to understand and describe a united Germany in their works, and this topic comes forward with the idea of “German nation and humanity”. In this type of novels, reflects various events in the history of the world and Germany, how they are perceived by ordinary citizens [5].

In the changing German literary environment of the 90s, fertile conditions were created for the creation of new novels, previously fashionable topics changed, and novels that caught the pulse of the time came instead. Thus, the German novel of the 90s replaced the concept of “post-war literature” with the literature of the new era.

Writers who adopted the artistic-aesthetic features of postmodernism changed the artistic direction of German literature, presented postmodernist writing from traditional inspiration - works with multiple endings, based on reflection. In the works

of Botho Strauss and Patrick Suskind, the national code is deciphered and replaced by a postmodernist writing method. The novel “Young Man” by B. Strauss brings together phantasmagoric tales and allegories about the German national identity, classic literary samples, creates a kaleidoscope portrait of the Germans, and presents the socio-cultural anatomy of the country. In the reflexive games typical of postmodernist novels, the author puts social-historical problems at the disposal of the reader.

Thus, as a conclusion, we would like to note that in the 60s and 90s of the last century new qualitative changes took place in the Azerbaijani and German novels. Writers connected the existential condition of man, his pains and sufferings with socio-social problems, attributed the pressures created by society to the individual, and highlighted them as a moral problem. Although the Azerbaijani-German novels were created in different literary and artistic processes, this does not mean that the literary phenomena that arose in these regions differ sharply from each other. Similar trends can be found in the works of writers who are located at such a great distance, with different languages, religions, and views on the world. No matter how unique and different their novels are, the typological similarities that unite each of them are undeniable.

REFERENCES

1. Baßler M. Der Deutsche Pop-Roman: dieneuen Archivisten. – München: Beck. 2002. – 224s.
2. Der Deutsche Roman im 20. Jahrhundert. – B: Buchner. 1996. – 120s.
3. Geschichte der deutsche Literatur. Kontinuität und Veränderung. – Tübingen, 1988. – 594s.
4. Nagiyev J. The Main Development Trends of the Azerbaijani Novel // “Azerbaijan” magazine. – Baku. 2010. – p.170-178.
5. Rötzer H. G. Geschichte der deutschen Literatur. Epochen. Autoren. – Werke. Bamberg, 1992. – 130s.

Павельева Татьяна Юрьевна
(Россия, г. Липецк)
e-mail: tatianapavelieva@mail.ru

РОЛЬ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИХ РЕАЛИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация: статья посвящена роли лингвострановедческих реалий в художественном произведении. Автор рассматривает определения лингвострановедческих реалий и функции, которые они выполняют в тексте.

Ключевые слова: реалия, функция, номинация, национально-культурный колорит.

Роль лингвострановедческих реалий в текстах определяется их отличительными особенностями по отношению к другим языковым единицам. Рассматривая такие особенности, В.С. Резникова делает акцент на необходимости разграничения понятий «реалия» и «термин». Автор пишет, что реалии «характерны для подъязыка художественной литературы и средств массовой информации, неразрывно связаны с культурой определенного народа, являются общеупотребительными для языка этого народа и чуждыми для других языков» [4]. Термины же «лишены какой-либо национальной окраски, относятся, в основном, к сфере науки, создаются искусственно, исключительно для наименования предмета или явления, с распространением которых и получает широкое применение» [4]. Следовательно, реалия, в отличие от термина, несет в себе определенной культурное содержание и стилистический заряд.

Однако, логично предположить, что реалия выполняет и набор функций, присущих любой единице лексики (если учитывать, что многие реалии выражены именно лексическими единицами).

В качестве слова или словосочетания реалия способна выполнять следующие функции, присущие лексике в целом:

1) сигнификативная функция, которая состоит в обобщении однотипных, однородных предметов. Например, реалия может называть какой-то существующий в культуре предмет быта, не именуя конкретную, отдельно взятую вещь;

2) функция номинации (реалия, как и любое слово, называет определенный предмет или явление). Номинативная функция связана не с обозначением целого класса предметов (или «предмета вообще»), а с называнием конкретной вещи, которая в данный момент является объектом восприятия;

3) экспрессивная или экспрессивно-оценочная функция. В отличие от первых двух функций, данный аспект не связан с дифференциацией. Реализуя данную функцию, слово транслирует оценки и эмоции, а также служит эстетическим средством.

Необходимо отметить, что реалия в языке и реалия в художественном тексте с точки зрения выполняемых ими функций – это не одно и то же. В системе языка реалия отражает национально-специфические фрагменты языковой картины мира, в художественном тексте она выступает как средство формирования образа культуры, к которой относится. Ряд лексем, не маркируемых как реалии в лексиконе, становятся таковыми в контексте конкретного художественного произведения.

Говоря о роли реалий в художественном тексте, Е.М. Божко обращает внимание на необходимость различать денотативные и коннотативные реалии. Денотативная реалия рассматривается автором в качестве элементарной

единицы лингвострановедения, которая наиболее наглядно демонстрирует национальное своеобразие культуры. Денотативная реалия обозначает предмет или явление, вовсе отсутствующие в рамках других культур. Гораздо большую трудность представляет собой вычленение слов, обладающих национально-культурными коннотациями. Автор пишет: «Самые обычные слова, совпадающие в своем предметном значении, могут обладать дополнительными значениями, обусловленными национально-культурными факторами. Они связаны с фольклором и другими культурными традициями народа - носителя языка» [2, с. 28]. Для определения таких языковых единиц в лингвострановедении существует специальный термин – «коннотативные реалии», под которыми понимаются слова и выражения, используемые для обозначения предметов, не отличающихся от предметов в других культурах, но обладающих оттенками значений, имеющимися только в данной культуре [2, с. 28]. Фактически, автор включает в состав реалий коннотативную лексику, являющуюся одним из предметов изучения лингвострановедения.

Логично предположить, что основная роль реалий при восприятии иноязычного текста заключается в создании национально-культурного колорита. Опираясь на приведенное выше разделение реалий на денотативные и коннотативные, можно сказать, что эта функция реализуется как более явно (через денотативные реалии), так и имплицитно. Во втором случае верное восприятие коннотативных реалий требует от реципиента текста хорошо сформированной лингвострановедческой компетенции.

О роли реалий в создании и формировании определенного колорита пишут и такие авторы, как Д.В. Гурова и Н.А. Фененко. Д.В. Гурова ставит тип создаваемого колорита в позицию классификационного признака функций лингвострановедческой реалии. Среди таких функций автор выделяет:

1) функцию создания темпорального колорита посредством использования комплекса реалий, относящихся к описываемой исторической эпохе;

2) функцию создания национально-культурного колорита посредством употребления наименований обычаев, традиций, отсылок к фольклору и мифологии;

3) функцию создания географического (локального или местного) колорита, которая, согласно автору, прежде всего реализуется за счет употребления топонимов;

4) дескриптивная функция, при выполнении которой колорит создается за счет описаний бытовых сцен с использованием соответствующих реалий [3, с. 63-65].

Приведенный список отражает основные стороны, освещаемые лингвострановедческими реалиями при формировании колорита в художественном тексте: время, культура, география и быт.

Н.А. Фененко предлагает более развернутую классификацию, выделяя 6 основных функций, выполняемых реалиями в художественном тексте.

1. Функция воссоздания местного/национального колорита состоит в способности реалии описывать специфику жизни в той или иной местности. Для реалии национальная принадлежность выступает в качестве основной типологической характеристики, указывающей на ее этнографическую природу и связь с разнообразными формами духовной и материальной культуры определенного народа. В художественный текст национальные реалии включаются для воспроизведения особенностей быта [5, с. 154]. С. Влахов и С. Флорин отмечают, что локальная отнесенность наиболее заметна локальных реалиях, именующих предметы и явления, специфичные для истории и культуры отдельного региона страны. Такие реалии в отличие от общенациональных входят в состав диалекта, наречия или же языка этнического меньшинства, обозначая объекты, специфичные для данной области, а также отношение к ним.

2. Функция воссоздания исторического колорита заключается в способности реалий передавать детали и характер определенного исторического периода. В основе данной функции лежит явление темпоральной отнесенности реалий, под которой понимается закреплённость в этих языковых единицах указания на конкретный временной промежуток, что делает реалии маркерами эпохи [5, с. 155-156].

3. Функция эстетизации бытовой детали выполняется реалиями, называющими конкретные, доступные зрительному восприятию предметные и пространственные отношения и входящими в состав так называемого «вещного словаря» [5, с. 158]. В таких реалиях очень ярко выражена номинативная функция, так как они непосредственно называют предметы окружающей действительности. Однако, для представителя другой культуры такие наименования, встречаемые в иностранном тексте, становятся художественными деталями, формирующими картины бытовой жизни другой страны. Здесь «вещный словарь» приобретает статус изобразительного средства, функционирующего через номинативное содержание.

4. Символьная функция реалии описывается такими авторами, как Н.А. Фененко и С.Ю. Булгакова [5; с. 8]. Н.А. Фененко пишет, что данная функция представляет собой «результат вторичного семиозиса, в процессе которого происходит изменение категориальной характеристики реалии» [5, с. 161]. В результате такого процесса предмет культуры преобразуется в культурный концепт. Выполняющая символьную функцию реалия в виде наименования

какого-то предмета не именуется конкретный объект, а выступает в роли носителя комплекса признаков и ассоциаций с целым рядом событий и сведений.

5. Ассоциативная функция основана на способности реалий отсылать к другим произведениям данной культуры. Н.А. Фененко указывает на то, что такая функция часто реализуется в заголовках художественных текстов. Способность вызывать ассоциации, согласно автору, основана на явлении реминисценции [5, с. 165]. Под реминисценцией в данном контексте понимаются намеки на возможно существующие значения, имеющиеся в предшествующем языковом опыте, включая всевозможные сферы (поэтическую, прозаическую, историческую, научную, социальную и другие). Н.Д. Арутюнова указывает на то, что при использовании реминисценции автор использует «чужие» фрагменты, но не присваивает их [1, с. 669]. Примерами реализации ассоциативной функции реалий могут быть разнообразные отсылки к библейским сюжетам, мифологии, классическим произведениям литературы или историческим фактам.

6. Функция маркера чужой культуры указывает на то, что реалия по своей сути представляет собой отличительные знаки чужой действительности. Когда в тексте, принадлежащем к одной языковой культуре, используются реалии из другой языковой культуры, они приобретают особую окраску. Н.А. Фененко называет такие реалии «маркерами чужого». Данный вид реалий выражается заимствованными словами и словосочетаниями и используется для обозначений предметов, фактов и явлений чужеродной действительности [5, с. 166].

Подобное употребление реалий способствует формированию иностранной картины мира. При этом могут происходить как намеренные, так и случайные искажения, что в значительной степени влияет на эффект, производимый текстом на воспринимающую сторону. Кроме того, большую роль играет осведомленность реципиента о значении используемых реалий и его способности понимать их реальное значение.

Среди приемов преодоления непонимания реципиентами «чужих» реалий могут использоваться следующие:

- в скобках следом за лексической единицей могут приводиться синонимичные слова из своего языка;
- может быть приведена собственная экспликация слова (объяснение значения в развернутой форме) и так далее [5, с. 167].

Можно сказать, что «функция маркера чужой культуры» является функцией формирования колорита чужой культуры. Однако, эффективность реализации этой функции в значительной мере зависит от подготовленности как автора, так и реципиента текста.

Таким образом, лингвострановедческие реалии играют значимую роль в иностранном тексте, выступая средствами формирования исторического, территориального и национально-культурного колорита, апеллируя к разнообразным фактам и вызывая соответствующие ассоциации. Без использования реалий невозможно погружение читателя в специфическую атмосферу, в которой разворачивается действие произведения. Это говорит о значимой художественной функции рассматриваемого пласта лексики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [текст] / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Божко, Е.М. Место реалий в системе художественного текста [текст] / Е.М. Божко // Альманах современной науки и образования. – № 2 (21) 2009, часть 3. – С. 27-29.
3. Гурова, Д.В. Роль и функции слов-реалий мексиканской культуры в романах Л. Эскивель «Malinche» и «Como agua para chocolate» [текст] / Д.В. Гурова // Международный сборник научных статей. – Нижний Новгород, 2015. – С. 62-69.
4. Резникова, В.С. Понятие «реалии» как лингвистическое явление / В.С. Резникова [электронный ресурс]. – URL: <https://nsportal.ru/vuz/filologicheskie-nauki/library/2015/12/07/statsya-na-temu-ponyatie-realii-kak-lingvisticheskoe> (дата обращения: 20.02.2023).
5. Фененко, Н.А. Функциональный потенциал реалий во французском художественном тексте [текст] / Н.А. Фененко // Язык, коммуникация и социальная среда: ежегодное международное научное издание. – Воронеж, 2014. – Вып. 12. – С. 151-173.

Tatiana Pavelieva

Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov- Tyan –
Shanski
e-mail: tatianapavelieva@mail.ru

THE ROLE OF LINGUISTIC AND CULTURAL REALIA IN THE TEXT

Abstract: the article deals with the role of linguistic and cultural realia in the text/ The author analyses different approaches to the definition of realia and considers the functions they play in the literary text.

Key words: realia, function, nomination, cultural and ethnic colour.

Т.Ю. Павельева

(Россия, г. Липецк)
tatianapavelieva@mail.ru
А.Д. Астафьева
(Россия, г. Липецк)
luska48@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДИМОСТИ ЛАКУНАРНЫХ ЕДИНИЦ

Аннотация. В данной статье приводятся различные определения и классификации лакунарных лексических единиц, рассматриваются проблемы, возникающие при их переводе на примере английского языка, и приводятся некоторые способы разрешения этих проблем.

Ключевые слова: лакунарные единицы, перевод, адаптация, эквивалент.

В процессе перевода мы можем столкнуться с таким явлением как безэквивалентная лексика. Подобная лексика существует в языковой картине только определённого общества, этноса или нации и не имеет полностью равнозначных по смыслу лексических единиц в другом языке. К безэквивалентной лексике относятся: названия географических мест, исторических и культурных памятников и событий, имена собственные, фразеологизмы, идиомы и т.д. Такие языковые феномены как названия и имена обычно переводятся с помощью транскрибирования, транслитерации или калькирования, и для них создаются специальные сноски, объясняющие, что понимается под тем или иным словом. Для идиом и фразеологических выражений подбираются близкие по значению фразеологизмы, существующие в языке перевода. Однако существуют такие концепты языковой картины мира, которые полностью отсутствуют в языке перевода, их значения нельзя полностью передать ни одним из перечисленных способов. Такие лексические единицы называются лакунарными, или лакунами.

Термин «лакуна» был введён в лингвистику канадскими лингвистами Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне, которые понимали под ним «явление, которое имеет место всякий раз, когда слово одного языка не имеет соответствия в другом языке». В то же время отечественный учёный Ю.С. Степанов называл лакуны некими «пробелами, белыми пятнами на семантической картине языка» [4, с. 120]. Существует множество определений понятия «лакуна». На наш взгляд, самым полным и объясняющим специфику данного феномена является определение О.А. Огурцовой: «Лакуна - слово, словосочетание (как свободное, так и фразеологическое), грамматическая категория, бытующие в одном из сопоставляемых языков и не встречающиеся в другом сопоставляемом языке» [3, с. 78].

Помимо различных определений лакунарных единиц существует и множество их классификаций, которые основываются с различных позиций рассмотрения лакун. Выделяют: 1) мотивированные и немотивированные лакуны; 2) предметные и абстрактные; 3) родовые и неродовые; 4) номинативные и стилистические. Однако мы считаем, что в процессе перевода необходимо опираться на классификацию, которая делит лакуны на внутриязыковые и межъязыковые. Именно межъязыковые лакунарные единицы, под которыми понимают «отсутствие слов для обозначения понятий, которые, несомненно, существуют в данном обществе и которые имеют особое словесное обозначение в другом языке» [1, с. 156], являются основными трудностями, возникающими в процессе перевода, так как такие лакуны обнаруживаются при сопоставлении двух языков. Для переводчика главной задачей является подбор наиболее близкого эквивалента или адаптация лакуны в язык перевода, независимо от того, является ли лакуна предметной или абстрактной. Как уже говорилось выше, лакуны – это безэквивалентная лексика, и для её перевода часто используют транслитерацию или транскрибирование. Однако в случае с лакунами таких трансформаций недостаточно, так как в языке перевода референт для того или иного понятия отсутствует полностью. Например, английское слово *haggis* непереводимо на русский язык, так как оно обозначает специфичное блюдо шотландской кухни, аналога которого не существует в русской культуре и, соответственно, языке. При переводе такое слово будет передано транслитерацией со сноской, в которой будет указано, что это блюдо шотландской национальной кухни из баранины, или же в тексте будет просто дано объяснение, что это такое, без употребления изначального слова. Но даже при таком объяснении, русскоязычному читателю будет не до конца понятно, что из себя представляет это блюдо, как оно готовится. В этом и заключается основная проблема перевода лакунарных единиц – невозможность полной, стопроцентной передачи обозначаемого концепта из-за отсутствия референта в языке перевода. Однако лакунами считаются обозначения и таких концептов, которые существуют в лингвокультурологическом поле обоих языков. Например, в русском языке мы используем словосочетание «обратная связь», которое наиболее точно передаёт значение лакуны *feedback*. Иногда лакунарные единицы нельзя передать никак иначе, чем через подробное объяснение значения: *childfree* – человек, который сознательно не хочет иметь детей.

Мы видим, что различные лакуны требуют разных способов перевода. Это ещё одна проблема их переводимости: необходимо уметь правильно подбирать способ перевода для наиболее точной и полной передачи значения. Подобная замена лакун, их адаптация и поиск эквивалентов получили в лингвистике особое название – элиминирование. Слово «элиминирование» в переводе с

латинского означает «устранение». К основным способам элиминирования лакун относят: 1) заполнение; 2) компенсацию. Способ заполнения представляет собой раскрытие отдельного понятия иностранного языка через реалии языка перевода, которые в нём существуют, но не имеют отдельного лексического оформления. К методам заполнения относятся: 1) описательный перевод; 2) генерализация или конкретизация; 3) нейтрализация или эмпфаза [2, с. 36].

Описательный перевод – это развёрнутое объяснение значения лакуны такими концептами, которые существуют в языковой картине мира языка перевода и понятны носителям этого языка. Например, английское слово *thumb* будет переведено на русский язык перефразой *большой палец руки*. Более развёрнутое описание требуется для слова *brinkmanship* – *балансирование на грани военного конфликта*. Метод конкретизации состоит в использовании вместо лакунарной лексической единицы гипонима, который существует в языке перевода. Другими словами, это своеобразное «сужение значения». Примерами конкретизации могут служить английская лексема *fire* и её возможные русские эквиваленты – *огонь*, *пожар*. Метод генерализации противоположен конкретизации и состоит в использовании гиперонима, который как бы «расширяет» значение иноязычной лакуны. Например, в английском языке люди чётко разделяют слова *hand* и *arm*, но переводятся они будут общим гиперонимом *рука*. Наконец, нейтрализация – это замена в языке перевода стилистически окрашенной лакуны нейтральным эквивалентом. Например, английские глаголы *to saunter* и *to stroll* будут одинаково нейтрально переводиться на русский язык как *прогуливаться*. Метод эмпфазы, наоборот, предполагает замену лакуны более эмоционально-окрашенном эквивалентом в языке перевода: *to go crazy* – *снять*.

Следующий способ перевода лакунарных лексических единиц – это компенсация. Компенсация представляет собой поиск наиболее удачной «замены» лакуне лексической единицей языка перевода. К компенсации относятся: 1) транслитерация или транскрипция; 2) калькирование; 3) создание соответствий-аналогов [2, с. 37]. Первый метод транслитерации и транскрипции представляет собой полную звукобуквенную передачу лакунарной единицы на язык перевода. Чаще всего этот метод используется при переводе особых национальных концептов языковой картины мира. Здесь стоит сказать о разделении подобных эквивалентов на различные пленусы. Первые пласт пленусов представляет собой такой эквивалент, который прошёл через транслитерацию или транскрипцию не только в языке перевода, но и в других языках, и стал интеркультурным. Например *computer* – *компьютер* или *telephone* – *телефон*. Второй тип пленусов – это такие эквиваленты лакунарных единиц, которые понятны всем носителям языка перевода без дополнительной

информации о том или ином концепте иностранного языка: *showroom* – шоурум или *pub* – паб. Наконец третий тип пленусов – это такие лакуны, которые остаются в языке перевода на уровне экзотизмов: *cringe* – кринж. Следующий метод компенсации – калькирование, которое заключается в воспроизведении морфемного состава слова или составных частей фразеологизма или устойчивого выражения. Например, в английском языке существует отдельное слово *headache*, которое на русский будет переводиться калькой – головная боль. Создание аналогов-соответствий – это поиск наиболее близкого по значению эквивалента в языке перевода для лакунарной единицы иностранного языка. Английское *drugstore* не будет переводиться, например, калькой как магазин медикаментов. Для данной лексемы используют русский аналог – аптека.

Рассмотрев возможные переводы лакунарных лексических единиц английского языка на русский, которые позволяют наиболее точно и полно передать значение лакун, мы можем говорить о двух основных проблемах, возникающих при переводе: 1) невозможность стопроцентной передачи коннотаций какого-либо концепта инокультурной языковой картины мира; 2) выбор наиболее правильного и подходящего способа перевода лакунарных единиц. Таким образом для того, чтобы наилучшим образом перевести лакуну, переводчику необходимо понимать, насколько важна её стилистическая роль в тексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. / Л.: Просвещение, 1977. 300 с.
2. Леонова Л.А. Семантические и структурные аспекты антилакун в двуязычной ситуации // Структурные аспекты слова и словосочетания: сб. науч. тр. Калинин, 1980. С. 35-42.
3. Огурцова, О. А. К проблеме лакунарности // Функциональные особенности лингвистических единиц: сб. тр. Кубан. ун-та. Вып. 3. Краснодар: Изд-во Кубан. ун-та, 1979. С. 77-83.
4. Степанов Ю. С. Основы языкознания. М.: Либроком, 2011. 274 с.

Tatiana Pavelieva

(Lipetsk, Russia)

tatianapavelieva@mail.ru

Alla Astafeva

(Lipetsk, Russia)

luska48@yandex.ru

PROBLEMS OF TRANSLATING OF LACUNARY UNITS

Abstract. The article provides various definitions and classifications of lacunary lexical units, considers the problems that arise when translating them using the example of the English language, and provides some ways to solve these problems.

Key words: lacunary units, translation, adaptation, equivalent.

Н.С. Парпиева

Узбекистан, г. Андижан
parpievanafisahon@gmail.com

А.Т. Юлчиева

Узбекистан, г. Андижан

СИМВОЛИКА ЦВЕТОВ В ПОЭЗИИ АННЫ АХМАТОВОЙ

Аннотация. В данной статье рассматривается символика цветов в художественном мире Анны Ахматовой, данная символика анализируется в поэзии разного периода, определяется диапазон передачи символики цветов в разные периоды творчества поэтессы.

Ключевые слова: художественный мир, пейзаж, символика, диапазон передачи символики, роза, красный тюльпан, белая хризантема, сирень, фиалки.

В творчестве Анны Ахматовой наряду с темами Родины, русской земли, славы, власти, любви, прослеживается тема цветов. Анна Ахматова обладает способностью чутко понимать и любить вещи в их непонятной связи именно к переживаемым минутам. Её цветы реальны, видимы, и даже создается впечатление, что, мы ощущаем их ароматы. Цветы всегда имеют определенный свой цвет, что еще больше усиливает ощущение их реальности, к тому же дает полную смысловую картину – ведь каждый цвет имеет свое собственное значение. Стихи Ахматовой гораздо глубже, чем мы часто их воспринимаем, поэтому нельзя пренебрегать и семантикой цветов. Цветы в творческом мире Анны Ахматовой обнаруживают себя в достаточно явно.

Для лирической героини "Чёток" "красный тюльпан" в петлице героя тоже "подразумевает горе". Этот цветок сохранит свое трагическое значение в лирике Ахматовой до конца. В двестишестидесятом году он "размножится" и окрасится в черный цвет: "Это были черные тюльпаны, / Это были черные цветы". О том, что "цветочные аллегории" раскрылись для лирической героини Ахматовой своим горестным смыслом, мы можем точно сказать по стихотворению, под которым стоит дата, указывающая на эпоху в целом - 1910-е годы:

Я не люблю цветы - они напоминают
Мне похороны, свадьбы и балы...

Ахматовская героиня 1910-х годов вполне могла бы объяснить причину своей неприязни к цветам словами Феникс, [1, с.147] не хуже последней понимая значение цветка как эмблемы кратковременности красоты и жизни: Феникс:

Мне краса их неприятна...

Тем, что ежечасно,

- Как я прочитала в ней,

- Я на весь остаток дней

Смерти и судьбе подвластна.

В 1912 году выходит первый сборник стихов Анны Ахматовой - "Вечер", состоящий в основном из любовной лирики: "Любовь", "Сжала руки под темной вуалью ...", "Любовь покоряет обманно ...", "Сероглазый король", "Песня последней встречи".

Характерная черта лирики Ахматовой проявилась уже в «Вечере», а именно: ее цветы всегда имеют определённый цвет, что усиливает ощущение их реальности, а также дает полную смысловую картину - ведь каждый цвет имеет свое собственное значение[2, с.128]. Например, стихотворение «Вечерняя комната»:

Я говорю сейчас словами теми,

Что только раз рождаются в душе.

Жужжит пчела на белой хризантеме,

Так душно пахнет серое саше.

И комната, где окна слишком узки,

Хранит любовь и помнит старину,

А над кроватью надпись по-французски

Гласит: «Seigneur, ayez pitie de nous».

Ты сказки горестных заметок,

Душа моя, не тронь и не ищи ...

Смотрю блестящих севрских статуэток

Померкли глянцевитые плащи.

Последний луч, и желтый и тяжелый,

Застыл в букете ярких георгин,

И как во сне я слышу звук виолы

И редкие аккорды клавесин.

Белая хризантема в стихотворении придаёт ему определённую окрашенность, даже немного замедляя его ритм, поскольку наряду с невинностью и чистотой белый цвет имеет символическое значение вечности. [3, с.128]. Однако в последней строфе наблюдается явное нарушение этой степенности «яркими георгинами», что символически можно расшифровать как

надежду на перемену, движение. Подчеркнутая изысканность в выборе цветов, появившаяся в «Вечере», остается и в «Чётках» (1914), «маленькой книге любовной лирики», - как называла ее сама Ахматова, и в «Белой стае» (1917). Но цветы нужны Ахматовой не только для того, чтобы создать романтическую обстановку, их роль значительнее: *Не любишь, не хочешь смотреть? / О, как ты красив проклятый! / И я не могу взлететь, / А с детства была крылатой. / Мне очи застит туман, / Сливаются Вещи и лица, / И только красный тюльпан, / Тюльпан у тебя в петлице.* («Смятение», 1913).

Тюльпан считается символом признания в любви, а красный цвет его имеет несколько символических значений: любовь, мощь, борьба, гордость. ... Эта, казалось бы, незначительная деталь – тюльпан в петлице – расширяет и дополняет гамму чувств и переживаний [4, с.128]. Кроме того, он вбирает в себя смысл предыдущих строк, со своими чувствами и эмоциями, внутренней борьбой. Мы замечаем чувство неизбежности, терзающие ее («Мне очи застит туман, / Сливаются вещи и лица»), гнев, страсть («О, как ты красив, проклятый!»), уязвленную гордость («И я не могу взлететь, / А с детства была крылатой!»), - и все это отражается в красном тюльпане. Цветы проходят одним из лейтмотивов не только через лирику, но и через жизнь Ахматовой. Прибегнув к словарю цветов, можно сказать, что, например, скрытой любви, покорности (ландыш) Ахматова предпочла недосказанность и томительную склонность (гиацинты). В «Чётках» встречаются такие цветы, как тюльпан, сирень, розы, гвоздики, мимоза. В сентябре 1917 года выходит третий сборник Ахматовой – «Белая стая». В стихотворениях этого сборника соседствуют изысканные и простые цветы: розы, сирень, фиалки, бессмертник, можжевельник. А. Ахматова использует образы прекрасных цветов в своих произведениях для того, чтобы лучше узнали глубину её чувств, эмоций. Чтобы рассказать нам о своих переживаниях, радости или безразличии, А. Ахматовой не нужно долго и подробно описывать свои переживания. Ей достаточно намекнуть или завуалировать свои эмоции в предмете или, как в нашем случае, в цветке. Каждый прекрасный цветок, который находится в её стихотворении, присутствует там не просто так, он пропитан определёнными чувствами, будь то горе или радость. В ранней лирике образы цветов нежные, чистые, спокойные, как и сама поэтесса, которая испытывают свободу, счастье и независимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999. С. 147, 148.
2. Золотницкий, Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях. М., 1992. 361 с.

3. Пугачева, Э. В. Объективно-субъективная концепция красоты в поэзии А. Ахматовой // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 8 (223). Филология. Искусствоведение. Вып. 51. С. 114.

Nafisa Parpiyeva

Uzbekistan, Andijan

parpievanafisahon@gmail.com

A. T. Yulchiyeva

Uzbekistan, Andijan

SYMBOLS OF FLOWERS IN ANNA AKHMATOVA'S POETRY

Annotation. This article discusses the symbolism of flowers in the artistic world of Anna Akhmatova, this symbolism is analyzed in the poetry of different periods, the range of transmission of the symbolism of flowers in different periods of the poetess's work is determined.

Key words: artistic world, landscape, symbols, range of symbols transmission, rose, red tulip, white chrysanthemum, lilac, violets.

Н.С. Парпиева

Узбекистан, г. Андижан

parpievanafisahon@gmail.com

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ПРИРОДЫ В РАССКАЗАХ К. ПАУСТОВСКОГО

Аннотация. В данной статье рассматривается художественное мастерство Паустовского-пейзажиста. Могущественное средство эстетического воздействия на читателя, которое пробуждает и приводит в активное действие глубинный мир его дум, настроений, переживаний.

Ключевые слова: художественное мастерство, пейзаж, образность, эстетическая концепция, художественные детали.

В сознании современного читателя Паустовский обычно предстает писателем-романтиком, утверждающим добро, справедливость, господство прекрасного, святость высокой мечты. Эти представления верны, однако слишком однобоки. Ведь эстетические воззрения писателя намного сложнее, многограннее. Они обусловлены личными представлениями человека о современниках, современном ему обществе, окружающей действительности, системе ценностей и о мире в целом. Романтическое мироощущение имеет место быть в творчестве К. Паустовского: «Мне кажется, что одно из характерных черт моей прозы является ее романтическая настроенность. Это, конечно, свойство характера. Требовать от любого человека, в частности от писателя, чтобы он

отказался от этой настроенности, - нелепо. Такое требование можно объяснить только невежеством...» [2, с.49]. Однако писатель не отказывается от важности изображения реальности, действительности, он лишь подчеркивает что в любой реальности всегда будет место прекрасному, доброму, человеческому и следовательно - вечному: «Романтическая настроенность не противоречит острому интересу к «грубой» жизни и любви к ней. Во всех областях деятельности и человеческой деятельности, за редкими исключениями, заложены зерна романтики. Их можно не заметить и растоптать или, наоборот, дать им возможность разрастись, украсить и облагородить своим цветением внутренний мир человека. Романтичность свойственна всему, в частности науке и познанию. Чем больше знает человек, тем полнее он воспринимает действительность, тем теснее его окружает поэзия и тем он счастливее. Наоборот, невежество делает человека равнодушным к миру, а равнодушие растет медленно. Жизнь в сознании равнодушного быстро вянет, сереет, огромные пласты ее отмирают, и, в конце концов, равнодушный человек остается наедине со своим невежеством и своим жалким благополучием...» - пишет К. Паустовский [2, с.56].

К.Г.Паустовский – писатель в русской литературе необыкновенный. Паустовский, безусловно, мастер пейзажа, и неудивительно, что точно названные и описанные географические места при всей безукоризненной верности изображения приобретают сходство с краями, придуманными Александром Грином. Известно, что Паустовский очень любил этого писателя, ведь сам то он был поэтом и романтиком ничуть не меньшим. И все-таки он «другой» и на Грина похож еще меньше, чем на писателей-реалистов.

В этом-то и состоит особенность Паустовского, что воздух мечты и вечности, сквозь который он смотрит и которым дышит, не отрывается от земли, на которой живет и трудится писатель. Мещера – это Мещера, Ильинский омут – это Ильинский омут. Зрение Паустовского, зрение поэта сквозь воздух мечты прибавляет красоты этим местам, но, преображая их внимательной любовью, ничуть не искажает их.

Тут играет роль не только фантазия, надо просто открыть себя на “растерзание” всем пяти чувствам. Это прекрасно получалось у Паустовского. Даже простое, казалось бы, слово “дождь” несет в себе столько живого, разного и неповторимого. Он и спорый, и грибной, и ливневый. Особенно изобилует художественными деталями слепой дождь (дождь, идущий при солнце). В народе о нем говорят: “Царевна плачет”.

Писатель восхищен таким высоким пониманием прекрасного, и это при том, что народ (особенно деревенский) считается далеким от искусства. А настоящее искусство можно наблюдать не только на избранных великолепных

творениях, но и на любой бытовой сцене. Какой великолепной образностью наделяет автор дождь! Дождь “крапает”, дождик “шепчет” или “звонит”. А какое трогательное отношение автора к такому красивому явлению, как заря! “Заря” нельзя говорить громко, считает он. Это тихое пробуждение природы, граница между ночью и утром. [1, 78 с.]. Писатель сравнивает в рассказе утреннюю и вечернюю зарю, летнюю и осеннюю. Природа с его слов представляется нам как живой человек, требующий нашей любви, человек с определенным характером.

Интересно и важно, как свое отношение к природе Паустовский сверяет с народным опытом и чувством. Он не раз возвращается к мысли о том, что «образность и волшебность русского языка неуловимым образом связаны с природой, с бормотанием родников, криком журавлиных стай, с угасающими закатами, отдаленной песней девушек в лугах и тянущим издалека дымком от костра...». [4, 78 с.].

Становится понятным, почему, почти затаив дыхание, писатель прислушивается к голосам деревенских детей, хорошо знающих неисчерпаемое богатство “разнотравья”, почему с глубоким вниманием относится к словам ворчливого бакенщика, раскрывающего городским пионерам с детства знакомый для него мир природы, почему возникает в «Золотой розе» глава «Алмазный язык», где с таким сочувствием вспоминаются замечательные, подхваченные у народа словарные находки поэтов. Едва ли нужно доказывать принципиальную важность эстетического значения темы «природы» в художественном наследии Паустовского, потому что в памяти всех почитателей его таланта Паустовский запечатлелся прежде всего как «художник родных просторов» (Ю. Саушкин), как создатель удивительной и неповторимой «страны Паустовского» (В. Солоухин), главное лирическое очарование которой – в неиссякаемой щедрости художника, открывающего взору и сердцу богатый прекрасный мир, именуемый родная земля. Паустовский – поэт, который видит красоту, Паустовский – мастер пейзажа. Это именно та сторона сложного и многогранного творчества писателя, которая сразу же была бесспорно и единодушно принята и высоко оценена самыми разнообразными типами читателей и придирчивых критиков.

Но, хотя казалось бы, что исследователи творчества Паустовского должны были уже исчерпывающе выяснить всё, что связано с темой «природы» в его произведениях, вопрос этот освещен, по сути дела, лишь в отдельных своих гранях и преимущественно в плане художественного своеобразия и мастерства Паустовского-пейзажиста. [3, 78 с.].

Опыты более глубокого и обобщающего рассмотрения проблемы пока весьма немногочисленны. Эстетическое содержание темы «природы» в творчестве Паустовского, объединяет всё, что связано с её решением Паустовским-художником, составляет связующее эстетическое начало всех её

звеньев и граней. [6, 78 с.]. Такое исследование проблемы закономерно сопряжено вхождением в сферу философского мышления писателя, эстетических его взглядов, художественного его метода и мастерства. Оно многопланово в конкретных своих направлениях и параметрах. Исходной и опорной его теоретической основой является понимание темы «природы» у Паустовского как неотъемлемого структурного элемента его общих философско-гуманистических воззрений, как главной линии эстетического преломления гносеологического их аспекта.

Поэтическое воплощение темы природы ярко выразило в произведениях Паустовского идею художественного материализма: идея материального мира как основа основ бытия, всего прекрасного и доброго на земле, в том числе и – возвышающей романтики. Соответственно такому пониманию природы «адекватность» художественного пейзажа его природному первоисточнику была одной из важнейших эстетических установок Паустовского-художника («Мещерская сторона», «Летние дни» и др.). Живое ощущение объективной реальности миров пейзажей Паустовского выражено с большой впечатляющей силой. «Его кристально отточенные слова, - пишет о Паустовском-пейзажисте В.Е. Борейко, - сияют, переливаются, как капли на листьях, освещенные солнцем. Его книги наполнены прозрачным душистым воздухом. Они задают запах утреннего моря, благостно – тихих лугов, закатного леса сухим туманцем в коридорах просек; от страниц веет мягкой тишиной вечеряющих полей...» [2, с.185].

Пафос мира материального, определяющий эстетическую концепцию природы в творчестве Паустовского, закономерно связан в его произведениях с идеей познания этого мира. «Нельзя писать книги – утверждает Паустовский, - и не узнать, какие травы растут на болотах, где восходит Сириус, чем отличаются листья берез от листьев осин, улетають ли на зиму синицы, когда цветет рожь и какие ветры приносят дожди или засуху, пасмурность или яркое небо...» [5, с.124]. Пейзаж в художественном произведении может иметь и символическое значение.

Например, в рассказе **«Жёлтый свет»** желтый свет – это цвет осени, а осень в рассказе – символ мирной, спокойной жизни. Мы наблюдаем за этим символом, как за красной нитью, на протяжении всего произведения. Таким образом, пейзаж выступает здесь и как элемент композиции, и в то же время имеет символическое значение.

Для Паустовского-писателя акт познания особенно интересен самим процессом проникновения в неизведанные тайны мира, разгадки этих тайн, романтической эмоциональной насыщенностью момента «соприкосновения» со сферой таинственного и удивительного («Черное море»). «Знание – это сгусток

сплошь и рядом неожиданной и величавой поэзии,- подчеркивает Паустовский - Мы должны стать уловителями и хранителями этой мимолетной поэзии природы, украшающей мир и дающей ей смысл» [3, с.128]. Художественное мастерство Паустовского-пейзажиста является могущественным средством эстетического воздействия на читателя, которое пробуждает и приводит в активное действие глубинный мир его дум, настроений, переживаний. Паустовский один из ярких писателей, книги которого о природе – «Колхида», «Черное море», «Летние дни», «Мещерская сторона», «Повесть о лесах» завоевали широкую популярность, вошли в золотой фонд русской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бореико, В.Е. Любовь к природе: Спорные вопросы.//Гуманитарный журнал. Т.6. Вып. 2.-2004
2. Васильева, Н.Г. Писатели двадцатого столетия. - М.: Просвещение, 2001.
3. Держан, А.Т. Мещерская сторона // Лит. обозрение. 1990. № 11.
4. Ковалев, О.И. Человек в природе. – М.: Правда,1993.
5. Паустовский, К.Г. Золотая роза. Сборник рассказов и повестей. - Л.: Детская литература, 1987.
- 6.Пудожгорский, В.И. Путешествие в прекрасное (о рассказах К. Паустовского). – Вологда.: Правда, 1994.

Nafisa Parpiyeva
Uzbekistan, Andijan
parpievanafisahon@gmail.com

AESTHETIC ROLE OF NATURE IN STORIES K. PAUSTOVSKY

Annotation. This article discusses the artistic skill of Paustovsky as a landscape painter. A powerful means of aesthetic influence on the reader, which awakens and activates the deep world of his thoughts, moods, experiences.

Key words: artistic skill, landscape, figurativeness, aesthetic conception, artistic details.

Н.Г. Пирогова
(Россия, г. Санкт-Петербург)
nadin040883@rambler.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АДАПТИРОВАННЫХ КНИГ ДЛЯ ЧТЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ РАННЕГО ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. В статье описываются приемы работы с адаптированными книгами для чтения при обучении английскому языку учащихся младшего возраста. Дается определение адаптированных книг и описываются их преимущества для раннего обучения иностранным языкам. В статье рассматриваются основные трудности, с которыми могут столкнуться педагоги при работе с адаптированными книгами для чтения, а также предлагаются решения данных проблем.

Ключевые слова: адаптированная книга, учащийся младшего возраста, навыки чтения, лексика, мотивация.

Nadezhda Pirogova
(Russia, Saint-Petersburg)
nadin040883@rambler.ru

THE USE OF GRADED READERS IN EARLY ENGLISH LANGUAGE INSTRUCTION

Abstract. The paper looks at the ways to use graded readers while teaching English language to young learners. The definition of graded readers is presented and their benefits for early language instruction are described. The paper examines key challenges that teachers can face working with graded readers, and solutions to the problems are provided.

Keywords: graded reader, young learner, reading skills, vocabulary, motivation.

Graded readers for young learners are reading books that are written specifically for English language learners aged 5 to 7. Graded readers for learners of this age group use simple grammar and vocabulary, and contain colourful pictures which play an important role in making vocabulary clear to learners and telling the story. Graded readers also have audio recordings of the stories and usually contain extra tasks to support learners' understanding of vocabulary and stories.

Some graded readers for young learners are phonics readers, which focus on spelling and sound patterns to help learners associate English sounds with letters.

As a rule, graded readers for this age group incorporate stories with familiar topics. They sometimes use well-known TV characters and often recurring characters that children are familiar with, to maximize pleasure and encourage re-reading, which is considered to benefit development of early reading skills.

It is important to note that story books written for children who are native speakers of English can be too difficult for young learners of English. For this reason, trying to read and understand them can be demotivating for children. Graded readers are written specifically for learners who are not non-native speakers and use grammar and vocabulary that is suitable for their English language level. Moreover, the

illustrations in graded readers clearly support the text. This is very important because young learners read the pictures first and then the story.

Practical experience shows that the use of graded readers fosters children's love of reading from a very early age. Kids at this age group start to read in their own language, and one of the key advantages of using graded readers with young learners is to boost motivation for reading in the second language. Research indicates that reading for pleasure has a positive impact on children's educational outcomes, and that reading in a foreign language is conducive to learners' acquisition of that language [1]. Enjoying books in English enables young learners to become immersed in the second language without even realizing it. The use of graded readers allows children to develop vocabulary and simple structures. Learners can understand useful vocabulary from illustrations, which play an integral part in telling the story. The stories in English include repetition of key words, collocations, and simple sentences which helps language learners remember them. Teachers can also use activities available in graded readers to practice key vocabulary in fun ways, which will promote English language learning. Listening to the audio as children read not only brings the story to life for them but also builds pronunciation and intonation skills. It also helps to raise learner's awareness of how English sounds are represented by letters [2]. It is important to mention that reading and discussing stories can help develop learners' 21st century skills such as creativity and critical thinking. Questions in the story text require children to apply their thinking skills to interact with the story in English language. Reading is also very conducive to enhancing emotional wellbeing. Teaching experience shows that reading for pleasure has a positive impact on children's happiness and wellbeing because stories can be exciting, funny, or moving, and learners can relate to the emotion in the book. When kids are encouraged to relate aspects of the story to their own experiences, it can promote empathy. Additionally, understanding and finishing a book can give young learners a sense of achievement, which enhances their confidence in English as well as their general confidence. Providing a wide range of graded readers for young learners to select from involves an element of choice to their language learning. Practical experience indicates that choice has a very positive effect on children's motivation to learn English.

Nevertheless, reading in English can be challenging for some young learners. Children can have no English or a very limited level of English, which can make reading in a foreign language difficult for them. But the graded language and integrated pictures in books make stories accessible. Allowing learners to use their L1 (first language) to discuss the story will help them to share their opinions and ideas. It is important for teachers to give children plenty of support, for instance using extra activities, to help learners understand and enjoy stories.

Another difficulty of reading is that young learners can progress at different rates. Practical experience shows that young learner study language at various rates and read at different speeds, which can be a challenging while reading as a class. To overcome this problem, a teacher can encourage children to read various graded readers so that they read at the level and speed that is appropriate for them. When reading in a classroom, the audio recording can be very effective for keeping learners reading in English at the same pace [3].

Keeping young learners motivated and engaged while reading can be one more problem for a language instructor. As children can lose concentration more quickly than older learners, it is crucial to keep them engaged. As a rule, young learners are more motivated to read when a teacher talks to them about what is happening in the story and asks them interesting questions. Graded readers with characters that children love from books, films, and TV can attract children's interest. Allowing them to select from the books available might be helpful as well.

To summarize, using graded readers in English language teaching can be enriching for young learners in a variety of ways and can nurture a love of reading from an early age.

REFERENCES

1. Grabe W. Reading in a second language: Moving from theory to practice. - Cambridge: CUP, 2009. - 484 p.
2. Nation I. S. P., Macalister J. Teaching ESL/EFL reading and writing. - New York: Routledge, 2021. - 212 p.
3. Puchta H., Elliot K. Activities for very young learners. - Cambridge: CUP, 2017. - 240 p.

С.А. Рузметов

mr.filolog@mail.ru

О.Р. Муталлапова

(Узбекистан, г. Ургенч)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАИМСТВОВАННЫХ ТЕРМИНОВ СФЕРЫ МЕДИЦИНЫ В РЕЧИ УЗБЕКОЯЗЫЧНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию лексико-семантической характеристики заимствованных терминов медицинской сферы, функционирующих в речи представителей старшего поколения. Выявленные единицы классифицируются на такие лексико-семантические группы, как «диагностика болезни», «наименования медицинских учреждений», «состояние пациента», «медикаменты», «профилактика болезни» и «методы лечения».

Ключевые слова: медицинский термин, заимствование, лексико-семантическая группа, речь, представитель старшего поколения, функционирование.

История медицинской терминологии свидетельствует, что она всегда являлась источником информации об уровне ментальности народа. Сфера медицины, как и относящиеся к ней понятия, в частности и заимствования, не могли рассматриваться вне связи с другими сторонами человеческой действительности. Данный пласт слов всегда выступает в качестве маркера уровня развития медицины, формы восприятия мира носителями языка вообще [1, с. 163]. Для рассмотрения особенностей употребления заимствованных медицинских понятий в речи узбекоязычных представителей старшего поколения нами было проанализировано несколько интервью, размещенных на сайте www.youtube.com. Общеизвестно, что вопросы, связанные с возрастными заболеваниями, является наиболее актуальной в современной медицине. Исходя из этого, проблемы сохранения здоровья и физической активности, информация о последних достижениях медицинской науки находятся в центре внимания исследуемой нами возрастной категории людей.

Вслед за Э.В.Кузнецовой, под лексико-семантической группой мы понимаем класс слов одной частеречной принадлежности, объединяющиеся вокруг одной общей категориальной семы [2, с. 74-75]. В результате анализа в речи исследуемой возрастной категории было выявлено 80 лексических единиц, относящихся к сфере медицины. Данные понятия классифицированы нами на следующие 6 лексико-семантических групп:

1) **диагностика болезни.** В речи узбекоязычных представителей исследуемой нами возрастной группы было обнаружено 32 единицы, обозначающих понятия диагностики заболеваний. Среди них можно встретить слова типа *грыжа, инсульт, пневмония*. Пример употребления: *Касал бўлдим: инсульт бўлдим* [Источник 1].

2) **медицинские учреждения.** Среди заимствований, выявленных в речи представителей старшего поколения, в данную лексико-семантическую группу мы включили 18 единиц типа *больница, госпиталь, поликлиника*. Пример употребления: *Оёғимдан ранен бўлиб госпиталга тушдим* [Источник 2].

3) **состояние пациента** как лексико-семантическая группа заимствований в речи узбекоязычных представителей старшего поколения представлена 14 единицами типа *аппетит, кома, норма*. Пример употребления: *Камтирим комага тушиб, беш кун ўзига келмади* [Источник 3].

4) **медикаменты.** В речи узбекоязычных представителей пожилого возраста было обнаружено 10 заимствований типа *витамин, сахар, мазь,*

обозначающих наименования медикаментов. Пример употребления: *Битта йўли шу: витамин ичириб туриш керак, бўлмаса ҳолдан тойиб қолади* [Источник 4].

5) профилактика болезни. Данная лексико-семантическая группа в речи узбекоязычных представителей старшего поколения представлена 4 единицами (*гигиена, дезинфекция, иммунитет, рефлекс*). Пример употребления: *Бу вирусни асоратларсиз енгиш учун иммунитет кучли бўлиши керак* [Источник 5].

6) методы лечения. По результатам нашего анализа, данная лексико-семантическая группа в речи представителей старшего поколения представлена 2 единицами (*вакцина, реанимация*). Пример употребления: *Юрак-ўпка реанимациясининг ҳам ўз кетма-кетлиги мавжуд* [Источник 6].

Как видим, среди лексико-семантических групп терминов сферы медицины преобладают наименования, обозначающие диагностику болезней. В свою очередь, среди выявленных наименований заболеваний преобладают недуги возрастного характера (*аденома, давление, инсульт*). Количество медицинских понятий, обозначающих наименования оздоровительных учреждений, профилактику заболеваний свидетельствует о заботе представителя старшего поколения о собственном здоровье. В свою очередь малоколичественная представленность единиц в группе «методы лечения» может свидетельствовать о том, что представители старшего поколения, чья речь была подвергнута анализу, не являются специалистами сферы медицины либо не осведомлены методикой лечения заболеваний и т.п.

Таким образом, медицинская терминология, в частности заимствования в составе данного лексического слоя, функционирующие в речи представителей старшего поколения, представляют собой не менее интересную тему для обсуждения, чем единицы других сфер человеческой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колосова З.Л. Медицинская терминология как часть языковой культуры // Омский научный вестник, 2004. – №2 (27). – С. 163-164.

2. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. – М., 1982.

Материал для анализа:

Источник 1. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eCGpMSLh3nI>

Источник 2. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7dRw6psRIv4>

Источник 3. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NS3pMsXyvu8>

Источник 4. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DTYJiOgXIa4&t>

Источник 5. URL: Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.

Источник 6. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_h4EMbOoKvU

LEXICO-SEMANTIC CHARACTERISTICS OF BORROWED TERMS OF THE SPHERE OF MEDICINE IN THE SPEECH OF UZBEK-SPEAKING REPRESENTATIVES OF THE OLDER GENERATION

Suroj Ruzmetov

mr.filolog@mail.ru

Olesya Mutallapova

(Uzbekistan, Urgench)

Abstract. The article is devoted to the study of the lexical and semantic characteristics of the borrowed terms of the medical sphere, functioning in the speech of the older generation. The identified units are classified into such lexico-semantic groups as «disease diagnosis», «names of medical institutions», «patient's condition», «drugs», «disease prevention» and «treatment methods».

Keywords: medical term, borrowing, lexico-semantic group, speech, older generation, functioning.

Sarivalli Leila Ramis

Baku, Azerbaijan

lsaryvalli@gmail.com

THE EMBODIMENT OF AMERICAN REALITY IN SHERWOOD ANDERSON'S CREATIVITY

Abstract. Sherwood Anderson is one of the writers who created the basis for American realistic prose to sound together with the problems of the 20th century. It reflects the complex processes brought by the new century together with the problems caused by its social development in America. In the collections of short stories “Winesburg, Ohio”, “The Triumph of the Egg” and “Horses and Men”, the writer personifies the American reality of a person who runs after material gain and loses moral values, and encounters alienation. Sh. Anderson writes about the fate of a “little” person who is lonely or not understood by society, who is persecuted, describes his inner world, feelings, and thoughts. In his works, the problem of the “little” person subjected to alienation is revealed by the embodiment of American reality.

Key words: Sherwood Anderson, American reality, social problems, short story

The creativity of Sherwood Anderson (1876-1941), who was a leading figure in the American literary environment in the first half of the 20th century, has a great influence in the modern era. Despite the fact that Sherwood Anderson wrote and created in the 20s of the 20th century, the themes he laid the foundations of in his creativity, especially the radical change he implemented in the field of the short story, brought the artistic prose closer to the maximum reality in terms of both content and

idiom, and today it has not been fully resolved in American literature and it remains as one of the problems that gradually grows deeper.

Sherwood Anderson, as the leading representative of American literature during the Great Depression, influenced the prose of this period, created the foundation for both the development of classical American literary traditions and its resonance with the problems of the new era. He was able to reflect the processes that intensified with the arrival of the new century and the problems caused by American social development. In the collections of short stories "Winesburg, Ohio", "The Triumph of the Egg" and "Horses and Men", the writer described a person who runs after material gain and loses moral values, facing alienation, together with real American problems. The American researcher E. Fussel specifically mentions this idea and writes that Sherwood Anderson "writes about people's loneliness, self-isolation and the behaviors and feelings that cause it" [3, p. 40].

Sherwood Anderson writes about the fate of a "little" person who is lonely or not understood by society, persecuted, illuminates his inner world, describes his feelings, thoughts, and in this way breaks the boundaries of the traditional novella genre. By changing the plot structure of the short story, Sherwood Anderson signed an innovation in American prose and laid the foundation for the creation of a genre different from the novels of N. Hawthorne, E.A. Po, M. Twain and O. Henry. Sherwood Anderson suggests that the true story of life takes place in a moment, and shows that subsequent events are related to this moment. The writer's heroes are strange people who are "crushed", "squeezed" by life. Short stories reflect the portrait of lonely, alienated, strange people due to their form. The human tragedies in these short stories arise from the absence of feelings such as carelessness and lack of love, and from the overabundance of social problems. The problem of alienation, which started with Sherwood Anderson's novels, continues in the later stages of American literature, and in modern literature, new changes of its image can be found.

On the eve of World War, I, the main aspects of the socio-economic situation in the United States – as the fact that the country had just entered the era of high technologies, and the popular idea of the "American dream" of state psychology were among the first factors, America's participation in World War I and the related problems in the moral condition of people are among the problems. Although some areas of the American economy developed until World War I, the general state of the national economy was still not satisfactory. Such a situation only led to the emergence of problems specific to the American reality. The famous American dream, the idea formed at the moment when the country was formed as an independent state, took on a completely new meaning. Sherwood Anderson was the first among American artists to reflect this moral and social situation in a unique way.

With the collection of short stories "Winesburg, Ohio", Sherwood Anderson laid the foundations of a new stage of the novella genre, which has undergone a considerable evolution in American literature, embodied the entire American reality compressed within the boundaries of the mythical town of Winesburg, unlike E.A. Poe and O. Henry. In his collection "Winesburg, Ohio", he used the short story genre to explore the American reality, especially the provincial way of life.

Sherwood Anderson in his short stories put the plot intrigue, which is the leading feature of this genre, into the background and gave more importance to the form. Thus, he brought the short story together with the features of the novel genre. Sherwood Anderson's "Happy End" short story principle was abandoned and American reality was brought to literary and artistic thought and by creating a new plot, he abandoned the traditional plot principle. By describing the problems that are against the hero's fate and the truth of life, he was able to attract not only the traditional prose principles, but also the moral and spiritual world of a person in the short story in the creation of a "little" human image.

Sherwood Anderson, who turned the mythical town of Winesburg into a symbol of American reality and an artistic image, created the first example of the compressed embodiment of the entire life of America in the image of a small place in American literature. One of the main aspects of Sherwood Anderson's new concept of the novella genre is related to the exposure of national myths about the way of life formed in America. The original character of the collection "The Triumph of the Egg", its approach to reality from an unexpected point of view, is not only a new phenomenon in American literature, but also a result of the emergence of a reader who has mastered a new way of thinking and principles of a new approach to reality. "The Feast of the Egg" short story collection is essentially a new phenomenon in American literature both in terms of content and artistic form, and we clarified our attitude to the idea-content of the short stories by clarifying the criticism of national American myths on the sample of the collection. Thus, Sherwood Anderson's appeal to the principles of tragic comedy in the short stories included in this collection is related to the artist's initiatives to embody the American reality in artistic thought. The peculiarity of Sherwood Anderson's short stories is that he does not distinguish between good and bad characters. The writer describing the "little man" tries to show their human qualities and essence. Apparently, it is for this reason that the American critic John Bassett writes that he brought "ordinary images of ordinary life" to the short story [2, p. 35].

The problem of alienation, which attracts attention as one of the leading themes in Western literature, and the role of the urban factor in this process are highlighted in the collection "Horses and Men". In the short stories included in the collection, the writer sees in the image of the horse, the tendencies of people that isolate them from

society, nature, and themselves, precisely by returning to the village and uniting with nature. Sherwood Anderson attached great importance to this problem; he opposed the norm of extreme individualism in the American way of life. The writer believed that the social life of a person is the main condition of his existence and integrity [1].

In the “Horses and Men” collection, Sherwood Anderson’s experiments to create a special type of Winesburg genre were the writer’s search for new ways to the truths of life, and the author’s combining the shortness of the novella with the scope of the novel to reveal the characteristics of the American reality is marked by his appeal to the idea principles of the fairy tale. The fate of the person who finds his perfect, artistic embodiment in the group, which is one of the main themes of Sherwood Anderson’s creativity, is analyzed against the background of the rapidly changing American reality, and the problem of the “little” person who is alienated is clarified.

New trends in “Death in the Wood” and the short story of the 1930s are fully manifested in Sherwood Anderson’s work. This is first of all manifested in the artist’s attempts to create the form of hybrid genres, despite all the difficulties in embodying the reality of the short story genre. The theme of short story “Death in the Wood”, not only in American literature, but in general 20th century literary and artistic thought, is to affirm human values against the background of total tragedies, and to believe in the ultimate victory of humanism even in the tensest moments, and should be marked as a contribution of Sherwood Anderson to the world literature.

The way of life of the miners and rural people who are unable to overcome the difficulties presented by the reality in the book of essays “Puzzled America” suggests that the hardships people are subjected to become a national tragedy. It is in this book of essays that the author exposes the American reality in all its depth and emphasizes that the average American is deprived of ordinary human life. Also, the documentary essays of the writer establish parallels between the novellas he wrote in the previous period, both in terms of content and idiom.

In the essays, the embodiment of the peculiarities of American rural life is mentioned as an attempt of the artist to combine documentary and artistic in an organic unity. In the last chapter, it is emphasized that mass abandonment of their farms and the migration of peasants to the city is a deep tragedy for the existence of the society and individual individuals, and the setting of the problem is clarified. Sherwood Anderson’s writing of the problems that existed in the American reality at that time and retained their influence for a long time also becomes a special object of analysis.

REFERENCES

- 1.Anderson Sh. Memoirs. University of North Carolina Press. 1989. 690p.
- 2.Bassett J.E. Sherwood Anderson: An American Career. Susquehanna University Press, 2006. 146p.

3.Fussel E. Winesburg, Ohio: Art and Isolation // Sherwood Anderson: A Collection of Critical Essays / Ed. by W.B. Rideout. Prentice-Hall; New Jersey, 1994. p.15-21.

4.Taylor W. D. Sherwood Anderson Remembered. University Alabama Press, 2009. 384p.

5.Townsend K. Sherwood Anderson. Houghton Mifflin Harcourt, 1987. 370p.

Ю.С. Скрыльников
(Узбекистан, г. Андижан)

ОБ ОДНОМ ЗНАЧЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Аннотация. В статье остановимся на некоторых вопросах, связанных с важной и актуальной проблемой – раскрытием семантики фразеологических единиц (ФЕ) на материале толковых и фразеологических словарей русского языка.

Ключевые слова: фразеологические единицы, семантика фразеологических единиц, как снег на голову, не солоно хлебавши, битый час.

В национальной школе в качестве объекта изучения уже вполне определилась русская фразеология. Для успешного овладения ею необходимы специальные пособия и особенно учебный фразеологический словарь. Их задача «... представить в сконцентрированном и обозримом виде ту часть русской фразеологии, которой на продвинутом этапе обучения должен овладеть ученик национальной школы». [1, с.39]. В настоящей статье остановимся на некоторых вопросах, связанных с важной и актуальной проблемой – раскрытием семантики фразеологических единиц (ФЕ) на материале толковых и фразеологических словарей русского языка.

Нам представляется, что, будучи единицами лексико-фразеологического уровня системы языка, ФЕ обладают значением, которое отличается от лексического значения слова целым рядом специфических, присущих только ему признаков.

Наиболее плодотворным является рассмотрение значения фразеологизмов как сложной семантической структуры, в которой можно выделить следующие компоненты: денотативный и коннотативный. Под денотативным компонентом значения ФЕ обычно понимается предметная соотнесённость фразеологической единицы, включающая, помимо обозначения предметов, указания на явления, ситуации, действия, состояния и т. п. Коннотативный компонент значения ФЕ составляют добавочные к основному (денотативному) значению эмоционально-экспрессивные или стилистические оттенки (наслоения), служащие для выражения разного рода эмоционально-экспрессивных обертонов. [1, с.49].

Коннотативный компонент является характерной особенностью значения ФЕ и, думается, представляет собой тот самый «семантический остаток» (по терминологии В.П. Жукова), который выявляется при сравнении семантических объёмов слова и ФЕ (известно, что подавляющее большинство слов не содержит в своей семантике коннотативных оттенков). Анализ толковых и фразеологических словарей показал, что толкование коннотативного компонента ФЕ не получило в них полного отражения. Рассмотрим, например, с этой точки зрения толкование ФЕ «как (будто, словно, точно) снег на голову». В имеющихся словарях значение ее определяется с помощью следующих компонентов толкования: «совершенно неожиданно», «внезапно». Думается, что в совокупности эти компоненты вполне могут дать представление о семантике фразеологизма.

Коннотативный компонент значения данной ФЕ при таком толковании передается ФЕ при таком толковании передается лишь компонентом «совершенно», содержащим указание на высшую степень интенсивно выражаемого признака. Покажем это на примерах: *Их налет был как снег на голову.* (Н. Островский. «Рожденный бурей»); *Только учтите: вы должны переправиться поздно вечером или даже ночью и обрушиться на них как снег на голову.* (К. Седых. «Даурия»).

Рассмотрим еще одну ФЕ – «не солоно хлебавши». В словарях она толкуется так: «не получив ожидаемого», «обманувшись в своих ожиданиях», «не добившись желаемого». Исследование этих компонентов показало, что они отражают не все коннотативные оттенки, присущие семантике ФЕ «не солоно хлебавши».

Прежде всего следует отметить, что данная ФЕ несет в себе оттенок просторечия и поэтому должна иметь при себе соответствующую помету – «прост». Довольно часто ФЕ «не солоно хлебавши» используется в речи с оттенком раздражения, досады, сожаления по поводу сбывшихся надежд при решении той или иной задачи, выполнении чего-либо: *Точно также не солоно хлебавши ушел он от Василисы.* (Ф. Абрамов «Пути- перепутья»); *Просто обидно уезжать отсюда не солоно хлебавши. Сроду не приходилось покидать незаконченную стройку.* (В. Ажаев «Далеко от Москвы»). В первом примере мы находим у ФЕ «не солоно хлебавши» оттенок раздражения, во втором – оттенок сожаления.

Рассмотрим теперь ФЕ «битый час». Компонентами толкования ее в словарях являются «очень долго», «целый час». Как видно, отражен лишь один из коннотативных оттенков (как и в первом случае) – указание на интенсивность проявления признака, передающийся компонентом «очень».

Правда, в «Учебном фразеологическом словаре русского языка для национальной школы» [3, с.15].

В толковании ФЕ «битый час» раскрываются и другие оттенки коннотации: «очень долго (о потраченном на что-либо, обычно впустую, напрасно времени)». В этом толковании имеются компоненты «впустую» и «напрасно», которые передают оттенок раздражения, досады, вызванный обычно бесполезным ожиданием кого-либо в течение продолжительного времени или бесплодными усилиями, потраченными зря. Анализ иллюстративного материала подтверждает мысль о том, что исследуемая ФЕ обычно употребляется оттенком раздражения, досады, недовольства: *Чуть не битый час толкуем, а все попусту.* (Мельников-Печерский «На горах»). Следовательно, иллюстративный материал также может служить средством раскрытия коннотации толкуемой ФЕ.

Все сказанное приводит к мысли, что для ФЕ «битый час» не лишней будет помета «неодобр.» Ее постановка представляется важной именно в словаре учебного типа, ибо проведенный нами в школах Узбекистана эксперимент показал, что понимающие учащимися семантики ФЕ «битый час» не исключает ошибок, связанных с употреблением этой ФЕ в речи (например: *Мы работали битый час. Я читал книгу битый час*).

Итак, на основании рассмотренного материала можно наметить три пути отражения коннотативного компонента при разработке ФЕ в словаре:

- 1) в самом толковании могут быть компоненты материала, способные передавать коннотативные оттенки, присущие семантике ФЕ;
- 2) коннотация может отражаться с помощью тщательно продуманной системы помет эмоционально-экспрессивного и стилистического характера;
- 3) различные оттенки коннотации могут выявляться на основе иллюстративного материала.

В первом случае можно выделить два способа раскрытия коннотации непосредственно в толковании:

а) введение слов, указывающих на степень интенсивности проявления признака (*очень, самый, совсем, чрезвычайно, сильно, крайне, совершенно, почти, слишком, довольно, вполне* и др.). Например: *как нельзя хуже - очень плохо; до глубины души - чрезвычайно сильно; откуда ни возьмись - совершенно неожиданно, внезапно, вдруг.*

б) введение эмоционально-экспрессивно окрашенных слов, раскрывающих коннотацию конкретной ФЕ.

Второй путь заключается в том, что должна быть разработана система помет, способных в той или иной мере отразить модальность, эмоции, принадлежность к определенному стилю речи толкуемой ФЕ.

Третий путь, способствующий выявлению оттенков коннотации толкуемой ФЕ, - использование иллюстративного материала.

Иллюстративный материал в словаре может быть двух видов: а) авторские примеры и б) примеры-цитаты из художественной, политической и публицистической литературы, а также периодической печати. Примеры-цитаты должны прежде всего служить делу воспитания подрастающего поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М.: -1969, с.204.
2. Н.М. Шанский, Е.А. Быстрова. Лексикографическая разработка русской фразеологии в учебных целях. В сб. «Теория и практика составления учебных словарей». М.: -1978, с. 17.
3. Учебный фразеологический словарь русского языка для национальной школы. Сост. Н.М. Шанский, Е.А. Быстрова. М.– 1979.

Yu. Skrilnikov

Uzbekistan, Andijan

ABOUT ONE MEANING OF PHRASEOLOGICAL UNITS

Annotation: in the article we will dwell on some issues related to an important and urgent problem - the disclosure of the semantics of phraseological units (PU) on the material of explanatory and phraseological dictionaries of the Russian language.

Key words: phraseological units, semantics of phraseological units, like snow on the head, not salty slurping, a good hour.

Солижонова Г.Т.,

(г.Андижан, Узбекистан)

магистрант АГИИЯ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ УЗБЕКСКИХ СКАЗОК

Аннотация. В данной статье предлагается ознакомиться с краткой историей особенностей в изучении узбекских сказок.

Ключевые слова: сказка, история узбекской сказки, особенности изучения сказок.

Узбекские сказки так же, как и русские, изучались в сравнении со сказками других народов. Так, узбекские волшебные-фантастические сказки в сравнении со сказками других среднеазиатских и тюркоязычных народов рассматривались Х.Эгамовым [13, 14], который стремился проследить историко-генетическое и типологическое взаимодействие сказочной традиции среднеазиатского региона. Сравнение узбекских сказок с другими национальными сказками проведено на уровне тематических групп сюжетов, но с привлечением только отдельных их вариантов.

М.К.Нурмухамедов предпринял попытку объяснить причины аналогий в сказках среднеазиатских народов и сказках А.С.Пушкина и выдвинул гипотезу об их общем литературном источнике [13, 15]. Хотя автор так и не указал конкретно на им же предполагаемую основу сходства пушкинской и народной сказок, тем не менее заслуживают внимания установленные автором аналогии в «Сказке о царе Салтане...», «Сказке о золотом петушке» А.С.Пушкина и среднеазиатских сказках. Важно отметить, что, установив сходство узбекской сказки «Хасан и Зухра», каракалпакской народной поэмы «Шарьяр» и пушкинской «Сказки о царе Салтане», М.К. Нурмухаммедов справедливо и аргументированно опровергает предположение Г.П.Снесарева о том, что узбекская сказка «Хасан и Зухра» является результатом позднейшего влияния творчества А.С.Пушкина на устное народное творчество [13, 15].

Е.А.Костюхин в сравнительном плане рассмотрел взаимодействие казахских и русских сказок и установил факт появления двуязычных сказочников [10, 158-170]. На примере сказок о животных, заимствованных казахским фольклором из русского, он проследил основную тенденцию, обнаруживающуюся при взаимодействии двух сказочных традиций - приспособление заимствованных сюжетов к своим, давно известным [10, 166].

Общепринято [8, 17; 12, 20; 2, 22; 14, 36] считать первым специальным научным исследованием узбекских народных сказок работу М.Афзалова [1], который дал научное определение жанра применительно к узбекской сказке, описал тематику сюжетов, охарактеризовал систему персонажей, выделил отдельные виды традиционных формул и других средств художественного изображения. М.Афзалов также первым предложил классификацию узбекских народных сказок. Данная классификация, по которой все узбекские сказки делятся на фантастические и реалистические, не основывалась на каком-либо научном принципе и была, как признает сам автор, условной [1, 77-78]. Не оговорено исследователем и деление фантастических сказок на волшебные и сказки о животных, а реалистических - на жизненные и бытовые-сатирические.

Общая классификация узбекских народных сказок, принятая к настоящему дню, была предложена другими фольклористами. По этой классификации, вполне приемлемой и для нас, узбекские сказки делятся на сказки о животных, волшебные и бытовые [2, 27; 7, 219; 14, 49].

Дальнейшие исследования узбекских фольклористов были посвящены изучению проблем жанровой специфики, поэтики, образов, классификации и отдельных видов узбекских сказок. Так, вопросы поэтики, жанрового своеобразия узбекских волшебных сказок на уровне их композиции, генезиса, образов и особенностей художественного языка рассматривались в работах Г.Джалилова [2-4]. Автор раскрыл происхождение отдельных мотивов сказок,

выделил основные типы сказочных героев и показал особенности отдельных стилистических средств, в том числе формул. Г.Джалилов также попытался показать взаимодействие узбекских волшебных сказок с другими жанрами узбекского фольклора, особенно с дастанами, национальным видом героического и романического эпоса в фольклоре тюрко- и ираноязычных народов [5, 135; 9, 131; 11, 88-93]. Однако автору удалось раскрыть связи жанров только односторонне, т.е., Г.Джалилов показал влияние сказок на дастаны, а обратный процесс влияния дастанов на сказки так и не был раскрыт [2, 146-148]. Вообще, данный вопрос остается поныне не освещенным в узбекской фольклористике, что затрудняет определение специфики узбекских сказок в плане взаимодействия с дастанным эпосом. Следует также отметить, что специальных исследований, посвященных изучению волшебных сказок во всех аспектах в совокупности, позволяющих в итоге полноценно раскрыть своеобразие узбекской сказки, до сих пор нет. В узбекской фольклористике из жанровых разновидностей народных сказок объектом специального изучения становились только сатирические сказки.

К.Имомов, автор исследования о сатирических сказах, изучал и другие виды узбекских сказок, в частности, волшебные. Им была предложена классификация волшебных сказок, в основу которой был положен тематический принцип: героические, сказки об «угайлик» (т.е., об отношениях мачехи и падчерицы, мачехи и пасынка) и униженных людях и сказки о «митти полвон» (маленьком силаче) [7, 138].

Сказки, включенные автором во вторую группу, являются сказками с семейной тематикой, и потому нам представляется целесообразным назвать их сказками с семейным конфликтом. Следует отметить, что вопрос о внутрижанровой классификации узбекских волшебных сказок является одним из нерешенных проблем национального сказковедения и ждет своего исследования.

К.Имомов занимался изучением вопросов генезиса сказочных мотивов [6, 102]. Автор проследил поэтическую эволюцию мотивов, восходящих «к обычаям и обрядам, характерным особенностям, представлениям о мире, мифам и мифологическим убеждениям древних саков, массагетов, хуннов, кыпчако-огузских племен, проживавших на территории Средней Азии, а также к мироощущению тюркских родов-якутов, бурят, алтайцев, хакасов» [6, 103]. При этом К.Имомов связал изучение генезиса с поэтикой мотивов и их трансформацией.

Б.Саримсаков посвятил свою работу изучению одного стилистического приема-саджъ на материале сказок и пословиц [6, 24]. Он раскрыл своеобразие применения саджъ в узбекском фольклоре как одного из специфичных

стилистических приемов в сказочных формулах и поговорках. Ставя изучение художественных средств узбекских сказок в один ряд с изучением их поэтики в целом, автор заметил: «В определенной степени исследованы жанровые особенности, система образов, сюжетное строение и другие отдельные грани узбекских народных сказок. Вместе с тем должен быть серьезно исследован ряд проблем, связанных с изучением поэтики, морфологии, варьирования... узбекских сказок» [6, 36].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Афзалов М. "Ўзбек халқ эртақлари ҳақида. Тошкент, 1964
2. Джалилов Г. Узбекский народный сказочный эпос. Ташкент, 1980.
3. Джалилов Г. Ўзбек халқ эртақлари поэтикаси. Тошкент, 1976
4. Джалилов Г. Ўзбек фольклорида жанрлараро муносабат. Тошкент, 1979.
5. Жирмунский В М. Народный героический эпос. Л. 1962.
6. Имомов К. Генезис и поэтическая трансформация жанров узбекской устной прозы. Дисс . докт.филол.наук. Ташкент. 1986.

Solidzhonova G.T.,
(Andijan, Uzbekistan)

HISTORY OF STUDYING UZBEK FAIRY TALES

Annotation. This article proposes to get acquainted with a brief history of features in the study of Uzbek fairy tales.

Key words: fairy tale, history of the Uzbek fairy tale, features of the study of fairy tales.

Солижонова Г.Т.,
(г.Андижан, Узбекистан)
магистрант АГИИЯ

ТРАДИЦИОННЫЕ СКАЗОЧНЫЕ ФОРМУЛЫ В УЗБЕКСКИХ И РУССКИХ ВАРИАНТАХ СЮЖЕТА “ЧУДЕСНЫЕ ДЕТИ”

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности функционирования традиционных сказочных формул в узбекских и русских вариантах сказок. В которых используется сюжет, названных нами условно, как «чудесные дети».

Ключевые слова: сказочные формулы, русские сказки. Узбекские сказки, сказочный сюжет.

В узбекских и русских вариантах сюжета 707, как и в других волшебных сказках, одним из основных стилистических поэтических средств являются

традиционные сказочные формулы. Формулами называем устойчивые словесно-художественные выражения, которые могут варьироваться в пределах традиции.

В сказковедческих работах, посвященных или специальному изучению формульности, или рассматривающих формулы в ряду других стилистических средств, принято делить все сказочные формулы на три группы: инициальные, медиальные и финальные'.

В ходе предварительного анализа установлено, что в узбекских вариантах сюжета 707, как и в русских, присутствуют устойчиво и многократно повторяющиеся инициальные, медиальные и финальные формулы, повсеместно употребляемые во всех других узбекских волшебных сказках.

Выбор нами из всех стилистических средств только формул связано с тем, что именно в них наиболее ярко отразилось своеобразие узбекских сказок, хотя они обладают богатым арсеналом и неформульной стереотипии.

В данной главе ставится задача выделить узбекские разновидности указанных видов формульной стереотипии, определить их функции и структуру, раскрыть их семантику, проследить процесс варьирования в сравнении с аналогичными русскими формулами и показать национальное своеобразие узбекских сказок на уровне сказочных формул.

Инициальные формулы

Как и в русских, инициальные формулы в узбекских сказках вводят слушателя в атмосферу сказки, выражают отношение сказочника к событиям сказки, указывают на абстрактно - условное (или конкретно-условное) место и время действия, и в композиции сказки выполняют роль экспозиции.

В группе инициальных формул преобладают формулы времени и существования героев, которые присутствуют во всех вариантах: “Утган замонда подшоҳ билан Қора подшоҳ булган экан” - “В прошлое время были (Белый) и Қора (Черный) падишах” (вар.: I): “Бир бор экан, бир йук экан, кадим замонда бир подачи чол билан кампир бор экан” - “То однажды было, то не было, в давнее время жили-были старик-чабан со старухой” (вар.: II); “Бир замонда бир подшоҳ бор экан” - “В одно время жил-был один падишах” (вар.: III); “Бир бор экан, бир йул\$ экан, бир подшо утган экан” - “То однажды было, то не было, жил-бывал один падишах” (вар.: IV); “Утган замонда Бадахшон юртида Абдуллажон деган бой бор экан” - “В прошлое время в стране Бадахшон жил-бывал бай по имени Абдуллажон” (вар.: V); “Бир бор экан, бир йут\$ экан, бир подшонинг уттиз туедизта хотини бор эка” - У одного падишаха было без одной сорок жен” (вар.: VII); “Узок замонда яшаган бир бева кампир бор экан” - “В далекое время жила-была одна вдовая старуха” - (вар.: IX); “Бир подшонинг бир кам ^ир^та хотини бор экан” - “У одного падишаха было без одной сорок жен” (вар.: VII); “Бир бор экан, бир йу^ экан, бир замонда бир подшо бор экан” - “То однажды было, то не

было, в одно время жил-был падишах” (вар.: X); Жуда цадим замонда бир подшо булган экан” - “В очень давнее время жил-был один падишах” (вар.: XI).

Приведенные примеры, взятые из всех вариантов, показывают, что в узбекских сказках употребляются специальные формулы времени, характерные для всех узбекских волшебных сказок: “цадим замонда”, “в давнее время” (вар.: II); “жуда цадим замонда” - “в очень давнее время” (вар.: XI); “утган замонда” - “в прошлое время” (вар.: I, V); “узок замонда” - “в далекое время” (вар.: IX); “бир замонда” - “в одно время” (вар.: III, X); “Бурунги замонда бир чолу кампир бор экан” - “В давнее время жили-были старик со старухой”; “Р^адим замонда Хаким бали^чи деган чол бор экан” - “В давнее время жил старик по имени Хаким балыкчи-рыбак”; “Бир бор экан, бир йу^ экан, цадим замонларда бир подшо бор экан” - “То однажды было, то не было, в древние времена жил- был один падишах”; “Бир бор экан, бир йук экан, утган замонда бир подшонинг бир кизи бор экан” - “То было однажды, то не было, в минувшее время у одного падишаха была одна дочь”; “Илгари замонда бир бой бор экан” - “В позапрошлое время жил-был один бай” и др.

В формулах существования героев время указывается неопределенно: в какое-то далекое, в одно какое-то время жили-были герои. В несложной структуре формул времени варьируется именно компонент, указывающий на неопределенность времени: “цадим замонда” - “в древнее время”; “утган замонда” - “в минувшее время”; “бир замонда” - “в одно время”; “илгари...”

“в позапрошлое...”; “бурунги...” - “в давнее...”; “узоц...” - “в далекое...”. Компонент самого времени “замонда” остается неизменным. В отдельных формулах временная соотнесенность выражается особой формой употребления неполного глагола “эмоц” - “быть” в сочетании с утвердительными и отрицательными модальными словами “бор” (“есть”), “йут\$” (“нет”) с безличным значением “происходить”, “случиться”, “иметь место”, как глагол “быть” в формулах русских и сказок других народов; “Бир бор экан, бир йу!\$ экан, бир подшонинг уттиз тувдизта хотини бор эка” - “То было однажды, то не было, у одного падишаха было тридцать девять жен” (вар.: VII); “Бир подшонинг бир кам цирцта хотини бор экан” - “У одного падишаха было без одной сорок жен” (вар.: VII); “Бир бор экан, бир йу^ экан, бир подшо утган экан” - “То было однажды, то не было, жил-бывал один падишах” (вар.: IV); Сочетание утвердительных и отрицательных элементов выражает также отношение сказочника к событиям сказки: “то было, то нет...”.

В отличие от узбекских, в русских вариантах формулы времени встречаются редко. Как установила Н.М.Герасимова, “для обозначения начала сказки в русской волшебной сказочной традиции специальных формул времени, как правило, нет”⁴, чем и объясняется их отсутствие в вариантах “Чудесные

дети”. В русских инициальных формулах время определяется формой глагола “быть” с безличным значением и редко наблюдается условно-абстрактное обозначение времени (отдельные примеры встречаются в вариантах Версии Б: “Было это до царя Ерохи, когда земли были трохи. Было это и до царя Паньки, когда земля была тонка, снег горел. Соломой тушили” - вар.: 60). В этой формуле условное время выражено иронически. В большинстве русских вариантов время в начальных формулах подразумевается в особой форме употребления глагола “быть”; “было два короля: Елисей - король и Бормышка - король” (37); “Был-жил мужик” (34); “Жил-был купец, у купца было три дочери” (7) и др. Эти формулы, как и узбекские формулы времени, выполняют функцию утверждения существования героев в неизвестно-условном времени. Формулы пространства (или топографические) считаются второй разновидностью инициальных формул: “Утган замонда Бадахшон юртида Абдуллажон деган бой утган экан” - “В прошлые времена в стране Бадахшон жил-был бай по имени Абдуллажон” (вар.: V); “Бир ша^арда бир камбагал бор экан” - “В одном городе жил-был один бедняк” (вар.: VII). “Миср шаэфида бир подшо бор экан” - “В городе Египет жил-был один падишах” (вар.: XII). В узбекских вариантах сюжета 707 данные формулы употреблены только в трех указанных вариантах. Но это не связано, как утверждает Г.Джалалов⁵, с редкостью формул пространства в узбекских волшебных сказках. В других узбекских сказках разных сюжетно-тематических групп топографические формулы встречаются также, как и в вариантах сюжета 707, либо в составе формул времени (“Утган замонда бир ша^арда Намишод деган подшо^ утган экан” - “В минувшее время в одном городе жил-бывал падишах по имени Намишод”⁶), “Кадимги замонда Шом мамлакатида бир подшо утган экан” - “В древнее время в стране Шом (Сирия) жил-был падишах”⁷), либо в самостоятельном виде (“Хоразм вилоятида Одилхон деган бир подшо бор экан” - “В вилояте (область) Хорезм жил-был один падишах по имени Одилхон”¹¹ и другие). В данных формулах наблюдается условно-конкретная приуроченность места действия: Бадахшон, Страна Хоразм, Страна Шом. Традиционно в узбекских формулах условным местом действия называются дальние и близкие страны Востока, с которыми “народы Средней Азии с древнейших времен поддерживали культурно-экономические связи: Китай, Индия, Иран, Сирия, Месопотамия, Вавилон, Египет”⁹. В сказках сохранились старинные узбекские названия дальних восточных стран: Чин (Китай), Рум (Византия), Шом (Сирия). С другой стороны, условным местом действия называются города и области: Самарканд, Бухара, Хорезм, Ургенч, Фергана, Маргилан, Узген, бывшие центрами древних и средневековых государств Средней Азии¹⁰, или же области, занимавшие важное место в торгово-экономической жизни среднеазиатских государств, как, например, Бадахшон”. “Утган замонда Самар^андда бир катта

бой утган экан” - “В минувшее время в Самарканде жил-бывал один крупный бай”¹²; “Узо^ замонларда Бухоро элатида бир подшо булган экан” - “В далекие времена в краю Бухара жил-бывал один падишах”¹³; “Илгари замонда Урганч томонда КУ W>uі деган бир подачи бор экан” - “В позапрошлом времени в стороне Ургенч жил-был один пастух по имени Кулдош”¹⁴; “Кадимги замонда Узган шаэфида Туйдибой деган бир одам утган экан” - “В древнее время в городе Узген жил-бывал один человек по имени Туйдибой”¹⁵. Все названные города и государства, страны служат сказочно фантастическим местом действия, благодаря своей исторической значимости в жизни среднеазиатских народов. Вместе с тем, т.е., условно-конкретным указанием на ирреальное место действия, подчеркивается также и реальность сказочных событий в силу присутствия тех же названий конкретных городов и стран. случае употребление нетипичной для узбекских сказок инициальной формулы связано с переводом А.Васильева, записавшего эту сказку (данных о том, что записана сказка на узбекском языке и переведена затем на русский язык, или запись сделана на русском языке от самого сказочника - нет).

Таким образом, узбекские и русские инициальные формулы времени и пространства выполняют одинаковые функции. В формулах времени существование героев утверждается сходными средствами, каковыми являются особые формы употребления глаголов “эмох” и “быть”.

В узбекских вариантах по стабильности присутствия превалируют хронологические формулы, хотя, как указывалось, топографические формулы - не редкое явление в узбекских волшебных сказках. Последнее позволяет нам не согласиться с утверждением Н.Рошияну о том, что в каждой национальной сказочной традиции принято употребление только одного вида инициальных формул: либо времени, либо пространства¹⁶.

Инициальные формулы в узбекских и русских сказках не связаны с действием. Они служат для введения слушателя в особую сказочную атмосферу.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Жирмунский В М. Народный героический эпос. Л. 1962.
2. Имомов К. Генезис и поэтическая трансформация жанров узбекской устной прозы. Дисс . докт.филол.наук. Ташкент. 1986.

Solidzhonova G.T.,
(Andijan, Uzbekistan)

TRADITIONAL FAIRY-TALE FORMULA IN UZBEK AND RUSSIAN VERSIONS OF THE PLOT “WONDERFUL CHILDREN”

Annotation. This article discusses the features of the functioning of traditional fairy tale formulas in Uzbek and Russian versions of fairy tales. In which the plot is used, which we conditionally named as “wonderful children”.

Key words: fairy tale formulas, Russian fairy tales. Uzbek fairy tales, fairy tale plot.

Tagizada Ilaha Qadir

Baku, Azerbaijan

tagizade-1979@mail.ru

<mailto:lsaryvalli@gmail.com>

SOCIAL-PSYCHOLOGICAL STORIES IN THE CREATIVITIES OF ALICE MUNRO AND AFAQ MASUD

Abstract. Alice Munro (1931-), a prominent representative of English-language Canadian literature, is the 13th and the first Canadian woman writer to be awarded the 2013 Nobel Prize. Alice Munro is the author of 12 short story collections. Afaq Masud (1959-) is one of the outstanding writers of modern Azerbaijani literature. Her literary works include prose, drama, essay, and translation. Both Afaq Masud and Alice Munro's literary heritage are rich with elements of lyrical-psychological style, psychologism and existentialism. Afaq Masud is also a writer who, like Alice Munro, describes the psychological and spiritual sufferings of a lonely person and the feelings he suffers from existential alienation through an obvious and secret psychologism. In their works, both writers bring family-household topics, husband-wife, mother-daughter, father-son relations to artistic analysis in the context of society in a psychological style.

Key words: Alice Munro, Afaq Masud, psychologism, social problems, short story

In both Afaq Masud and Alice Munro's stories, both in terms of style and in terms of experiences, the narration realized with the stream of consciousness is a descent into the depths of the inner world of a person, especially a person who is alien to society, people, and most importantly, to himself, and presents these depths to the reader with all their nakedness.

Afaq Masud reveals psychology of the characters she describes, the secrets of their inner world, using the principle of obvious and secret psychologism in her stories such as “On the third floor”, “Uncle Hasan”, “Light on the phone”, “Saturday night”, “Blizzard”, “Night”, “Thief”, “Justice” and so on. The writer first presents her reader with an artistic portrait of his hero. The first information that the artistic portrait conveys to the reader is actually the inner face of the main character reflecting by the means of secret psychologism.

In Afaq Masud's story "Uncle Hasan", a portrait created is not only of Hasan, but also of men who took dominance in society and family in his face. That is, the writer tries to emphasize the problems and contradictions in society with this image. The story describes the dictatorial regime in Uncle Hasan's house and the boring relationship between the family members, as a result of which none of the family members have freedom. In addition to creating such a situation in the family, he also isolated it from the environment, no one goes out of the house and maintains relationships, and everyone spends time in his room and is busy with his work. The fact that Uncle Hasan's son-in-law Azer sees him in gray completes the writer's opinion: "Uncle Hasan was really gray from head to toe. Gray suit, gray hat, gray shirt, gray socks, gray boots... Then he saw that only gray could suit him. His face is gray, his clothes are gray, and he himself is gray" [1]. The gray color was actually a symbol of Uncle Hasan's life, his cold attitude towards people, and his extinguished love of life. Both Afaq Masud and Alice Munro psychologically showed in their stories that the father is indifferent, the mother is overly selfless, and the child condemned to this imprisonment is poor and helpless in family conflicts. The problems such as indifference and alienation described in Afaq Masud's story "Uncle Hasan", is also observed in Alice Munro's story "Face". This story is included in E. Munro's 2009 Booker International Prize-winning short story collection "Too Much Happiness". Unlike A. Munro's other stories, Alice Munro's "Face" is presented by a male narrator. Through flashbacks in the story, the reader gets to know the fate of the hero. Our hero remembers his childhood with sad notes. Since birth, a reddish spot has completely covered his one face. This score made him yearn for his father's love and the carefree years of childhood. Father, who only looked at his son's face on the day of his birth, did not talk to his son until the end of his life, nor did he eat at a table, nor did he share his pain and sorrow. "I believed that my father looked at me only once, winked and saw" [2, p.87]. The whole burden was on the mother's shoulders - to take care of him, to protect him from her father's insults and the eyes of strangers.

"My father's only job at home was to instill hatred and insults. It can be said that these two concepts were always used together" [2, p.88]. His bitter fate was made even more tragic by his father's attitude towards him. "Of course, a creature like me that he had to face when opening the door was an insult to his dignity" [2, p.88]. Our hero felt lonely, he understood that this isolation and alienation all his childhood years originated from his family: "More precisely, I was an excuse for my father and mother's unstoppable and constant quarrels like fate. For my parents, I was such a problem without a solution that, despite the difference between them, I reminded them of their easier, happier life in the past" [2, p.88]. Divorce was unacceptable in that society. So, somewhere there were such estranged couples living under the same roof. Of course, they understood that they were not compatible with each other, and that it

was impossible to fix it with anything, that the words spoken, the steps taken, would never be forgotten, and that the barrier between them would not be overcome.

World literature is rich in works based on dialogue, describing the inner world and character of heroes with conversations that last for pages and chapters. If we look at the works of Alice Munro or Afaq Masud, we will see that there is little dialogue, because the writers talk mostly to themselves. Both the writers and their heroes think more than talk. They also think about things that are not desired; they are in pain, they are afraid, they are suffering, they are looking for a way out; even though they are isolated from everyone else, even though they are in a closed environment, all the pains of society pass through them and their silent emotions.

In the stories of Afaq Masud and Alice Munro, the problem of loneliness, helplessness and alienation is highlighted. The story "Night", which tells about the last hours of the life of an elderly couple left alone, can be considered the peak of Afaq Masud's literary heritage. The heroes of the story "Night" - Talib and his wife - are actually faced with human loneliness and are galloping in the vortex of this loneliness. It's as if they don't sense the time that threatens to swallow them up. "Old people collide, trying to encourage each other, warming themselves in the sign of love that has already died. Everything in the world is in vain. Vanity itself is futile" [3].

At the beginning of the story, Afaq Masud was pointing to the youth that will never return and the old age that will never end, with the description of the harsh winter. "It was as if there would be no end to the blizzard. It had been a week or ten days; he never got tired of howling like a hungry wolf" [3]. Talib comforts his wife, who is afraid of the sound of the blizzard. In fact, the sound of the blizzard is like the ticking of the death clock, and the reason for the woman's fear was that the death hour was approaching. Both were drowning in the maelstrom of despair and helplessness brought on by old age. The writer describes the bitter truth - the mortality of life - that her heroes understand when looking at each other through flashbacks. "One side of the woman's mouth was crooked... Looking at the woman's mouth, he became pale, his eyes filled up, he remembered the youth, fair skin, charming eyes of this beautiful woman... There was no sign of any of them. Everything was coming to an end, ending, dying out..." [3].

In the story "Floating boat" by A. Munro, we meet Ginny and Neil, two people who are blown away by the harsh wind of life, who say goodbye to the autumn of their lives and welcome their winter.

In the story "Floating boat" included in the collection of stories called "Hateship, Friendship, Courtship, Loveship, Marriage", A. Munro again touches on the theme of fear of death. The writer wrote an episode from the life of 42-year-old Ginny, a woman suffering from cancer and suffering from spiritual and mental pain.

In the 90s, A. Munro herself went through the battle against cancer. A. Munro, who had received chemical treatment since 1991, was able to overcome this disease. Therefore, by transforming her feelings, thoughts, and excitement into the main character of the work, she was able to write with great mastery what the most serious disease of the 20th century caused to his slaves.

Ginny has been married to Neil for 21 years. The moral chasm between these couples arose years ago. However, they are used to being patient and covering each other's negativity. And now this disease left him the only way to get out of the cage - and that was death, that is, freedom. Like everyone else, Ginny did not keep thoughts of death close to her. Instead of imagining her own death, she used to recreate the death scenes of others. She even imagined the scene where Neil-her husband, who was 16 years older than Ginny, would die one day, and prepared herself for that event: "Once, before going to bed, she held his hand - his warm and alive hand. She thought that when he died, he would hold or touch this hand at least once. And he will not believe this truth. He will not be able to accept the fact that he is dead and powerless. Regardless of how many times she prepared herself for this event in advance. He still won't believe" [4, p.52]. Now the situation was different. Before the autumn of her life was over, the winter came to her life and threatened her with death. Cancer survival was uncertain. It was this uncertainty that killed Ginny, who was used to building her life according to a certain regime and plans. The words of the oncologist seem to flow from the depths of her consciousness. "The fight against cancer should be continued for a long time and sometimes until the end of life" [4, p. 70]. A room with no newspapers, magazines, computers, or even a TV, emptied at the doctor's insistence, and an uncertain future awaited Ginny.

The story "Floating boat" does not have a definite plot line, as in the story "Night" by Afaq Masud. The events in the work are related to memories, flashbacks and episodes presented by the stream of consciousness. It is Ricky who brings Ginny to the swinging bridge. The description of this bridge is paralleled by Ginny's life. His life is suspended like this bridge, and the flowing river is moving even though it seems calm at first glance. It seems like Ginny's life is running its course. However, no one knows about the internal revolutions. "Even if you see the water flowing under the bridge as calm, it is not calm in reality, because if you look at one of the reflections of the stars on the water, you will see it flickering, changing its shape and disappearing" [4, p. 79].

Most of the heroes of the works of Alice Munro and Afaq Masud struggle in need, do not live a good life, suffer from a cold relationship, drown in the vortex of lack of love and carelessness. But most of them are struggling, they don't want to come to terms with the status quo, and most importantly, they yearn for freedom. Women who are oppressed by the dogmas of the society but choose the path of struggle are

presented in the foreground in the works of both writers. Both authors try to describe the substratum of the events, the inner-psychic world of the characters, their hesitations and changes through the stylistic principles of obvious and secret psychologism, such as dialogue, monologue, stream of consciousness, portrait, interior, flashback.

REFERENCES

1. <https://www.afaqmesud.az/az/posts/id:333>
2. Munro, A. Too much of happiness / Alice Munro. – Toronto: McClelland&Stewart, – 2009. – 250 p.
3. <https://www.afaqmesud.az/az/posts/id:671>
4. Munro, A. Hateship, friendship, courtship, loveship, marriage / A.Munro. – Toronto: McClelland & Stewart, – 2001. – 328 p.

Г.У. Тафикмирзаева

(Узбекистан. Г. Андижан)

tafikmirzaevagulnoza@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОПОЭТИКИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИКИ М. ЦВЕТАЕВОЙ)

Аннотация. В данной статье рассматриваются Особенности лингвопоэтики русской поэзии XX века на материале лирики М. Цветаевой). Лингвопоэтика определяется как «особый раздел филологии, предметом которого является совокупность использованных в художественном произведении языковых средств, при помощи которых писатель обеспечивает эстетическое воздействие, необходимое ему для воплощения его идейно-художественного замысла»

Ключевые слова: лингвопоэтика, творчество, стихи, сопоставление.

Лингвопоэтика – это «раздел филологии, в рамках которого стилистически маркированные языковые единицы, использованные в художественном тексте, рассматриваются в связи с вопросом об их функциях и сравнительной значимости для передачи идейно-художественного содержания и создания эстетического эффекта»

том, что на начальной стадии при знакомстве с художественным текстом исследователь определяет для себя, с каким повествовательным типом текста он имеет дело, то есть представляет ли собой данный текст описание предмета/ситуации, рассуждение отвлечённого характера или выражение волеизъявления. Далее в ходе стилистического анализа, являющегося неотъемлемой частью любого лингвопоэтического исследования, исследователь выделяет в тексте те стилистически маркированные языковые средства, которые хотя бы потенциально могут соотноситься с функцией воздействия. На

собственно лингвопоэтическом уровне исследователь определяет лингвопоэтическую значимость этих стилистически маркированных языковых единиц (т.е. «объём проявляемых содержательных свойств» и, учитывая общий повествовательный характер текста, устанавливает их лингвопоэтическую функцию, или «роль в раскрытии идейно-художественного содержания данного повествовательного типа и создании эстетического эффекта»

Таким образом лингвопоэтика повествовательных типов помогает дать объективную оценку роли стилистически маркированных средств языка в тексте и не потерять из вида текст как художественное целое: используя данный метод, исследователь движется от общего - повествовательного типа содержания - к частному, стилистически маркированным средствам языка, чтобы потом вновь вернуться к целому и лучше понять его посредством языковой организации текста, то есть понимая, какие из стилистически маркированных языковых единиц. Лингвопоэтика повествовательных типов является удобным и эффективным методом лингвопоэтического исследования, так как при её использовании исследователь учитывает не непосредственное содержание текста, а то, насколько ярко в нём выражено повествовательное начало. Сходство или отличие текстов на тематическом уровне не проясняет вопрос об их художественном своеобразии и не является признаком лингвопоэтического значения. Отметим, что описание природы в разное время года тематически будет отличаться, но в лингвопоэтическом плане оно, скорее всего, будет одинаковым, поэтому при использовании этого метода впервые стал учитываться общий повествовательный характер текста. Данное обстоятельство позволяет использовать лингвопоэтику повествовательных типов для решения разных задач лингвопоэтического порядка - сравнения и анализа текстов, разнообразных в тематическом и жанровом отношении, изучения как больших, так и малых по объёму произведений словесно-художественного творчества, отдельных текстов и целых групп текстов. В будущем предстоит выяснить, возможно ли использовать лингвопоэтику повествовательных типов для типологического изучения лингвопоэтических характеристик художественного приёма. Иными словами, лингвопоэтика повествовательных типов открывает новые возможности для лингвопоэтического исследования и вместе с тем сочетает в себе традиционные принципы лингвопоэтического анализа: раскрытие художественного своеобразия и эстетического воздействия текста через лингвопоэтическую значимость и лингвопоэтическую функцию стилистически маркированных языковых единиц.

В настоящее время существует несколько методов лингвопоэтического анализа художественных текстов: трёхуровневый анализ, лингвопоэтика художественного приёма, лингвопоэтическое сопоставление и

лингвопоэтическая стратификация, каждый из которых имеет определённые цели и задачи.

Марина Цветаева в истории русской литературы оставила большой отпечаток и увековечила свое имя. Она оказала большое влияние на развитие русской литературы, становление поэзии своего времени. У нее много работ, ее труды сложно переоценить. Марина Цветаева выпустила в печать сборники стихов, поэмы, стихотворные драмы, автобиографии, мемуары и историко-литературные очерки. Это был поэт-гений с необычайным талантом. Столько времени прошло, а ее произведения актуальны по сей день. Уникальность ее, как поэта, заключалась в том, что М. Цветаева не писала под определенные рамки течений своего времени. Она имела свободный характер поэзии, не похожий на авторов того времени. Свой первый сборник стихов Марина Цветаева выпустила в 18 лет. Писать она начала гораздо раньше. Поэтесса прожила не долгую жизнь, но за этот короткий промежуток времени она много препятствий встретила. Носили они не только политический характер, личная жизнь поэтессы тоже сложилась не лучшим образом. Марина Цветаева было очевидцем Первой Мировой войны и Гражданской войны, а также прошла две революции. М. Цветаева перенесла гибель дочери, расставание с мужем и эмиграцию. Все эти преграды на ее пути не мешали ей писать. Даже в самые трудные для себя минуты жизни, поэтесса продолжала писать. Она считала поэзию своим призванием и находила в этом свое утешение. В творчестве любого человека бывают темы, которые автор раскрывает с особой любовью. Марина Цветаева тоже уделяла особое внимание в своих произведениях теме детства. Ее стихотворение «В зале», которое было включено в состав сборника «Вечерний альбом», вполне можно назвать символическим: Над миром вечерних видений Мы, дети, сегодня цари... Детство для поэтессы — это самая трепетная тема. Она считает, что детство — это такой период в жизни человека, когда перед ним открыты все пути для приключений. Это самый активный и быстро проходящий этап в жизни человека. Каждый день ребенок открывает для себя что-то новое, ранее им неизведанное. Ребенок извлекает бесценный опыт из всего своего окружения. Произведения автора полны моральной борьбы детей. Это борьба не только с «теньями», но и главным образом происходит борьба с самим собой.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Антокольский П. Книга Марины Цветаевой // Новый мир. 2006
2. Гордон НО Марине Цветаевой // Серебряный век. Мемуары: Сб. М.: Известия, 2010.
3. Марина Цветаева. Письма к Наталье Гайдукевич. М., 2003.
4. Якобсон Р. О. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М., 2018.

G.U. Tafikmirzaeva
(Uzbekistan. G. Andijan)
tafikmirzaevagulnoza@gmail.com

FEATURES OF LINGUOPOETICS OF RUSSIAN POETRY OF THE XX CENTURY (ON THE MATERIAL OF LYRICS OF M. TSETAEVAYA)

Annotation. This article discusses the features of the linguopoetics of Russian poetry of the twentieth century on the material of the lyrics of M. Tsvetaeva). Linguistic poetics is defined as "a special section of philology, the subject of which is the totality of linguistic means used in a work of art, with the help of which the writer provides the aesthetic impact he needs to embody his ideological and artistic design"

Key words: linguopoetics, creativity, poetry, comparison.

Тухтасинова Назокат
(г.Наманган, Узбекистан)

ЛИНГВОПОЭТИКА КАК ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

Аннотация. В данной статье рассматриваются теоретические особенности такой лингво-стилистической категории, как лингвопоэтика: ее фундаментальные основы, особенности изучения в филологических дисциплинах.

Ключевые слова: лингвопоэтика, лингвистическая стилистика, филологические дисциплины, лингвистическая поэтика.

Изучение языка художественных произведений является центральной проблемой в работах многих исследователей, как в Узбекистане, так и за рубежом. В них разрабатываются различные методы и способы анализа художественного текста, среди которых можно выделить два основных подхода: лингвистический и литературоведческий.

Для лингвистического метода отправной точкой исследования является язык, текст же рассматривается с точки зрения проявления общих языковых закономерностей. Литературоведческий метод исходным пунктом выбирает текст, а язык является вспомогательным материалом для анализа. Таким образом, изучение языка художественных произведений закрепляет деление филологии на лингвистику и литературоведение, и, соответственно, деление стилистики как области филологии на две исследовательские парадигмы: 1) лингвистическую стилистику и 2) литературоведческую стилистику.

На стыке этих двух парадигм возник новый раздел филологии – лингвопоэтика, предметом которой является «совокупность использованных в

художественном произведении языковых средств, при помощи которых писатель обеспечивает эстетическое воздействие, необходимое ему для воплощения его идейнохудожественного замысла» [Задорнова 1992: 20]. Лингвопоэтический подход позволяет вывести анализ текста художественного произведения на качественно новый уровень, на котором текст рассматривается как целостное и неповторимое произведение словесно-художественного творчества. Лингвопоэтика объясняет, какими языковыми средствами и приемами эксплицируются смыслы в художественном тексте и оказывается эмоционально-эстетическое воздействие на читателя. При таком анализе непременно должны быть учтены сюжетно-композиционные характеристики произведения и актуализированные в нем данные вертикального контекста. Объем привлекаемой затекстовой информации определяется как интенцией текста, так и интенцией интерпретатора. Лингвопоэтический метод анализа текста носит «челночный» характер, поскольку исследователь движется от содержания к форме, а от нее снова к содержанию.

Мысль о необходимости создания отдельной филологической дисциплины – науки о языке художественной литературы была впервые озвучена в работах В.В. Виноградова. Именно академиком В.В. Виноградовым были сформулированы предмет и задачи лингвопоэтики как отрасли филологии, изучающей язык художественного произведения. По мнению В.В. Виноградова, задача лингвопоэтического исследования заключается в том, чтобы изучить эстетическую функцию языковых единиц в произведении словесно-художественного творчества [Виноградов, 1954, с. 28]. Таким образом, в результате сближения двух подходов на стыке лингвистической и литературоведческой стилистики возник новый раздел филологии — лингвопоэтика.

Цель лингвопоэтического анализа состоит в том, чтобы определить, как та или иная единица языка (слово, словосочетание, грамматическая форма, синтаксическая конструкция) включается автором в процесс словесно-художественного творчества, каким образом то или иное своеобразное сочетание языковых средств приводит к созданию данного эстетического эффекта [Задорнова, 1992, с. 19].

Как известно, применимый к любым текстам, лингвостилистический анализ включает в себя два уровня: семантический и метасемиотический. На семантическом уровне языковые единицы (слова, словосочетания, синтаксические конструкции) рассматриваются как таковые, в их прямом значении. На метасемиотическом уровне осуществляется переход от рассмотрения непосредственного значения языковых единиц к изучению их функционирования в тексте. Слова, словосочетания, синтаксические

конструкции анализируются здесь с точки зрения дополнительного содержания, тех коннотаций, которые они приобретают в контексте [Задорнова, 1992, с. 17]. Однако, будучи универсальным, лингвостилистический анализ не учитывает специфику художественных текстов, где от исследователя требуется проникновение в идейный замысел писателя, знакомство с его миро воззрением и эстетической позицией, способом художественного мышления, отношением к культурно-филологической традиции.

Лингвопоэтика по сути своей является интердисциплинарным направлением исследований, осуществляющим анализ произведений словесно-художественного творчества и применяющим при этом свой собственный специфический понятийный аппарат, который не совпадает с понятиями и категориями смежных филологических дисциплин. Лингвопоэтика отличается от литературоведения тем, что последнее сосредотачивается преимущественно на содержательных и композиционных особенностях художественных произведений и в значительно меньшей мере рассматривает собственно языковые характеристики текста. Лингвопоэтика занимается рассмотрением всех обозначенных сторон, обращая внимание, в первую очередь, на языковые характеристики текстов, но не замыкаясь исключительно на них.

Отличие лингвопоэтики от стилистики определяется тем, что стилистическое исследование в основном направлено на создание перечня стилистических приемов, которые могут потенциально использоваться в любых текстах, не только в произведениях словесно-художественного творчества, и на последующее выявление данных характеристик в том или ином тексте. Стилистическое исследование в конечном итоге ограничивается либо констатацией противопоставления языковых единиц по наличию или отсутствию у них ингерентных коннотаций, либо изучением их употребления в речи, когда потенциально нейтральная единица становится адгерентно-коннотативной; такого рода исследование в любом случае будет сводиться к воссозданию списка тропов и фигур речи, известных еще со времен античности.

Лингвопоэтика, безусловно, учитывает данные стилистического анализа, однако в рамках лингвопоэтического исследования происходит последующая интерпретация этих данных в связи с содержательными особенностями текста, чего стилистический анализ в принципе дать не может.

Лингвопоэтические исследования имеют свои ограничения. Существует мнение, что любое произведение словесно-художественного творчества в принципе может обсуждаться лингвопоэтикой. Здесь наблюдается некоторое смешение двух категорий: собственно лингвопоэтический анализ не тождествен обсуждению эстетической значимости текста, которая создается не только за

счет стилистически маркированного употребления языковых единиц, но также с помощью содержательной и композиционной сторон текста.

Поэтому художественный текст, практически нейтральный в стилистическом плане, тем не менее, может подлежать обсуждению с точки зрения его эстетики, если его содержание так или иначе касается эстетически значимых моментов или если его композиция не сводится к последовательному описанию некоторых фактов и событий; однако лингвопоэтический анализ текста в данном случае невозможен.

При корректном употреблении терминов становится очевидным, что лингвопоэтический анализ возможен и продуктивен только в том случае, когда текст содержит достаточное количество стилистически маркированных единиц. Детективный роман, например, который по эстетической значимости, безусловно, будет бесконечно далек от шекспировского «Гамлета», но который, тем не менее, производит некоторое эстетическое воздействие на читателя, собственно лингвопоэтическому анализу будет подлежать только в том случае, если в нем встречается достаточное количество маркированных единиц. Если же эти единицы отсутствуют, лингвопоэтический разбор такого романа невозможен, в то время как обсуждение эстетических характеристик данного текста все-таки допустимо. Продуктивность и значимость лингвопоэтического анализа напрямую связаны не только с количеством употребленных стилистически маркированных единиц в тексте, но и с качеством их употребления. Если способы использования языковых единиц в достаточной мере очевидны, лингвопоэтический анализ просто констатирует наличие этих способов и особой сложностью не отличается. Подлинный интерес лингвопоэтическое исследование художественного текста представляет в том случае, если сам текст является достаточно сложным как в содержательном, так и в языковом плане. Поскольку изначально в основе лингвопоэтического анализа лежало стремление ученых объяснить непосредственное впечатление от конкретного поэтического текста, методы лингвопоэтического исследования начали разрабатываться на материале отдельных поэтических и ярких стилистически маркированных прозаических произведений, конкретных отрывков, а не текстов в целом.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Нарумов Б.. "Язык" лингвистики и "язык" философии // Contra Биbihин. - Логос. - 1999. - № 1 (11), - С. 214 - 221
2. Серебряков А.А. Романтический текст в лингвопоэтическом аспекте (на материале художественной прозы и метапоэтик Г. фон Клейста): автореф. дис. . д-ра. филол. наук. – М., 2010. – 39 с.

3. Сомова Е.В. Лингвопоэтические средства выражения авторского отношения к персонажу: автореф. дис... канд. филол. наук. – М., 1989. – 26 с.

4. Флягина Ю.В. Литературное продолжение как предмет лингвопоэтического исследования: дисс... канд. филол. наук. – М., 2000. – 178 с.

5. Шахбаз С.А. Образ и его языковое воплощение (на материале английской и американской поэзии): Автореф дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 26 с.

Tukhtasinova Nazokat

(Namangan city, Uzbekistan)

LINGUOPOETICS AS A PHILOLOGICAL DISCIPLINE

Annotation. This article discusses the theoretical features of such a linguo-stylistic category as linguopoetics: its fundamental foundations, features of study in philological disciplines.

Key words: linguopoetics, linguistic stylistics, philological disciplines, linguistic poetics.

Е.Г. Трунова, П.С. Ненахова

(Россия, г. Липецк)

lena05-79@mail.ru

pnenah@mail.ru

ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОРЫ В РЕЧИ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ДЖ.БАЙДЕНА)

Аннотация. В статье рассматривается роль метафоры в публичных речах политиков, анализируется экспрессивный потенциал метафоры, реализованный в речах президента США Дж. Байдена

Ключевые слова: метафора, экспрессивный потенциал текста, речь главы государства

Ораторское искусство зародилось еще в античности. «Сила слога» была понятна и подвластна таким выдающимся личностям как Аристотель, Юлий Цезарь, Мартин Лютер Кинг, Махатма Ганди и многим другим. Хорошо известно, что, овладев ораторским мастерством, почти каждый человек, в том числе и политик, значительно повышает свою конкурентоспособность, получает уважение и доверие аудитории и имеет возможность вести людей за собой. Отметим, что публичные речи представляют собой одну из разновидностей публицистического стиля. Они понятны массовой аудитории, актуальны на

момент их создания, объективны в аргументировании и весьма лаконичны. Каждое высказывание несет в себе оттенок личного мнения автора или спикера, которое представляется единственно правильным, содержит побуждение к каким-либо действиям [3, с. 18-23].

Успешность выступления оратора во многом зависит от его способности умело и к месту использовать в своей речи богатый арсенал выразительных языковых средств, среди которых особое место занимает метафора. Исследователь Н.Д. Арутюнова полагает, метафора представляет собой «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.д., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [2, с. 296].

В определении, данном выше, отражается одно из важнейших для публицистического текста в целом и для публичных речей в частности, свойств метафоры - способность характеризовать объекты, а значить давать им положительную или отрицательную оценку, и тем самым оказывать необходимое воздействие на реципиента текста. Соответственно, выбор метафоры в публичном выступлении, превращается по сути в выбор стратегии убеждения с помощью оценочной, идеологически нагруженной номинации, создающей и закрепляющей в сознании адресата определённый образ события или явления.

Метафора обладает имплицитностью и выраженной эмоциональностью. Данный троп возникает в процессе сопоставления абсолютно разных объектов, следовательно, его логическую сущность можно определить как категориальную ошибку. Метафора отвергает принадлежность объекта к классу, в который он изначально входит, и включает в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании. Соответственно, это противоречие побуждает слушателя совершать умственные усилия и каждый раз находить объяснение конкретному случаю языкового переноса, тем самым декодировать послания, содержащиеся в метафоре. Таким способом можно удержать внимание аудитории, более глубоко погрузить ее в смыслы, заложенные в содержание текстов, акцентировать эти смыслы.

Любопытную точку зрения на метафору имеет исследователь С.В. Агеев. Он полагает, что метафора доставляет людям эстетическое удовольствие, когда её создают или интерпретируют. Ученый поясняет, что метафора заставляет людей решить творческую задачу - восполнить недосказанное творческим усилием ума. Справившись с когнитивной задачей, предъявляемой метафорой, человек в итоге получает удовольствие, так как в человеческой психологии

заложено ценить более то, что достается большими усилиями, нежели то, что дается без особого труда [1].

Традиционно метафору рассматривают как одно наиболее эффективных способов создания образов, как образов объектов и явлений окружающего мира, так и художественных образов, так как она способна генерировать мощное ассоциативное поле, воздействующее на эмоционально-чувственную сферу человека. Таким образом, использование метафоры оратором в ходе своего публичного выступления создает аудиторию, состоящую из «активных» слушателей, эмоционально и интеллектуально вовлеченных в содержание его речи.

С другой же стороны, в публичных речах, особенно в речах политиках, метафора может служить своеобразным способом эвфемизации, позволяя спикерам уклончиво, завуалировано высказываться о неоднозначных и спорных моментах окружающей действительности, демонстрируя политическую сдержанность и осторожность в форме языковой недосказанности. Исследователь политической метафоры И.М. Кобозева полагает, что тем самым минимизируется «ответственность говорящего за буквальную интерпретацию его слов адресатом» [4, с. 134]. Кроме того, метафора «создает у партнеров по коммуникации общую платформу, опираясь на которую, субъект речи может более успешно вносить в сознание адресата необщепринятые мнения» [4, с. 135].

Все вышесказанное позволяет утверждать, что метафора содержит в себе большой потенциал для языковой манипуляции, а в конечном итоге для манипуляции сознанием аудитории, что придает метафоре особую ценность в глазах политиков и их спичрайтеров.

Рассмотрим реализацию экспрессивного потенциала метафоры на примере четырех речей 46 -го президента США Джо Байдена, а именно: инаугурационной речи от 20 января 2021 года [6], филадельфийской речи от 1 сентября 2022 года [5], вступительной речи на международном заседании братства электриков от 6 декабря 2022 года [8] и выступление на совместной пресс-конференции с французским президентом Эммануэлем Макроном [7] от 1 декабря 2022 года.

Упомянутые выше публичные выступления направлены, в первую очередь, на то, чтобы повысить рейтинг доверия личности президента среди населения, подбодрить и поддержать граждан, а также убедить в правильности проводимой политики. Метафора явно доминирует среди выразительных языковых средств, используемых американским президентом: на ее долю приходится 60 случаев употребления из 158 случаев использования средств языковой экспрессивности (без учета средств, реализуемых на фонетическом уровне). Также отметим, что короткие выступления перед небольшой группой

людей не отличались такой же выразительностью, как продолжительные по времени обращения ко всей нации.

Образы, которые пытается передать президент, многообразны, однако мы смогли выделить три основные и тесно взаимосвязанные коммуникативные цели, которые они преследуют:

- 1) описание проблем, с которыми столкнулась американская нация;
- 2) демонизация политических оппонентов;
- 3) передача патриотических меседжей и идеи уникальности американской нации.

Описывая превратности судьбы на историческом пути Америки Дж. Байден использует следующие обороты речи: *“the sting of systemic racism”* (досл. жало системного расизма), *“placed a dagger at the throat of our democracy”* (досл. приставили кинжал в горлу нашей демократии), *“America is at an inflection point, one of those moments that determine the shape of everything that’s to come after”* (досл. Америка находится в переломной точке, в один из тех моментов, которые определяет форму всего, что будет после), *“we could lift America from the depths of Covid”* (досл. мы смогли поднять Америку из глубин ковида), *“violence sought to shake the Capitol’s very foundation”* (досл. насилие стремилось пошатнуть сам фундамент Капитолия), *“through storm and strife, in peace and in war, we’ve come so far”* (досл. через бурю и раздор, в мирное время и военное, мы зашли так далеко). Этим разнообразием образов президент пытается показать, как много трудностей легло на плечи американского народа, насколько сильной оказалась его страна в критические моменты и как успешно она сумела с ними справиться. Кроме того, эти метафоры призваны объединить людей Америки в едином патриотическом порыве. Кроме того, в конце он дает надежду на то, что скоро многие проблемы будут решены окончательно – в речи президента появляется образ «видимого света» (*“we can see the light. Light is now visible”*), который Дж. Байден сравнивает свет с политикой своей партией и самим собой, противопоставляя его «тьме», которую несут его оппоненты-республиканцы.

«Тьма» - самый нейтральный образ, к которому прибегает президент в своей критике соперников на политической арене. Практически вся Филадельфийская речь направлена на демонизацию и очернение образа республиканцев, приписывание им вопиющих преступлений против государства и личности. Среди них – подтасовка на выборах, распространение экстремистской идеологии и насилия. Президент обвиняет их, используя следующие метафоры: *“undermine democracy”* (досл. подорвать демократию), *“to take this country backwards”* (досл. развернуть страну назад), *“they fanned the flames of political violence”* (досл. раздуть пламя политического насилия), *“placed*

a dagger at the throat of our democracy” (досл. приставили кинжал в горлу нашей демократии), *“they could use violence to silence the will of the people, to stop the work of our democracy”* (досл. они могли использовать насилие, чтобы заглушить волю людей, остановить работу нашей демократии). С помощью этих высокоэкспрессивных выражений оратор пытается убедить в опасности власти республиканцев, выразить свое обличающее резко негативное отношение к проводимой ими политике.

Достичь желаемого результата в описании двух предыдущих аспектов не удалось бы, без воззвания к тому, что объединяет всех Американцев – патриотизму. Дж. Байден многократно подчеркивает свою причастность к народу и демократии, отождествляя себя с ними: *“we are still a democracy”* (досл. мы все еще демократия), *“we are still at our core a democracy”* (досл. в сердце мы все еще демократия). Президент постоянно указывает на исключительность американского пути, «уникально американском» менталитете с помощью следующих образов: *“America has been a beacon to the world”* (досл. Америка всегда была маяком для мира), *“people, have burning inside of each of us the flame of liberty”* (досл. люди, внутри каждого из которых есть пламя свободы), *“every generation has opened those doors a little bit wider to include more people who have been excluded before”* (досл. каждое поколение немного шире приоткрывало дверь, чтобы включить тех людей, которые ранее были исключены – о развитии эмпатии среди американцев), *“it gives hate no safe harbor”* (досл. она не дает ненависти безопасной гавани – о толерантности).

В конце обращений ко всей нации содержится недвусмысленный призыв к «правильному» выбору. Антитеза, бегущая красной нитью по выступлениям президента, сама наталкивает рядового американца на желаемую партией повестку. Формулировка мыслей президента в данном случае в корне исключает наличие другого мнения: *“together we shall write an American story of hope, not fear”* (досл. вместе мы напишем американскую историю надежды, а не страха) или же *“America must choose to move forward or to move backwards, to build a future or obsess about the past, to be a nation of hope and unity and optimism or a nation of fear, division and of darkness”* (досл. Америка должна сделать выбор: двигаться вперед или назад, строить будущее или заикливаться на прошлом, быть нацией надежды, единства и оптимизма или нацией страха, разделения и тьмы). Все эти метафоры заставляют аудиторию реагировать враждебно на противоположное мнение, которое представлено партией-оппонентов. Причастность к нему вызывает стыд, стеснение, неготовность заявить о своей позиции и противостоять.

В целом, можно заключить, что Дж. Байден весьма умело пользуется экспрессивным потенциалом метафор в своих публичных выступлениях, что

позволяет ему успешно продвигать точку зрения демократической партии. Яркие образы, создаваемые им, из-за своей актуальности оказывают большое влияние на эмоции рядовых американских слушателей, убеждают в правильности мнения президента, вселяют надежду на лучшее будущее и скорейшее решение существующих проблем. Тонкая и изначально незаметная манипуляция чувством патриотизма и основными человеческими ценностями в последствии становится серьезным оружием, отрицающим наличие противоположного мнения сначала у политического оппонента, а затем и у обычного гражданина США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеев С.В. Метафора как фактор прагматики речевого общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.В. Агеев. –Спб., 2002.– 200 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 598 с.
3. Евтюгина, А.А. Функциональная стилистика [текст]: учебное пособие. - Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2018. - 75 с.
4. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 2001. – № 6. – С. 132 – 149.
5. Full Transcript of President Biden’s Speech in Philadelphia // The New York Times [электронный ресурс]
URL: <https://www.nytimes.com/2022/09/01/us/politics/biden-speech-transcript.html> (дата обращения: 26.02.23).
6. Joe Biden’s inauguration speech transcript, annotated // The Washington Post [электронный ресурс] URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/interactive/2021/01/20/biden-inauguration-speech/> (дата обращения 26.02.23)
7. Remarks by President Biden and President Macron of France in Joint Press Conference // The White House [электронный ресурс] URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/12/01/remarks-by-president-biden-and-president-macron-of-france-in-joint-press-conference/> (дата обращения: 26.02.23).
8. Remarks by President Biden on American Manufacturing and Creating Good-Paying Jobs // The White House [электронный ресурс] URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/12/06/remarks-by-president-biden-on-american-manufacturing-and-creating-good-paying-jobs/> (дата обращения: 26.02.23).

Elena Trunova, Polina Nenakhova
(Russia, Lipetsk)

lena05-79@mail.ru

pnenah@mail.ru

EXPRESSIVE POTENTIAL OF A METAPHOR IN THE HEAD'S OF STATE SPEECH (ON THE EXAMPLE OF J. BIDEN'S PUBLIC SPEECH)

Abstract. The article is devoted to the role of a metaphor in public speeches of politicians and its expressive potential, which is realized in the speeches of the USA President J. Biden.

Key words: metaphor, expressive potential of the text, speech of the head of state.

Турсунова Лайло Боходиржон кизи

Андижанский государственный педагогический институт, г. Андижан,
Узбекистан

E-mail: laylotursunova66@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО И КРАЕВЕДЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА В.Г.РАСПУТИНА «ИЗБА»)

Аннотация. Данная статья охватывает вопрос об использовании лингвострановедческого и краеведческого материала в процессе преподавания литературы в учебных учреждениях, и учебная дисциплина в курсе методики его преподавания. Основное содержание статьи составляет анализ рассказа В.Г.Распутина «Изба» на основе использования краеведческого и лингвострановедческого материала. Также в статье раскрываются проблемы методики преподавания, реализующая практику отбора сведений о национально-культурной специфике речевого общения языковой личности с целью обеспечения коммуникативной компетенции иностранцев, изучающих русский язык.

Ключевые слова: лингвострановедческий материал, краеведческий материал, преподавание русского языка, лингвострановедение, краеведение, лингвокультура, этнография, регион, территория, дом, бытие.

Tursunova Laylo Bohodirjon kizi

Andijan State University, Andijan, Uzbekistan

E-mail: laylotursunova66@gmail.com

THE USE OF LINGUISTIC AND LOCAL LOCAL MATERIAL IN THE PROCESS OF TEACHING LITERATURE (ON THE EXAMPLE OF V. G. RASPUTIN'S STORY "HUT")

Abstract. This article covers the issue of the use of linguistic and regional studies and local history material in the process of teaching the Russian language in educational institutions, and the academic discipline is aware of the methodology of its teaching. The main content of the article is the analysis of the story by V. G. Rasputin "The hut" based on the use of local history and linguistic and cultural material.

The article also reveals the problems of teaching methodology, which implements the practice of selecting information about the national and cultural specifics of speech communication of a linguistic personality in order to ensure the communicative competence of foreigners studying Russian.

Key words: linguistic and cultural material, local history material, teaching the Russian language, teaching Russian literature, linguistic and regional studies, local history, linguistic culture, ethnography, region, territory, house, being.

Русский язык – самый распространенный среди других языков в мире. Русское слово – связующее звено нашего великого многонационального государства. Поэтому надо иметь в виду, что кроме страноведческой информации общего характера, содержит и информацию, связанную непосредственно с конкретной местностью пребывания учащихся. Каждая территориальная разновидность языка наряду с общеязыковыми, имеет свои специфические способы фиксации культурной информации, вызванные внутриязыковыми или экстралингвистическими факторами. Задача определения содержания учебного материала по русскому языку для национальных школ связана с выбором общей исходной принципиальной позиции. В целях усиления практической направленности преподавания необходимо исключить второстепенный материал, уточнить принципы и пути организации учебного материала, установить более тесные связи между изучением явлений и фактов языка и формированием речевых умений и навыков. Целью данного исследования является использование лингвострановедческого и краеведческого материала в процессе преподавания русского языка в учебных заведениях, также обучение русскому языку как совокупности форм выражения с изучением общественной и культурной жизни носителей языка, с позиции теории культурной и языковой вариативности. Также следует отметить о краеведческих потенциях языковой среды, так как она связана с определённым местом проживания иностранных учащихся и обладает присущей данному региону спецификой.

Лингвострановедение – важнейший компонент в процессе обучения русскому языку как иностранному. Во многих трудах ученых рассматриваются теоретические и практические аспекты лингвострановедения. Например, по мнению Р. К. Миньяр-Белоручева, в знания лингвострановедческого материала входит лексический фон, национальная культура, национальные реалии. А вот учёные Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров утверждают, что все уровни языка «культуроносны», то есть они имеют страноведческий план, поэтому изучение культурного компонента слов является важным условием для успешного овладения иностранным языком [2, с. 240]. А что подразумевается под термином краеведение? Краеведение – средство сохранения социальной памяти, изучения культурного наследия, «воспитывающая наука», как назвал её академик Д.С. Лихачёв. Воспитание патриотизма, любви к своей стране невозможно, если ребёнок не знает истории своей малой родины. Таким образом, учитель по мнению психолога Л.С. Выготского, пробуждает «умные эмоции», которые помогают взглянуть новыми глазами на родной город, людей, живущих в нём. Современный этап развития методики преподавания русского языка характеризуется поиском эффективных путей обучения, ориентированного на усиленное внимание к функциональному аспекту изучаемых явлений языка. Это предполагает целенаправленное наблюдение за особенностями использования языковых средств в региональном аспекте, характеризующем языковые особенности нашей местности.

Русская литература, начиная со времён Древней Руси, раскрывает духовность человека через отречение от эгоистических личных потребностей во имя родной земли, ближнего, совести, справедливости и чести. Творчество В.Г.Распутина принадлежит к так называемому направлению «деревенской прозы». Он обращается в своём творчестве к герою-крестьянину, который является хранителем русской традиции. «Я вырос в деревне. Она меня вскормила. И рассказать о ней – моя обязанность»... Так говорит о себе один из центральных фигур литературного процесса второй половины XX века Валентин Григорьевич Распутин. Он писал в жанре деревенской прозы не для того, что это было в моде, а потому, что эта тема была ему по душе, ему изнутри хотелось писать, его волновало происходящее, он хранил верность памяти уходящим деревенским традициям, событиям и нравам.

Произведения В.Распутина пронизаны этнической составляющей настолько, что понять их и проанализировать иноязычной аудиторией достаточно сложно. Ввиду чего в учебном процессе необходимо прибегать к лингвострановедческому и краеведческому материалу. Одним из произведений последнего периода творчества Распутина является рассказ «Изба». Его основа – процесс строительства заново избы главной героини старухи Дарьи,

вынужденной переселиться на новое место ввиду ликвидации своей деревни. Изба становится символом патриархальной жизни России. В рассказе она продолжает жить и после смерти хозяйки. Чтобы вникнуть в сюжет рассказа, учащиеся должны получить из лингвострановедческого и краеведческого материала понятие о Сибири как лесном крае с его бескрайней тайгой, где люди столетиями соприкасались с природой. Национальной аудитории, например, узбекам, привыкшим к жизни среди хлопковых полей и гор, достаточно сложно без дополнительных сведений представить уклад Сибири. Прежде всего в начале занятия по изучению данного произведения следует провести словарную работу: в тексте рассказа довольно много незнакомых слов для учащихся, и студентам предлагается отметить их лексическое значение:

1. Гоношил – собирать, припасать, копить.
2. Взлобисто – высоко, на взгорье.
3. Надсада – надрыв, чрезмерное напряжение.
4. Молодайка – молодая женщина.
5. Чирки – башмаки, шаркуны.
6. Катанки – самодельные валенки.
7. Зароды – скирды сена продолговатой формы.
8. Снулая – сонная.
9. Стайка – сарай.
10. Поката – специальное приспособление для подъема бревен (от *катить*)
11. Лихоманка – лихорадка[4].

При работе с неизвестными словами налицо слуховое восприятие слова (новые слова произносит учитель, произносят, конечно, и учащиеся), моторно-зрительное восприятие (запись на доске, в тетради) и, наконец, зрительно-речевое восприятие слова (учащиеся должны перейти к чтению связного текста, из которого слово было выделено). Далее, чтобы учащиеся лучше восприняли образ избы – ключевой в данном рассказе, учитель может предложить им выдержки из книги Г.Д.Гачева «Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца», где достаточно чётко представлена роль дома в представлении человека: «Дом – макет мироздания, национальный космос в уменьшении. Здесь земля – пол, небо – крыша, страны света – стены. ...Как мир (природа) – храм, дом Бога, так дом – храм человека, человек творит дом, как Бог мир – по своему образу и подобию» [2, с.11-12].

Следует особо отметить, к примеру, роль печи для русского человека. Из краеведческого и лингвострановедческого материала учащиеся-националы должны получить сведения о том, что со времён Древней Руси именно печь была основой русского дома, основой его тепла, основой его красоты. Как говорит Г.

Гачев: «Как сердце наше – очаг, так и очаг – сердце жилья. Строится печь как дом для огня. Русская печь – целое архитектурное сооружение, храм с отсеками: приступки, окна, лежанка. Печь – это дом в доме» [2, с. 21]. Только узнав это, учащиеся-узбеки могут понять, почему Агафья успокаивается только «возле русской печки, брошенной под небом» [5, с. 314]. Сам автор говорит, что русская печь – «венец» дома.

Процесс постройки избы лучше воспринимается после прочтения слов Г. Гачева: «есть соответствие между позой человека и устройством дома. У избы пол поднят над землей, стоит на камнях, есть и подпол – и недаром, здесь человек не на полу, а на скамье или на стуле сидит» [2, с. 13]. Дверь, по словам учёного, – «щит от инородного пространства. Когдаходишь в русскую избу, изолируешься от пространства» [2, с. 20]. В рассказе Распутина читаем, что когда «Агафье Савелий заменил на новые все табуретки и лавки, вся изба пропахла сладким смоляным духом» [5, с. 324]. Слова о том, что «вся изба пропахла», создают ощущение ее замкнутого пространства [8]. «Смоляной дух» наполняет собой дом, задерживаясь в нём и не распространяясь за его пределы. По словам Савелия, Агафья, «баба храбрая» и «алчная до работы», «избу свою возвысила». Автор пишет, что над избой Агафьи «будто свет струился». Изба встала «в рост, сразу вдвигаясь в жилой порядок» [5, с. 318].

Итак, В.Г.Распутин предстаёт перед нами как автор, следующий духовно-нравственным традициям отечественной литературы, глубоко переживающий национальное беспамятство, потерю духовной связи с крестьянским миром своих предков. Он показывает гибельный путь человека, порвавшего связь со своими корнями, но оставляет надежду на возрождение.

Г. Гачев в своей книге показывает особый склад характера россиян, сформировавшийся в условиях суровой природы. Учащиеся должны помнить, что Россия, в отличие от Узбекистана, является суровым краем, большая часть территории которого находится в районе вечной мерзлоты. Кроме книги Г.Гачева, в качестве лингвострановедческого и краеведческого материала можно взять этнографические словари и пособия, в которых подробно освещается жизнь русского народа, в том числе сибиряков.

Применение краеведческого материала в системе преподавания играет действенную роль в методике преподавания, в нравственном и эстетическом воспитании обучающихся, в формировании чувств патриотизма, национальной гордости, любви к родному краю, в развитии их самостоятельности.

Использование краеведческих и лингвострановедческих материалов способствует формированию у школьников целостной мировоззренческой позиции на основании овладения системой знаний о ценностях и достоинствах своей родины и воспитанию человека культуры, патриота своей страны и

гражданина мира, способного интегрироваться в мировое сообщество и успешно функционировать в нём. Таким образом, подводя итоги можно сказать, что лингвострановедение и краеведение имеют несколько совокупных направлений: обучают русскому языку как иностранному, а также знакомят с историей, культурой, традициями и духовными ценностями русского народа. В процессе усвоения страноведческих знаний у студентов формируется коммуникативная компетенция в межкультурной коммуникации, формируются социокультурные знания и умения. А это значит, что, изучая новую тематику, студенты углубляют знания о стране или странах, приходит понимание того, что значит мировая культура, расширяются границы лингвистических и культурологических знаний, навыков и умений, которые связаны с использованием языковых средств и правилами речевого поведения. Понимание языка и умение пользоваться им как средством коммуникации возможно только после усвоения студентами социокультурного фона языковых феноменов [13, с. 196].

Важно отметить, что с помощью страноведческой информации у студентов быстрее проходит процесс аккультурации (адаптации) к новой социокультурной среде. Чем больше будут узнавать студенты о реалиях жизни на занятиях по русскому языку как иностранному, тем легче им будет адаптироваться.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. О России и о русской философской культуре. М.: Наука, 1990. 528 с.
2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. 368 с.
3. Гачев Г.Д. Соседи России. Польша, Литва, Эстония. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 384 с.
4. Забайкальский словарь – слова и все сообщения. [//https://slovarzb.ucoz.org/DictionaryAll.htm](https://slovarzb.ucoz.org/DictionaryAll.htm)
5. Распутин В.Г. В поисках берега: Повести, рассказы, статьи. М.: Русский мир: Московские учебники, 2008. 480 с.
6. Смирнова А.И. Локус дома в современной русской прозе // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 3. С. 8-15.
7. Смирнова А.И. Локус дома в художественном мире Виктора Астафьева // Феномен В.П. Астафьева как регионально-национальное самосознание эпохи / Отв. ред. А.М. Ковалева. Красноярск: КГПУ, 2017. С.81-93.
8. Терешонок Е.В. Национальный образ мира в рассказе В. Распутина «Изба»// Электронный журнал «Наука в мегаполисе». Выпуск №5(13) Исследования молодых учёных. <https://mgpu-media.ru/issues/issue-13/ethno-cultural-space/national-image.html>

9. Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 2. С. 161-166.
10. Литневская Е.И. Методика преподавания русского языка в средней школе. 2006 .
11. Сенаторова О.А. Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка как иностранного.2003.
12. Красильникова Е.В. Науки об образовании. 2008.
13. Митрофанова О. Д. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 196 с.
14. Верещагин Е. М. Язык и культура :Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М. : Русский язык, 1990.240с.

О.И. Уланович

(Беларусь, г. Минск)

oksana.ulanovich@mail.ru

Е.С. Воронович

(Беларусь, г. Минск)

eug.voronovich2308@gmail.com

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ ДИСКРЕДИТАЦИИ ОППОНЕНТА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

Аннотация. На основе анализа ряда телевизионных шоу-программ на американском канале Fox News авторы выявляют и классифицируют тактики, воплощающие стратегию дискредитации политических оппонентов в медиариторике ведущих риториков данного информагентства.

Ключевые слова: медиасреда, политическая медиакommunikация, стратегия дискредитации, коммуникативные тактики.

Цифровизация социальной коммуникации способствовала трансформации медиасреды из площадки информационного обмена в пространство самого существования общества, что проявляется в медиатизации всех социальных процессов и практик. Так, в рамках отмеченной тенденции мы сегодня можем четко фиксировать перемещение политической коммуникации в медиареседу, что предопределило появление термина «политическая медиакommunikация».

Такие преимущества медиасреды как визуализация, альтернативность источников информации и доступность (вплоть до избыточности) инфоресурсов для всех членов общества вызвали определенные изменения моделей, формата,

тональности и языка современной политической медиакommunikации. Наблюдаемыми сегодня тенденциями преобразования политической медиакommunikации являются: ее *театрализация* и *шоуизация* (создание в медиа по законам шоу-бизнеса симулякров политических субъектов и процессов), *эстетизация* (апеллирование к эмоционально-чувственной сфере нашего сознания вместо опоры на логику словесной аргументации), *декодификация медиариторики* (снижение языкового стандарта, сплошь и рядом наблюдаемое нарушение канонов институциональности общения и культуры речи).

С учетом отмеченных тенденций развития современной политической коммуникации, политическая борьба в медиа сегодня активно задействует приемы грубоватой экспрессивности и агрессивную риторику. Продвижение политическим субъектом своих интересов, взглядов и позиции, а также завоевание политических очков, авторитета и, в итоге, поддержки масс все чаще сегодня сопряжено не столько с акцентированием своего позитивного политического образа «Я», сколько с активной дискредитацией политического оппонента и противника.

Как одна из ключевых коммуникативных стратегий в политической коммуникации, стратегия *дискредитации оппонента* может быть определена как поведенческая модель, включающая речевые и неречевые действия говорящего, «оскорбляющие, ликоущемляющие, наносящие урон позитивному лицу другого человека в силу намеренной широкой публичности этих действий» [2, с. 192].

Анализ медиариторики, демонстрируемой сегодня в англоязычном медиапространстве, в частности, в ряде ток шоу политической направленности на американском канале Fox News, позволил нам разработать следующую классификацию **тактик** вербального воплощения коммуникативной стратегии дискредитации оппонента в политической медиакommunikации.

Тактика *стигматизации* заключается в навешивании ритором своего рода «ярлыков», «стигм» на политического или идеологического оппонента с использованием пейоративной лексики и дисфемизмов с целью нанесения урона его позитивному лицу:

Tacker Carlson (консервативный политический обозреватель): *They [US government] just assume that China must be bluffing. Just another **backward third-world government making huffing noises**. You don't take them seriously – ‘Они [правительство США] просто предполагают, что Китай, должно быть, блефует. Просто еще одно **отсталое правительство третьего мира, которое пыхтит**. Ты не воспринимаешь их всерьез’;*

Rob Long (писатель, телевизионный продюсер, приглашенный гость на Fox News) о Хантере Байдене: *he [Hunter Biden] is a **drug addict**, he is an **influenced Peddler*** – ‘он – **наркоман, влиятельный наркодиллер**’.

Суть тактики **сарказма** заключается в изобличении и демонстрации в крайне негативном свете различных недостатков политического лидера, иных субъектов политики, событий, решений и др. Сарказм является формой вербального комического. По мнению М.Р. Желтухиной, комическое в политической коммуникации «представляет собой разновидность оценки в семантике знака» и «выполняет атональную и гармонизирующую функции в политическом дискурсе» [1, с. 4]. Сарказм является эффективным средством дискредитации позитивного лица оппонент, поскольку представляет собой злобное зубоскальство в адрес как внешности, ума, привычек, манер человека, так и в отношении его решений, действий и различных ситуаций:

Tacker Carlson (о нашествии поезде Нэнси Пелоси на Тайвань): *Chinese leaders **treated Pelosi's arrival like an invasion**. Air raid sirens sounded in coastal towns in China as her plane approached* – ‘Китайские лидеры **восприняли прибытие Пелоси как вторжение**. Сирены воздушной тревоги звучали в прибрежных городах Китая, когда ее самолет приближался’.

Тактика **демагогии** заключается в мотивированном риторстве говорящего: использовании им многословных пафосных, патетических конструкций, различных ораторских и риторических приемов:

Tacker Carlson: *It's possible that the Biden administration is **so completely incompetent**, the people who run the White House are **so utterly blinded by their own arrogance and their ineptitude**, that they just don't appreciate or even understand the implications of what they are doing* – ‘Возможно, администрация Байдена **настолько некомпетентна**, а люди, управляющие Белым домом, **настолько ослеплены собственным высокомерием и некомпетентностью**, что просто не осознают или даже не понимают последствий того, что они делают’.

Суть тактики **конспирологии** заключается в генерировании своего рода теорий заговора, в озвучивании в эфире ритором предположений и объяснений, зачастую дезинформирующих и даже абсурдных, но с дальним прицелом: это призвано посеять семя сомнения в сознании слушателей относительно, например, бескорыстности, чистоты и честности действий и планов политических противников:

Tacker Carlson: *Well, on the internet, you may have noticed quite a bit of speculation, some of it generated by Chinese state media, that **Pelosi went to Taiwan to check on investments that her husband Paul made using insider information*** – ‘В Интернете вы, возможно, заметили довольно много слухов, некоторые из них исходят от китайских государственных СМИ, о том, что **Пелоси отправилась**

на Тайвань, чтобы проверить инвестиции, которые ее муж Пол сделал, используя инсайдерскую информацию’.

Суть тактики *прямой инвективы* – нанести урон позитивному лицу политического противника посредством использования уничижительной и даже бранной лексики:

Greg Gutfeld: Merrick Garland – *the cartoon owl* – Меррик Гарланд (генеральный прокурор США) – ‘мультяшная сова’; Joe Scarborough – *Is he so stupid...? Yeah, he is that stupid? At least Biden has dementia, what’s his excuse?* – Джо Скарборо (либеральный политический журналист) – ‘Неужели он настолько глуп...? Да, он такой тупой? По крайней мере, у Байдена слабоумие, а какое у него оправдание?’.

Тактика *инкриминирования* заключается в своего рода припоминании ритором некоторых оплошностей, неверных решений, действий, поступков политического оппонента, которые преподносятся как деструктивные или даже преступные политические или управленческие решения:

Laura Ingraham (телеведущая, консервативный политический обозреватель): *We’re supposed to just, I guess, look past the years of sleaze and corruption of Hunter Biden and Hillary Clinton, and the DOJ’s kid-glove treatment of it all* – ‘Я полагаю, мы должны просто забыть о годах подлости и коррупции Хантера Байдена и Хиллари Клинтон, а также о том, как Министерство юстиции относится ко всему этому по-детски’.

Tacker Carlson (о правительстве демократов): *They break things. They show up. They make things worse.... They did it in Afghanistan. They did it in Iraq. They did it in Ukraine. They did it in Syria. They did it in Libya* – ‘Они все ломают. Они показушничают. Они делают только хуже... Они сделали это в Афганистане. Они сделали это в Ираке, на Украине, в Сирии. Они сделали это в Ливии’.

Тактика *негативной оценки* заключается в использовании лексем с отрицательной оценочностью в публичных характеристиках и оценках ритором действий, высказываний, решений политического субъекта:

Tacker Carlson (о действиях кабинета Байдена): *Well, it is entirely possible that the most obvious explanation for this debacle is the right one* – ‘Вероятно, наиболее очевидное объяснение этого фиаско является единственно правильным’.

Коммуникативно-функциональный анализ полных текстов следующих ток-шоу на канале Fox News: 1) Tucker Carlson: Chinese leaders treated Pelosi’s arrival like an invasion (August 2, 2022); 2) Greg Gutfeld: Democrats are suddenly against criticizing law enforcement (August 13, 2022); 3) Laura Ingraham: “The Ingraham Angle” on DOJ’s lack of transparency on Trump raid (August 16, 2022) позволил нам обнаружить суммарно 85 эпизодов использования риториками тактик

дискредитации оппонента. Статистический анализ ранжирует следующим образом данные тактики по степени их популярности в современной англоязычной медиариторике, в частности, на канале Fox News: тактика демагогии (29 эпизодов, 34%), сарказма (23 эпизода, 26,7%), инкриминирования (13 эпизодов, 15,3%), негативной оценочности (7 эпизодов, 8,2%), конспирологии (7 эпизодов, 8,2%), стигматизации (3 эпизода, 3,5%) и прямой инвективы (3 эпизода, 3,5%).

Выявленная предпочтительность таких тактик дискредитации как демагогия и сарказм вполне понятна и объяснима четко наблюдаемыми сегодня тенденциями комизации медиариторики, одним из инструментов воплощения которой может рассматриваться популизм и риторство с акцентом пафоса. Менее репрезентативны тактики стигматизации и прямой инвективы, что объясняется их грубоватой экспрессивностью вплоть до вульгаризации и грубого нарушения норм культуры речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе (на материале немецкого и русского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Волгоград, 2000 – 251 с.

2. Уланович О.И., Дайнеко Д.В. Инвективная стратегия в современном политическом общении как отражение возрастающей конфликтности политической коммуникации // Современные технологии обучения иностранным языкам: Сб. научных трудов / отв. ред. Н.С. Шарафутдинова. – Ульяновск: УлГТУ, 2021. – С. 191-198.

O.I. Ulanovich

(Belarus, Minsk)

oksana.ulanovich@mail.ru

E. S. Voronovich

(Belarus, Minsk)

eug.voronovich2308@gmail.com

COMMUNICATIVE TACTICS OF DISCREDITING AN OPPONENT IN ENGLISH-LANGUAGE POLITICAL MEDIA COMMUNICATION

Abstract. Based on the analysis of a number of television show programs on the Fox News American channel, the authors identify and classify tactics that embody the communicative strategy of discrediting political opponents in the media rhetoric of the leading rhetoricians of this news agency.

Keywords: media sphere, political media communication, discrediting strategy, communication tactics.

ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ МОДУС РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАРИТОРИКИ

Аннотация. В статье автор классифицирует и описывает приемы реализации вербальной агрессии в современной политической медиакommunikации. Их выделение стало возможным в результате осуществления анализа медиариторики, демонстрируемой на популярных американских каналах.

Ключевые слова: медиакommunikация, медиариторика, вербальная агрессия, пейоративность, дерогативность.

В современную эпоху роста социальной конфликтности мы можем наблюдать возрастание уровня напряженности в коммуникации, в том числе и реализуемой в медиасреде – медиакommunikации. Физическая агрессия в реальной жизни заменяется в медиасреде вербальной агрессией, которая выступает проявлением неприязни, враждебности, деструктивного коммуникативного поведения. В связи с этим тема толерантного отношения к собеседнику, проблема соблюдения основ речевого этикета и эмоциональной устойчивости становятся как никогда ранее актуальными.

Помимо наиболее частотного определения «агрессивности» как воинственного, наступательно-захватнического, враждебного, завоевательского поведения, данный термин в англоязычных словарях трактуется шире как:

‘hostile, injurious, or destructive behavior or outlook especially when caused by frustration’ (враждебное, несправедливое или разрушительное поведение или мировоззрение, в частности, вызванное фрустрацией) [1];

‘feelings of anger and hate that may result in threatening or violent behaviour’ (чувства злости и ненависти, которые могут привести к угрожающему или жестокому поведению) [2].

Тем самым, агрессивность – это не только проявление физической агрессии, но, шире – деструктивное, угрожающее, травмирующее окружающих людей поведение, в том числе и вербальное. Сегодня мы можем четко фиксировать экспансию вербальной агрессии в медиакommunikацию и, в частности, в политическую коммуникацию в медиасреде.

Как замечает О.П. Шевченко, политический дискурс, как англоязычный, так и русскоязычный, являясь незаменимым компонентом современного

социума, оказывает огромное влияние на формирование и развитие принципов социального взаимодействия, а также выступает в качестве эффективного инструмента насильственного, агрессивного воздействия, протекающего как эксплицитно, так и имплицитно посредством вербальных действий по внедрению убеждений [3, с. 56].

А.П. Сковородников использует термин «коммуникативная агрессия» и определяет ее как проявление желания говорящего, имеющего определенное политическое влияние, унижить, вербально подавить политического соперника в борьбе за получение или удержание власти; это «скрытое или явное воздействие на адресата с целью изменения личностных, идеологических, ментальных и оценочных установок, а как результат – поражение в полемике» [4, с. 35]. «Агрессивность в коммуникации воплощается в формах *вербальной агрессии*, обозначаемой также как языковая / речевая агрессия, язык вражды, языковое насилие, антиязык» [5, с. 260].

По мнению А.П. Чудинова, вербальная агрессия в современном политическом дискурсе проявляется в: 1) навешивании ярлыков – стигматизации; 2) использовании инвективы (брани, оскорблений); 3) негативной оценке политических оппонентов, зачастую выраженной в грубой, саркастической, двусмысленной форме [6, с. 67]; 4) агональности общения; 5) возбуждении у масс тревожности, неуверенности, неудовлетворенности существующим в стране положением дел и страха перед будущим [6, с. 70].

Проведенное нами исследование позволило нам предложить свою классификацию приемов воплощения вербальной агрессии в англоязычной политической медиакommunikации. В соответствии с этой классификацией мы выделяем пейоративные и дерогативные приемы воплощения вербальной агрессии в медиариторике политических риториков.

Пейоративные приемы предполагают использование в речи пейоративов. Особенность *пейоративной лексики* – «направленность на конфликт, дистанцирование». Это воплощение вербальной агрессии в негативной оценке, связанной с критикой, прямым обвинением, порицанием пороков, выдвижением претензий конкретному лицу [7, с. 55].

Пейоративные приемы мы предлагаем дифференцировать в зависимости от того, какая стороны образа оппонента агрессивно оценивается и каким способом, в связи с чем предлагаем выделять: пейоративную оценку личности, пейоративную оценку профессиональных качеств и пейоративную эвфемизацию.

Пейоративная оценка личности – это вид коммуникативной агрессии, который основывается на оценивании индивидуально-личностных черт, таких

как интеллект, возраст, приверженность определенным взглядам, манера общения, поступки.

Марк Холлингсуорт, автор 10 книг, ведущий журналистские расследования, редактор журнала *The Spectator* следующим образом высказался о Сергее Шойгу: *So who is this secretive, workaholic man overseeing Russia's most aggressive foreign policy since the Cold War?* – ‘Так кто же этот **скрытный трудоголик**, ответственный за самую жесткую внешнюю политику России со времен холодной войны?’.

Пейоративная оценка профессиональных качеств личности – проявление вербальной агрессии, которое содержится в негативной оценке действий, должностных решений, профессиональных качеств, политики конкретного публичного лица или коллективного субъекта (например, кабинета правительства). Иными словами, оценивается качество выполнения лицом его профессиональных обязанностей и долга.

Такер Карлсон (политический аналитик и телеведущий на канале Fox News): *At the same moment that we are clearly goading other countries into conflict with each other and with us, we are, meaning the Biden administration is, **degrading our ability to participate or prevail in those wars*** --В то же время, когда мы явно подстрекаем другие страны к конфликту друг с другом и с нами, мы, имея в виду администрацию Байдена, **унижаем нашу собственную способность участвовать или побеждать в этих войнах.**

Пейоративная эвфемизация основана на выражении негативной оценки (отношения) через подтекст, посредством придания скрытого дополнительного смысла высказыванию:

Грег Гатфилд (консервативный ведущий телешоу на канале Fox News) о Джо Байдене: *He's always on the wrong side of everything. But, hey, **at least he's a nice guy and he doesn't tweet*** – ‘Он все время на неверном пути. Но, по крайней мере, он славный парень и не пишет твиты’.

Импликацией в данном высказывании является иронизирование по поводу «славного парня», единственным достоинством которого является то, что он не строчит твиты. При этом говорящий намекает на тот факт, что Трампу злопыхатели вменяют в вину именно его безудержную активность в Twitter, что якобы и привело к штурму Капитолия.

Помимо отмеченных нами выше трех пейоративных приемов агрессивной риторики в медиасреде мы отмечаем еще и два следующих дерогативных приема.

Дерогативность – это способ выражения негативной оценки, агрессии в адрес конкретного индивида, в то время как она субъективно мотивирована и ее основой выступают личностные оценки говорящего. Дерогатив достигает свои

коммуникативно-прагматические цели через акцентирования пренебрежения и презрения [7, с. 55].

Итак, группа **дерогативных приемов** включает в себя следующие разновидности.

Прямая инвектива как вид коммуникативной агрессии предполагает часто бесцеремонное и немотивированное использование ненормативного пласта лексики с целью уничижения лица, нанесения урона позитивному образу политического оппонента в глазах общественности.

Крис Сальседо (политический обозреватель на Newsmax TV): *Took **slow Joe** a while to stop his illegal immigration crisis or try to stop it* – ‘Тугодуму Джо потребовалось время, чтобы остановить миграционный кризис или попытаться его остановить’;

Лоуренс о’Доннелл (политолог и телеведущий на либеральном канале MSNBC): *Donald Trump **has always seethed contempt*** – ‘Дональд Трамп **всегда вызывал презрение**’;

Стигматизация как еще один пейоративный прием агрессивной медиариторики подразумевает приписывание политическому сопернику определенного качества, чтобы сформировать негативное отношение к субъекту посредством клеймения, навешивания ярлыков (стигм):

Арнольд Шварценеггер (американский актер, мэр штата Калифорния 2003-2011) в своем видеообращении после нападения на Капитолий 6 января 2021 года: *Donald Trump **is a failed leader; he will go down in history as the worst president ever*** – ‘Дональд Трамп – **лидер-неудачник**; он войдет в историю как **худший президент** за всю историю человечества’.

Таким образом, вербальная агрессия, являясь тенденцией развития современной медиариторики, активно воплощается в таких пейоративных и дерогативных приемах как: пейоративная оценка личности, профессиональных качеств лица, пейоративная эвфемизация, а также прием прямой инвективы и стигматизация.

Хотя проявление вербальной (коммуникативной, речевой) агрессии имеет свои отрицательные морально-этические аспекты, она является ключевым, наиболее эффективным и быстрым способом убеждения не только одного субъекта, но целых групп целевой аудитории, что достижимо благодаря активному развитию и доступности медиасреды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пищулин П.С. К вопросу определения интенциональной направленности эпиграмматических текстов. – Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания», 2015. – No5(39) – С. 55-58

2. Сковородников А. П. Языковое насилие в современной российской прессе. Теоретические и прикладные аспекты речевого общения (научно-методический бюллетень). – Красноярск: Ачинск, 1997. – С. 35-41.

3. Уланович О.И. Агрессивность в современной медиариторике как проявление социальной конфликтогенности. Художественное произведение в современной культуре: творчество – исполнительство – гуманитарное знание: сб. ст.; сост. А.С. Макурина. – Челябинск: ГБОУ ВО «ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского», 2021. – С. 259-262.

4. Чудинов А. П. Политическая лингвистика.– М.: Флинта, 2006. – 370 с.

5. Шевченко О.П. Политический дискурс как фактор формирования агрессивной социокультурной реальности. – Сборник трудов конференции «Профильное и профессиональное образование в условиях современного поликультурного пространства», 2016. – С. 51-57.

6. Meriam-Webster Dictionary. – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения 10.02.2023)

7. Oxford Learner's Dictionaries. – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения 10.02.2023)

Franchuk Julia
(Belarus, Minsk)
yuliya.franchuk@bk.ru

VERBAL AGGRESSION AS THE DOMINANT MODUS OF CONTEMPORARY MEDIA RHETORIC DEVELOPMENT

Annotation. In the article the author classifies and describes the methods of implementation of verbal aggression in modern political media communication. The analysis of media rhetoric on popular American TV channels has made it possible to single them out.

Keywords: media communication, media rhetoric, verbal aggression, pejorative, derogatory.

С. И. Халилова
(Узбекистан, г. Андижан)
xalilovasevara2020@gmail.com

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВИЗМА

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы билингвизма и его влияния на языковую личность. Дается описание видов билингвизма; перечислены различные факторы, воздействующие на формирование билингвальной компетенции человека: возраст, индивидуальный опыт билингва, социокультурные условия взаимодействия двух языков и т.д. Отмечаются как положительные, так и отрицательные изменения в родной речи при изучении другого языка. Особое внимание уделяется вопросам предотвращения интерференции родного языка в процессе обучения иностранному.

Ключевые слова: билингвизм, языковая компетенция, двуязычная компетенция, интерференция, языковая самоидентификация, языковая личность, языковая аутентичность, уровни двуязычия, коммуникативные стратегии, речевые тактики, национальная коммуникативная стилистика.

Билингвизм – это поочерёдное оперирование двумя языковыми системами. Существуют две центральные вариации двуязычия: поздняя (приобретённая) и детская (врождённая). Такое явление как «билингвизм» всегда волновало человеческие умы. Первые упоминания о двуязычии были еще в античные времена. В прошлом веке люди думали, что те, кто владеет двумя языками, будут путать языки, не смогут одинаково хорошо усвоить их. В сегодняшнем же мире мы с уверенностью можем сказать, что люди, владеющие двумя и более языками, невероятно талантливы и составляют почти половину населения земного шара, а студенты-билингвы — студент будущего. Студент-билингвы чаще всего успешные студенты, потому что благодаря развитому абстрактному мышлению они лучше усваивают науки, литературу, иностранные языки, они обладают языковой интуицией, умением быстро переключаться с одного языка на другой, если этого требует ситуация. Конечно, всё вышеперечисленное действительно возможно, если студент к началу обучения уже умеет читать, считать и проводить минимальный лингвистический анализ сразу на обоих языках [1, с.27]. Именно поэтому сегодня можно наблюдать особой интерес к изучению билингвизма. В конце 2007 г. ученый-лингвист, методист, преподаватель РКИ А. Л. Бердичевский выдвинул тезис о «межкультурном образовании» в противовес принятому «языковому обучению». В начале 2011 г. другой российский лингвист и методист В. И. Шляхов выдвинул «метасмысловую» дискурсивную парадигму как идеальную методическую основу преподавания РКИ в будущем. В данной статье мы собрали несколько практических рекомендаций, которые можно использовать при обучении русскому языку студентов-билингвов. Итак, несомненно, чтобы освоить русский язык, нужно иметь достаточно развитый «речевой» слух, то есть уметь различать звуки в словах. Особое внимание уделить заданиям на самостоятельную

систематизацию. Студент должен осознавать, что когда слово меняется по формам, то обязательно будет меняться и окончание, а это — очень важный для коммуникации момент [5,6,7,8]. В работе полезно использовать небольшие тексты. Сложные и разрозненные предложения — не лучшие помощники в обучении билингвов. Заучивание легких четверостиший также улучшает память. Можно даже предложить им «письмо по памяти». Важно подобрать удобную именно для студентов той или иной группы форму конструирования правил — алгоритмы, таблицы, схемы. Несомненно, огромную роль в обучении русскому языку студентов-билингвов играют задания-игры. Здесь важно помнить, чтобы игра не стала основным способом обучения, а была лишь дополнительной мотивирующей формой. Для достижения этой цели можно использовать мозговую атаку («Догадайтесь...»), воображаемую ситуацию («Придумайте...»), направляемую (темы заранее предложены) или свободную (темы студентам не известны) дискуссию, ролевую игру, интервью, перекодирование информации из одной формы ее представления в другую. Еще одним действенным инструментом в обучении билингвов русскому языку является дифференциация [2, с.35]. Но не всегда есть необходимость делить студентов на группы по языковому уровню. Главное, при дифференциации на уроках русского языка студенты в группе не должны оказаться случайно. Можно применить разделение по интересам, по уровню владения языком, по межличностным взаимоотношениям в коллективе. Здесь важно не только знание психологии и педагогики, но и анализ причин предыдущих неудач при делении на группы. Сегодня количество билингвов в мире постоянно увеличивается. Но несмотря на многолетний период изучения этого явления, сегодня тема обучения в двуязычных условиях остается и будет становиться все востребованнее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вайнрайх У. Языковые контакты. - Киев, 1998. — 174 с.
2. Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы языковых контактов // Новое в лингвистике. Языковые контакты. - М., 1992. - Вып. VI. — С.186-199
3. Залевская А.А., Медведева И.А. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия.— Тверь, 2002.— 295 с.
4. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). — М., 1999.— 243 с.
5. Хайдарова Н.А. К постановке теоретического вопроса: поэтика лабиринта в прозаическом дискурсе русскоязычных писателей Узбекистана (на примере творчества В.Г. Яна) \Языки и литература в поликультурном пространстве.— М., 2021 .— С.230-233

6. Хайдарова Н.А. Смыслы, ценности, нормы в бытии человека, общества, государства\\сборник статей и материалов. Южно-Уральский государственный институт искусств им. П.И. Чайковского.– Челябинск, 2020.–С. 283-288

7. Хайдарова Н.А. Моделирование художественной целостности текста: от поэтики заглавий к смыслу\\ Austrian Journal of Humanities and Social Sciences.– Austria. 2020. № 5-6– С.23-34.

Sevara Khalilova

(Uzbekistan, Andijan)

xalilovasevara2020@gmail.com

PSYCHOLINGUISTIC PROBLEMS BILINGUALISMA

Abstract. The paper considers the problem of bilingualism and its effect on the personality of the speaker. Various types of bilingualism are described along with the factors determining the bilingual competence formation: age, individual experience, socio-cultural conditions of the native and foreign language interaction. The author points out both the positive and negative impact on the native language as the result of the second language learning.

Key words: bilingualism, language competence, natural and artificial bilingualism, bilingual competence, language interference, linguistic self-identification, linguistic authenticity, bilingual levels, communicative strategies, linguistic behavior, national communicative style.

Э.Р.Халильева

(Узбекистан, г.Наманган)

khalilyaeva_18@mail.ru

Научный руководитель: Д. А. Исломова

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СЛЕНГЕ УЗБЕКСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье анализируются русские заимствования в молодежном сленге узбекской молодежи.

Ключевые слова: сленг, заимствование, лексическое значение, аффикс, фонетический вариант, словосочетание, имя собственное.

Сленг, неформальный и часто разговорный язык, используемый в повседневной беседе, стал неотъемлемой частью современного мира. Это язык, который постоянно развивается и меняется, и оказывает значительное влияние на то, как люди общаются друг с другом. Э. Береговская считала важным изучение сленга для лучшего понимания нюансов языка и социальных групп,

которые его используют, и считала, что «все свойственные естественному языку процессы, не сдерживаемые давлением нормы, происходят во много раз быстрее и доступны непосредственному наблюдению» [4. С. 40]. Если еще лет пят тому назад лингвисты вели споры об определении сленга как языкового явления, синонимичного жаргону, аргю, социальному диалекту и т.п., то сейчас уже однозначно признано, что сленг – это особый вид языковой коммуникации, включающий такие признаки, как территориальность и сообщество людей. Сейчас актуально изучение сленга как языка группы людей определенной территории.

Сленг ассоциируется с молодежной культурой, но он используется людьми всех возрастов, его можно увидеть во всех аспектах современного общества.

В результате экономических и политических связи между Россией и Узбекистаном, развития технологий, быстрого (благодаря социальным сетям) обмена информацией русский язык оказал влияние на развитие сленга узбекской молодежи. Это привело к уникальному сочетанию двух языков и появлению новых языковых форм речевых конструкций, являющимися интересным материалом для изучения.

Проанализировав более 300 слов сленга узбекской молодежи, мы можем отметить, что самая большая группа слов – это слова, заимствованные из русского языка. Часть из них заимствована из сленга русскоязычной молодежи. К ним относятся такие слова, как западло, беспантово, закалебал, клёво, контуженный, лимон, крутой, лох, наезжать, наркоша, ништяк, облава, облом, отмазка, отстой, бу (бэу) и др. Они имеют такое же лексическое значение, что и в русском языке. В узбекской речи к ним добавляются узбекские аффиксы или они употребляются в составе словосочетаний, например,

Контуженмисан – к корню контужен добавлены –ми- вопросительный аффикс, и -сан – аффикс, указывающий на второе лицо единственное число, дословный перевод - «Не контужен ли ты?».

Копейкасан - к основе копейка добавлен аффикс –сан-, указывающий на второе лицо единственное число, дословный перевод- “Ты копейка (в значении ничтожный)”.

Облава бўлди – в данном сочетании бўлди – это форма прошедшего времени глагола бўлмок – быть, дословный перевод – “Произошла облава”.

Отмазка қилма – в данном сочетании қилма – это форма глагола қилмок с отрицательным аффиксом –ма, дословный перевод – “Не отмазывайся”.

Вторая группа – это слова, заимствованные из нейтральной лексики русского языка, употребляемые в своем прямом лексическом значении. Несмотря на то, что имея перевод в родном языке, они активно употребляются не только молодежью, но и людьми других социальных групп: агент, безналичка,

бесплатно, лунатик, отлично, удержание, беззвучный, копировать, голосовой, проблема и др.

Третья группа - это слова, получившие новое значение в сленге узбекской молодежи: навал, терпило, не то, дама-козурь(козырь), командир (гаишник), гадюка (жена) и др.

Навал – в русском языке одно из значений - груда, куча, в узбекском сленге – много, с избытком.

Терпило – в русском языке «терпила» - жарг. слово общего рода - жертва, потерпевший, в узбекском сленге – предатель, стукач.

Не то - в узбекском сленге – неправильно, например, «нето килди» - не правильно поступил.

Дама-козурь (козырь) – жена, управляющая семьей, несмотря на то, что есть глава семьи –мужчина.

Четвертая группа – сочетания слов русского и узбекского языка, выражающие узкое значение или получившие новое значение: добро бердим (разрешил), клиент чакирди (привлекает клиентов), аканг-герой (мужественный человек), гадой-пакет (не имеющий мегабайтов, денег на счету - гадой- в узбекском языке –нищий), пачка-қиз (девушка с большим лицом), масло-ёғ (растительное масло в бутылках), гитара қиз (девушка, с красивой фигурой) и др.

Пятая группа – это слова, претерпевшие фонетические изменения: алкан (алкаш), лисапед (велосипед), драска (драствуйте), Обид ака (время обеда), зёма (земляк), оптолобус (автобус), вадавоз (обманщик- узбекское слово “ваъдабоз”- человек, щедрый на обещания) и др.

Коме указанных слов, отдельную группу составляют имена собственные, получившие номинативное значение в сленге узбекской молодежи: Алик – алкоголик, Валентин – мальчик со светлыми волосами (из кинофильма), Варвара Петровна –не скромно одетая девушка, Наташахон – девушка европейской наружности, Нина Захаровна – грубая и злая женщина, Иван –недалекий человек и др.

В заключении мы можем отметить, что русский язык оказал значительное влияние на развитие сленга узбекской молодежи, на разговорные выражения, используемые поколением, выросшим в зависимости от исторических условий в двуязычной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Береговская Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопр. языкознания. 1996. No 3. 241 с.

2. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин; Отв. ред. Ю. Д. Дешериев; АН СССР, Ин-т языкознания. - Москва: Наука, 1989. - 186 с.

3. Никитина Т.Г. Молодежный сленг: толковый словарь: ок. 20000 слов и фразеологизмов / Т.Г. Никитина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – 1102 с.

4. Узбекско-русский словарь. Под редак. Акобировой С.Ф. - Ташкент, Узбекская советская энциклопедия, 1988. - 728 с.

5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва. ООО.А-ТЕМП. 2017. – 896 с.

E. Khalilyaeva

(Uzbekistan, Namangan)

khalilyaeva_18@mail.ru

RUSSIAN BORROWINGS IN THE SLANG OF UZBEK YOUTH

Annotation. The article analyzes Russian loanwords in the youth slang of Uzbekistan's youth.

Keywords: slang, borrowing, lexical meaning, affix, phonetic variant, phrase, proper noun.

А.С. Хамидова

(Узбекистан, г. Андижан)

Surayoshka90@gmail.com

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ СЕМИКЛАССНИКОВ

Аннотация. В статье освещаются приемы и пути повышения эффективности процесса обучения на уроках литературы через самостоятельные работы школьников.

Ключевые слова: сравнительный метод, творческий подход, самостоятельность, мышление, познавательность.

Современные программы по литературе определяют и новую организацию учебного процесса, где основная роль отводится ученику. В связи с этим перед школой стоит задача развития познавательной активности школьников, чему в немалой степени способствует самостоятельная работа учащихся на уроках литературы. Знания, полученные самостоятельно, отличаются глубиной и прочностью, становятся убеждениями. Самостоятельное осмысление материала способствует развитию творческого начала, является показателем интеллектуального роста школьника. Ведь недаром К.Д. Ушинский говорил: «Самостоятельность головы учащегося – единственное прочное основание всякого плодотворного учения» [5,1].

В 7 классе ученики уже имеют опыт анализа художественного произведения, подготовленный еще с начальных классов. Но тем не менее осознать событийную сторону и почувствовать художественное своеобразие произведения составляет определенные трудности.

Для глубокого постижения идейно-художественной ценности произведения необходимо так организовать работу, чтобы учащиеся на протяжении всего урока активно участвовали в разборе произведений, чтобы самостоятельная работа присутствовала во всех звеньях учебного процесса. Характер самостоятельной работы определяется содержанием учебного материала, подготовленностью школьников и дидактическими целями.

Что же понимать под самостоятельной работой учащихся? Б.П. Есипов в своей книге «Самостоятельная работа на уроках» говорил, что самостоятельная работа – это деятельность учащихся без непосредственного участия педагога, но по его заданию. [2, 34]

Подчеркивая обеспечение правильного перехода от исполнительских действий ученика к самостоятельным, творческим. М.А. Данилов выделял три степени самостоятельной работы учащихся:

- предварительные упражнения, подготавливающие к самостоятельной работе («приучение»)
- полусамостоятельные работы учащихся
- самостоятельные работы.

Мы привыкли, говоря о самостоятельной работе учащихся, перечислять следующие формы работы: пересказ, составление плана, сочинение, работа с иллюстрациями и т.д. Но если посмотреть на все эти формы работы с точки зрения степени самостоятельности в них учащихся, то мы увидим, что одна и та же форма работы может проходить на разных уровнях самостоятельности. Возьмем, к примеру, пересказ. Одинакова ли степень самостоятельности учащихся во всех видах пересказа? Подробный пересказ, когда надо как можно полнее воспроизвести текст, иногда просто проверяет работу памяти.

Никаких дополнительных мыслительных операций ученику делать не приходится. Но вот пересказ выборочный – из текста произведения следует отобрать то, что относится лишь к теме пересказа. Теперь уже надо поразмыслить над текстом, который подвергается трансформации, преобразованию. Появляются первые трудности, повышается уровень самостоятельности по сравнению с подробным пересказом. То же можно сказать о прочих формах работы, будет ли то план, сочинения, или ответы на вопросы учителя. В одних случаях школьнику не требуется больших раздумий, достаточно только вспомнить прочитанное или услышанное от учителя в классе. В других – прежде чем найти правильный ответ, ученик должен проделать ряд

мыслительных операций по отбору и сопоставлению анализируемого материала, уметь дифференцировать его, наконец, самостоятельно оценить какие-то факты, явления, обобщить материал, сделать выводы. Таким образом, работа учащихся проходит на разных уровнях самостоятельности. Это могут быть работы воспроизводящего характера, когда ученик просто передает запомнившееся содержание произведения или повторяет прочитанное в учебнике, рассказанное учителем на уроке. И могут быть работы творческого характера, в которых ученик сопоставляет какие-то явления, события, сравнивает, анализирует, делает самостоятельные выводы, дает собственную оценку. Работы воспроизводящего характера являются подготовительным этапом к творческим работам. Между этими двумя видами работ есть переходные. Дело в том, что основная масса заданий к текстам включает работу как воспроизводящего, так и творческого характера. Элементы воспроизведения и творчества в них могут находиться в диалектическом взаимодействии, давая иногда перевес в сторону одного или другого уровня. Условно все работы учащихся по уровню самостоятельности можно разделить на четыре группы. Первая группа – работы воспроизводящего характера: ответы на вопросы по содержанию, простой пересказ без дополнительных заданий, подбор отрывков или подписей к иллюстрациям. Это вопросы и задания, связанные с уяснением учениками содержания изучаемых произведений, например: чем захотели заняться мальчики с утра? Как подготовились к рыбалке Яшка и Володя? Почему Яшка все время язвил Володе? Почему мальчик из повести «Белый пароход» разговаривал с неживыми предметами? Какие названия он поставил камням? Кто помогал Биму во время отсутствия его хозяина? И т.д. Отвечая на подобные вопросы, семиклассники опираются на память и просто воспроизводят прочитанное. Вторая группа – работы воспроизводящие, но с элементами творчества, характеризующиеся осмысленным видоизменением воспроизводимой информации, умением объяснить новое через уже знакомое, усвоенное. Уменьшается удельный вес дословного воспроизведения и усиливаются элементы преобразующего воспроизведения, трансформации и переосмысления учебного материала. Сюда же относятся работы по готовому образцу. Это может быть членение текста на части, выделение главного в каждой из частей; составление плана; подбор цитатного материала по определенной теме; выделение эпизодов, в которых принимает участие герой; установление логических и временных связей между событиями; выборочный и краткий пересказы; ответы на вопросы по содержанию, требующие переосмысления учебного материала, размышления над описываемыми событиями; умение определить жанр и композицию произведения, найти в тексте описание,

элементы художественно- изобразительных средств языка (сравнения, эпитеты, метафоры).

Задания для работ этой группы могут быть, например, следующими: каким ты представляешь Яшку? Определите кульминационный момент в повести «Белый пароход». Каково твое отношение к высказыванию из повести: «За скотом Момун ходил, пасеку держал. Всю жизнь с утра до вечера в работе, а заставить уважать себя не научился»? [3, 153] Какое событие подталкивает мальчика идти к озеру в надежде превратиться в рыбу? (Белый пароход)

Третья группа – работы творческого характера, но при выполнении их учащиеся воспроизводят в своей памяти прежде усвоенные знания, понятия, категории. Используя их, школьники объясняют и анализируют новую, незнакомую им ситуацию и получают при этом новую для них информацию. Элементы творчества преобладают над элементами воспроизведения. Это частично поисковые работы. Содержание данной группы самостоятельных работ включает: умение распознавать литературные факты и явления, используя определенные понятия, категории; определение жанра произведения, стиля писателя; сопоставление различных вариантов текста произведения; определение роли художественно- изобразительных средств языка; понимание образной стороны произведения; умение школьников на основании осмысления текста изучаемого произведения представить себе чувства и переживания героя в тех случаях, когда об этом не говорит сам автор, выяснить отношения между действующими лицами, объяснить мотивы их поведения и поступки; умение подобрать эпиграф, раскрывающий основную мысль произведения или его частей. В этой группе работ имеет место уже перенос знаний, когда сложившиеся представления и понятия помогают разобраться в новой для учащихся ситуации.

Здесь возможны самые разнообразные формы деятельности. И хотя они более сложные и не все могут быть выполнены с одинаковой глубиной, они вызывают большой интерес у ребят. Вот примеры заданий этой группы: Почему Яшка сразу не бросился спасать Володю? Сравните мальчиков из повести «Белый Бим Черное ухо» Толика и Алешу, что их объединяет? Не будьте равнодушны, ибо равнодушие смертоносно для души человека – что можете сказать о людях, которые сыграли роковую роль в судьбе Бима?

Эти работы разные по объему, характеру выполнения (устные, письменные), но по ним можно судить о глубине осмысления учебного материала, понимании поступков героев, идеи произведения. Вот, например, небольшое задание, которое можно предложить учащимся во втором полугодии: назвать школьные произведения, к которым данная пословица могла подойти в качестве эпиграфа:

1. Родина любимая – мать родимая.

2. Берги землю родимую, как мать любимую.
3. Собака человеку неизменный друг.
4. Зависть – досада, кротость – награда.

Возможно и обратный ход, когда ребята сами подбирают эпиграф к изучаемому произведению или даже материалу одного урока.

Наивысшая степень самостоятельности проявляется в работах четвертой группы. Это творческие работы поискового и исследовательского характера, постановка и решение проблем, высказывание собственных новых суждений, личное отношение к изучаемому материалу и т.п. Здесь возможны работы по сравнению произведений различных жанров, разных авторов, самостоятельный анализ литературного произведения. Возможны и литературные работы собственного сочинения: загадки, сказки, стихи, рассказы, написанные по пословице, сочинения по личным впечатлениям и наблюдениям и т.д. Вот примерное задание для такой работы: самостоятельно прочитать повесть Ч. Айтматова «Белый пароход» определить главную мысль произведения; составить план; охарактеризовать маленького героя, сравнив его с героями других произведений, например, как дополнительное чтение можно предложить повесть А. Линдгрен «Мио, мой Мио». Охарактеризовать главных героев из повестей: мальчишку и Буссе. Задания могут быть примерно такими: опишите вымышленные миры мальчиков. Что общего у героев произведения? Что способствовало жить им в этом вымышленном мире? Сравните финал произведений? Роль времени и места в судьбах мальчиков? Можно ли было избежать трагического финала в повести «Белый пароход»? на последние два вопроса предлагается отвечать письменно. Так через разнообразие и взаимосвязь работ воспроизводящего и творческого характера возможно воспитание самостоятельности, активности учащихся в процессе познания, литературное развитие их. При этом надо стремиться повышать этот уровень самостоятельности от задания к заданию, от урока к уроку, из четверти в четверть. Показателем литературного развития учащихся будет их умение переносить полученные знания в новую ситуацию, умение самостоятельно постичь новый материал.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов М.А. Процесс обучения в советской школе. М.: Учпедгиз. 1960 – 299 с.
2. Есипов В.П. Самостоятельная работа учащихся на уроках. М.: Учпедгиз. 1961 – 240 с.
3. Каминская Е.М., Балтабаева А.М. Литература 7 класс. Т.: Республиканский центр образования. 2022 – 224 с.

4. Пидкасистый П.И. Самостоятельная деятельность учащихся. М.: Педагогика. 1972 – 183 с.

5. <https://ru.citaty.net/tsitaty/1720819-konstantin-dmitrievich-ushinskii-samostoiatelnost-golovy-uchashchegosia-edinstvennoe/>

Surayyo Khamidova
(Uzbekistan, Andijan)
Surayoshka90@gmail.com

INDEPENDENT WORK AS A MEANS OF INCREASING THE EFFICIENCY OF THE LEARNING PROCESS OF SEVENTH-GRADEERS

Annotation. The article highlights the techniques and ways to improve the efficiency of the learning process in literature lessons through independent work of schoolchildren.

Key words: comparative method, creative approach, independence, thinking, cognition.

С.Р. Ходжомиярова
(Узбекистан, г. Андижан)

ЭКЗОТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ТВОРЧЕСТВЕ С.А. ЕСЕНИНА (НА ПРИМЕРЕ ЦИКЛА СТИХОВ «ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ»)

Аннотация. В статье рассматривается использование экзотической лексики как основной способ передачи культуры иного народа, ее традиций и обычаев. Даются определения словам, обозначающим национальные особенности.

Ключевые слова: экзотическая лексика, экзотизм, идиостиль, поэзия.

S.R. Xodjomiyarova
(Uzbekistan, Andijan)
khodjomiyarova@mail.ru

EXOTIC VOCABULARY IN S.A. ESENINA (BY THE EXAMPLE OF THE CYCLE OF POEMS “PERSIAN MOTIVES”)

Annotation. The article discusses the use of exotic vocabulary as the main way to convey the culture of another people, its traditions and customs. Definitions of words denoting national characteristics are given.

Key words: exotic vocabulary, exoticism, idiostyle, poetry.

Цикл стихов «Персидские мотивы» С. Есенина, который был задуман по поводу желания съездить в ряд восточных стран, занимает особое место в творчестве поэта. А именно, поэт хотел осуществить путешествие в Персию (Иран) или Турцию. Цикл вмещает в себя в общем количестве 15 стихотворений, которые были написаны в 1924-1925 годах [4].

В цикле особое внимание уделяется лексическому составу, который передает специфику условий жизни, истории различных народов и национальностей, обычаев и придает описанию определенный национально-исторический колорит.

Экзотическая лексика – слова и выражения, заимствованные из малоизвестных языков, употребляемые для придания речи особого колорита [1]. Отличительной чертой экзотизмов от других иноязычных слов является то, что они служат для реалистичного изображения особенностей определенной культуры, с его материальными и духовными ценностями.

Исследователи используют различные описательные конструкции, имея в виду именно экзотическую лексику. А.М. Финкель, например, называет эту лексику локализмами, этнографизмами [4]. Р.А. Будагов называет слова «...получающие на почве другого языка национальный колорит...» неукоренившимися заимствованиями [2].

Экзотизмы многообразны в тематическом отношении, исходя из этого, можно выделить несколько семантических групп: названия лиц по профессиям, различным общественным и родственным признакам; названия продуктов питания и растений; названия национальных нарядов и денежных единиц; названия местных животных; названия орудий и домашней утвари; названия местностей, селений и сооружений.

С. Есенин большинство персидских реалий берет из восточной литературы (например, Шахразада, **Шахерезада** – главная героиня «Рассказа о царе Шахрияре и его брате»). Хотя С. Есенину не удалось побывать в Персии, но поэт описал его с большим талантом. Высокую оценку стихам цикла дал Киров: «Смотри, как написал, как будто был в Персии. В Персию мы не пустили его, учитывая опасности, какие его могут подстеречь, и боясь за его жизнь. Но ведь тебе же поручили создать ему иллюзии Персии в Баку. Так создай! Чего не хватит – довообразит. Он же поэт, да какой!» [5].

В исследованных нами текстах лексические экзотизмы применяются С. Есениным с целью создания атмосферы иной культуры, выступая средством характеристики речевой манеры поэта и придавая слогам особенную окрашенность. Экзотизмы не могут иметь параллели (эквивалента) при переводе, так как носят в себе исторические, национальные черты определенного народа.

Основу цикла составляет лексика, которая отражает быт народов Востока. Именно с помощью них сформировался содержание «Персидских мотивов», а также идиостиль поэзии С. Есенина.

Чайхана – чайная и столовая в Средней Азии, а **чайханщик** – человек работающий в чайхане.

*«Сам **чайханщик** с круглыми плечами,
Чтобы славилась пред русским **чайхана**,
Угощает меня красным чаем
Вместо крепкой водки и вина».*

Полтумана – туман, томан, – официальная денежная единица Персии с 1825 по 1932 гг.

*«Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за **полтумана** по рублю...».*

Чадра – лёгкое женское покрывало белого, синего или чёрного цвета. Надевается при выходе из дома и закрывает фигуру женщины с головы до ног. Носится многими женщинами-мусульманками из культурно-религиозных соображений. В отличие от обычных вуалей, головная часть чадры состоит из муслиновой ткани, закрывающей лицо, и ткани, закрывающей голову.

*«Дорогая, с **чадрой** не дружись,
Заучи эту заповедь вкратце,
Ведь и так коротка наша жизнь
Мало счастьем дано любоваться».*

Яхонт – одно из устаревших названий красного и синего ювелирных минералов корундов. Соответственно, красным яхонтом называли рубин, а «яхонтом лазоревым» или синим – сапфир.

*«О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как **яхонты**, горят».*

Караван – группа людей, путешествующих вместе с торговыми, паломническими или иными целями и объединившихся для взаимной помощи и защиты в суровой или опасной местности, а также их выючных животных: верблюдов, ослов, мулов или лошадей.

Хна – краска жёлто-красного цвета из высушенных листьев лавсонии неколючей, которой в Индии, Иране, Пакистане и других восточных странах красят волосы, ногти.

*«Не ходил в **Багдад** я с караваном,
Не возил я шелк туда и **хну**».*

Магомет – Мухаммед – пророк. Также, арабский религиозный, общественный и политический деятель, основатель и центральная фигура ислама. Мухаммед объединил Аравию в единое мусульманское государство.

Коран – священная книга мусульман, написанная на арабском языке.

Магомет перехитрил в коране,

Запрещая крепкие напитки,

Потому поэт не перестанет

Пить вино, когда идет на пытки».

Также, названы города и провинции Ирана, как:

Хороссан (Хорасан) – историческая область, расположенная в Восточном Иране.

Название «Хорасан» известно со времени Сасанидов.

В Хороссане есть такие двери,

Где обсыпан розами порог».

Шираз – город на юге Ирана. Известен как город поэтов, цветов и вина.

*«Лунным светом **Шираз** осиянен,*

Кружит звезд мотыльковый рой».

Багдад – столица Ирака. Является одним из самых больших городов Ближнего Востока

Евфрат – река в Турции, Сирии и Ираке, самая крупная в Западной Азии.

*«Ты пропела: “За **Евфратом***

Розы лучшие смертных дев”.

Если был бы я богатым,

То другой сложил напев».

Босфор – пролив между Европой и Малой Азией, на обеих сторонах которого расположен крупнейший турецкий город Стамбул.

*«Никогда я не был **на Босфоре**,*

Ты меня не спрашивай о нем.

Я в твоих глазах увидел море,

Полыхающее голубым огнем».

В стихотворениях С. Есенин обратил внимание также на представителей персидской поэзии, как **Хаям** (Омар Хайям), **Саади** (Саади Ширази), **Фирдуси** (Фирдоуси), как бы, сравнивая своё и их творчества.

*«Голубая родина **Фирдуси**,*

Ты не можешь, памятью простыв

*Позабыть о ласковом **урусе...**».*

Резюмируя проведённый выше анализ, мы сделали вывод, что экзотическая лексика в «Персидских мотивах» является основным элементом создания ярких образов, помогающим читателю вникнуть в атмосферу, очутиться в другом мире, в котором хотел оказаться и сам автор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: «Советская энциклопедия», 1969.
2. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. – М., 1965.
3. Есенин С. Персидские мотивы. – М.: Современная Россия, 1925.
4. Финкель А.М. Об автопереводе // Финкель А.М. Теория и практика перевода. – Л., 1962.

5

М. Худоярова

(г.Наманган, Узбекистан)

ИЗУЧЕНИЕ КОНЦЕПТА В ИСТОРИЧЕСКОМ, КУЛЬТУРНОМ, ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПЛАНЕ

Аннотация. В данной статье дается краткий экскурс в историю изучения. Также рассмотрения такого сложного и многоуровневого понятия, как концепт в филологических науках и не только: предлагается взглянуть на этот термин с точки зрения истории, культуры и этнографии.

Ключевые слова: концепт, концептология, концепт в этнографии, концепт в истории, концепт в этнографии.

Концепт «Дворянская усадьба» является концептом, в определённой степени репрезентирующим русскую национальную картину мира и являющимся частью национальной концептосферы в историко-культурном и этнографическом плане. Имея определённый пласт закреплённых в русском дворянском наследии фактов о провинциальной дворянской усадьбе с точки зрения геополитики, истории и экономики, мы можем высказать предположение: концепт «Дворянская усадьба» — один из ключевых в общерусской культуре.

Из данного предположения следует, в частности, что концепт «Дворянская усадьба» играет важную роль в культуре народа, является культурно значимым концептом, который отражает определённую сугубо русскую информацию, т.е. является некой микросистемой, проекцией целого явления [Карасик 1996: 3-16]. Мы считаем убедительным мнение о том, что, «концепт — микромодель культуры, а культура - микромодель концепта. Концепт порождает культуру и порождается ею» [Межкультурная коммуникация 2003: 41]. И далее: «То, что культура «включена» в язык, - факт неоспоримый: язык как средство коммуникации вбирает в значения (номинативных единиц в форме энциклопедического, концептуально-эпистемического содержания знака или ассоциаций с акциональными или ментальными фреймами) все, что связано с культурно-традиционной компетенцией его носителей, транслируемой благодаря языку из поколения в поколение» [Телия 1996: 84-85]. *Дворянская усадьба,*

являясь феноменом собственно русской культуры, в различные периоды своего существования обнаруживала относительные трансформации, связанные с именованиями компонентов концепта. К примеру, когда это явление перестает существовать как явление жизни [См. Иванова 1996: 5-10] именно дворян как социальной группы, происходит лингвистическое стяжение в названном словосочетании, и в 20 веке, после революции, лексема *усадьба*, уже без сопровождающего ее ранее определения, приобретает значения, с одной стороны, равные значению, принадлежавшему прежде сочетанию: «*Усадьба ...* - 1. Совокупность строений ...и примыкающих угодий..., представляющих отдельное хозяйство...Помещичий дом», например: «*Посреди леса, на расчищенной и разработанной поляне возвышалась одинокая усадьба Хоря*»... [СРЯ 1984:4/515]; с другой - лексема *усадьба* приобретает новые, ранее не использованные значения. К примеру, после событий 1917 года, когда в стране проходил процесс коллективизации, *усадьбой* стали называть части поселения, занятого территорией колхоза или совхоза (в частности: «*центральная усадьба*» - часть поселения, где находилась администрация хозяйства), см. словарь под ред. Евгеньевой: « 2. Поселок, место, где расположены жилые дома и хозяйственные постройки колхоза, совхоза и т.п. *Ожидая весну, в деревнях и усадьбах МТС стояли наготове десятки тысяч гусеничных машин...*» А также: « 3. Земельный участок отдельного хозяйства. Земельный участок около дома...» (Там же).

«Каждое слово, каждое языковое выражение имеет культурное измерение ... Говорящие на одном языке используют не только один и тот же словарный запас и языковые структуры, они разделяют единое восприятие окружающего мира, репрезентируемое словами и языковыми структурами» [Hoijer 1953: 554].

Название данного концепта как бы впитывало основы представительства: так, выражение «*дворянская усадьба*» до начала XX века имплицитно, кроме прочего, напоминало определённое место, где представлялось наличие сада, беседок, гостиной и других деталей помещичьей жизни.

Описание концепта как лингвистического невозможно без учета культурного аспекта [Кобрина 2003: 61-67], и национально-культурное своеобразие именований концептов вскрывается в явлениях, одновременно относящихся и к языку, и к культуре. Языковая семантика - это «ниточка, опутанная представлениями о предметах и явлениях культурного мира, свойственных данному речевому коллективу в целом и индивидуальному носителю языка в частности» [Тер-Минасова 2000: 47], она ведёт из мира собственно языка в мир реальности и является связующим звеном между этими

двумя мирами. Так как язык постоянно взаимодействует с мыслью, он регулярно обогащается новыми элементами.

M. Khudoyarova
(Namangan city, Uzbekistan)

STUDYING THE CONCEPT IN THE HISTORICAL, CULTURAL, ETHNOGRAPHIC AND LINGUISTIC PLAN

Annotation. This article provides a brief excursion into the history of the study. As well as consideration of such a complex and multi-level concept as a concept in philological sciences and not only: it is proposed to look at this term from the point of view of history, culture and ethnography.

Key words: concept, conceptology, concept in ethnography, concept in history, concept in ethnography.

Р.А.Холмирзаева
(Узбекистан. Г. Андижан)
ezamxon@mail.ru

АЛЕКСАНДР БЛОК: МУЗЫКАЛЬНОСТЬ ЛИРИЧЕСКОГО ОБРАЗА

Аннотация. Музыкальность того или иного произведения рассматривается и характеризуется филологами как сложный и чаще всего неопределённый пункт. Известно, что в настоящее время литературоведы трактуют «музыкальность» в нескольких направлениях. В них входят: фонетический, лексический, синтаксический, метроритмический, композиционные – уровни стихотворения. При изучении музыкальности часто обращаются к аналогиям структуры литературного текста с музыкальными формами: fuga, соната, реквием и так далее. Благодаря комплексному подходу изучения данного вопроса со стороны филологии семиотики, философии, психолингвистики, музыковедения было установлена родственность основных художественных принципов двух ниш, вербального и музыкального искусства. В данной статье посредством разбора музыкальности лирического образа Александра Блока, мы поднимем актуальные на нынешний день проблемы взаимоотношения словесного и музыкального в поэтическом творчестве.

Ключевые слов: музыка, поэзия, вербальность, родственность словесного и музыкального, омузыкаливание.

Музыкальность является фундаментальным качеством поэтического текста. Её можно рассматривать как отдельно в сегменте произведения так и в сюжетно-композиционной составляющей, и в поэтическом целом. Об этом говорит и Шульдишова А. А. в монографии «Александр Блок: Музыкальность лирического образа». Шульдишова использует в своей книге такое понятие как

«омузыкаливание»— что означает перелгать на музыку; сопровождать музыкой «Омузыкаливание произведения в прямом виде реализуется крайне редко. Оно, главным образом, эксплицируется через заглавия, эпиграфы, посвящения и авторские примечания, “музыкальную” лексику некоторых стихотворений.»(1.с26) При изучении данной темы большое значение придаётся исследованию лексических средств, используемых авторами для создания “музыкальности” лирического образа, музыкальным образам и образам музыки в художественном мире поэтов. Известно что в прозаических произведениях, в центре внимания находится содержание, в поэтике же очень важно звучание, рифмы которые украшают звучание, украшающие лексическую составляющую стихотворения.

В ходе изучения объекта исследования, условно называемого «музыкальность лирики» мы пришли к анализу творчества ярчайшего представителя русского символизма А. Блока. Мы пришли к определённой позиции. Обусловились на общей точке зрения на классификацию “подходов” и “уровней” изучения музыкальности поэтических произведений, учитывающая индивидуально-авторские особенности творчества поэта.

«Музыкальная» лексика используемая Блоком в его творчестве является одной из наиболее интересных проблем лингвопоэтики, к сожалению данная тема остаётся актуальной и по сей день, не был рассмотрен весь массив использованных лексических средств Блоком для передачи ощущений, связанных с восприятием музыки, образов музыки, музыкального и “сквозь призму музыки” осмысления отношения к миру. Неоднократно в творчестве Блока было замечено многократное использование музыкальных образов, образов музыки относящихся к сфере музыкальной культуры.

Далее Шульдишова приводит: «В совокупности текстов А. Блока зафиксировано более 1274 случаев употребления различных звуковых образов, не считая использованных в поэтических произведениях посвящений певицам, названий музыкальных произведений, имён композиторов, персонажей опер, оперных цитат и цитат из оперных либретто, оперных реминисценций («Кармен», «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид», «Гибель богов», «Тристан и Изольда», «Тангейзер»))» (см1.с64)

Лирический образ А. Блока построен не только впечатлениями от прослушанных музыкальных произведений, но и знаниями о некоторых категориях и понятиях музыки, например, темпе, тембре, динамическом состоянии, эмоциональной окрашенности и т. д., несут в себе особое поэтическое восприятие, несоизмеримое с чисто теоретическими представлениями музыкантов и композиторов. А. Ф. Лосев справедливо отмечал: «Напрасно теоретики музыки говорят только о высоте звука. Звуки не

только высоки, но и тонки, толсты, а греки говорили прямо об острых и тяжелых звуках. Далее, звуки несомненно бывают большого объема и малого объема, густые, прозрачные, светлые, темные, сладкие, терпкие, мягкие, упругие и т. д.» [2. С65].

Мастерство Блока уникально и сугубо индивидуально в художественном воплощении мироощущения отражающегося посредством “музыкализации” окружающего мира. В ходе работы над статьёй были рассмотрены и изучены различные произведения Блока и монографии и творчестве поэта, данная практика позволила установить, что для музыкализации художественного мира поэт использовал не только собственно музыкальные образы, но и образы природы, неодушевлённых предметов, наблюдения бытового характера. Музыкальные ассоциации обусловлены сложными связями с различными способами и приёмами “окрашивания” музыкальных образов (повторами однокоренных слов в пределах одного стихотворения, апострофами, эмфатическими эпитетами, образными сравнениями, разнообразным словоупотреблением лексемы “петь” и её производных, реминисценциями и цитатами из музыкальных произведений и др.).

Хотелось бы подчеркнуть, что упоминания музыкальных ассоциаций в первую очередь подразумевает мысленное “слышание” акустических феноменов, стимулируемых поэтическим текстом. Это звуковысотные, ритмические и динамические соотношения “звука”, являющиеся “носителями смысла” музыкальных образов и образов музыки. По Шульдишовой используемые в лирике Блока музыкальные образы и образы музыки соединяют в себе различные музыкальные элементы, актуализирующие ассоциативную составляющую музыкальной памяти. И предлагает нам их условно сгруппировать в:

- 1) ассоциации, связанные со степенью громкости звучания и темпа;
- 2) ассоциации, связанные со специфической окраской, тембром сообщаемого голосами или инструментами звучания;
- 3) ассоциации эмоционального характера, выступающие смысловыми составляющими музыкальных образов и образов музыки.(4,с85)

Следует так же заострить внимание на выдающейся поэме А. Блока «Двенадцать» здесь поэт пытается прийти к некому музыкальному соглашению, отличается она и своей симфоничностью, связанная с сочетанием контрастных частей, многообразием разнохарактерных образов, богатством эмоциональных состояний и единством замысла. Симфоническая музыка исполняется симфоническим оркестром, объединяющим разнообразные инструменты. «Звучание» оркестра, расширенного до мирового оркестра в «Двенадцати» усиливает симфоническое начало поэмы. Здесь хотелось бы

оставить отсылку к монографии С. Б. Бураго «Мелодия стиха (Мир. Человек. Язык. Поэзия)»(4) где изучая мелодичность поэзии, он делает пометки и о вышеупомянутой поэме «Двенадцати» по его наблюдениям и сопоставлениям первые три части поэмы, соответствуют сонатному *allegro*, в свою очередь в своей работе Шульдишова призывает не быть столь категоричными. Обуславливая это тем, что в вербальном произведении невозможно полностью оценить симфоничность: «С. Б. Бураго использовал музыкальный термин метафорически – как соответствие сочетанию контрастных частей, объединённых общей идеей произведения. Свободное использование С. Б. Бураго термина “симфония” легко можно заменить на “полилог”. В литературном произведении, по нашему мнению, невозможно реально услышать монолитность оркестрового колорита, контраст тональностей, развитие главной, связующей, побочной и заключительной партий и пр.»(см1. с90)

«Отличительной чертой языка Блока является особое внимание к учёту динамики и характера звучания. Музыкальные образы и образы музыки у него включают разнообразнейшие градации музыкальных нюансов, вызывающих ассоциации с характером, степенью громкости и темпом “звучания”. Широко и разнообразно в текстах Блока представлены группы музыкальных инструментов.

Выявлены основные группы “музыкальной” лексики и словосочетаний, привлечённых поэтом для формирования музыкального мира: 1) образы песни, голоса певцов; 2) образы природы в музыкальных символах; 3) звуки музыкальных инструментов; 4) образы неживой материи с использованием “музыкальной” лексики и символики.»(см1 с209)

Для поэтики Блока характерно “разрешение” лирических тем, мотивов и лейтмотивов по законам музыкального искусства. На содержание поэтических произведений Блока в целом повлияло оперное творчество и теоретические работы Р. Вагнера. Блок широко трансформировал оперные фрагменты, обращаясь к конкретным произведениям композитора. В языке поэта встречаются не только вагнеровские музыкальные реминисценции и цитаты, но и композиционные принципы. Поэтическая “трилогия”, организованная музыкальными влияниями и контактами, характеризует поэта не только как любителя, но и как знатока музыки.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Шульдишова А. А. «Александр Блок: Музыкальность лирического образа» Монография 2018
2. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа М. : Правда, 1990.
3. Шульдишова А. А. «Александр Блок: Музыкальность лирического образа» Монография 2018
4. Бурого, С. Б. Собрание сочинений [Текст]. В 3 т. Т. 2. Мелодия стиха (Мир. Человек. Язык. Поэзия)

R.A. Kholmiraeva
(Uzbekistan. G. Andijan)
ezamxon@mail.ru

ALEXANDER BLOCK: THE MUSICALITY OF THE LYRICAL IMAGE

Annotation. The musicality of a work is considered and characterized by philologists as a complex and most often indefinite point. It is known that at present literary critics interpret "musicality" in several directions. They include: phonetic, lexical, syntactic, metrorhythmic, compositional - levels of the poem. When studying musicality, one often turns to analogies of the structure of a literary text with musical forms: fugue, sonata, requiem, and so on. Thanks to an integrated approach to the study of this issue from the philology of semiotics, philosophy, psycholinguistics, musicology, the relationship of the basic artistic principles of the two niches, verbal and musical art, was established. In this article, by analyzing the musicality of the lyrical image of Alexander Blok, we will raise the current problems of the relationship between verbal and musical in poetic creativity.

Key words: music, poetry, verballity, affinity of verbal and musical, musicalization.

УДК 8.1751.80.801.801.7

Хайдарова Насиба Адхамовна
(г. Андижан, Узбекистан)

МИФОПОЭТИКА ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ УЗБЕКИСТАНА

Аннотация. В данной статье раскрываются особенности мифопоэтического пространства в художественном тексте русскоязычной прозы Узбекистана, представляющей собой феноменальное явления – специфическую лакуну в русском литературном процессе XX века. На примере творчества русскоязычного писателя-романиста В.Г.Яна обосновывается тезис о том, что художественный мир «русской прозы» Узбекистана способен вбирать в себя

ключевые моменты культурно-мифического миромоделирования на стыке проблем «Восток-Запад».

Ключевые слова: мифопоэтика, пространство, топос и локус, хронотоп и топохрон, мифопоэтизация пространства, русская, “русскоязычная” литература Узбекистана, русская проза Узбекистана.

Khaidarova Nasiba Adkhamovna
(Andijan, Uzbekistan)

MYTHOPOETICS OF SPACE IN THE RUSSIAN-LANGUAGE PROSE OF UZBEKISTAN

Abstract. This article reveals the features of the mythopoetic space in the artistic text of the Russian-language prose of Uzbekistan, which is a phenomenal phenomenon - a specific gap in the Russian literary process of the 20th century. On the example of the work of the Russian-speaking novelist V.G. Yan, the thesis is substantiated that the artistic world of the "Russian prose" of Uzbekistan is able to absorb the key moments of the cultural-mythical world-modeling at the intersection of the "East-West" problems.

Key words: mythopoetics, space, topos and locus, chronotope and topochrone, mythopoieticization of space, Russian, “Russian-language” literature of Uzbekistan, Russian prose of Uzbekistan.

Актуальным представляется, что теоретический тезис «хронотоп», введенный М.М.Бахтиным вытесняется «топохроном» М.Эпштейна, т.е. «обнаруживается любопытная закономерность: хронос вытесняется и поглощается топосом. Хронос стремится к нулю, к внезапности чуда, к мгновенности... эсхатологического преобразования, а топос, соответственно, стремится к бесконечности, к охвату огромной страны, континента, а далее и всего мира. Хронотоп здесь переворачивается в топохрон, время опространствлено...» [10, с.28], вырисовывается лишь «движение народа по равнине...»[11, с.86]. Так, витальные вопросы появляются и решаются героями в пространстве – в топосе степи, равнины. Время в прозе В.Г.Яна условно, оно лишь указывает на историческую достоверность описываемого автором в тексте, оно вторично по отношению к месту, в котором разворачиваются главные события повествования. Определенные временные границы (утро, день, вечер, ночь) или исторический год, время года и т.д. в тексте романной трилогии встречаются для уточнения происходящего.

«Хронотоп» как время-пространство в их единстве, строится именно в таком порядке: «хроно-топ». Если мотивировать его приоритетом времени в

определенных структурах, то следует допустить и обратный порядок, где пространство доминирует над временем, – «топохрон»... через обращение топохрона в хронотоп, формируются стереотипы действия [12, с.28]. Пространство в исторической прозе В.Г.Яна формирует не только «стереотипы действия» героев, но и тип героя. Природный и урбанистический текст прозы В.Г.Яна, выступает в роли «памятника культуры», пространство природы и города – жизненное пространство – ценностный ориентир [10, с.26], а также сложно организованной культурно-исторической пространственно-временной структуры [5, с. 187] непосредственно влияющей на романную событийность, раскрытие сюжета. Природный и урбанистический тексты формируют определенные стереотипы и поведенческие характеристики героев, диктуемые пространством. На это указывают многократно воспроизводимые в тексте В.Г.Яна, паремии, выступающие в роли культурно-социальных регуляторов типа «*в степи говорят...*», «*в юрте у костра нельзя...*», «*на холме можно...*», «*в городе дозволено...*» и т.д. Художественное своеобразие прозы В.Г.Яна заключается в том, что время почти полностью вытесняется пространством — физическим и метафизическим [11, с.20]. Пространство в исторической трилогии обретает статус Абсолюта, повествовательная событийность и сюжет полностью подчиняются ему.

Обратим внимание на часто встречающиеся, заимствованные из философии и естественных наук, термины локус и топос (locus – topos). Они активно фигурируют в трудах Ю.М. Лотмана. Именно он вводит термин «локус» в филологию для обозначения *твердой приуроченности героя произведения к функциональному полю его действия* [3, с.184]. Так, под локусом понимается любое включенное в художественный текст автором намеренно или подсознательно, пространство, имеющее границы, т. е. находящиеся между точкой и бесконечностью [12, с.39]. А под топосом понимается «значимое для художественного текста (или группы художественных текстов – направления, эпохи, национальной литературы в целом) *«место разворачивания смыслов»*, которое может коррелировать с каким-либо фрагментом (или фрагментами) реального пространства» [5, с.182]. В соответствии с теорией Ю.М. Лотмана, мы будем говорить о делении, пространства на открытое и закрытое: Природа – открытое «степное», город – закрытое «лабиринтное». Обращаем внимание, что «один и тот же пространственный образ может называться и топосом, и локусом, в зависимости от осмысления его как национального символа с актуализацией в его репрезентации оценочных смыслов или реального описания с преобладающими в тексте денотативно-референциальными отсылками» [5, с.194]. Т.е. топос (степь) в прозе В.Г.Яна – это более широкое понятие, состоящее из отдельных нагруженных национально-ментальной энергией частных локусов

(холм). Поэтому мы оговариваем, что микроконцепт «Степь» (пустыня, равнина, солончак) – это топос, а микроконцепт «Холм» (курган, гора) – это локус в исторической трилогии. Они являются значимыми элементами концепта «природа», т.к. обладают наивысшей семантической актуализацией в тексте и вокруг них образуются новые смыслы.

Все герои исторической трилогии В.Г.Яна, постоянно находясь в определенных культурно-исторических топосах и локусах, преодолевают бездомность, ищут «свою» Родину[1, с.29]– не в патриотическом, а в бытийно-историческом смысле.

Мотивы поиска, обретения, потери и нового обретения Родины – это постоянный круговорот, в котором пребывают герои всех национальных моделей мира в исторической прозе В.Г.Яна. Пространство, как проводник, «материальная оболочка» в которой пребывают герои, формирует тип их мышления. Степь для В.Г. Яна – вновь репрезентированная в художественном тексте реальная историко-биографическая локация автора: В.Г.Ян проделал переход через Каракум, был зрителем колодцев в степи Кызылкум. При помощи данного типа пространства писатель вновь возвращается к воспоминаниям, реконструирует свое прошлое, дополняя его художественным вымыслом. Реально существовавшее в жизни автора пространство «подарило» множество тем и идей для творчества, а в прозе превратилось в незримо-чувственный и постоянный пейзажный фон, обрело образно-символическую оболочку, «обросло» множеством ассоциативно-коннотативных значений.

Микроконцепт-топос «степь» шире микроконцепта-локуса «холм». Холм в прозе В.Г.Яна – это локус, часть топоса «степь». Это место «регулярно воспроизводимого» [3, с.185] действия, оно претерпевает всевозможные семантические преобразования, касаясь материального мира героев. Холм является выражением психологических состояний героев, местом сосредоточения витальных ценностей. И степь, и холм – это ценностные компоненты макроконцепта «Пространство». Это места, в которых определяется предназначение героев. В прозе В.Г.Яна за конкретной национальной моделью мира закреплён определенный ландшафтно-географический номинатив: для восточной (тюркской) национальной картины мира – это степь, пустыня, солончак, равнина; для монгольской – степь (с уточнением «степи Керулена»); для славянской (русской) – степь, поле. Ключевым является микроконцепт-топос «степь», с ее национально-ментальными «окрасками» («степи Керулена»; поле). Значения «степи» в тексте прозы В.Г.Яна, то расширяются, то сужаются, в зависимости от замысла автора. Расширение смыслового пространства микроконцепта-топоса «степь» может доходить до модели Вселенной (*МакроКосм*) или сужаться до микромодели существования (*МикроМир*)

человека – героя, находящегося в степи. Обратим внимание на примеры: «...так, я один *маленький джигит в великой пустыне!*»[13, с.294] (МакроКосм степи и МикроМир человека); «Взятый правильно путь *через равнины вселенной* приводит скитальца к намеченной цели, а ошибка и беспечность завлекут его на *солончак гибели...*»[13, с.194] (степь (равнина, пустыня) как модель Вселенной); «...Кругом *в степи* мерцали далекие огоньки костров. *Всюду равнина жила неведомой жизнью...*»[13, с.296]; «...Было что-то *необычное и тревожное во взбаламученной степи, обычно дремлющей в безмолвном величии*» [13, с.24]; «*Степь, засыпанная глубоким снегом, казавшаяся мертвой пустыней, вдруг ожила...*»[13, с.94] (степь как живой герой-фон романного пространства); «...теперь мне стыдно моих ран, мне жаль юных лет, *бесполезно потраченных на защиту лживого миража пустыни...*»[13, с.44] (слова Тимур Мелика-Х.Н.) (степь (инвариант пустыня) как абстрактное пространство, соотносимое и сравниваемое с ложью) и т.д. Степь превращается в одно из доминирующих ценностных пространств в национальных картинах мира и влияет на появление особого типа героя прозы В.Г.Яна – «героя степи» – «восточного кентавра».

В пространстве степи все становятся одинаковыми: время не властно ни над героями, ни над их судьбами. Пространственные координаты превалируют над временными, локализация (местонахождение) героев определяет дальнейший ход событий романной трилогии. Концепт «Природа» в прозе В.Г.Яна обретает статус, приравненный статусу главного героя, он – выразитель сущности героя, пребывающего в нем. Степь и ее пространство формирует цели и жизненные позиции героев: жгучее солнце, сильный ветер, преодоление «ужасов степного пути (дороги)» [13, с.54] определяет сущность героя. Пространство, как скульптор лепит типы людей, сходных с ним. Тип «степного человека» – героя «степи» («восточного кентавра») его облик, характер и образ мышления продиктовало, постоянно воспроизводимое, пространство степи. Именно повторяемость природных образов в прозе В.Г.Яна представляет собой сложную систему: каждый раз, всплывая вновь и вновь, один и тот же образ может выражать различные, порой противоречивые по отношению друг к другу значения. В противовес беспрепятственному пространству степи – микроконцепту-топосу «степь», возникает другой, «вертикальный» микроконцепт-локус «холм», как возвышенность в «плоскости». В рассматриваемых нами трех романах микроконцепт-локус «холм» является одним из самых репрезентированных в триаде национальных моделей мира (восточной (тюркской), славянской (русской) и монгольской. Локус «холм» сопровождает героев на протяжении как мирной, так и военной жизни. «Холм», в прозе В.Г.Яна – это «священное место возвышенности», в этимологическом словаре М. Фасмера же, дается близкое по значению слово – «курган»[9, с.197].

Оно также не раз встречается в рассматриваемых нами текстах автора. Описывая того или иного героя, его действия, автор упоминает его местонахождение в пространстве, поэтому холм в контексте романов – это не просто возвышенное место – это природно-сакральный элемент, «восхождение», «нахождение» и спуск, с которого может характеризовать героев: «Шах поднялся на *вершину холма. Далеко раскинулась степь – место будущего боя...*» [13, с.253]. На «*вершине холма*» может находиться только смелый герой с чистым сиянием разума, поэтому, в начале повествования, дервиш Хаджи Рахим, перед вхождением в город-лабиринт, долго стоит на холме и созерцает «*долину слез и мучений*» [13, с.36]. В этом отношении типы героев закрытого урбанистического «лабиринтного пространства» (концепт «Город-лабиринт»), к которым относятся Мухаммед Хорезм-Шах, его мать Туркан-Хатун, их свита, русские князья-предатели (князь Глеб и др.), не могут ни физически, ни эмоционально, ни психологически находится на холме – «священной возвышенности». Хорезм-шах может лишь подняться на вершину холма, но не «овладеть» ею, он также не может находится долго на ней: «Шах вскочил на него (жеребца-Х.Н.) и ринулся в степь...*На холме остался смятый ковер с медными блюдами, золотыми чашками и рассыпавшимися сладостями. Ветер трепал конец пестрого шелкового достархана. Только один из приближенных шаха не успел скрыться. Это был седобородый Шейх-уль-ислам. Он свалился с коня, когда вся свита вскачь помчалась за Мухаммедом. Имам вновь взобрался на холм, поправил ковер и опустил на колени. Порывшись в складках кисеи своего белоснежного тюрбана, он вытащил овальную золотую пластинку...*» [13, с.285]. Описанный в отрывке момент побега Хорезм-шаха, его «свержение» с «возвышенности холма», раскрывает сущность другого героя-Имама. Он преднамеренно остался на холме, *взобрался* вновь, чтоб его заметили полководцы и военачальники Чингиз-хана.

Здесь скрыто новое предназначение возвышенного места-холма: в дальнейшем, в повествовании мы наблюдаем за диалогом Имама-предателя и Чингиз-ханом. Священное место локуса «холм» превращается в место предательства (ср. библейский эквивалент места предательства – поцелуй Иуды в Гефсиманском саду). За конкретной ценностной локацией закрепляется мотив предательства. Воспроизводящийся вновь и вновь мотив предательства реализуется в тексте там, где присутствуют герои «лабиринтного пространства».

«Курган», «гора», «скала» (вершина скалы) или урбанистический вариант – городская башня «Вечного забвения» в историческом повествовании В.Г.Яна являются аналогами микроконцепта-локуса «холм». У каждого приведенного образа есть индивидуальный набор смыслов, который соотносится или не соотносится с основными смыслами микроконцепта-локуса «холм». Так,

символический аналог – образ скалы и узкой башни на ней мы встречаем в следующем фрагменте: «...*На вершине скалы, выдвинувшейся углом в реку, подымалась узкая башня, и к ней прилепились небольшие плоские хижинки. Старинная каменная стена окружила их неровным кольцом. Здесь в тоске и размышлениях пребывал Хорезм-шах...*»[13, с.195]. В то время, когда герои открытого пространства – герои «степи», обретают на возвышенности силы, героями закрытого «лабиринтного пространства» овладевает «тоска», они пребывают в долгих и тягостных размышлениях. Холм представляется не только местом раздумий: «*Дервиш остановился на холме: – Вот земля, созданная старым, – шептал он, – но она стала долиной мучений и слез. Пятнадцать лет назад я бежал отсюда, задыхаясь от страха, озираясь, как преступник. Кто сможет узнать теперь в обожженном солнцем черном дервише того юношу, которого проклял сам верховный имам?.. Дервиш снова зашагал...*»[13, с.361], но место связующим прошлое и будущее героев (здесь: героя-дервиша). Смысловую динамику локуса «холм» и его смыслового варианта – «курган», наблюдаем в главах, раскрывающих специфику монгольской национальной модели мира. Обратимся к следующим примерам: «...В верховьях Черного Иртыша, у *подножия одинокого кургана* среди зеленой степи, стоял желтый шелковый шатер....»[13, с.195]; «Поворачиваясь с боку на бок, каган часто вспоминал слова старой, толстой Буртэ и думал о своей смерти. Он думал о *высоком кургане в степи*, где проносятся легкие сайгаки с загнутыми рожками, где высоко в небе медленно кружат орлы... *В таких курганах покоятся останки великих богатырей*» [13, с.145].

Курган, как древний могильный холм, а также небольшая возвышенность [4, с.184] часто встречается в тексте. То, что «*желтый шелковый шатер*» – временное жилище Чингиз-хана, находится именно у «*подножия одинокого кургана*», что герой думает «о *высоком кургане в степи*», как о желанном месте последнего пристанища души и тела, преднамеренно вводятся В.Г.Яном в текст. Образ одинокого, древнего (а следственно «мудрого») кургана олицетворяет величие того, кто в нем покоится. Вопросы жизни и смерти связаны с образом «одинокого кургана». Чингиз-хан, думая о болезнях, о смерти, о поражениях, каждый раз утешается мыслью, что его дух обретет вечный покой в таком же одиноком, как он и сам, кургане в степи.

Сюжетообразующие пространственные координаты «верх-низ», реализованные посредством природных реалий – животных (сайгаки-орлы) в прозе В.Г.Яна указывают на последнее «*желанное пространство*. Главы, в которых холм, представлен как место сбора, место обсуждения важных вопросов, место моления и жертвоприношения, реализуют новые значения, развивают новую повествовательную линию: «...Нойон *поднимается на холм*,

он (Субудай-багатур – Х.Н.) хочет тебя видеть...»[13, с.274]; «На берегу Калки, на высоком кургане, Субудай-багатур созвал всех своих тысячников и сотников на торжественное моление богу войны Сульдэ» [13, с.286]. Микроконцепт-локус «холм» и «курган» – это эквиваленты концептов «дом»/«жилище». Один из ярких примеров «превращения» степи, как эквивалента «дома» и «жилища» – в холм, как места «последнего пристанища», мы встречаем в главе «Чингиз-хан приказал повернуть коней»: «...когда неприятельская катапульта попала стрелой...в Мутугана, (от случайной стрелы он скончался-Х.Н.) любимого внука... тогда Чингиз-хан убедился, что смерть наносит удары, точно слепая верблюдица...Чингиз-хан так рассвирепел из-за кончины внука, что приказал взять Балтан немедленно...повелел, чтобы войны никого в плен не брали: всю местность превратили в пустыню, чтобы ни одно творение там не жило. Имя этому месту дали «Мау-курган», что значит «Холм печали». С тех пор никто там больше не селился, и земля осталась необработанной...»[13, с.293].

В. Похлёбкин в «Словаре международной символики и эмблематики»[7, с.185] в статье «Гора (или Холм)» указывает на такие значения как «возвышенное место», «место жертвоприношения», «олицетворение почетного места». В продолжении словарной статьи, выделяем: «...В средневековой символике гора, холм стали символизировать землю, страну вообще, причем одновременно олицетворяли место пребывания власти...» [7, с.190].

Процесс превращения города, находящегося в степи (город-степь) в «Холма печали» (город-холм) – доказательство преобладания силы врага, власти войска-победителя. Это мотив потери Родины, мотив унижения, смерти, порабощения. Здесь своеобразная семантическая игра: город (собрание) живых в степи (ср. базар) и город (собрание) мертвых в кургане (ср.мазар), название же «Мау-Курган» в переводе дающее «Холм печали» усиливает трагедийность произошедшего. Идею появления «Холма печали» в тексте романной трилогии можно рассмотреть под следующим углом: желание завоевывать и порабощать встречающиеся на пути страны и города – главная цель воинов-монголов и полководцев. Страны, не поддающиеся порабощению, превращаются в «Мау-курганы»: «...Вокруг Гурганджа монголы потеряли очень много своих воинов, и кости павших образовали целые холмы, которые потом, много лет были видны между развалинами...»[13, с.231].

Все герои открытого пространства – герои «степи», называющие себя воинами или полководцами, желают подняться на коне на священный курган. В примере: «...Она (мать Бату-хана-Х.Н.) созвала нукеров и вместе с мальчиком поднялась на курган. Бату сидел на гнедом боевом коне своего отца...»[13, с.313] курган представлен местом «передачи» власти, то, что мать вместе с сыном поднимается на священную возвышенность, указывает на то, что в скором

времени этот юноша будет на троне, у власти (холм – трон – власть). Подтверждение тому находим во второй части трилогии, когда мальчик возмужал и превратился в полководца «Джихангира» [13, с.296]. Бату-хан устанавливает свой желтый шатер по форме напоминающий холм, в окружении древних курганов: «...в долине, окруженной старыми курганами, был поставлен золотисто-желтый шатер. Возле него снова появились шатры семи ханских жен...» [13, с.179]. Лейтмотивом лирических текстов в структуре прозаического, вновь выступает образ кургана: «...в мире нет сил таких, чтобы нас удержать/ в нашем беге до моря Последнего, / Там, зеленой волной пыль омывши копыт, / Мы курган накидаем невиданный / Из отрезанных нами голов. / На кургане поставим обломок скалы,/ Твое имя напишем священное, / И тогда лишь коней повернем на Восток, Чтоб умчаться обратной дорогою / Снова к юрте твоей золотой» [13, с.240]. Золотая юрта – это дом (жилище) Кагана, но и курган, «из отрезанных голов» – также представляется домом, но уже для павших. Военные действия, вокруг которых разворачивается повествование предполагает наличие образа кургана, как «могильной возвышенности»: «...Через несколько дней Туган остановился на пустынной возвышенности, изрытой могильными буграми... – Одну часть людей вырезали безжалостные всадники, другую часть они угнали в свои далекие степи, остальные жители бежали в скалистые горы...» [13, с.320]. Аналогом монгольского «Мау-Кургана» («Холма печали») и «Холма тридцати богатырей» в славянской (русской) картине мира выступает «Красный Холм», а также Холм Евпатия Коловрата. В главах «Берендеево болото», «На бугре», «Последние на бугре» мы сталкиваемся не просто с символичной природной реальией, а со значимым компонентом славянского (русского) Космоса, с понятием-абсолютом Русская земля/Русское поле.

Обратимся к примеру: «Между соснами на бугре еще стояла маленькая кучка людей. Это были последние оставшиеся в живых воины отряда Коловрата. Камни редко падали на бугор, где люди стояли, выпрямившись, тесно прижавшись, друг к другу, спокойно ожидая смерти... сделать больше ничего нельзя. Нет... Можно! Неожиданно высокий, звонкий, словно детский, голос затянул песню... Родную, протяжную и грустную песню... Еще, что же вы, братцы, призадумались, / Призадумались, ребятушки, закручинились, / Что повесили свои буйные головушки... Песню дружно подхватили другие голоса, и она полилась, смелая и вольная. Песня, казалось, говорила, что русские люди, умирая, прощаются с любимой родиной. Песня, казалось, говорила, что татары русских не сломили!...» [13, с.120]. Тесную связь микроконцептов-локусов (холм, бугор), в которых находятся и борются герои, их ценность (как избранного места для последней битвы и смерти), песнь, как показатель

«народности», истоков, и традиций – это все находит свое отражение в приведенном выше отрывке.

Присутствует в отрывке плавный переход от внешнего к внутреннему: от локуса «холм» (бугор) как основного места происхождения в сюжетообразовании главы – к целой веренице характеристик «русского народа» и его Космоса, включающим в себя понятия чести, достоинства, героической смерти, объединения во имя единой цели. Песня, как промежуточное звено между внешними обстоятельствами и внутренними состояниями героев, раскрывает ментальную сущность, указывает на национальную принадлежность. Песня – не только показатель фольклора в структуре текста прозы В.Г.Яна или описываемой модели мира, она выразитель психологизма. Литературные тропы и обороты, используемые в песни (обращения, риторические вопросы, параллельные повторы лексем, недосказанность, употребление уменьшительно-ласкательных аффиксов и т.д.) – усилители трагедийности повествуемого. Более того, глава «Последние на бугре» начинается с эпиграфа поэта Льва Мейя: «...Где честная могила Евпатия, / *Знают ясные зори с курганами,* / Знала старая песня про витязя, / Да и ту унесло ветром-вихорем!...» [13, с.121]. Вновь проецируемая картина перехода формального к смысловому: «*знают... курганы – знала...песня*», указывает на песню о витязях, священные могилы-курганы хранят передают память о них. «Материальная память», «культурно-исторический артефакт» – курганы, «духовная память» – песня, сталкиваясь, образуют концепцию памяти культуры, экологию культуры [2, с.194], экологию нравственности широко разработанной, в трудах академика Д.С. Лихачева. Курган – это память, также как песня. Возвышенность, как часть природной реалии в прозе В.Г.Яна превращается в пространство Памяти (также как топоним «степь»), в структуре которого вырисовываются витальные картины, этапы жизни человека (рождение, взросление, смерть).

Пространство, оставляя в своей Памяти имена героев, «высекает» их в своих ценностных топосах (степь) и локусах (холм). Поэтому в структуре повествования акцентируется внимание на холмах («Холм печали», «Красный холм»), курганах («Курган тридцати богатырей»), горах (Голубая гора Чингизхана), скал, бугров (бугор Евпатия Коловрата).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Губин В.Д. Философствование как поиск родины /ХОРА.2008. – №3 – С. 69-78
2. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. – М.: Правда, 1998. – С. 23-25

3. Лотман Ю. М. Проблемы художественного пространства в прозе Н. В. Гоголя // Труды по русской славянской филологии. – Тарту, 1968. Вып. 202. – С. 10.
 4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок.57000 слов. – 20-е издание, стереотипное. – М.: Русский язык, 1988.– 284 с.
 5. Прокофьева, В. Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестн. Оренб. гос. ун-та. 2005.– № 11. – С. 87–94
 6. Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон. Отв.ред. А.С.Герд, Г.С.Лебедев, – СПб.: Изд-во СПб гос.университета, 1999. – С. 41-47
 7. Похлебкин В. Словарь международной символики URL: <https://www.twirpx.com/file/369624/> (Дата обращения: 21.02.2020)
 8. Субботина Т. В. Локус, топос, урбоним, микротопоним: к вопросу о содержании пространственных понятий//Вестник Челябинского государственного университета. 2011.– № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. – С. 111–113.
 9. Фасмер М. Этимологический словарь. – М., 2002. – С. 923.
 10. Эпштейн М. О топохроне // Эпштейн М. Все эссе в 2-х томах. Том 1. В России (1970-1980-г гг.). –Екатеринбург: У– Фактория, 2005. – С. 34-38
 11. Эпштейн М. О топохроне. Анализ отдельного топохрона // Эпштейн М. Все эссе в 2-х томах. Том 1. В России (1970-1980-г гг.). – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – С. 50-67.
 12. Эпштейн М. Хроника и топохрон. – СПб: Алетейя, 2006. – С. 264.
 13. Ян В.Г. Собр. сочн. В IV т. Т III. – М.: Правда, 1989. – 346 с.
- УДК 372.881.161.1

Т. Н. Юркина
(Россия, г. Чебоксары)
tanya-yurkina@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ ФОРМ ИМПЕРАТИВА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация. В настоящей статье описаны особенности образования форм повелительного наклонения глагола в русском языке, представлены методические рекомендации и некоторые дидактические материалы по изучению данных форм на занятиях по русскому языку как иностранному на элементарном (начальном) уровне. Актуальность исследования обусловлена как сложностью и неоднородностью системы средств выражения русского

императива, так и частотностью данных форм в бытовом общении, в типичных речевых ситуациях, в рамках которых и формируются первичные коммуникативные компетенции иностранных обучающихся.

Ключевые слова: глагол, грамматические ошибки, императив, коммуникативная компетенция, повелительное наклонение, русский язык как иностранный.

Цель исследования заключается в характеристике семантической составляющей категории императива и в описании структурных особенностей образования императивных форм. Материалом для данного исследования стали научные, учебные и методические труды в области русского языка и русского языка как иностранного [1], [2], [3]. В работе использованы методы анализа и синтеза, описания, наблюдения, классификации, трансформации грамматических конструкций.

Семантика императива включает в себя приказ, просьбу, совет и др. [7], [8], имеет разные способы выражения и находит реализацию в разных коммуникативных моделях, в высказываниях с отношениями мотивационной обусловленности [5], [9].

Для правильного образования форм императива необходимо помнить о трех основных типах / способах образования синтетических форм повелительного наклонения. Все они опираются на особенности формы 1 лица единственного числа настоящего времени (для глаголов несовершенного вида) и будущего времени (для глаголов совершенного вида). Рассмотрим подробнее эти типы.

1. Основа глагола в форме 1 лица единственного числа заканчивается на согласный, при этом окончание ударное, например, *крич'у, люблю́*. В таком случае форма императива образуется с помощью ударного суффикса *и*. Чтобы обучающимся было легче, нужно поставить полученную форму 1 лица единственного числа в форму 3 лица множественного числа, отбросить окончание и добавить суффикс *-и*: *крича́ть – крич-у́ – крич-а́т – кричи́*; *люби́ть – любл-ю́ – люб-ят – любí*. Для множественного числа добавляется формант *-те*: *кричи́те, любíте*. По этой модели образуется повелительное наклонение от глаголов *купить, молчать, говорить, смотреть, писать, идти, ходить, бежать, плыть, лететь* и др.

2. Основа глагола в форме 1 лица единственного числа заканчивается также на согласный, однако при этом окончание безударное, например, *вста́ну, проверю́*. В данном случае форма императива образуется с помощью *ь*. При этом используем также промежуточную форму 3 лица: *вста́ть – вста́н-у – вста́н-ут – вста́нь(те)*; *прове́рить – прове́р-ю – прове́р-ят – прове́рь(те)*. По такой модели

образуется повелительное наклонение от глаголов *готовить, быть, экономить, ехать* и др.

3. Основа глагола в форме 1 лица единственного числа заканчивается на гласный, окончание при этом безударное, например, *чита́ю, рабо́таю*. Форма императива образуется с помощью согласного *й*, например: *чита́ть – чита́-ю – чита́-ют – читай(те)*; *рабо́тать – рабо́та-ю – рабо́та-ют – работай(те)*. По данной модели образуются императивные формы от глаголов *гулять, слушать, мешать, знать, закрыть, бегать, плавать* и др.

У возвратных глаголов при образовании императивных форм необходимо обращать внимание на правописание постфикса *-ся*: после гласных пишется *-сь*, после согласных – *-ся*: *вернись, останься, улыбайся*. А сами модели выделяются из рассмотренных трех типов, например:

- 1) *вернуться – верн-у́-сь – верн-у́т-ся – вернись (вернитесь)*;
- 2) *оста́ться – оста́нусь – оста́нутся – оста́нься (останьтесь)*;
- 3) *улыба́ться – улыба́юсь – улыба́ются – улыба́йся (улыбайтесь)*.

Следует обратить внимание на нетипичные глаголы, которые образуют формы императива по-другому, не укладываясь в перечисленные типы. Их желательно запомнить и учиться использовать в диалогах и коммуникативных моделях. К таким глаголам относятся *есть – ешь(те), пить – пей(те), давать – давай(те), дать – дай(те)* и др.

На элементарном уровне РКИ (А1) в соответствии со стандартом изучаются следующие значения форм императива [4, с. 12]. Кроме синтетической формы императива, используются и другие способы выражения повелительности. Это следующие коммуникативные модели:

– отрицательная частица *не* употребляется с императивом несовершенного вида и выражает запрет действия: *не помогай, не читай, не пропускай*.

– для выражения значения совместности действия используются частицы *давай / давайте* в сочетании с инфинитивом (для глаголов НСВ) или с формой первого лица множественного числа (для глаголов СВ): *давай(те) писать, давай(те) напишем!*

– для выражения волеизъявления используется конструкция с частицей *пусть* в сочетании с формой третьего лица единственного или множественного числа глаголов совершенного и несовершенного вида: *пусть читает / читают! Пусть напишет / напишут!*

– также для выражения желательного действия можно использовать конструкцию с частицей *чтобы* и глаголом в форме прошедшего времени. «Местоимение + хотеть, чтобы + прошедшее время»: *Я хочу, чтобы ты говорил по-русски. Он хочет, чтобы мы пришли на праздник.*

Как видим, значений императива и способов их выражения на начальном уровне изучения русского языка как иностранного не так много и они достаточно часто используются в общении. Поэтому рекомендуется не только учиться правильному образованию императивных форм, но и отрабатывать данные формы в коммуникативных моделях, в простейших диалогах, обращая внимание также на правильное окончание падежных форм при императиве [6, с. 180–186].

Рассмотрим примеры упражнений, которые можно использовать при отработке образования императивных форм.

Упражнение 1. Используя первую модель, образуйте формы императива от следующих глаголов: *бежать, говорить, идти, купить, лететь, любить, молчать, писать, плыть, смотреть, ходить*.

Образец: *крича́ть – крич-у́ – крич-а́т – кричи́!*

Упражнение 2. Используя вторую модель, образуйте формы императива от следующих глаголов: *быть, готовить, проверить, сесть, экономить*.

Образец: *вста́ть – вста́н-у – вста́н-ут – вста́нь(те)!*

Упражнение 3. Используя третью модель, образуйте формы императива от следующих глаголов: *бегать, гулять, закрыть, знать, мешать, плавать, слушать*.

Образец: *чита́ть – чита́-ю – чита́-ют – читай(те)!*

Упражнение 4. Образуйте формы императива от следующих возвратных глаголов: *встречаться, расставаться, умываться, целоваться, улыбаться*.

Упражнение 5. Образуйте формы императива от известных вам глаголов движения.

Упражнение 6. Подберите видовые пары к представленным глаголам, образуйте от них формы императива: *вставать – встать, говорить – сказать, давать – дать, закрывать – закрыть, писать – написать, показывать – показать, рисовать – нарисовать, спрашивать – спросить*.

Выводы. Таким образом, мы рассмотрели некоторые особенности изучения форм императива на элементарном уровне русского языка как иностранного. Приведенный дидактический материал и методические рекомендации могут найти достойное применение при отработке форм императива и введении их в активную речь обучающихся посредством использования коммуникативных моделей, построения диалогов, работы с текстами. В перспективе планируется подготовить интерактивный материал для изучения императивных форм с использованием цифровых ресурсов и технологий, создание рабочих листов, а также изучение методики работы с императивными формами на других уровнях РКИ с использованием адаптированных и аутентичных текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко А.В. К проблеме интенциональности в грамматике (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. – 1994. – № 2. – С. 29–42.
2. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М. : Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М. : Высшая школа, 1972. – 614 с.
4. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень / Владимирова Т.Е. и др. – 2-е изд., испр. и доп. – М.–СПб.: Златоуст, 2001. – 28 с.
5. Данилова Е.А. Отношения обусловленности в высказываниях с семантикой мотивации, целеполагания и уступки // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2018. – № 2(98). – С. 69–77.
6. Данилова Е.А. Типичные ошибки иностранных студентов при образовании и употреблении русских падежных форм // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2020. – № 4(109). – С. 180–186.
7. Перцов Н.В. К проблеме инварианта грамматического значения (императив в русском языке) // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 88–101.
8. Храковский В.С. Повелительность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л. : Наука, 1990. – С. 185–234.
9. Юркина Т.Н. Аспектуально-темпоральная характеристика высказываний с отношениями мотивации в современном русском языке : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Санкт-Петербург, 2007. – 25 с.
10. Юркина Т. Н. Функционирование императивных глагольных форм при выражении предостережения // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2017. – № 3-2(95). – С. 150–156.

Tatiana Yurkina
(Russia, Cheboksary)

tanya-yurkina@yandex.ru

STUDYING IMPERATIVE FORMS IN THE CLASSROOM IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. Russian Russian This article describes the features of the formation of imperative verb forms in the Russian language, presents methodological recommendations and some didactic materials for the study of these forms in classes

in Russian as a foreign language at the elementary (elementary) level. The relevance of the research is due to both the complexity and heterogeneity of the system of means of expressing the Russian imperative, and the frequency of these forms in everyday communication, in typical speech situations, within which the primary communicative competencies of foreign students are formed.

Keywords: verb, grammatical errors, imperative, communicative competence, imperative mood, Russian as a foreign language.

УДК: 4Р. ББК: 81.3

Якубова А.А.
(Таджикистан, Худжанд)
yusuf2007@list.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В ТАДЖИКСКОЙ ШКОЛЕ С УЧЕТОМ СИСТЕМНЫХ СВЯЗЕЙ И ОТНОШЕНИЙ

Аннотация.Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме формирования лексической компетенции, а именно обучению лексике на уроках русского языка в общеобразовательных учреждениях с таджикским языком обучения с учётом системных связей и отношений. Основное содержание статьи составляет анализ характерных признаков формирования лексической компетенции в процессе учебной деятельности. Раскрываются основные понятия, относящиеся к лексической стороне обучения русскому языку как иностранному, уделяется внимание лексическому компоненту как наиболее важной составляющей экспрессивных и рецептивных видов речевой деятельности.

Ключевые слова: Лексическая грамотность, компетентность, систематическое обогащение, словоупотребление, расширение лексического запаса, коммуникативные навыки и умения, функционально-системный подход фразеологическая работа, активный и пассивный словарь.

Расширение масштабов развития русского языка, а также меры совершенствования его преподавания и изучения в образовательных учреждениях страны признан приоритетным направлением языковой политики Республики Таджикистан. Еще в 2003 году было принято Постановление Правительства Республики Таджикистан и Указ Президента РТ «О мерах совершенствовании преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан в период 2004-2014 гг.». [1. 176].

В Республике Таджикистан знание таджикского (государственного), а также русского языка как языка межнациональной коммуникации способствует профессиональному росту современного молодого поколения, приобретению духовно-нравственных и толерантных качеств. Языковая ситуация в Республике

Таджикистан, создание многоязычного и поликультурного общества с обеспечением межкультурной коммуникации народов, проживающих в стране, предполагает гармоничное и системное налаживание международных контактов. Эти контакты, в том числе, определяют важность и целесообразность преподавания и изучения русского языка в образовательных учреждениях Республики Таджикистан. [1. 176].

Свободное владение русским языком позволяет расширению лингвистического и культурного кругозора современного школьного поколения учащихся – носителей таджикского языка и языка национальных меньшинств, проживающих и обучающихся на территории страны. Оно является также предпосылкой и условием успешной образовательной и будущей профессиональной деятельности в самых разных сферах и отраслях народного хозяйства. Все это ставит новые задачи в системе преподавания и изучения русского языка в образовательных учреждениях с родным языком обучения, разработке и внедрении новых концепций и подходов к освоению русского языка, современных форм, методов и приёмов обучения.

Современное состояние преподавания и изучения русского языка в общеобразовательных учреждениях с таджикским языком обучения требует разработку эффективной системы словарной работы с учетом системных связей лексического уровня языка. Приоритетность данного подхода обусловлена тем, что изучение любого неродного языка начинается со словарной работы. При организации словарной работы необходимо не только определить количество словарного минимума для активного и пассивного усвоения слов, но и важен учёт специальной и систематической работы по словоупотреблению и расширению лексического запаса учащихся.

Методика преподавания русского языка как неродного ставит задачи вооружения учащихся доступными сведениями о русском языке, его звуковом, грамматическом и лексическом строе, овладения активным лексическим минимумом в каждом центре обучения. В частности, не имея достаточного количества запаса нужных для общения слов невозможно свободно владеть языком. Поэтому обучение русскому языку и выработка коммуникативных навыков и умений необходимо с систематического обогащения словарного запаса учащихся. Однако не всегда традиционная словарная работа дает положительные результаты. Для результативности словарной работы важна не только систематическая работа для запоминания новой лексики, но и значимо умение сочетать слова и правильно употреблять их в речь, пользуясь возможностями синтагматической связи слов в пределах дискурса. Не зная правил сочетаемости слов в русском языке, их синтаксической роли, структуры

и видов предикативно-коммуникативных единиц языка, учащиеся-таджики не могут построить свою речь на данном языке. [4, 7-33]

Методика преподавания русского языка в образовательных учреждениях с таджикским языком обучения имеет историю своего становления и развития как в период советского времени, так и после приобретения страной государственной независимости. Особенно плодотворной можно назвать вторую половину прошлого века, когда социальная роль и функция русского языка как языка межнационального общения ставили задачи всестороннего рассмотрения особенностей преподавания русского языка с учетом монологического и билингвального аспектов. Такой подход к исследованию особенностей изучения русского языка продиктован тем, что методика преподавания неродного языка имеет свои специфические особенности по сравнению с обучением родному языку.

Методика преподавания русского языка как неродного (второго) в национальной школе разработана и отражена в многочисленных исследованиях советских и отечественных ученых Н.З.Бакеевой, З.П.Даунене, А.Д.Бойцовой, А.Е.Супруна, А.Пашковской, М.Б.Успенского, М.Н.Шанского, Е.А.Быстровой, Р.Б.Сабаткоева, Н.Б.Экбы, Л.Г.Саяховой, А.Ф. Колесникова, Т.В.Гусейновой, С.Э.Негматова, Г.М.Ходжиматовой, У.Р.Юлдашева, Л.Т.Рузиевой и мн. др. [4, 33-36]. Особое внимание ученых затрагивают проблемы обучения лексике русского языка в иноязычных условиях. Так, в работе М.Ф. Колесникова, рассматриваются актуальные проблемы организации словарной работы на уроках русского языка. В частности, освещены проблемы отбора лексического минимума, дано описание отобранного лексического материала в учебных целях, определены методические приёмы, способствующие продуктивному усвоению словарных единиц.

Ученые при рассмотрении вопросов, связанных с изучением лексики русского языка как неродного, все больше направляют свои взоры на выявление системных связей и отношений в слове (Никитин, Аскольдов, Васильев, Негматов и др.). [3, 35]. Так, в докторской диссертации профессора С.Э.Негматова специальному анализу подвергнуты парадигматические, синтагматические и деривационные связи слов в монологическом и билингвальном аспекте. Системные отношения и связи на фразеологическом уровне подробно рассмотрены в монографическом исследовании Е.А.Быстровой, где главенствующее место в ней занимает функционально-системный подход при организации фразеологической работы по русскому языку в национальной школе. [3,35-39]

Новым этапом в разработке методических аспектов преподавания и изучения русского языка в общеобразовательных учреждениях с таджикским

языком обучения является конец 90-х годов 20 и начало нового 21 века. Они отражены в исследованиях отечественных ученых-методистов: И.Х.Каримовой, Т.В.Гусейновой, С.Э.Негматова, Г.М.Ходжиматовой, М.Б.Нагзибековой, У.Р.Юлдашева, С.Шербоева, М.М.Товбаевой, Н.Х.Маджидовой, М.Х.Ходжиевой, Ашуровой Т.М., А. Ниятбековой и многих других. Учеными отмечено, что главным направлением современной методики преподавания русского языка в **общеобразовательных учреждениях с таджикским языком обучения** должно стать формирование коммуникативной компетенции учащихся, составным и неотъемлемым компонентом чего является обогащение и активизация словарного запаса учащихся – носителей таджикского языка [4, 7-29]

За небольшой отрезок времени методика преподавания русского языка в общеобразовательных учреждениях с таджикским языком обучения сумела синтезировать современные позитивные подходы, которые прошли эволюционный этап на разных периодах ее развития благодаря изучению и обобщению богатого опыта педагогической науки. Результаты научно-педагогических исследований оформлены в виде докторских и кандидатских диссертаций, научных статей, монографических исследований, методических разработок. Примечательно, что труды ученых-методистов регулярно отражаются в страницах республиканского журнала «Русский язык и литература в школах Таджикистана», функционирующий с 1958 года прошлого столетия, что служит уникальной научно-методической базой.

В исследованиях последних лет отмечается современная платформа и инновационный подход к обучению лексике русского языка с учетом ее валентности, иначе, сочетательных возможностей слова. Валентность составляет основу синтагматических связей слова и способствует повышению качества речевого общения и коммуникативной компетенции учащихся **общеобразовательных учреждений с таджикским языком обучения** при изучении русского языка. В этом ракурсе широкое использование в речи лексического яруса языка с учетом его системных связей и отношений стимулирует мотивацию учащихся к овладению русским языком и содействует реализации концепции межкультурного диалога.

Для реализации концепции межкультурного диалога важно осуществить следующие рекомендации:

1. Разработка теоретической основы словарной работы в общеобразовательных учреждениях с таджикским языком обучения с учетом лексической валентности слова.
2. Раскрытие феномена лексической валентности слова в процессе обучения лексике русского языка в общеобразовательных учреждениях с таджикским

языком обучения.

3. Выявление принципов организации словарной работы по русскому языку в общеобразовательных учреждениях с таджикским языком обучения с учетом лексической валентности и системных связей и отношений в слове.

4. Разработка путей и приёмов семантизации лексики русского языка в 5 общеобразовательных учреждениях с таджикским языком обучения при наличии лексической валентности слова.

5. Установление общего состояния организации словарной работы на уроках русского языка в общеобразовательных учреждениях с таджикским языком обучения.

6. Провести опытно-обучающий эксперимент для подтверждения эффективности предлагаемой системы организации словарной работы по русскому языку с учетом лексической валентности слова.

Таким образом, анализ поставленной проблемы в данной статье позволяет нам сделать определенные и отметить следующее:

1. Словарный запас учащихся в большинстве случаев представляет собой набор слов, не имеющих логической и последовательной линии сочетания, отвечающих требованиям правильного словоупотребления.

2. Выяснилось, что до настоящего времени не была разработана научно-обоснованная система обучения лексике русского языка в общеобразовательных учреждениях с таджикским языком преподавания, не определены параметры совершенствования культуры русской речи учащихся с ориентацией на их коммуникативную компетенцию. Между тем специфика преподавания русского языка как неродного в общеобразовательных учреждениях с таджикским языком преподавания с учетом системных связей и отношений в лексическом ярусе определяется особым методическим построением работы в данном направлении.

3. Являясь основной единицей лексико-семантической системы языка, слово способно отражать всю сложность и многообразие окружающей нас реальной действительности.

4. Обучение лексике русского языка с учетом ее системных связей и отношений является важной методической частью учебного процесса в общеобразовательных учреждениях с таджикским языком преподавания.

5. Взаимодействия лексических единиц тесно связаны друг с другом, их объединяют различные отношения, которые организуют системность. Входя в целую сеть разнообразных структурно-смысловых отношений, лексические единицы, оказываются, таким образом, достаточно упорядоченными системно. Это значит, что слова определённым образом связаны друг с другом.

6. Сочетаемость слова обуславливается не только собственно лингвистическими, но и экстралингвистическими факторами. Именно многогранное изучение сочетаемости нашло отражение в разработке таких терминов, как валентность, контекст, дистрибуция, и собственно сочетаемость в различных ее видах.

7. Термин «валентность» используется для обозначения сочетательных свойств в современной лингвистической литературе. Следует отметить, что валентностью называют «способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами» [Гак, 1990: 79]. Этот термин впервые в лингвистике был представлен Л.Теньером. Ученый употреблял его для обозначения сочетаемости слов по отношению только к глаголу. Л. Теньер подтверждает, что валентность как число актантов способствует присоединению глагола.

8. Слова, входящие в составе словосочетания как его зависимые члены, выражают уже не отдельные понятия, а лишь элементы сложных понятий или представлений, отличительные их признаки, их отдельные детали. И если бы это было не так, то, несомненно, отпала бы потребность в самом словосочетании».

9. Содержание словарной работы с учётом системных связей и отношений в лексике независимо от этапа обучения, включает решение таких задач, как количественное и качественное обогащение словарного запаса учащихся, выработку умений сочетать слова в составе словосочетания и предложения, совершенствование культуры речи на русском языке [4, 162-170].

Выявление смысловых отношений между словами протекает на уровне синтагматической связи, которая выявляет возможные варианты сочетаемости слов.

Как видно, словарная работа с учетом системных связей и отношений устанавливаются на основе усвоения смысловых отношений слов в словосочетании и предложении с учетом особенностей функционирования словарных единиц в речи. Основой формирования словарного запаса в школах с таджикским языком обучения является закон ассоциативных связей на уровне слова, обеспечивающий эффективность работы над словом. Выбор того или иного слова, необходимого для выражения конкретной мысли говорящего лица обусловлен правилами его соединения на уровне словосочетания с учетом логических ассоциаций.

Выбор метода того или иного метода семантизации нового слова зависит от центра обучения, языковой подготовленности учащихся, характера вводимой лексики (прямое или переносное значение, безэквивалентная лексика, слово-реалия, прецедентное имя, прецедентное выражение и пр.). Формы учета лексической валентности при организации словарной работы могут быть самыми разнообразными. Частично, он проводится попутно с его закреплением.

Так, при пересказе учащимися содержания изучаемых произведений учитель обращает внимание на правильное понимание учащимися смысла новых слов и выражений. При проведении изложений и сочинений выясняет, умеют ли дети практически пользоваться новыми словами; усиленно ли им правильно подобрать слова в сочетании с другим словом, не нарушая их лексическую сочетаемость.

Таким образом, лексическая система языка и лексический аспект в обучении лексике имеют свои особенности, свои внутренние закономерности, которые необходимо учитывать при решении лингвометодических и учебно-методических вопросов. Количество единиц обучения на лексическом уровне практически бесконечно. Поскольку невозможно овладеть всем словарным богатством языка, обучение лексике должно быть определенным образом нормированным, т. е. ограниченным, и управляемым. Положение облегчается тем, что лексическая система обладает способностью подвергаться компрессии, сохраняя свою системность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акуленко, В.В. Лексические средства выражения интенсивности качественного признака в современном русском языке. – Харьков. / Акуленко, В.В. Харьк. ун-т, 1987. – С.176
2. Негматов, С.Э. Научные основы обучения лексике таджикского языка в условиях формирования русско-национального билингвизма. КД. - М., 1991, с. 35.
3. Программа по русскому языку для общеобразовательных учреждений с таджикским языком обучения (2—11 классы). — Душанбе, 2008. Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания, 2010, № 1
4. Якубова, А.А. Научные основы организации словарной работы в общеобразовательных учреждениях с таджикским языком обучения с учетом лексической валентности : дис. ... канд. пед. наук. Д., 2019. 192 с.
5. Якубова, А.А. Особенности содержания словарной работы по русскому языку в таджикской школе./ Ученые записки Худжандского государственного университета им.ак.Б.Гафурова./ Гуманитарные науки/ № 3. С. 230-234., 2016 ссылка: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-soderzhaniya-slovarnoy-raboty-po-russkomu-yazyku-v-tadzhikskoy-shkole>

УДК: [811'221]

М.А. Курбанов

доктор философии по филологическим наукам (PhD)
(г.Андижан, Узбекистан)

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ РЕЧИ ПОСРЕДСТВОМ КУЛЬТУРЫ, ОБЫЧАЕВ, ФОРМ ЭТИКЕТА

Аннотация. В данной статье раскрыты национальные особенности культуры, традиций и нравов с использованием невербальных средств в межличностном общении в узбекском, английском, турецком и русском языках. В статье традиции и формы приличия, определяющие культуру, духовность и социальное поведение человека в обществе описаны на всех четырёх языках. Невербальные средства в общении делятся на отдельные группы по условиям применения, назначению, взаимодействию, содержанию и социальному этикету национальных традиций и форм приличия.

Ключевые слова: невербальная коммуникация; паралингвистические средства; невербальные средства; жесты; национальная культура; обычаи; форм этикета.

M.A. Kurbanov

Doctor of Philosophy in Philological Sciences (PhD)

(Andijan, Uzbekistan)

e-mail: adusifat@gmail.com

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF NON-VERBAL MEANS OF SPEECH THROUGH CULTURE, CUSTOMS, FORMS OF ETIQUETTE

Abstract. This article reveals the national characteristics of culture, traditions and customs using non-verbal means in interpersonal communication in Uzbek, English, Turkish and Russian. In the article, the traditions and forms of decency that determine the culture, spirituality and social behavior of a person in society are described in all four languages. Non-verbal means in communication are divided into separate groups according to the conditions of use, purpose, interaction, content and social etiquette of national traditions and forms of decency.

Key words: non-verbal communication; paralinguistic means; non-verbal means; gestures; national culture; customs; forms of etiquette.

Невербальные средства воплощающие литературные формы в обществе – наиболее удобный способ сохранить национальную культуру, традиции и ценности, донести до следующего поколения шедевры искусства (музыка, живопись, скульптура, поэзия, узор, театр) и культуру общения, которую невозможно описать простыми словами. Поэтому невербальные средства стали объектом исследования лингвистов, а также философов, социологов,

психологов, литературоведов, историков, искусствоведов, культурологов и других специалистов.

Узбекские национальные невербальные средства в речи полностью раскрывают особенности человеческого характера, культуры, духовности, мировоззрения, мыслительных способностей, настроения и целей разговора. Однако у англичан и американцев хорошее или плохое настроение можно определить только по улыбке на лице. Определить оставшиеся аспекты – непростая задача. Потому что в общении англичан и американцев, улыбка на лице человека выражает уважение и искренность по отношению к собеседнику. Что касается россиян, то они не привыкли к беспричинным улыбкам или улыбкам в общении, и почти проявляют серьезность. По их мнению, настойчивая вежливость в ходе беседы является признаком сокрытия изначальных сторон человеческого характера и, в некотором смысле, частичной хитрости (www.gorod-812.ru/amerikantsyi-opredelili-14-otlichitelnyih-chert-russkoy-ulyibki/). В невербальном общении система традиций также играет важную роль в представлении миру национальной культуры народа. Некоторые исследователи считают, что традиционные паралингвистические средства, как и язык, имеют отчетливое национальное значение. Например, Т.Николаева отмечала, что национальные традиции и культура, унаследованные от предков на протяжении веков, должны изучаться как язык [Саидханов 2008].

По мнению А.Нурманова, чтобы представитель народа, говорящий на одном языке, помимо совершенного знания языка народа мог свободно общаться с людьми, говорящих на втором языке, также должен глубоко понимать культуру, обычаи, жесты и ряд других особенностей этого народа. В нынешнюю эпоху сильных экономических и культурных связей между разными народами мира возрастает потребность в изучении вышеуказанных факторов [Нурманов 2012]. По мнению А.Пиза, в общении вербальные средства служат каналом передачи информации, а невербальные средства признаются средством «выяснения» межличностных отношений [Пиз 2010].

Т.Николаева и Б.Успенский предложили разделить паралингвистические средства в русском языкознании на две группы в зависимости от их происхождения:

а) естественные паралингвистические средства – действия, которые происходят естественным образом и имеют общее значение в результате биологических явлений;

б) традиционные паралингвистические средства – действия, специфичные для культуры и традиции [Николаева 1966].

М.Саидхонов в узбекском языке включил в формы общения, которые состоят из невербальных средств следующее:

а) ритуалы (обычаи) – действия, связанные с ритуалом, и их сочетание (обрядовый процесс);

б) формы этикета (формы поведения) – правила этикета в процессе общения;

в) жесты – действия, передающие определенную информацию в общении [Саидханов 2008].

Поэтому, изучая культуру разных народов, мы рекомендуем не игнорировать формы этикета: национальные ценности, обычаи, традиции, мораль, этику, образы, обычаи и ритуалы. Поскольку эти выражения, хотя и не являются абсолютными синонимами, очень близки друг к другу, в некоторых случаях одно может использоваться в речи как эквивалент другого. Анализ собранных материалов по обычаям, литературным формам и социокультурным формам самовыражения, выражающимся в невербальном общении на узбекском, османско-турецком, английском и русском языках, и обсуждение результатов исследования заключаются в следующем. В узбекском языке невербальные формы этикета выражаются через *урф-одат* (обычаи), *қадрият* (ценности), *анъана* (традиции), *удум* (ритуалы), *расм, расм-русум, расм-одат* (образы), *ахлоқ* (мораль), *хулқ, хулқ-атвор* (поведение) и *таомила, маросим-ишора* (жесты).

Например: *Темурбек отдан иргиб тушди ва қўлларини кўксига қўйиб бу ерда турганларга таъзим қилди.* (Тимурбек спрыгнул с лошади, положил руки на грудь и поклонился присутствующим). [Ахмедов 1995].

В османском турецком языке традиционные формы этикета с использованием невербальных средств: *görenek* (обычай), *örf* (обычай), *adet* (привычка), *alışkanlık, alışmışlık, alışkı, meleke, ünsiyet* (привычка, поведение), *ahlak* (мораль, поведение), *davraniş* (поведение), *değer* (ценность), *gelenek, an'ane* (традиция) и *tören, merasim* (церемония), представлены жестовыми действиями.

Например: *Polis başını sallayarak onayladı ve adam yere diz çökerek çantasını yanına yerleştirdi* [Стокер 2018].

На основе этих примеров было обнаружено, что выражение обычаев и других форм этикета в общении на родственных узбекском и османском турецком языках невербальными средствами связано почти с одной и той же ситуацией и местом.

Формы национальных обычаев и этикета английского языка, которые также включают невербальные средства, – это *customs* (обычаи), *tradition* (традиция), *institution* (традиция), *practice* (привычка), *ceremony* (обряд), *rite* (ритуал, традиция), *ritual* (ритуал, церемония), *habit* (привычка), *manners* (правила этикета), *ethics* (поведение, этикет), *convention* (обычай, поведение), *used to, usage* (привычка), *unwritten rule* (неписаное правило), *disposition*, (предрасположенность), его синонимы: *temper, ways, character* (нрав, способы,

характер), *conformity* (поведение) представлены жестовыми действиями, словами и словосочетаниями.

Например: *The man was still silent, but suddenly he bowed down almost to the ground, touching it with his finger. 'What is it?' cried Raskolnikov* [Достоевский 2012]. В русском языке традициями и формами этикета, выраженными невербальными средствами, являются *обычай, традиция, обряд, ритуал, церемония и нрав*, которые определяется жестовыми действиями. Например: *Поляков пожал плечами. Достав из кармана пиджака удостоверение – протянул его женщине. Но та даже не посмотрела на красные корочки. Она продолжала изучать лицо Полякова* [Питерский 2015]. *Обычаи и формы этикета узбеков, османских турок, англичан и русских, которые отражают национальные, социальные, религиозные или культурные невербальные средства, могут выражать положительные, а иногда и отрицательные коннотации в общении.*

В речи эти обычаи могут быть разделены на различные подгруппы в зависимости от ситуации, среды, времени, отношений, настроения и международных моральных норм, которые, в свою очередь, могут быть разделены на другие части. Потому что из приведенных выше примеров ясно, что одни и те же невербальные средства с течением времени одновременно могут иметь как национально-культурное, так и социокультурное значение в зависимости от содержания общения. Культура общения, в том числе невербальная форма, которая сегодня считается наиболее актуальной проблемой в обществе, остается одним из приоритетов современных социальных и гуманитарных наук. Это связано с тем, что национальные культуры и ценности каждого из изучаемых народов имеют богатую историю, в которой невербальные средства давно сформировались как совершенная система языка и речи. Таким образом, научное изучение компонентов невербального общения, наблюдаемых в социально-политических, социально-экономических и национально-культурных традициях и ценностях узбекского, турецкого, английского и русского народов, имеет теоретическое и практическое значение.

Решение проблем, результаты и выводы в комплексном исследовании невербальной коммуникации способствуют развитию нашей культуры. С лингвистической точки зрения изучение паралингвистических средств и обучение их правильному использованию предоставляют удобную возможность овладеть языком и речью другого народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмедов Б. Амир Темур. –Т.: Абдулла Қодирий номидаги халк мероси нашриёти, 1995. –640 б.
2. Дюма А. Три мушкетера. –Москва: ЛитРес, 2015. –680 с.

3. Николаева Т., Успенский Б. Языкознание и паралингвистика // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии, –М.: Наука, 1966. –63-74 с.
4. Нурмонов А. Танланган асарлар. 1-жилд. –Тошкент: Академнашр, 2012. –403 б.
5. Ойбек. Қутлуғ қон. Учинчи том. –Т.: Ғофур Ғулом номидаги бадиий адабиёт нашриёти, 1969. –390 б.
6. Питерский Я. Перспектива смерти. –Киев: ИП Стрельбицкого, 2015. 320 с.
7. Пиз А. Язык телодвижений. –М.: Эксмо-през, 2010. –258 с.
8. Садохин А. Введение в теорию межкультурной коммуникации. –М.: КноРус, 2014. –254 с.
9. Саидхонов М. Алоқа-аралашув ва имо-ишоралар. –Т.: Фан, 2008. –83 б.
10. Қодирий А. Ўткан кунлар. –Т.: Ғофур Ғулом номидаги адабиёт ва санъат нашриёти, 1974. –494 б.
11. Dikici A. Geleneklerin toplumdaki yeri ve önemi. Fitrat Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi, 11 (2). ELAZIĞ, 2001. –253 s.
12. Dostoevsky F. Crime and Punishment. Penguin Classics, 2002. –634 p.
13. Dumas A. The Three Musketeers. Modern Library, 2001. –625 p.
14. Güntekin R. Çalikuşu. –Istanbul: Inkilap Kitabevi Yayin Sanayi ve Ticaret AŞ, 2017. –381 p.
15. Poyatos F. Nonverbal Communication across Disciplines. Amsterdam /Philadelphia. John Benjamins B.V., 2002. –474p.
16. Stoker B. Drakula. Çeviren: Pinar Güncan—Istanbul: Bordo Siyah Yayinlari, 2018. — 624 p.
17. Trimbur J. The Call to Write, Brief Fifth Edition. –Wadsworth, Cengage Learning. 2011. –627 p.

Г.Ш. Саидходжаева

Андижанский государственный педагогический институт

(г. Андижан, Узбекистан)

E-mail: 998941343888@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА ЛИРИЧЕСКИХ И ПРОЗАИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Аннотация. Данная статья охватывает вопрос об особенностях перевода лирических и прозаических текстов. Перевод прозаических и лирических

текстов всегда относился к отдельной категории перевода, поскольку проза и лирика как жанр, в силу своих особенностей, требует особого внимания переводчика. Специфика поэтического текста во многом обусловлена как его культурными, национальными особенностями, так и структурными особенностями языка, на котором он написан. Все вышеперечисленные факторы вызывают у начинающих переводчиков закономерный, так называемый «вечный», вопрос о принципиальной возможности / невозможности перевода прозы. В статье рассматриваются основные характеристики стихотворного текста, а также проблемы, связанные с переводом поэзии, а также прозаических и лирических текстов.

Ключевые слова: перевод, эквивалентность, безэквивалентность, интерпретация, проза, поэзия, лирика, перевод авторских текстов, ментальность, понимание.

Saidkhodjaeva G. Sh.

Andijan State Pedagogical Institute, Andijan, Uzbekistan

E-mail: 998941343888@mail.ru

ON THE QUESTION OF THE PECULIARITIES OF TRANSLATION OF LYRICAL AND PROSE TEXTS

Abstract. This article covers the issue of the features of the translation of lyrical and prose texts. Translation of prose and lyric texts has always been a separate category of translation, since prose and lyric as a genre, due to their characteristics, require special attention of the translator. The specificity of a poetic text is largely due to both its cultural and national characteristics, and the structural features of the language in which it is written. All of the above factors raise a logical, so-called “eternal” question in novice translators about the fundamental possibility / impossibility of translating prose. The article discusses the main characteristics of the poetic text, as well as the problems associated with the translation of poetry, as well as prose and lyrical texts.

Key words: translation, equivalence, non-equivalence, interpretation, prose, poetry, lyrics, translation of author's texts, mentality, understanding.

«...для перевода с иностранного языка мало знать, хотя бы и отлично, этот язык, а надо еще уметь проникать в глубокое, живое, разнообразное значение каждого слова и в таинственную власть соединения тех или других слов»

Александр Иванович Куприн

Основным содержанием переводной лексики является описание языковых единиц одного языка при помощи другого(других). Переводная

лексика призвана устанавливать эквивалентные отношения между элементами различных языков

Исходя из того, что любая эквивалентность лишь относительна и может вызывать некие трудности при коммуникации, исследователи выдвинули принцип системности. «Принцип системности – и, пожалуй, в этом главная его суть для контрастивной лингвистики и переводоведения – не только побуждает к полноте и целостности сопоставления языковых фактов, а и указывает пути наиболее оптимального поиска значимых отличий на однопорядковых системообразующих языковых уровнях. [1, с.98]. «Благодаря этому принципу становится возможным отвлечься от таких различий в форме и семантике сопоставляемых слов, которые являются малосущественными, т.е. отнести их к типу эквивалентных отношений. Или, наоборот, на фоне этой эквивалентности, которая никогда не бывает полной, отыскать те или иные различия, могущие оказаться существенными в заданной системе координат сопоставления» [2, с.145]. Перевод художественного текста – это настоящее искусство, целая творческая деятельность, а переводчик художественных текстов – это тот же самый писатель, который практически заново пишет книгу, вновь создает ее для читателя, и без писательского навыка тут никак не обойтись. Сами переводчики считают художественный перевод одним из самых сложных. Художественный перевод с любого языка должен быть выполнен так, чтобы атмосфера сюжета, стиль автора сохранились в полной мере.

Как писал С.Я.Маршак «Поэзия перевода»: «Перевод стихов - высокое и трудное искусство. Я выдвинул бы два - на вид парадоксальных, но по существу верных - положения: Первое. Перевод стихов невозможен. Второе. Каждый раз это исключение. Прочитав перевод из Гейне, из Шиллера, Горация или Расула Гамзатова, читатель должен быть уверен, что он и в самом деле прочел стихи Гейне, Шиллера, Горация и Расула Гамзатова, что поэт-переводчик донес до него подлинные мысли и чувства поэтов, не потеряв ничего главного, основного, существенного. При этом степень вольности и точности перевода может быть различна - есть целый спектр того и другого. Важнее всего передать подлинный облик переводимого поэта, его время и национальность, его волю, душу, характер, темперамент».

Неудивительно, что художественный перевод имеет множество особенностей и, само собой, проблем, о которых мы и поговорим.

1. Полное отсутствие дословности в переводе. Художественный перевод не предполагает *дословность*, а тем более *пословность* при работе с текстом. Именно поэтому, художественный перевод вызывает множество разногласий в среде ученых и переводчиков. Часть ученых придерживается

мнения, что самые лучшие переводы получаются не тогда, когда переводчик следует синтаксическим и лексическим соответствиям, а когда специалист занимается своеобразным творческим изысканием. Практически получается воссоздание текста на другом языке. Некоторые же склоняются к мнению, что невозможно сохранить структуру текста, отходя в переводе от оригинала настолько сильно, как это делают переводчики художественных произведений. Особенно часто такие споры возникают касаясь поэзии. А означает это то, что если вы претендуете на звание специалиста по художественному переводу, вы должны быть немного писателем, немного фантазером и, конечно же, просто очень творческим человеком, способным проникнуть в самую суть текста.

2. Перевод устойчивых выражений (афоризмов, идиом и т.д.) Этот момент не так сложен, как мог бы показаться на первый взгляд. Он требует только большого словарного запаса и наличия специализированного словаря. Особенно это касается афоризмов, пословиц и поговорок, которые на разные языки переводятся абсолютно разными словами, но несут единый смысл. Богатый словарный запас у мастера художественного перевода должен быть обязательно.

3. Игра слов, юмор. Один из самых интересных моментов в художественном переводе – когда переводимый текст имеет юмористическую или ироничную подоплеку. Надо обладать особым мастерством, чтобы умудриться сохранить игру слов, которую подразумевает автор. Но практика показывает, что языковые совпадения при игре слов чрезвычайно редки. Что делать в этом случае? Допустимо данную игру слов просто опустить, а компенсировать ее, обыграв какое-то иное слово. Либо сделать так, как делает большинство переводчиков – поставить свое примечание с пометкой «игра слов». Само собой, обычная пометка не так интересна, как поиск варианта-замены. *Хотите, покажу вам великолепный пример мастерства переводчика?*

4. Соблюдение стиля, культуры и эпохи. Переводчик художественных текстов должен быть в какой-то мере исследователем. Трудно переводить текст другой эпохи, другой культуры, если вы не знакомы с ее особенностями. Не менее сложно работать с текстом, если он изобилует какими-то религиозными цитатами, сравнениями и т.д. Например, тексты арабских стран наполнены цитатами из Корана и сюжетами, намекающими опять же на него. Переводчик должен умудриться переработать текст так, чтобы он сохранил свой первозданный шарм, но остался интересным для читателя, говорящего на другом языке.

В.Н. Комиссаров формулирует следующие задачи лингвистической теории перевода:

1) раскрыть и описать общелингвистические основы перевода, т.е. указать, какие особенности языковых систем и закономерности функционирования языков лежат в основе переводческого процесса, делают этот процесс возможным и определяют его характер и границы;

2) определить перевод как объект лингвистического исследования, указать его отличие от других видов языкового посредничества;

3) разработать основы классификации видов переводческой деятельности;

4) раскрыть сущность переводческой эквивалентности как основы коммуникативной равноценности текстов оригинала и перевода;

5) разработать общие принципы и особенности построения частных и специальных теорий перевода для различных комбинаций языков;

6) разработать общие принципы научного описания процесса перевода как действий переводчика по преобразованию текста оригинала в текст перевода; 7) раскрыть воздействие на процесс перевода прагматических и социолингвистических факторов;

8) определить понятие «норма перевода» и разработать принципы оценки качества перевода.[4]

И.С. Алексеева сформулировала следующие основные требования сохранения компонентов стихотворной формы и системы образов:

1) сохранение размера и стопности;

2) сохранение каденции, то есть наличия или отсутствия заударной части рифмы, поскольку замена женской рифмы на мужскую меняет музыкальную интонацию стиха с энергичной, решительной на напевную, нерешительную; 3) сохранение типа чередования рифм: смежное — для песенного склада, перекрестное — для сюжетного повествования, опоясывающее — для сонетной формы;

4) сохранение полностью либо в основном звукописи;

5) сохранение количества и места в стихе лексических и синтаксических повторов;

6) поиск близкого аналога системе стихосложения оригинала;

7) адекватная передача средств выражения системы образов (стилистические, синтаксические, морфологические, характер тропов, лексикология, узус и кодификация).

Важнейшей задачей переводчика является правильная передача поэтической формы стихотворного произведения [5.с.208].

Как отмечает Е. Г. Эткинд, любые стихи во всех случаях несут в себе отношение автора к изображаемому:

1) сюжет стихотворения,

2) образ поэта, создаваемый в каждом стихотворении. Он выделяет некоторые этапы поэтического перевода, при этом отмечая, что универсальных критериев для определения верности или точности перевода лирического текста нет: 1) поэзия внешней формы — «формальное сходство, аналогичная игра, в которой не играют особой роли ни чувство, ни мысль»; 2) поэзия мысли — донесение до читателя хода мысли автора в полной неприкосновенности;

3) поэзия образов — «проблема при романтической поэзии, где мысль никогда не бывает выражена в прямых словах, где сущность произведения обычно составляет его эмоциональная настроенность, воплощённая в пластическом образе»;

4) «вербальная точность» — максимальная словесная точность;

5) «далёкое близкое» — преобразование стиха.[6.с,431]

Художественный перевод — вопрос серьёзный, требующий внимания критики и оценки специалистов. Известно, что существует огромная проблема передачи лирического произведения на другой язык. Есть масса ограничений в стихотворном тексте, которые мешают сделать адекватный перевод. Поэтому крайне важно, чтобы художественными и поэтическими переводами занимался высокий профессионал.

В теории перевода художественных текстов бытует следующее мнение: *«оригинал художественного текста, изначально написанный для читателей своего языка, обладает своими национальными особенностями и характеристиками, которые характерны только для данного народа, практически не может быть в абсолютной точности воссоздан на языке другого народа»* [4.с.253]. Безусловно, с этим нужно согласиться. Ведь перевод художественных произведений можно в полной мере сравнить с искусством. Сложность перевода художественных текстов можно объяснить специфическими способами отражения мира в разных языках и различием культур, к которым принадлежат языки перевода и оригинала, из-за чего дословный перевод зачастую просто не в состоянии передать всю глубину художественного произведения. Далеко не каждый, даже практикующий, переводчик в состоянии качественно перевести художественное произведение, так как зачастую переводчику приходится не столько репродуцировать текст на иностранном языке, сколько создавать его заново, предварительно всесторонне осмыслив оригинал. Для создания грамотного литературного перевода переводчик должен обладать умением

интерпретации игр слов, способностью передачи художественных образов. Следовательно, переводчик художественных произведений – это не просто человек в совершенстве владеющий двумя языками, это также и писатель.[7]

Необходимым фактором для полноценного филологического восприятия художественного текста является вопрос о соотношении языковых средств и их разнообразного эстетического функционирования в контексте художественной литературы. И хотя в эстетической организации текста участвуют единицы всех уровней, главная роль все же принадлежит слову как основной единице языка, вокруг которой организуются все остальные единицы и понятия нашей науки. Нисколько не умаляя значения других аспектов языка, можно сказать, что сила художественного воздействия заключается, прежде всего, в словах. Попадая в художественный контекст, слово оказывается обращенным не только к реальной действительности, но и к творчески созданному в художественном произведении особому миру. Будучи обусловлено художественным заданием писателя, слово обогащается эстетическими приращениями смысла, начинает жить по законам сложного эстетического целого. Оно предстает во всем богатстве нюансов и красок, становится орудием образного мышления.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что перевод лирических и прозаических текстов – это один из самых сложных видов перевода, поскольку такой перевод носит относительно свободный характер. Иначе говоря, окончательного варианта перевода здесь быть не может, так как каждый переводчик по-своему интерпретирует и переводит на родной язык поэтические образы. Невозможность найти прямые языковые и, что более важно, метрические соответствия оставляет возможность для бесчисленного количества интерпретаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В.В. Дубичинский. Лексикография русского языка. Москва. 2008.
2. В.Н. Манакин. Основы контрастивной лексикологии: близкородственные и родственные языки – Киев; Кировоград, 1994.
3. С.Я. Маршак. Портрет или копия? (Искусство перевода). Москва. 1990.
4. В. Н. Комиссаров. Теория перевода. Москва. 1990.
5. И.С. Алексеева. Профессиональный тренинг переводчика: учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. 2001.
6. Е. Г. Эткинд. Поэзия и перевод. Л.: Сов. писатель, 1963.
7. М. А. Сирипля, В. А. Кан. Некоторые проблемы перевода художественных текстов.

Курбанов М. А. ф.ф.ф.д. (PhD),

Андижон давлат чет тиллари институти доценти
e-mail: adusifat@gmail.com

Вахидова Н.З.

Андижон давлат чет тиллари институти
магистранти

МУЛОҚОТДА ПАРАЛИНГВИСТИК ВОСИТАЛАРНИНГ РОЛИ ВА ЎРНИ

Аннотация. Мазкур мақола паралингвистик (новербал) воситаларни мулоқотда мустақил маъно ва мазмун ифода этиб, вербал воситаларнинг имконияти чекланганда лингвистик жараён сифатида мулоқотда иккиламчи эмас, балки асосий алоқа воситаси ўрнида қўллаш мумкинлиги таҳлилига бағишланган.

Мақолада нOVERBAL ва вербал воситаларнинг мулоқотда параллел қўлланилишига оид тадқиқот натижалари келтириб ўтилган.

Калит сўзлар: нOVERBAL мулоқот, вербал мулоқот, паралингвистик воситалар, нOVERBAL воситалар, вербал воситалар, имо-ишоралар, бадан тили

Курбанов М.А., д.ф.ф.н. (PhD),
доцент Андижанского государственного института
иностранных языков,
e-mail: adusifat@gmail.com

Вахидова Н.З.

магистрант Андижанского государственного
института иностранных языков

РОЛЬ И МЕСТО ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ОБЩЕНИИ

Аннотация. Данная статья посвящена анализу возможности использования паралингвистических (невербальных) средств коммуникации в качестве основного, а не второстепенного средства общения и как языкового процесса при выражении самостоятельного смысла и содержания в общении.

В статье представлены результаты исследования параллельного использования невербальных и вербальных средств в общении.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, вербальная коммуникация, паралингвистические средства, невербальные средства, вербальные средства, жесты, язык тела

Инсон дунёдаги энг ақлли, онгли мавжудот саналади. Унинг гавда тузилиши мукамал, тана аъзолари ҳам энг кўркам, ҳаракатчандир. 3.Мираҳмедованинг таъкидлашича, инсон гавдаси 10000 дан ортиқ узвни ўзида бирлаштириб туради⁷. Бош, кўз, қош, тил, тиш, кулоқ, бурун, елка, қўл, оёқ каби таянч узвлар эса бутун ҳаракатни муқобиллаштириб, бошқариб туради. Инсондан бошқа жонзотларга ато этилмаган тилнинг юзага чиқишида ҳам беихтиёр уларнинг иштироки кўзга ташланади. Инсонлар мулоқотга киришганида фақат нутқ аппаратини ташкил этувчи ўпка, бўғиз бўшлиғи, оғиз бўшлиғи, тил, тиш, лаблари билан эмас, балки кўз, қош, юз, бурун, қўл, оёқ ва бошқа тана аъзолари билан ҳам ҳаракатга келади. Мазкур хатти-ҳаракат ва имо-ишоралар тилшуносликда *паралингвистик воситалар* ёки *бадан тили* деб юритилиб, новербал мулоқотнинг компоненти саналади.

Паралингвистика (юнон тилида “*para*” – атрофида ва “*linguistics*” – лингвистика сўзларидан олинган) – 1) нутқий алоқада вербал воситалар билан бирга қўшимча ахборот бериш учун мўлжалланган новербал (вербал тилга оид бўлмаган) воситаларни ўрганишни ўз ичига олган тилшунослик бўлими; 2) нутқий мулоқотда фойдаланиладиган новербал воситалар умумийлигига айтилади⁸. Маълумки, вербал мулоқот инсон тафаккури ва ҳис-туйғуларининг ўзига хос инъикоси саналади. Ахборот алмашинув жараёнида иштирокчилар кўнглида кечаётган ҳолат уларга яққол кўриниб турмайди. Шунга мос равишда олинаётган маълумотларнинг тўғри ёки нотўғри эканлигини аниқлаш мушкул бўлади. НOVERBAL мулоқотда эса инсон тана ҳаракатлари кўриниб туради, амалга оширилган ҳар бир ҳолат ахборотнинг чин ёки ёлғон эканлигини аниқлашга хизмат қилади.

Лингвистик ва паралингвистик воситалар, аслида, бир-бирини тўлдирувчи амалий имкониятлардир. Улардан қай даражада фойдаланиш инсоннинг ҳаётий тажрибаси, билим ва малакаси, ижтимоий мавқеи, одоб-ахлоқига ҳар томонлама боғлиқ. Масалан, инглиз тадқиқотчилари паралингвистик воситаларни просодия, интонация, овоз оҳанги ва товуш баландлиги каби методлар асосида **paralinguistics, paralanguage, body language** атамалари билан атаб уни метакоммуникациянинг компоненти сифатида ҳиссиётни намойиш этиш ёки ахборот мазмунини ўзгартириш воситаси эканлигини таъкидлашади⁹.

⁷ Мираҳмедова З. Ҳозирги ўзбек тилининг анатомик терминологияси: Филол. фан. номз. дис.... – Тошкент, 1994. – Б. 21.

⁸ Ярцева В. Большой энциклопедический словарь. 2-е издание. – М.: "Большая Российская энциклопедия", 1998. – С. 367.

⁹ Trager G. The typology of paralanguage. Anthropol. Linguist. 3 (1), 1961; Бэрн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных, Эксмо, 1968; Mehrabian A. Silent Messages: Implicit Communication of Emotions and Attitudes (англ.). 2-nd. Belmont, CA: Wadsworth, 1980; Argyle M. Bodily Communication. – London: Methuen. 2-nd. 1988; Poyatos F. Nonverbal Communication across Disciplines. Amsterdam/Philadelphia. John Benjamins B.V., 2002; Пиз А. Язык телодвижений. – М.: Эксмо, 2003.

МДХ давлатлари тилларида, шу жумладан, ўзбек тилшунослигида ҳам рус тилшунослиги таъсирида деярли бир хил таърифлар берилган. Жумладан, **новербал мулоқот** – инсонлар ўртасида сўз (вербал)сиз маълумот узатиш, имо-ишора ҳаракатлари, юз ифодалари, пантомимика, нутқ ва тил воситаларига эга бўлмаган ҳолда тасвирлар, интонациялар ва белгилар шакли; **паралингвистик воситалар** (новербал воситалар) – нOVERбал мулоқот компонент шакли ва уларнинг турлари; **тана мулоқоти** (тана тили, бадан тили) – фикрлар, ҳис-туйғулар, эмоцияни онгли равишда узатиладиган тананинг турли қисмларининг позициялари ва ҳаракатларнинг аломатлари, яъни юз ифодалари, имо-ишоралар, гавда ҳолатлари (позалар), юриш ва бошқалар¹⁰.

Айтиш жоизки, тадқиқотчиларнинг аксарияти нOVERбал мулоқот ва унинг компонентларини нолингвистик бирликлар сифатида баҳо беришган, уларни нутқда вербал мулоқотнинг эътибор берилмаган томонларини тўлдириш учун хизмат қилади холос, деб ҳисоблашган. Барча ишларда паралингвистик (новербал) воситаларнинг мулоқотдаги ўрни аниқ кўрсатиб ўтилган бўлса-да, унинг структурал тузилишига деярли эътибор қаратилмаган. Масалан, рус тилшуноси Г.Колшанский: “Паралингвистик воситалар субъектнинг вербал коммуникациясининг назардан четда қолган томонларини тўлдирадиган алоқа-аралашув қисмидир”, – деб айтади¹¹.

Ўзбек паралингвистикасининг асосчиларидан саналган А.Нурмонов ҳам Г.Колшанский фикрларини қўллаб-қувватлаган ҳолда имо-ишоралар вербал воситани тўла компенсация қилганда ҳам, вербал воситанинг изи – артикуляцияси сезилишини айтиб ўтган¹². Шунингдек, М.Саидхонов коммуникатив жараён учун хизмат қилувчи маълум ахборотни узатиш воситаларидан бўлган рамзлар, шартли белгилар, морзе тили, ишоралар ва бошқа бир қанча воситалар борки, улар ичида тил табиий, шу тил соҳиблари учун тушунарли, тайёр ҳолдаги алоқа воситаси саналишини айтиб, ишоралар, мимика, овоздаги турли ҳолатлар ва гавда ҳаракатлари алоқа-аралашув вазифасини бажаришдан қатъи назар мулоқотда иккиламчи восита вазифасини ўташини таъкидлаган¹³. Шунга қарамасдан, олимлар паралингвистик (новербал) воситаларнинг вербал воситалардан анча аввал пайдо бўлганлиги ва мулоқотда

¹⁰Николаева Т. Невербальные средства человеческой коммуникации и их место в преподавании языка //Роль и место страноведения в практике преподавания русского языка как иностранного. М.: 1969; Колшанский Г. Паралингвистика. – М.: Наука, 1974; Конечкая В. Социология коммуникации: учебник. – М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления. 1997; Нурмонов А. Ўзбек паралингвистик воситалари // Танланган асарлар. 1-жилд. – Т.: Академнашр, 2012; Саидхонов М. Алоқа-аралашув ва имо-ишоралар. Т.: Фан, 2008; Алиев И. Педагогика ва психология, – Т.: 2012.

¹¹ Колшанский Г. Паралингвистика. –М.: Наука, 1974. –С. 6.

¹² Нурмонов А. Ўзбек паралингвистик воситалари // Танланган асарлар. 1-жилд. –Т.: Академнашр, 2012 –Б. 161.

¹³ Саидхонов М. Алоқа-аралашув ва имо-ишоралар. –Т.: Фан, 2008. –Б. 3-18.

сухбатдошга асосий ахборотни етказиб беришда новербал воситалар катта ҳажмдаги ишни бажариши мумкинлиги тўғрисида фикр-мулоҳазаларни ҳам билдиришган. Жумладан, мазкур масалага А.Мейерабиан, А.Пиз, Э.Бэрн, И.Йилдирим, Т.Власова, В.Погольша, В.Куницина психологик, Н.Казаринова фалсафий, В.Конецкая, Ф.Игебаева социологик, И.Горелов психолингвистик, А.Садохин маданиятшунослик, О.Копач, Н.Курашкина, А.Плахотников ва уларнинг издошлари томонидан лингвистик аспектлар нуқтаи назаридан ёндашиб, айрим ҳолларда новербал воситаларнинг вербал воситалардан афзаллигини кўрсатиб беришган.

Кўриниб турибдики, паралингвистик воситалар (барча) тилларда муайян даражада тадқиққа тортилган. Аслида, улар амалиётда кўп ва ранг-баранг бўлгани боис тадқиқотларда ҳам турлича талқинлар учрайди. Олиб бориغان тадқиқот натижаларига кўра, новербал мулоқот инсонлар алоқа воситалари орасида энг қадимий шакли ҳисобланиб, тилнинг тўла шаклланишига қадар бошланғич вазифасига нисбатан барқарор ва самарали хизмат қилган. Шунингдек, нутқда вербал ва новербал воситалар биргаликда параллел қўлланилганда, нутқнинг таъсирчанлигини ошириб, мулоқотда бири иккинчисига нисбатан бирламчи ёки иккиламчи даражада бўлишидан қатъи назар биргаликда ахборотни кучайтириш ёки кучсизлантириш учун хизмат қилади. Мазкур жараёнлар нутқда новербал воситаларни вербал воситаларга нисбатан қўллаш вақти ва ўрни нуқтаи назаридан ҳам белгиланади. Масалан, ҳақорат сўзлар билан сийлаган шахс тингловчида салбий ҳис-туйғу уйғотади. Лекин нутқ аввалида ҳазилни ифодалаш учун биргина “*кўзини қисии*” ёки “*табассум қилии*” билан новербал компонентлар (*окулексик* ёки *мимика*)дан унумли фойдаланган шахснинг ҳақорат сўзлари тингловчида умуман салбий реакция уйғотмаслиги мумкин.

Юқоридаги фикрларни инобатга олиб, мулоқотда вербал ва новербал воситаларнинг параллел қўлланилиш тартиби, вақти ва ўрнига кўра, уларни қуйидаги тўртта гуруҳга ажратишни тавсия қиламиз:

а) новербал воситаларнинг олдинда келиши (pre-nonverbal) – аввал новербал воситалар, ундан сўнг вербал воситалардан фойдаланиш ҳолати (тингловчига ахборот беришда аввалига *кўз қисии* йўли билан айтилган сўзларни ҳазил-мутойиба сифатида қабул қилиш ҳолати ва бошқа).

Масалан: *У чап кўзини қисиб хурсанд кулди: – Ўша жонон каминанинг қўли остида кутубхонада ишляптилар.* (Ёкубов О. Аямажуз).

б) новербал воситаларнинг ўртада келиши (in-nonverbal) – вербал воситалар ўртасида новербал воситалардан фойдаланиш ҳолати (мулоқотда олинган ахборотга ўз муносабатини *жилмайиш* ёки *жиддийлаиши* орқали суҳбатни давом эттириш ёки эттирмасликни намоиш қилиши ва бошқа).

Масалан: – *Бо, менга зарил кептими!* – *Лобар лабини бурди.* – *Нозикхон ичмасалар ичмайман.* (Ғулом Ҳ. Тошкентликлар).

в) новербал воситаларнинг орқада келиши (post-nonverbal) – вербал воситалардан сўнг новербал воситалардан фойдаланиб ахборот бериш ҳолати (ахборотга ўз муносабатининг бошини иргаш ёки бошқа йўллар билан қисқача ифодаланиши ва мулоқот тутаганининг англатилиши).

Масалан: – *Мирзакаримбой жиянининг ишга тайёрлигидан рози каби кўлди-да, индамасдан ичкари кириб кетди.* (Ойбек. Қутлуғ қон).

г) новербал воситаларнинг вербал воситалар ичида аралаш ҳолда келиши (inter-nonverbal) – вербал воситалардан аввал ва сўнг новербал воситалардан фойдаланиш ҳолати (ахборот беришдан аввал ўз муносабатини новербал воситалар орқали билдириши ва мулоқоти охирида суҳбатни давом эттириш ёки эттирмаслигини ҳаракатлари билан намоиш қилиши ҳамда новербал воситалардан мустақил фойдаланиш имконияти чекланган вазият).

Масалан: *Оқсоқ Темир чап кўзини қисиб, менга бир қараб қўйди, сўнгра: – Кирсак мумкинми, гўзал қиз! – деди маънодир йўталиб.* (Ёқубов О. Аямажуз).

Мазкур фикр-мулоҳазаларни тушуниб етишнинг яна ҳам қулай бўлиши учун математиканинг нисбийлик назарияси формуласи асосида изоҳлашга ҳаракат қилдик (1.1-жадвалга қаранг).

1.1-жадвал

Вербал ва новербал воситаларнинг ўзаро қўлланиш тартиби			
1 – кўриниш	2 - кўриниш	3 - кўриниш	4 - кўриниш
НВ + ВВ (М)	ВВ (М) + НВ + ВВ (М)	НВ+ВВ (М) + НВ	ВВ (М) + НВ

Изоҳ: новербал восита – НВ, вербал восита – ВВ, матн – М.

Шу боисдан вербал ва новербал воситалар ўзаро қўлланиш шартларига кўра мулоқотда ахборот, прагматик ва экспрессив вазифаларини бажариб, вербал мулоқот ҳаракатсиз ва реал воқеликни акс эттиради. НOVERбал мулоқотда асосан имо-ишоралар ва юз ифодалари орқали индексланган белгилар, ҳис-туйғулар ва ўзаро муносабатлар ҳақида бирламчи маълумотни бериш устунлигини намоиш этади.

Шу ўринда бир нарсани алоҳида таъкидлаб ўтиш жоизки, новербал (паралингвистик) воситалар муайян халқнинг кўп йиллик тажрибаси ёки юзага келган мураккаб вазият тақозосига кўра юзага келади. Мисол учун бугунги пандемия шароитида саломлашишнинг қўл бериб кўришиши, елка қоқиши, қучоқлашиб кўришиши, ўпишиши каби новербал воситаларига таққ қўйилди ёки улар кундалик мулоқотдан пассив ҳолатга кўчди. Масофадан туриб қўлини

кўксига қўйиш, бошини иргаш, кўзи билан ишора қилиш, қўлини кўтариш, бош кийимини олиш сингари ҳолатлар эса кучайди.

Иккинчи бир томондан *мушт қилиб кўришиш, билагига тегиниш, оёғига енгил тегиб қўйиш* сингари янги саломлашиш турлари юзага келди. Аммо, буларга муваққат новербал воситалар деб қараш керак. Боиси, вазият изга тушиб кетса, яна асл ҳолатларга қайтиш табиий.

Кўринадики, новербал мулоқотни тадқиқ қилиш барча тилларда катта қизиқишларга ва баҳсларга омил бўлмоқда. Сабаби бугунги глобаллашув жараёнларида, виртуал майдонда инсонлар юзма-юз эмас, балки масофадан туриб мулоқот қилиш устуворлик касб этмоқда, вербал воситаларга нисбатан новербал (паралингвистик) воситалардан унумли фойдаланиш қулайликларни туғдирмоқда.

Айрим тадқиқотчилар мулоқотнинг мазмун-моҳияти ва вазиятга кўра новербал (паралингвистик) воситаларни турлича ифодаланишини ва бири-биридан том маънода фарқ қилишини инобатга олишмаган, десак муболаға бўлмайди. Чунки, бугунги кунда бевосита новербал мулоқотнинг бир бўлаги ҳисобланган қулоғи заифларнинг дактилология алфавити ва ушбу тоифадаги шахсларнинг мулоқот жараёни, шунингдек, кўзи ожизларнинг брайль, ҳарбийларнинг семафор ва морзе алфавитлари ҳамда уларнинг махсус кодланган шартли ёзувлари олимлар эътиборидан четда қолиб кетган ва лингвистика фанининг объекти сифатида қабул қилинмаган. Бу ўринда дастлаб имо-ишоралар ёрдамида мулоқот қилиш бошланганлиги ва айнан унинг эволюцияси натижасида аввал атамаларнинг келиб чиқиши (*ибтидоий одамлар томонидан кўзга кўринган нарсага умумном бериш ҳолатлари*), кейинчалик сўзлар ёрдамида жумлаларнинг тузилиши вужудга келганлигини эсдан чиқармаслик лозим.

Берилган фикр-мулоҳазалар ва назарий қарашларни инобатга олиб, барча тилларда новербал мулоқотнинг турлари, вазифалари ва уларнинг вербал мулоқотга нисбатан узвий боғлиқлиги юзасидан математика фанининг нисбийлик ва тенгсизлик назарий билимлари асосида қуйидагиларни баён этмоқчимиз:

1. Новербал воситалар вербал воситалар (мулоқот)га нисбатан компонент вазифасини ўтаб, қўшимча ахборот бериб келади. Масалан, суҳбатдош томонидан тингловчига маълумот бериш жараёнида *кўз қисиш, қўл бериш, жилмайиш* ва бошқалар.

2. Новербал воситалар (мулоқот) вербал воситалар (мулоқот) билан ўзаро уйғунлашган ҳолда, тенг ҳуқуқлилик тамойиллари асосида унинг айни маъносини такрорлаб келади. Масалан, суҳбатдошнинг вербал йўл билан салом бериш жараёнида *ўнг қўлини узатиши*. Бунда ҳар иккисини ҳам алоҳида бажариш орқали саломлашиш маъносини ифода этиш мумкин.

3. Вербал воситалар (мулоқот) айнан новербал воситаларга (новербал мулоқотга) нисбатан компонент вазифасини ўтаб келади. Масалан, узоқ масофадаги ёки қоронғуликда кўриш имконияти чекланган вақтда ишора ҳаракатлари (семафор) ёрдамида, чорраҳада ЙХХ назоратчиси бараварига (тахминан 200 та) ҳайдовчилар билан (дактилология) мулоқотида, театр залида (тахминан 1000 та) томошабинлар саҳнадаги актёрни бир вақтнинг ўзида қарсак чалиш (олқишлаш) билан миннатдорлик билдирганда ёки маҳаллий ҳукумат вакиллари томонидан аҳолини (тахминан 1 млн.) байрам билан мушакбозлик (салют) уюштириш орқали табриклаганда, вербал воситалар шунчаки аҳамиятсиз бўлиб қолиши мумкин (1.2-жадвалга қаранг).

1.2-жадвал

Вербал ва новербал воситаларнинг нисбийлик ва тенгсизлик асосида ўзаро вазифаларни бажариши		
1 – кўриниш	2 - кўриниш	3 - кўриниш
HB < BV	HB = BV	BV > HB (HBM)

Изоҳ: вербал восита – BV, новербал восита – HB, новербал мулоқот – HBM.

> катта белгиси – асосий мулоқот вазифасида,

< кичик белгиси – компонент вазифасида,

= тенглик белгиси – ўзаро уйғунлашган ҳолда тенглик асосида.

Шу сабабли, мулоқотда табиий тил имкониятларининг чекланиши (хоҳ у батамом бўлсин ёки қисман), аввало, тил ва унинг атрофидаги новербал (паралингвистик) воситаларнинг ривожланиб бораётганлигидан, илм-фан ва техника тараққиётида янгиликлар ва илмий тадқиқотларнинг ишлаб чиқариш ва корхона фаолиятига самарали таъсир кўрсатаётганидан далолат беради.

Иккинчи томондан глобаллашув жараёни туфайли генеологик жиҳатдан қардош бўлмаган ўзбек ва инглиз тиллари мулоқотида паралингвистик воситаларнинг тутган ўрни ва хусусиятларини аниқлаш, унинг вербаллашуви имкониятларини ўрганиш, вербализаторларнинг маданиятлараро мулоқотида умумий ва фарқли жиҳатларини замонавий тилшуносликнинг энг сўнгги ютуқларига таяниб, замонавий тилшунослик методлари асосида тадқиқ қилиш эҳтиёжи туғилмоқда. Шундай тадқиқотлар қаторига ўзбек ва инглиз тилларида “бахтлилик” ва “бахтсизлик” концептуал майдон бирликларини новербал воситалар орқали ифодаланишини таҳлил этиш вазифасини ҳам киритиш мумкин. Концептнинг мукамал моҳияти ва унинг тилда моддийлашуви ўртасида ўхшашлик мавжуд дея олмаймиз, чунки концепт лисонда аниқ бир сўзга боғланиш орқалигина воқеаланмайди, яъни тарқоқ ментал тузилма

сифатида тил бирликлариаро ёйилиб, бир қатор вербал ёки невербал воситалар орқали ифода планига эга бўлади.

Хулоса ўрнида шуни айтиш мумкинки, паралингвистик (новербал) воситаларнинг мулоқот жараёнида миллий урф-одатлар, қадриятлар, айрим шахслар, гуруҳлар ва ҳудудлар билан боғлиқ жиҳатлари ҳали тугал тадқиқ этилмаган. Айниқса, уларнинг вербал воситалар билан параллел равишда қўлланиш масаласи чуқур ўрганилмаган. Муаммога бундай ёндашув бизга инсон шахсининг руҳий-психологик портретини аниқлаштиришга, унинг хулқ-атвори, қизиқишларини ҳар томонлама ўрганишга ва таҳлил қилишга, инсоннинг физиологик тузилиши билан нутқий фаолиятининг ҳамшира бир-бирига чамбарчас боғлиқ ҳолда ҳаракатланишини ойдинлаштиришга яқиндан ёрдам бериши табиий. Зеро, тилшуносликнинг бош вазифаси инсон тилининг бутун икир-чикирларини ўрганишдан иборат. Юзаки қараганда аҳамиятсиз кўринган энг кичик унсур ҳам пировард натижада бутун бошли система ҳаракатини бошқарувчи энг муҳим элемент бўлиб чиқиши мумкин.

ФОЙДАЛАНИЛГАН АДАБИЁТЛАР

1. Argyle M. Bodily Communication. – London: Methuen. 2-nd. 1988;
2. Mehrabian A. Silent Messages: Implicit Communication of Emotions and Attitudes (англ.). 2-nd. Belmont, CA: Wadsworth, 1980;
3. Poyatos F. Nonverbal Communication across Disciplines. Amsterdam/ Philadelphia. John Benjamins B.V., 2002;
4. Trager G. The *typology of paralanguage*. Anthropol. Linguist. 3 (1), 1961;
5. Алиев И. Педагогика ва психология, – Т.: 2012.
6. Бэрн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных, Эксмо, 1968;
7. Колшанский Г. Паралингвистика. – М.: Наука, 1974;
8. Конечкая В. Социология коммуникации: учебник. – М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления. 1997;
9. Мираҳмедова З. Ҳозирги ўзбек тилининг анатомик терминологияси: Филол. фан. номз. дис.... . –Тошкент, 1994. –Б. 21.
10. Николаева Т. Невербальные средства человеческой коммуникации и их место в преподавании языка //Роль и место страноведения в практике преподавания русского языка как иностранного. М.: 1969;
11. Нурмонов А. Ўзбек паралингвистик воситалари // Танланган асарлар. 1-жилд. –Т.: Академнашр, 2012.
12. Пиз А. Язык телодвижений. –М.: Эксмо, 2003.
13. Саидхонов М. Алоқа-аралашув ва имо-ишоралар. Т.: Фан, 2008

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ
ГУМАНИТАРИСТИКИ: ФИЛОЛОГИЯ, МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ,
ПЕДАГОГИКА**

*Сборник материалов ежегодной международной научно-практической
конференции*

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 15, ком. 536

Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36

Подписано к использованию 25.05.2023.

Объем 100 экз. Электрон. текстовые данные. Заказ 466.

